

16 Марта.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXXI.   № 3—МАРТЪ.   1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I—официальная.

Рецензіи сочиненій, представленныхъ въ факультеты для пріобрѣтенія высшихъ учен. степеней. 1—14

Часть II—неофициальная.

I. Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV-го столѣтія. Опытъ изслѣдованія. Сочиненіе удостоенное золотой медали. —Студента Г. Грушевскаго . . . . . 1—56

II. Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Сочиненіе, удостоенное золотой медали. —Кандидата Н. Арабажина . . . . . 239—328

III. Принципъ наименьшаго дѣйствія въ связи съ преобразованиемъ дифференціальныхъ выраженій втораго порядка.—Проф. В. Ерманова . . . . . 1—16

IV. Исторія средневѣковой медицины.—Д-ра С. Ковнера . . . . . 1—32

Научная хроника.

V. Отчетъ и протоколы Физико - математическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ Св. Владимира за 1890 г. 1—92

Прибавленія.

I. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . 1—XII

II. Таблица метеорологическихъ наблюденій за январь 1891 г.

К І Е В Ъ.
1891.

121

206
1949

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

№ 3—МАРТЪ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.

В. І. Завадзкаго Большая-Васильковская улица, д. № 29—31.

1891.

Digitized by Google

Р^Δслав 392.10

✓

51 * 17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владимира.
Ректоръ *Θ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

Въ статьѣ г. Ковнера стр. 17, строка 1 сверху напечатано *De expertis*, слѣд. читать: *De expertis*.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Часть I—официальная.

	СТР.
Рецензіи сочиненій, представленныхъ въ факультеты для приобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней . . .	1—14

Часть II—неофициальная.

I. Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV-го столѣтія. Опытъ изслѣдованія. Сочиненіе удостоенное золотой медали.—Студента Г. Грушевскаго	1—56
II. Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Сочиненіе, удостоенное золотой медали.—Кандидата К. Арабаджина	239—328
III. Принципъ наименьшаго дѣйствія въ связи съ преобразованиемъ дифференціальныхъ выраженій втораго порядка.—Профессора В. Ермакова	1—16
IV. Исторія средневѣковой медицины.—Д-ра С. Ковнера	1—32

Научная хроника.

V. Отчетъ и протоколы Физико-математическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ Св. Владимира за 1890 годъ.	1—92
---	------

П р и б а в л е н і я.

I. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . .	I—XII
II. Таблица метеорологическихъ наблюденій за январь 1891 годъ.	

Рецензіи сочиненій, представленныхъ въ факультеты для пріобрѣтенія высшихъ ученыхъ степеней.

I. Рецензія соч. магистра Н. Любовича: „Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ, В. 1890“ представленнаго, въ историко-филологической факультетъ для получения степени доктора всеобщей исторіи.

Книга, представленная г. Н. Любовичемъ для получения степени доктора всеобщей исторіи, подъ заглавіемъ: „Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ“ (Варшава 1890 г.), посвящена изслѣдованію сравнительно весьма небольшого періода времени въ исторіи Польши и польской реформаціи (съ 1564 г. по 1577 г.), но тѣмъ не менѣе имѣвшаго весьма важное и существенное значеніе въ историческихъ судьбахъ польскаго государства. То было время, когда зарождалась реакція реформаціонному движенію, возникло возрожденіе католицизма, подготовлялась почва для того господства и вліянія духовенства, которое нѣсколько времени спустя уничтожило даже слѣды протестантскаго духа въ странѣ. Періодъ, несомнѣнно, существенный въ жизни народа, но совершенно почти неизслѣдованный въ деталяхъ, мало извѣстный и въ общемъ. Изслѣдователи обходили его молчаніемъ. И это понятно, если вспомнимъ, что самые источники, доступные всѣмъ, были скудны, что лишь незначительная часть ихъ, да и то преимущественно въ послѣдніе годы, была издана, что, наконецъ, самая важная и самая значительная часть ихъ хранилась нетронутою въ различныхъ архивахъ Европы и Польши.

Первая и самая существенная заслуга автора разсматриваемаго труда заключается въ розысканіи и открытіи значительной части этого мало извѣстнаго архивнаго матеріала, въ томъ, что онъ впервые воспользовался имъ. Двоякаго рода задача стояла предъ

нимъ: ему необходимо было, прежде всего, показать, въ какомъ состояніи находилось реформаціонное движеніе въ Польшѣ послѣ того, какъ въ началу шестидесятыхъ годовъ оно достигло апогея своего развитія, выяснить, каковы были тѣ дѣйствительныя, обеспечивающія будущее силы, какими располагало оно, и, во вторыхъ, прослѣдить шагъ за шагомъ измѣненія общественнаго мнѣнія, какъ происходили они подъ дѣйствіемъ какъ вліяній извнѣ, шедшихъ изъ Рима и обусловливаемыхъ начавшимся въ Европѣ католическимъ возрожденіемъ, такъ и внутреннихъ причинъ, созданныхъ общественными отношеніями въ самой Польшѣ. Отсюда, необходимость изученія архивнаго матеріала троякаго рода. „Чтобы, выяснить роль Рима въ исторіи возрожденія католицизма въ Польшѣ“, авторъ долженъ былъ „работать въ тайномъ ватиканскомъ архивѣ, въ бібліотекахъ: ватиканской, Боргезе и многихъ другихъ, а также въ венеціанскомъ государственномъ архивѣ“, и сверхъ того изучить переписку выдающагося дѣятеля возрожденія католицизма, кардинала Гозія, изъ фрауенбургскаго епископскаго архива (авторъ пользовался копіями съ нея въ Краковѣ). „Чтобы собрать матеріалы для реформаціоннаго движенія въ Польшѣ“ въ разсматриваемую эпоху, онъ долженъ былъ обратиться, главнымъ образомъ, къ перепискѣ польскихъ нововѣрцевъ, хранящейся въ архивахъ Швейцаріи, въ особенности города Цюриха“, т. е. главнымъ образомъ къ собранію бумагъ Землера, о которомъ авторъ напечаталъ раньше цѣлую статью (Варшавскія Унив. Извѣстія 1886 г., № 8). Наконецъ, съ цѣлью ознакомиться съ движеніемъ, происходившимъ въ лонѣ самой католической польской церкви, онъ счелъ себя обязаннымъ произвести розысканія въ разныхъ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ архивахъ. Такъ, онъ пользовался документами бібліотекъ Чарторыйскихъ, Рачинскихъ (въ Познани), рукописями Венгерскаго (касательно синодовъ), бумагами краковскаго капитула, бреславскаго архива и т. п.

Значительною частью собраннаго матеріала, пополняемаго какъ уже изданными документами, такъ и современными разсматриваемой имъ эпохѣ литературными и историческими трудами, авторъ съ большимъ искусствомъ воспользовался въ своей книгѣ. Мало того, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ исправилъ ошибки издателей (напр. Theiner'a), онъ въ своемъ трудѣ, въ примѣчаніяхъ къ тексту, представилъ и весьма значительную груду выписокъ изъ открытыхъ имъ докумен-

товъ, выписокъ, облегчающихъ изученіе его работы, могущихъ служить и повѣрью его выводовъ.

Опираясь на этотъ богатый собранный имъ матеріалъ, авторъ даетъ рядъ весьма цѣнныхъ фактическихъ выводовъ относительно значенія избраннаго имъ періода, выводовъ, являющихся несомнѣннымъ результатомъ его личныхъ изысканій. Такъ, онъ отодвигаетъ гораздо далѣе назадъ, чѣмъ то думали прежде, проявленіе первыхъ симптомовъ католическаго возрожденія въ Польшѣ, затѣмъ, далѣе, устанавливаетъ вполне тотъ весьма интересный и важный фактъ, что возрожденіемъ своимъ въ Польшѣ католицизмъ не былъ обязанъ, какъ то утверждали, исключительно однимъ іезуитамъ, роль которыхъ, какъ то г. Любовичъ доказалъ въ своемъ трудѣ, вовсе не была выдающеюся въ періодъ времени до 1577 года, и которымъ, слѣдовательно, вовсе не принадлежала честь утвержденія католицизма въ Польшѣ, торжества его надъ реформаціоннымъ движеніемъ.

Я не буду указывать на рядъ другихъ, весьма любопытныхъ и прочно, во многихъ случаяхъ, обоснованныхъ выводовъ автора, а обращусь прямо къ изложенію, въ общихъ чертахъ, содержанія книги.

Въ изложеніи событій авторъ придерживается весьма строго выдержаннаго хронологическаго порядка. Его книга—подробный послѣдовательный рассказъ, имѣющій въ виду ознакомить читающаго во всей подробности съ тѣмъ, какъ постепенно возрождался католицизмъ въ Польшѣ, ослабѣвало и падало реформаціонное движеніе. Изслѣдованію причинъ, въ особенности причинъ общаго характера, создавшихъ новое теченіе въ общественномъ мнѣніи, все болѣе и болѣе склонявшемся изъ католицизму, онъ отводитъ мало мѣста, касается ихъ вскользь вставляя ихъ то тамъ, то сямъ и мимоходомъ въ общую канву рассказа. Его главная цѣль—констатировать лишь ходъ событій, что,—въ виду новости изслѣдуемаго матеріала,—является наиболее удобною формою изложенія. Самый рассказъ ведется то отдѣльно для каждаго изъ двухъ теченій, т. е. католическаго и реформаціоннаго, то совмѣстно для обоихъ, тамъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оба они приходили въ столкновеніе, и весь онъ сгруппированъ въ 8 главъ. Первые двѣ главы всецѣло посвящены изложенію зародышей движенія, приведшаго къ возрожденію католицизма въ Польшѣ. Въ одной авторъ старается показать намъ, какъ пало духовенство въ Польшѣ, до какого низкаго уровня дошло оно въ моментъ наибольшаго развитія ре-

формаціоннаго движенія. Это—картина весьма полная и обстоятельная жалкаго нравственнаго состоянія церкви и духовенства въ то время въ Польшѣ, картина, основанная на массѣ данныхъ рукописныхъ, данныхъ, взятыхъ изъ отчетовъ визитацій разныхъ епископствъ. Къ сожалѣнію, авторъ оставилъ безъ разсмотрѣнія другую сторону дѣла: общественное и экономическое положеніе церкви и духовенства въ Польшѣ, положеніе, какъ извѣстно, весьма оригинальное, соответствующее до нѣкоторой степени тому, чѣмъ было духовенство въ Англии, и тѣмъ не далъ возможности читающему выяснитъ во всей полнотѣ характеръ той роли, которую оно играло въ возрожденіи католицизма.

Во второй („Нунцій Коммендоне“) авторъ уже слѣдитъ за первыми признаками начинающагося возрожденія. Это—одна изъ наиболѣе важныхъ главъ книги, такъ какъ большая часть ея представляетъ собою совершенно новыя данныя: вся она основана на документахъ ватиканскаго архива, отчетовъ нунціевъ (*nunziatura di Roma*). Крупная роль Рима и въ частности Коммендоне въ созданіи агентовъ возрожденія *сплоченіе* разрозненныхъ и слабыхъ силъ церкви выставлена и обрисована авторомъ съ большою подробностью и убѣдительностью. Съ другой стороны, здѣсь же, хотя, къ сожалѣнію, въ болѣе общихъ чертахъ указаны и признаки поворота въ общественномъ мнѣніи, обрисованы и зачатки реакціи въ самомъ обществѣ противъ реформации, зачатки, выразившіеся въ усиленномъ отложеніи отъ ереси, въ пробужденіи усердія къ дѣлу защиты интересовъ церкви. Изъ изложенія автора ясно видно, что въ этотъ моментъ, моментъ перваго пребыванія Коммендоне въ Польшѣ, уже была хотя и слабо подготовлена почва для близкаго возрожденія.

Въ слѣдующихъ главахъ авторъ переноситъ насъ въ среду реформаторовъ и нововѣрцевъ. Съ большимъ искусствомъ рисуетъ онъ картину внутренняго состоянія нововѣрцевъ, ту внутреннюю вражду и борьбу, которыя все болѣе и болѣе разгораются въ средѣ протестантовъ между тѣми различными толками, на которыя распалось реформаціонное движеніе. На антитринитаризмъ, какъ на сектъ, теперь съ 64 г. получившей особенно сильное развитіе въ Польшѣ, авторъ останавливается съ особенною подробностью, и главы, посвященные этому, лучшія въ книгѣ, и вмѣстѣ первый и наиболѣе полный сводъ данныхъ по исторіи этой ереси, имѣвшей значеніе и для областей Ю. Россіи. Авторъ видитъ въ развитіи толковъ между протестантами

одну изъ главныхъ причинъ ослабленія реформаціоннаго движенія, и подробно описываетъ намъ ту вражду, ту ненависть, которыя раздѣляли ихъ, раздѣляли чешскихъ братьевъ отъ протестантовъ, этихъ послѣднихъ отъ ненавистныхъ имъ антитринитаріевъ, въ свою очередь распадавшихся на толки и относившихся враждебно къ зарождавшемуся анабаптистскому движенію, быстро распространявшемуся въ Польшѣ. Успѣхи радикальныхъ сектъ, какъ утверждаетъ авторъ, ослабляли реформаціонныя силы, но противодѣйствіе имъ, въ виду раздоровъ внутри болѣе правовѣрныхъ сектъ, не въ силахъ было сплотить ихъ для борьбы и съ радикальными сектантами, и съ католицизмомъ и католическимъ духовенствомъ. Правда, попытки къ объединенію были сдѣланы, состоялось Сандомірское соглашеніе, но въ специальной главѣ (глава 5), посвященной этому соглашенію, авторъ, пользуясь массою открытыхъ имъ документовъ, съ поразительною ясностью показываетъ, какъ непрочно было это соглашеніе и какъ мало практическихъ результатовъ имѣло оно.

Обрисовавши двѣ силы, два главныя теченія, существовавшія въ польскомъ обществѣ въ шестидесятыхъ годахъ, авторъ въ послѣднихъ трехъ главахъ изображаетъ намъ взаимныя отношенія этихъ силъ въ періодъ наиболѣе интересный и важный въ исторіи Польши, въ періодъ безкоролья и перваго, и втораго, до созванія Петровскаго синода 1577 года, синода, въ которомъ онъ видитъ первый симптомъ побѣды, одержанной въ Польшѣ католицизмомъ и католическимъ духовенствомъ. Эти три главы представляютъ собою весьма обстоятельный и полный рассказъ о всѣхъ перепетіяхъ борьбы протестантизма съ католицизмомъ, о всѣхъ колебаніяхъ этой борьбы, усложненной и борьбою политическихъ и общественныхъ интересовъ, и дипломатическими вмѣшательствами, и интригами Рима, на которыхъ авторъ останавливается съ особенною подробностью, сообщая рядъ новыхъ и любопытныхъ данныхъ изъ ватиканскаго архива, и новымъ явленіемъ въ жизни Польши, — проявленіемъ духа фанатизма, выказывающагося впервые въ разореніи и разрушеніи кальвинской церкви въ Краковѣ въ 1574 г. и обнаруживающаго вполне ясно успѣхи возрожденія католицизма.

Таково содержаніе книги въ самыхъ общихъ чертахъ. Оно въ связи съ тѣмъ, что сказано было выше относительно источниковъ, которыми пользовался авторъ, ясно показываетъ, что новая книга г.

Любовича, не смотря на нѣкоторую неполноту ея, на отсутствіе попытки выяснить общія причины упадка реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, представляет собою цѣнный вкладъ въ науку. Это первый, но въ тоже время весьма обстоятельный, основанный на достоверныхъ, проверенныхъ и неизданныхъ источникахъ трудъ по разсматриваемой эпохѣ.

Поэтому я считаю вполне возможнымъ, не прибѣгая къ дальнѣйшей мотивировкѣ моего мнѣнія, предложить факультету признать представленную г. Любовичемъ книгу всецѣло достойною той цѣли, для которой она написана.

Профессоръ И. Лучицкій.

II. Рецензія соч. лекаря Д. Родзаевского: „Къ вопросу о разложеніи въ организмѣ и объ антипиретическомъ дѣйствіи нѣкоторыхъ соединеній салициловой группы, К. 1890“, представленнаго въ медиц. факультетъ для приобрѣтенія степени доктора медицины.

Представленное въ медицинскій факультетъ въ качествѣ диссертациі для полученія степени доктора медицины лекаремъ Родзаевскимъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о разложеніи въ организмѣ и объ антипиретическомъ дѣйствіи нѣкоторыхъ соединеній салициловой группы“ имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе ближайшихъ причинъ жаропонижающаго эффекта, въ особенности же отношенія послѣдняго къ антисептическимъ и антиферментативнымъ свойствамъ салициловыхъ препаратовъ.

Въ первой главѣ своего труда г. Родзаевскій подробно и обстоятельно разбираетъ многочисленныя работы и въ высшей степени разнообразныя и противурѣчивыя мнѣнія авторовъ, занимавшихся до сихъ поръ изслѣдуемымъ имъ вопросомъ, причемъ онъ констатируетъ, что теоретическая сторона ученія о терапевтической роли веществъ салициловой группы находится и по настоящее въ крайне неопредѣленномъ положеніи.

Вслѣдъ за тѣмъ, во второй части диссертациі, авторомъ описываются главнѣйшіе, произведенные имъ опыты. Въ виду того, что большая часть изслѣдователей, какъ Kolbe, Köhler и др. пришли къ тому заключенію, что замѣчательныя свойства значительныхъ приѣмовъ салициловаго натра, понижающія температуру при лихорадочныхъ болѣзняхъ, не находятся въ непосредственной связи съ антисептическимъ дѣйствіемъ, которымъ обладаетъ свободная, и, по имѣющимся доселѣ даннымъ, только лишь свободная салициловая кислота, опыты автора

были направлены преимущественно на рѣшеніе вопроса, выдѣляется ли, и при какихъ именно условіяхъ можетъ выдѣляться въ тканяхъ организма салициловая кислота изъ образовавшагося въ крови нейтральнаго салицилата. Наиболѣе важныя, полученные при этихъ опытахъ, результаты слѣдующіе:

1) Салициловые препараты, аплицированные въ видѣ свободной салициловой кислоты или ея соли, равно какъ и другія соединенія этой группы, превращающіяся въ организмѣ въ салициловую кислоту, главной своей массой циркулируютъ въ крови и въ тканяхъ организма въ связанномъ видѣ (нейтральная соль).

2) Но уже при нормальныхъ условіяхъ жизнедѣятельности организма, въ тканяхъ послѣдняго, но не въ крови, значительная часть этой нейтральной соли является въ видѣ свободной салициловой кислоты.

3) Въ крови, вслѣдствіе отсутствія условій, благопріятствующихъ освобожденію кислоты изъ салицилата, она находится въ связанномъ видѣ.

4) Съ нарушеніемъ въ организмѣ респираторнаго квотіента, при асфиксіи, удается извлечь эфиромъ свободную салициловую кислоту и изъ крови, но послѣдняя въ общемъ содержитъ меньшія количества кислоты, чѣмъ ткани органовъ.

5) При лихорадочныхъ процессахъ разложеніе салицилата локализуется въ тѣхъ же органахъ, что и въ нормальномъ организмѣ. Повышенія диссоціаціи соли обыкновенно при нихъ не наблюдается, а при септицеміи количество свободной салициловой кислоты, повидимому, уменьшено.

6) Поэтому, напряженіе углекислоты въ крови и тканяхъ организма, признаваемое проф. Vinz'емъ за *primus movens* разложенія нейтральной соли въ организмѣ, не играетъ существенной роли въ актѣ освобожденія салициловой кислоты, хотя этимъ не исключается косвенное значеніе ея въ этомъ актѣ.

7) Салоль и салицинъ подвергаются разложенію не въ силу той или другой химической реакціи среды, съ которой они приходятъ въ прикосновеніе, но преимущественно подъ вліяніемъ ферментныхъ элементовъ и продуктовъ ихъ дѣятельности. Причемъ расщепленіе салицина въ желудочно-кишечномъ каналѣ заканчивается образованіемъ изъ него салигенина.

Наконецъ, въ послѣдней части своей диссертациі г. Родзаевскій, на основаніи какъ собственныхъ опытовъ, такъ и изслѣдованій своихъ предшественниковъ, старается выяснитъ ближайшія причины антипиретическаго дѣйствія салициловой кислоты. Но нельзя не замѣтить, что до сихъ поръ далеко не исчерпаны всѣ, притомъ вполне доступные, методы и способы для рѣшенія этого вопроса, а потому сдѣланные авторомъ въ этомъ отношеніи выводы оказываются преждевременными и недостаточно мотивированными.

Принимая, однако, во вниманіе, что автору удалось, путемъ тщательныхъ опытовъ, достигнуть вполне опредѣленныхъ, положительныхъ результатовъ и установить нѣкоторые интересные факты, факты, которые могутъ служить матеріаломъ для окончательнаго рѣшенія и только что упомянутаго вопроса, я нахожу, что работа г. Родзаевского соответствуетъ той дѣли, съ которой она представлена въ факультетъ, и заслуживаетъ быть допущенной къ защитѣ для пріобрѣтенія степени доктора медицины.

Заслуженный орд. проф. Э. Гейбель.

III. Рецензія того же соч. лекаря Д. Родзаевского.

Въ представленной работѣ авторъ поставилъ себѣ задачей рѣшить вопросъ, на чемъ основано жаропонижающее дѣйствіе соединеній салициловой группы, зависитъ ли оно отъ ихъ антиферментативнаго свойства, или же происходитъ независимо отъ послѣдняго.

Изложивъ противурѣчивыя мнѣнія различныхъ ученыхъ по данному вопросу, авторъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что салициловая кислота въ свободномъ видѣ дѣйствуетъ на различные ферменты значительно сильнѣе, чѣмъ ея соли, между тѣмъ какъ жаропонижающее дѣйствіе обоихъ препаратовъ приблизительно одинаково. Рѣшеніе вопроса относительно ближайшихъ причинъ терапевтическаго дѣйствія салициловой кислоты стоитъ поэтому прежде всего въ связи съ вопросомъ, въ какомъ видѣ находится салициловая кислота

при внутреннемъ употребленіи ея препаратовъ въ крови и въ различныхъ органахъ, въ свободномъ ли состояніи или въ связанномъ, т. е. въ видѣ солей. Произведенныя въ этомъ направленіи до сихъ поръ изслѣдованія не привели къ окончательному результату.

Для разъясненія этого вопроса Д. К. Родзаевскій произвелъ цѣлый рядъ опытовъ надъ различными животными, впрыскивая имъ ренор или подъ кожу салициловый натръ, салициловую кислоту, салицилинъ и салигенинъ. Спустя нѣкоторое время послѣ впрыскиванія—черезъ $\frac{1}{4}$, 3—6 часовъ—кровь и различные органы животныхъ изслѣдовались на свободную кислоту и на салицилаты. Опыты были произведены частью надъ нормальными животными, у которыхъ впрыскиваніемъ гніющихъ веществъ было вызвано лихорадочное состояніе, или у которыхъ количество угольной кислоты въ крови было увеличено искусственной асфиксіей. Для изслѣдованія крови и различныхъ органовъ на свободную кислоту авторъ воспользовался свойствомъ нейтральнаго ээира легко растворять салициловую кислоту, вовсе не растворяя салициловаго натра. Для изслѣдованія на салицилаты остатки органовъ, обработанныхъ первоначально ээиромъ, подвергались дѣйствию соляной кислоты и потомъ вновь экстрагировались ээиромъ. Реактивомъ на салициловую кислоту служилъ разведенный растворъ полуторохлористаго желѣза, дающаго, какъ извѣстно, съ салициловой кислотой фіолетовое окрашиваніе.

Произведено было болѣе 130 опытовъ и получены слѣдующіе результаты: какъ у нормальныхъ, такъ и у лихорадящихъ животныхъ салициловые препараты находятся въ крови и въ тканяхъ главнымъ образомъ въ связанномъ видѣ, частью же, именно въ тканяхъ, но не въ крови—и въ видѣ свободной кислоты.

Д. К. Родзаевскій разбираетъ далѣе, чѣмъ обусловливается разложеніе салицилатовъ въ организмѣ, и, на основаніи произведенныхъ для разъясненія этого вопроса опытовъ и нѣкоторыхъ литературныхъ данныхъ, приходитъ къ заключенію, что такое разложеніе салицилатовъ зависитъ отъ различныхъ причинъ, какъ-то: отъ дѣйствія органическихъ кислотъ и кислыхъ солей, а также подъ вліяніемъ неорганизованнаго бѣлка и форменныхъ элементовъ, дѣйствующихъ подобно ферментамъ.

Присутствіе свободной салициловой кислоты въ тканяхъ какъ бы говоритъ въ пользу того, что жаропонижающее дѣйствіе ея сто-

ить въ связи съ ея антиферментативнымъ свойствомъ. Авторъ справедливо, однако, указываетъ, что для окончательнаго рѣшенія этого вопроса необходимо обратить вниманіе и на всѣ остальные явленія, наблюдаемыя при употребленіи салицилатовъ. Главнымъ образомъ надобно убѣдиться, происходитъ ли пониженіе температуры въ этихъ случаяхъ отъ уменьшенія образованія тепла или отъ увеличенія тепловыхъ потерь. Если салицилаты дѣйствуютъ, благодаря ихъ антиферментативнымъ свойствамъ, то послѣ устраненія причины, вызывающей увеличенный обмѣнъ веществъ, слѣдуетъ ожидать уменьшенія образованія тепла въ организмѣ. Произведенныя же для рѣшенія этого вопроса нѣкоторыми учеными опыты, какъ и изслѣдованія, предпринятая самымъ авторомъ въ физиологическомъ институтѣ въ Мюнхенѣ, доказали, что подъ вліяніемъ салицилатовъ азотистый обмѣнъ веществъ даже увеличивается. Поэтому, по мнѣнію автора, жаропонижающее дѣйствіе салицилатовъ нельзя объяснить ихъ антиферментативнымъ свойствомъ, а слѣдуетъ приписать вліяніе ихъ на теплорегулирующіе аппараты и происходящее вслѣдствіе того увеличеніе тепловыхъ потерь. Последнее дѣйствительно и было доказано нѣкоторыми прямыми изслѣдованіями.

Представленная лекаремъ Д. К. Родзаевскимъ работа доказываетъ, что авторъ тщательно ознакомился съ необходимыми для подобныхъ работъ методами изслѣдованія, хорошо знакомъ съ литературой, касающейся разсматриваемаго имъ вопроса, и самые опыты производилъ тщательно и съ необходимыми предосторожностями.

Можно было развѣ желать, чтобы авторъ, при изложеніи противорѣчащихъ мнѣній ученыхъ, точнѣе указывалъ на причины такого разногласія, далѣе—чтобы онъ самъ провѣрилъ дѣйствіе салицилатовъ на теплорегулирующіе аппараты и прямыми опытами убѣдился бы, дѣйствительно ли увеличиваются тепловыя потери подъ вліяніемъ салицилатовъ. Но въ виду сложности и трудности подобныхъ опытовъ, а также въ виду спорности многихъ вопросовъ, касающихся сущности лихорадочныхъ процессовъ и функцій тепловыхъ центровъ, особенно упрекать автора въ томъ нельзя, что подобные опыты не были имъ произведены.

Поэтому,—по моему мнѣнію, работа, представленная лекаремъ Д. К. Родзаевскимъ, вполне заслуживаетъ быть допущенной къ защитѣ для соисканія степени доктора медицины.

Профессоръ Ф. Лешъ.

IV. Рецензія того же соч. лекаря Д. Родзаевскаго.

Разбираемая диссертація г. Родзаевскаго состоитъ изъ 3-хъ главъ. Первая глава посвящена изложенію исторіи вопроса и современнаго состоянія ученія о дѣйствиі салициловыхъ препаратовъ на животный организмъ. Изъ обстоятельно составленнаго литературнаго очерка видно, что въ настоящее время интересъ ученія о салициловой группѣ сосредоточивается въ области 2-хъ вопросовъ: 1) „въ какой формѣ циркулируютъ въ крови и сокахъ организма принятые внутрь салициловые препараты, и 2) какъ совершается ихъ терапевтическій *modus operandi*.“ Ни тотъ, ни другой вопросъ, которые рѣшали главнымъ образомъ на основаніи данныхъ, полученныхъ внѣ организма, до сей поры не могутъ быть названы рѣшенными. „Предлежащая работа, говоря словами г. Родзаевскаго, является попыткой по возможности пополнить пробѣлъ, представляемый отсутствіемъ специальныхъ экспериментально-физиологическихъ изслѣдованій по намѣченному вопросу.“

Экспериментальныя данныя, полученныя авторомъ для рѣшенія вопроса о судьбѣ салициловыхъ препаратовъ въ организмѣ, излагаются во 2-й главѣ. Въ ней приводится цѣлый рядъ опытовъ на животныхъ, какъ при нормальныхъ условіяхъ ихъ жизнедѣятельности, такъ и при нарушеніи послѣднихъ, опытовъ, при которыхъ авторъ слѣдилъ за измѣненіями введенныхъ въ организмъ салициловой кислоты, натронной соли ея, салолы и салицина. Въ крови и разныхъ тканяхъ опредѣлялся конечный продуктъ, въ видѣ котораго находились выше названныя соединенія. Если въ частности, по поводу постановки этихъ опытовъ, и могутъ быть сдѣланы кое какія возраженія, если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и можно желать большей точности, то все же постановка ихъ столь удовлетворительна, что выводы, сдѣланные авторомъ на основаніи *фактическихъ данныхъ этихъ опытовъ*, должны быть признаны во многомъ неоспоримыми. Послѣ чтенія ра-

боты г. Родзаевского, для меня является несомненнымъ, что спорный вопросъ о формѣ, въ которой циркулируютъ салициловые препараты въ организмѣ, долженъ быть рѣшенъ въ томъ направленіи, что салициловая кислота и друг. соединенія этой группы въ крови обращаются въ связанномъ видѣ, и что только въ тканяхъ организма часть нейтральной соли является въ видѣ свободной салициловой кислоты, какъ при нормальныхъ условіяхъ, такъ и при лихорадкѣ.

3-я и послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ изложеніе рѣшенія вопроса о ближайшихъ причинахъ и сущности противолихорадочнаго дѣйствія салициловой кислоты и ея соли. По автору, противолихорадочное дѣйствіе названныхъ препаратовъ обуславливается измѣненіемъ теплоотдачи, которая, послѣ пріемовъ салицилатовъ, увеличивается; теплообразовательные же процессы этими средствами ни коимъ образомъ уменьшены быть не могутъ. Дѣлаетъ эти выводы г. Родзаевскій почти всецѣло на основаніи литературныхъ данныхъ, личные его опыты немного прибавили къ тому, что было извѣстно ранѣе. Авторомъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ только одинъ опытъ (правда, продолжающійся нѣсколько дней) съ азотистымъ обѣдномъ веществомъ подъ вліяніемъ салициловой кислоты. Очевидно, опытъ этотъ не можетъ претендовать на рѣшеніе того сложнаго вопроса, по которому уже имѣлся фактический матеріалъ и при томъ—прямо противоположный. Вообще для того чтобы выводы г. Родзаевского были для читателя несомненными, слѣдовало бы, въ виду того, что ближайшая причина жаропонижающихъ свойствъ салициловой кислоты принимается разными авторами различная, не ограничиваться только указаніемъ на выводы того или другаго автора, а отнестись къ этимъ выводамъ критически, показавъ, почему одни изъ нихъ заслуживаютъ предпочтенія передъ другими.

Этимъ я заканчиваю свою краткую рецензію, гг. спеціалисты дадутъ безъ сомнѣнія болѣе подробный отзывъ, я же въ заключеніе не могу не упомянуть объ общемъ впечатлѣніи, которое производитъ работа г. Родзаевского. Читая ее, въ каждой страницѣ видишь въ авторѣ полного хозяина трактуемаго вопроса, тщательно изучившаго не только все, существенно относящееся къ избранной имъ задачѣ, но и многое, что имѣетъ только побочное отношеніе. Выводы автора, основанные на фактическомъ и при томъ значительномъ матеріалѣ, добытомъ экспериментальнымъ путемъ, какъ я уже сказалъ, могутъ быть

признаны неоспоримыми, что же касается тѣхъ выводовъ, которые сдѣланы г. Родзаевскимъ на основаніи литературныхъ данныхъ, на основаніи тѣхъ или другихъ соображеній, то если я и не могу признать всѣхъ ихъ безусловно правильными, то во всякомъ случаѣ всѣ они, по моему мнѣнію, являются результатомъ тщательнаго, добросовѣстнаго, всесторонняго изученія трактуемаго авторомъ вопроса.

Профессоръ А. Садовень.

ИСТОРИЯ КИЕВСКОЙ ЗЕМЛИ

ОТЪ СМЕРТИ ЯРОСЛАВА ДО КОНЦА XIV СТОЛѢТІЯ.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I.

Географическій очеркъ.

Chive-aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae. Adamus Bremensis.

Kywen ein hepth ist von alders aller Russischen landen. Ягайло.

Вся честь, и слава, и величество, и глава всѣмъ землямъ Русскимъ-Кіевъ. Никон. лѣт.

Территорія, политическимъ центромъ которой, начиная съ половины XI в., былъ городъ Кіевъ и которую мы называемъ Кіевскою землею, въ древнюю, до-монгольскую эпоху нашей исторіи почти не является съ этимъ именемъ ¹⁾; обыкновенно она называлась Русскою землею по преимуществу: „земля Руская“ или „Руськая“, какъ передается это названіе въ южнорусской лѣтописи. Имя Руси, какъ извѣстно, употреблялось въ эту эпоху въ различныхъ значеніяхъ: такъ называли вообще всѣ русскія племена, противопоставляя ихъ инородцамъ, такъ называли Южную Русь въ противоположность сѣверной или сѣверо-восточной; въ тѣснѣйшемъ и собственнѣйшемъ значеніи это названіе прилагалось къ землѣ полянъ: въ этомъ смыслѣ „Русь“ противопоставалась землѣ древлянъ и, напримѣръ, г. Овручъ находился уже внѣ Руси ²⁾. Правдоподобно, то было исконное имя Полянскій земли, которое распро-

¹⁾ Правда, мы встрѣчаемъ „Кіевскую волость“ подъ 1142 г. въ Ипат. лѣт. (с. 222), но въ нѣсколько другомъ значеніи: въ смыслѣ кіевского аннекса (говорится о туровскихъ волостяхъ); „Кіевская область“ (ibidem с. 468) можетъ означать окрестности Кіева.

²⁾ См. Ипат. лѣт. с. 456: Рюрикъ находился тогда въ Овручѣ и Святославъ приглашаетъ его явиться „в Русь“. Любопытно сходство этого имени съ именемъ рѣки Роси, протекающей здѣсь (Поросье называется иногда также Порусьемъ); тотъ же корень слышится какъ будто въ именахъ притоковъ Роси-Раставицы или Ростовицы, Россавы.

странялось на другія славянскія племена по мѣрѣ подчиненія ихъ кievскимъ впазьямъ и осталось потомъ по преимуществу за тѣми землями, которыя вмѣстѣ съ землею полянъ составили одно политическое тѣло, съ Кіевомъ во главѣ. Во избѣжаніе смѣшеній и двусмысленностей мы, конечно, должны отказаться отъ древней терминологіи и называть эту область землею Кіевскою.

Понятіе Кіевской земли сложилось исторически, и въ связи съ историческими событіями территория ея претерпѣвала различныя измѣненія. Ядромъ ея, какъ сказано, служила земля полянъ, или „земля Польская“, какъ ее еще называетъ лѣтописецъ ¹⁾ (польскій-полевой). О размещеніи полянъ начальная лѣтопись сообщаетъ очень мало: „пришедше сѣдоша по Днепру и нарѣкошася поляне“ ²⁾. По новѣйшимъ археологическимъ изслѣдованіямъ территория полянъ передъ христіанскою эпохою ограничивалась теченіемъ рѣкъ Днѣпра, Роси и Ирпени ³⁾. Нѣкоторыя случайныя указанія, которыя даетъ лѣтопись, совпадаютъ вполне съ этими предѣлами: на югѣ крайній изъ извѣстныхъ намъ за древнѣйшую эпоху населенныхъ пунктовъ—г. Родня у устья р. Роси ⁴⁾; западный рубежъ проходитъ по лѣтописямъ гдѣ-то недалеко отъ Днѣпра—одно такое указаніе мы имѣемъ для конца X в.,

¹⁾ Ипат. с. 12.

²⁾ Ипат. с. 3.

³⁾ Отъ колѣна, которое Раставица дѣлаетъ у м. Паволочи, западная граница Полянской земли направляется къ сѣверу и пересѣкаетъ Ирпень приблизительно около села Корниинъ (частное сообщеніе В. Б. Антоновича; см. также рефератъ его въ Чтеніяхъ ист. общ. Нестора, кн. III, с. 1). Южная граница земли отмѣчена могилами полянскихъ воиновъ—всадниковъ; такія могилы встрѣчаются въ большемъ количествѣ надъ Россью (напр. у селъ Краснополки, Зеленки, Рассавы, Яблунева, Мироновки, Пешекъ—Каневского у., Скиби-нецъ—Таращанскаго, Гамарни—Чигиринскаго (Обяснительная записка къ археологической картѣ Кіевской губерніи В. Б. Антоновича). Въ болѣе древнюю эпоху, до напора кочевниковъ, полянскія поселенія могли переходить за Россью, въ бассейнъ Тасмина и Буга; существованіе осѣдлыхъ поселеній за Россью доказывается кладами римскихъ монетъ: такіе клады, совершенно аналогичные, идутъ чрезъ всю Кіевскую губернію, отъ Чернобыля до Крылова. Раянѣ западнымъ рубежомъ полянъ считали обыкновенно р. Тетеревъ (Замысловскій. Обясненія къ учебн. атл. по рус. ист. с. 20). Г. Барсовъ на основаніи топографическихъ названій полагаетъ, что на западъ полянская земля простиралась до Погоринья, но доводы эти очень слабы; на югъ, по его мнѣнію, полянскія поселенія спускались первоначально довольно далеко, вѣроятно до пороговъ, и поздѣе были оттѣснены кочевниками (Географія начальной лѣтоп. с. 128—9).

⁴⁾ Ипат. с. 51.

а другое для половины XII¹⁾, изъ чего можно заключить, что западный рубеж Полянскои земли остался приблизительно тотъ же и послѣ языческой эпохи, а можетъ быть, впрочемъ, только память о немъ оставалась.

Въ составъ Кіевскои земли кромѣ того вошла земля древлянъ-земля Деревская или просто „Дерева“ по лѣтописи²⁾; территорию древлянъ точно опредѣлить пока нельзя: археологическихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи пока сдѣлано довольно мало еще, а лѣтописныя данныя не достаточны. Неопредѣленное положеніе, которое позднѣе Погорынье (область по обѣимъ сторонамъ Горыни) занимало между Кіевскою и Волынскою землями, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что здѣсь сталкивались рубежи древлянъ и дулѣбовъ, и населеніе было смѣшанное³⁾. Археологическія изслѣдованія, произведенныя г. Завитневичемъ между Мозыремъ и Туровымъ, привели къ тому заключенію, что южный берегъ Припети былъ заселенъ смѣшаннымъ древлянско-дреговичскимъ населеніемъ, а на сѣверномъ преобладало дреговичское: можно думать, что р. Припеть служила первоначально этнографическимъ рубежомъ (какъ то свидѣтельствуется и лѣтопись), но затѣмъ древлянское населеніе къ югу отъ нея было разрѣжено дреговичскими колонистами⁴⁾. Раскопки, произведенныя

¹⁾ Лють, выѣхавъ изъ Кіева на охоту, заѣхалъ на древлянскую территорию (Ипат. с. 49). Въ 1136 г. Ольговичи съ половцами воевали „отъ Трыполя около Красна и Васильева и до Бѣлгорода, олиже до Кіева и по Желанѣ и до Вышгорода и до Деревъ“ (Ипат. лѣт. с. 215, у Татищева—Исторія Россійская т. II с. 251—Древлянѣ); очевидно за Бѣлгородомъ и Вышгородомъ начинались гдѣ-то уже „Дерева“. Ср. Костомарова Монографіи т. I с. 124; Барсова Географія начальной лѣтописи с. 128.

²⁾ См. напр. Ипат. с. 34, 35, 215.

³⁾ Г. Андріяшевъ въ своемъ „Очеркѣ исторіи Волынскои земли“ (с. 37) высказалъ предположеніе, что Погорынье было исконною древлянскою областью, но населеніе ея было разрѣжено дулѣбами и тѣснымими съ юга улучами и тивердами. Барсовъ (Географ. нач. лѣт. с. 126—127) предполагаетъ здѣсь смѣшанное дулѣбско-дреговичское населеніе.

⁴⁾ См. рефератъ г. Завитневича въ Чтеніяхъ историч. общества Нестора кн. IV отд. II, особ. с. 22—23, также другой рефератъ въ Кіевскои Старинѣ за 1890 г. кн. V: „Къ вопросу о выработкѣ критерія для классифик. кургановъ“, с. 261 сл.; критеріемъ для опредѣленія національностей служило погребеніе въ ямахъ (древлянскій типъ) и на почвенномъ слоѣ (дреговичскій). Собственно возможно пока и другое предположеніе, что дреговичское населеніе первоначально переходило за Припеть, но было разрѣжено потомъ древлянами. Окончательно вопросъ можетъ быть рѣшенъ только болѣе многочисленными раскопками, а пока первое предположеніе имѣетъ за себя авторитетъ лѣтописи: „сѣдоша ме-

имъ же въ углу между Припетью и Днѣпромъ, въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, обнаружили здѣсь существованіе дреговичскаго, древлянскаго и сѣверянскаго погребальныхъ типовъ, съ сильнымъ преобладаніемъ перваго; дреговичское населеніе простиралось, вѣроятно, до Днѣпра, но было разбавлено древлянскими и сѣверянскими колонистами¹⁾. Какъ далеко простирались на югъ древлянскія поселенія, не извѣстно.

Начиная со смерти Ярослава, Древлянская земля соединяется въ одно княжество съ Полянскою, и затѣмъ связь эта продолжается непрерывно; хотя во второй половинѣ XII в. на территоріи древлянъ образовался Овручскій удѣлъ, но онъ не выдѣлился изъ Кіевской земли, и Древлянская земля и позднѣе оставалась частью послѣдней.

Съ Кіевомъ была связана еще земля дреговичей: вмѣстѣ съ землею полянъ и древлянъ она составила волость старшаго Ярославича-Изяслава, и эта связь, съ значительными впрочемъ промежутками, продолжалась затѣмъ до половины XII в.; въ первой половинѣ этого столѣтія эта земля называется даже прямо кіевскою волостью²⁾. Тѣмъ не менѣе мы не будемъ включать ее въ область настоящаго изслѣдованія, такъ какъ самая связь ея съ Кіевомъ, какъ сказано, очень часто прерывалась на большіе промежутки³⁾, и уже съ половины

жи Припѣтью и Двиною и наркошася Дреговичи“ Ипатск. лѣтоп. с. 3. Это свидѣтельство лѣтописи принимается обыкновенно; напр. Замысловскій (Объясненія с. 20) помѣщает древлянъ между рѣками Припетью, Горынью, Случью и Тетеревомъ. Г. Довнаръ-Запольскій въ своемъ, выходящемъ теперь, „Очеркѣ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до нач. XIII в.“ полагаетъ, что южная граница Дреговичской земли проходила узкою полосою по южному берегу Припети (с. 2, 58). Барсовъ о границахъ древлянскихъ поселеній выражается довольно неопредѣленно; на югъ, по его мнѣнію, древлянскія поселенія простирались до верховьевъ Случи (Географія нач. лѣт. с. 127—128).

¹⁾ Результаты этихъ раскопокъ были изложены въ рефератѣ, читанномъ въ историч. общ. Нестора въ февралѣ 1891 г. Погребальные типы впрочемъ здѣсь отличаются неустойчивостью, и г. Завитневичъ остерегается объяснять ихъ разноплеменной колонизаціею.

²⁾ Ипат. с. 222; „сѣдѣши во Кіевской волости“, говорилъ Всеволодъ Ольговичъ Вячеславу о Туровѣ; и ниже кіевскою волостью называются дреговичскіе города, предлагаемые Всеволодомъ; этимъ, можетъ быть, объясняется и выраженіе лѣтописи: Всеволодъ посадилъ Ярополка (Изяславича) во Владимірѣ, „придавъ ему Туровъ“ (изъ кіевскихъ волостей. Ипат. с. 143).

³⁾ Связь эта продолжалась съ 1054 по 1073 годъ; затѣмъ въ Кіевѣ сидѣлъ Святославъ, а въ Туровѣ Мономахъ, до 1076 года; послѣ кратковременнаго соединенія въ 1078 году дреговичи переходятъ къ Изяславичамъ, между тѣмъ какъ въ Кіевѣ сидитъ Всеволодъ; съ 1098 г. и до 1125 Туровская волость находится вмѣстѣ съ Кіевомъ во власти Святополка, потомъ Мономаха, по смерти послѣдняго отдѣляется въ рукахъ Вячеслава и

ХІІ в. она выдѣляется въ самостоятельное княженіе съ князьями изъ рода Святополка Михаила.

Итакъ Кіевская земля составилаь главнымъ образомъ изъ земель полянъ и древлянъ; не зная точно всѣхъ этнографическихъ рубежей, мы не вездѣ можемъ опредѣлить, прихватывала ли она, и какъ много, территоріи другихъ сосѣднихъ племенъ (дреговичей, дулѣбовъ и пр.); вообще границы княжествъ рѣдко совпадали точно съ этнографическими границами, и Кіевская земля не составляла исключенія въ этомъ отношеніи.

Прежде чѣмъ обратиться къ обзорѣнію политическихъ границъ Кіевской земли, бросимъ взглядъ на ея территорію. Кіевская земля расположена на склонѣ одного изъ тѣхъ отроговъ, которые образуютъ въ сѣверо-восточномъ и восточномъ направленіяхъ Карпатскія горы. Гранитная гряда проходитъ въ юго-восточномъ направленіи по южной части земли, образуя водораздѣлъ бассейновъ Днѣпра и Южнаго Буга и наполняя холмистыми возвышенностями юго-западную и южную части ея. Эти возвышенности, пересѣченныя долинами и оврагами, достигаютъ на югѣ 600—1200 ф. высоты, въ сѣверу и сѣверо-востоку постепенно понижаются, спускаясь въ песчаную и болотистую низменность р. Припети, а на востокѣ вкруто обрываются долиною Днѣпра.

На склонахъ упомянутыхъ возвышенностей берутъ начало кіевскія рѣвки, направляясь затѣмъ на сѣверъ, сѣверо-востокъ и востокъ въ бассейны Припети и Днѣпра. Такова Горынь (Горинь), принимающая съ лѣвой стороны небольшіе притоки, изъ которыхъ въ лѣтописи упоминаются: Олыка (теперь Поляновка), Велья (теперь Виля) и Стубель или Стубла ¹⁾; съ правой стороны, уже за предѣлами Кіевской земли, въ нее падаетъ большая рѣка—Случь; изъ множества притоковъ послѣдней (Корчинь, Цѣремъ, Смолка, Деревичка, Икопотъ, Тыз) упоминается въ лѣтописи Хомора (или Хоморъ) ²⁾. Восточнѣ Горыни падаютъ въ Припеть Уборть и упоминаемая въ лѣтописи Уша съ при-

др. до 1142 г.; въ этомъ году соединяется съ Кіевомъ и снова отдѣляется до 1146 года; съ 1146 года она находится въ соединеніи съ Кіевскою волостью (съ незначительными промежутками) до смерти Юрія (1158), когда окончательно выдѣляется въ родѣ Святополка Михаила. Если сосчитать, то Туровская земля за этотъ періодъ около 40 лѣтъ жила отдѣльною жизнью и 60 слишкомъ—находилась въ соединеніи съ Кіевомъ.

¹⁾ Ипат. с. 270, 275, 511.

²⁾ Ипат. с. 514, 516.

токомъ Норинуою ¹⁾. Съ правой стороны падаетъ въ Припеть еще кievская рѣчка—Брагинка.

Рядъ притоковъ Днѣпра открываетъ Тетеревъ съ Иршею и Мыкою (слѣва), Здвигемъ и Гуивою (справа); Рша и Въздвигъ упоминаются въ лѣтописи ²⁾. Далѣе слѣдуетъ Ирпень, порубежная рѣка Полянской земли, съ Унавою (Уновью) ³⁾; подъ самымъ Киевомъ текли небольшія, но славныя рѣчки—Почайна и Лыбедь ⁴⁾, далѣе на югъ—Стugna съ Ольшаницею ⁵⁾, Красна и, наконецъ, знаменитѣйшая, послѣ Днѣпра, рѣка Киевской земли—Рось; изъ притоковъ ея въ лѣтописи упоминается только Руть или Роть (теперь Ротокъ или Протока) съ Рутцемъ (теперь Чернявка) ⁶⁾; другіе, значительные притоки Роси: Рассава, Каменка, Раствавица—справа, слѣва—Роська и маленькая, но любопытная рѣчка Торць. Еще южнѣ течетъ Тесмень (Тясминъ) ⁷⁾, а за тѣмъ слѣдуютъ уже рѣки бужскаго бассейна—Гнилой и Горный Тыичи и Высь; послѣдняя упоминается и въ лѣтописи ⁸⁾.

Рѣки Полянской земли, за исключеніемъ Днѣпра, были, вѣроятно, всегда не судоходны; главная рѣка—Рось слишкомъ быстра, извилиста, преграждена порогами; торговою артеріею служилъ только Днѣпръ, и въ нему должно было тяготѣть населеніе. Для древлянъ путями сообщенія служили Припеть и Тетеревъ съ ихъ притоками; въ настоящее время судоходство происходитъ по Припети и Горыни, а по Случи, Уборти, Ушу, Тетереву, Иршѣ и Здвижу—сплавное дви-

¹⁾ Ипат. с. 285—6.

²⁾ Здвигъ см. Ипат. с. 170; Иршу, мнѣ кажется, должно разумѣть въ Лавр. с. 313: разсказывается о преслѣдованіи Володиміромъ Изяслава—„сторожемъ же Володимерковымъ надстигшимъ его на Рси“ (Лаврентьевскій сп., въ Радзивиловскомъ и Академическомъ—Рши); по Ипат. л. Изяслава догнали на р. Ушѣ и потому чтеніе „на Рси“ лишено вѣроятія, а „на Рши“ т. е. на Иршѣ, которая протекаетъ тамъ же, вполне возможно.

³⁾ Ипат. с. 372. Погодинъ (IV. 191) видитъ здѣсь мѣстечко Уновъ въ Галичинѣ, но это невѣроятно.

⁴⁾ Ипат. с. 40, 43.

⁵⁾ Ипат. с. 83, 279; Ольшаница—теперь Раковна, грязный ручей, см. Похлевицъ Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Киевской губ., с. 487 (только въ лѣтописи упоминается не село, а рѣка Ольшаница), см. также статью г. Андриевскаго „Перепетовское поле“ въ Киевской Старинѣ 1882, IX. с. 454.

⁶⁾ Ипат. с. 301—303, 356; см. Перепетовское поле с. 439, 454.

⁷⁾ Ипат. с. 449.

⁸⁾ Ипат. с. 450.

женіе; въ древности, вѣроятно, движеніе происходило и на большомъ числѣ рѣкъ, и на большемъ ихъ протяженіи.

Кіевская земля находится на рубежѣ полосъ—лѣсной, съ песчаной почвою, и степной, черноземной; границею ихъ здѣсь приблизительно служатъ р. Стугна и верховья Ирпеня и Тетерева ¹⁾. Древнѣйшій лѣтописецъ отмѣчаетъ большую разницу между землею полянъ и древлянъ: первые назывались такъ, „занеже в полѣ сѣдаху“, вторые— „зане сѣдоша в лѣсѣхъ“ ²⁾. Но земля полянъ могла считаться „полемъ“ только сравнительно съ лѣсною странкою древлянъ (и то если имѣть въ виду южную ея часть); противопологая Кіевщинѣ южныя степи, лѣтопись называетъ „полемъ“ уже послѣднія ³⁾; въ другомъ мѣстѣ лѣтопись говоритъ о полянахъ, что они жили „въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрською“ ⁴⁾; около Кіева находился „лѣсъ и боръ великъ“, въ XII в. боръ находился на пути изъ Кіева въ Бѣлгородъ, и къ югу гдѣ-то находился „борокъ“ ⁵⁾. Въ настоящее время на полянской территоріи лѣсъ въ большихъ, сплошныхъ участкахъ сохранился только по нижнему теченію Ирпеня; несомнѣнно, сѣверный уголъ земли (къ сѣверу отъ Стугны) въ древности былъ значительно гуще покрытъ лѣсами. Къ югу отъ Стугны лѣсъ существуетъ отдѣльными рощами

¹⁾ О лѣсѣ см. въ статьѣ г. Майкова въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1874 кн. VIII с. 259 сл. и въ книгѣ П. В. Голубовскаго „Печенѣги, торки, половци“ с. 2 слѣд. Черноземный рубежъ идетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, приблизительно съ Козельца на Васильковъ, Бердичевъ, Кременецъ (см. упомянутую статью Майкова с. 260 сл.) Распространеніе лѣса въ степныхъ пространствахъ Южной Руси составляетъ спорный вопросъ; одни держатся того мнѣнія, что степи эти искони были степями, другіе доказываютъ существованіе въ нихъ лѣса въ минувшія времена, въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ; см. объ этомъ Гео-ботаническія изслѣдов. о черноземѣ акад. Рупрехта—въ приложеніяхъ къ X т. Записокъ Академіи Наукъ, упомянутыя сочиненія г. Майкова (с. 261—2), П. В. Голубовскаго, а также Замѣтки по ист. геогр. южно-русс. степей г. Бурачкова въ Кіевск. Стар. 1886. IV. с. 673 сл. Этому вопросу были еще недавно посвящены работы гг. Докучаева и Палимпсестова (о нихъ см. Кіевск. Старину 1890., кн. I и V).

²⁾ Ипат. с. 3, 16.

³⁾ Ипат. л. с. 43, 341.

⁴⁾ Это дало поводъ проф. Иловайскому предположить, что заявленіе лѣтописца о полянахъ: „въ полѣ сѣдаху“ есть не болѣе, какъ попытка истолковать имя „поляне“, которое, по мнѣнію этого ученаго, скорѣе имѣетъ сродство съ корнемъ „исполнить“.—Розысканія о началѣ Руси с. 255—256. На мой взглядъ, имя полянъ можетъ показывать, что главнымъ и исконнымъ обитателемъ ихъ было пространство къ югу отъ Стугны (ср. Перепетовское „чистое поле“).

⁵⁾ Ипат. л. с. 5, 9, 296, 300, 354.

и островами, больше по берегамъ рѣкъ, особенно Роси; количество лѣсу, конечно, тутъ тоже уменьшилось съ тѣхъ поръ, но и въ древности онъ, вѣроятно, существовалъ въ значительномъ количествѣ только по побережьямъ рѣкъ, остальная же мѣстность носила степной характеръ; въ противоположность ей сѣверная часть Кіевской земли называется „лѣсною стороною“¹⁾. Пространство къ западу и сѣверу отъ Ирпеня и теперь покрыто сплошными лѣсами, только верховья Случи, Горыни, Буга опять обнажены отъ лѣса. Это распределение лѣса имѣло всегда громадное значеніе на культуру и бытъ. Обитатели Древлянской земли должны были уступать въ культурѣ своимъ восточнымъ сосѣдямъ; условія мѣстности располагали населеніе болѣе къ охотѣ и пчеловодству, чѣмъ къ земледѣлію. За то лѣсъ служилъ прекрасною защитой отъ кочевниковъ; онъ для послѣднихъ составлялъ всегда непреоборимую преграду²⁾. Потому набѣги половцевъ направляются всегда на землю полянъ, преимущественно на обнаженные, степныя ея части, гораздо рѣже проникаютъ они въ лѣсную полосу, за Кіевъ³⁾, но въ глухіе древлянскіе лѣса половцы почти никогда не заходятъ⁴⁾.

Переходя къ обзорѣнію политическихъ границъ Кіевской земли, должно прежде всего замѣтить, что главный матеріалъ для опредѣленія ихъ дають намъ извѣстія половины XII в.; поэтому я сначала постараюсь опредѣлить территорію Кіевской земли этого времени, а затѣмъ упомяну о позднѣйшихъ измѣненіяхъ ея границъ до половины XIII в. Что касается до послѣдующаго времени, то свѣдѣнія наши по исторической географіи Кіевской земли такъ скудны, что эти извѣстія и свои соображенія я изложу въ концѣ этого очерка, послѣ общаго обзорѣнія Кіевской земли за періодъ до-монгольскій.

Обзорѣніе границъ начнемъ съ востока. Этнографическую границу съ этой стороны составлялъ, какъ упомянуто, Днѣпръ; онъ же

¹⁾ Ипат. л. с. 515.

²⁾ О значеніи лѣса, какъ оплота отъ кочевниковъ, см. у П. В. Голубовскаго (Печенѣги etc. с. 14—15).

³⁾ Эти набѣги показываютъ, можетъ быть, что и въ сѣверномъ углу Полянской земли лѣсъ былъ значительно разрѣженъ уже земледѣльческимъ населеніемъ.

⁴⁾ Я сказалъ „почти“, имѣя въ виду преимущественно рассказъ лѣтописи о набѣгѣ половцевъ на Полоній и Сѣмичъ (Ип. с. 380), которые могли находиться и въ древлянскихъ лѣсахъ (объ этихъ пунктахъ см. ниже).

выставляется иногда восточною границею Кіевского княжества, когда о границах его говорится въ общихъ чертахъ; правый берегъ его называется кіевскимъ, а лѣвый черниговскимъ ¹⁾. Однако кіевскія владѣнія переходили и на лѣвый берегъ; на это есть нѣсколько болѣе или менѣе ясныхъ указаній въ лѣтописяхъ. Къ Кіевскому княжеству принадлежалъ прежде всего городъ *Саковъ*, который лежалъ за Днѣпромъ, къ югу отъ Кіева, и съ вѣроятностію приурочивается къ теперешнему селу Салькову, въ 30 верстахъ отъ Кіева, внизъ по Днѣпру ²⁾; на принадлежность Сакова къ Кіеву указываютъ два лѣтописныя извѣстія, одно XI, другое XII в. ³⁾; Саковъ, кажется, составлялъ центръ небольшого заднѣпровскаго округа, населеніе котораго упоминается однажды въ лѣтописи подъ именемъ засаковцевъ ⁴⁾. Границею этого округа съ Переяславскою землею служила какъ будто рѣка Корань ⁵⁾. Далѣе, есть въ лѣтописи нѣкоторые намеки на то, что пространство между нижнимъ теченіемъ Десны и Днѣпра также принадлежало Кіеву; *Лутова* и *Моровійскъ* были, повидимому, крайними

¹⁾ См. Ипат. 393, 416, 435, 462 (како насъ раздѣлили дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ, а Кіевъ въ не надобѣ). Основываясь на подобныхъ свидѣтельствахъ, Погодинъ (Исслѣдованія etc. IV, 212) считаетъ Днѣпръ восточною границею Кіевской земли, но въ приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи нѣтъ рѣчи о точной границѣ. О лѣвобережныхъ владѣніяхъ Кіева см. Барсовъ Географія нач. лѣтописи с. 134, ср. также с. 147.

²⁾ Разстоянія я опредѣляю по десятиверстной спеціальной картѣ Европейской Россіи Генер. Штаба.

³⁾ Въ 1095 г. засаковцы, вмѣстѣ съ жителями Юрьева и другихъ городовъ, были поселены Святополкомъ у Витичева (Ипат. с. 160); во 2-й четверти XII в. въ войскахъ Всеволода Ольговича Кіевского фигурируетъ Лазарь Саковский (Ипат. 222, 231)—вѣроятно посадникъ саковский, позднѣе онъ былъ назначенъ тысяцкимъ кіевскимъ (см. Ипат. 245)—по крайней мѣрѣ послѣ появленія Лазаря тысяцкаго Лазарь Саковский болѣе не упоминается. Что Саковъ находился на лѣвомъ берегу Днѣпра, видно изъ Ипат. с. 277; о мѣстоположеніи его см. Погодинъ Исслѣдов. IV. 153—154. Барсовъ Геогр. нач. л. с. 143.

⁴⁾ Г. Андріевскій (Кіев. Стар. 1833 г. IX с. 6) сближаетъ, впрочемъ, засаковцевъ съ р. Саковицею, падающею въ Росъ выше Корсуна.

⁵⁾ О Корани Ипат. 219: гониша (перейславцы) по нихъ (дружинѣ кіевскаго князя) до Коранѣ, а дале не пусти Андрѣй дружины своея. Корань (Карань) течетъ параллельно Днѣпру и падаетъ въ Трубежъ ниже Переяслава у д. Карань; на десятиверстной картѣ Корань не показана вовсе, на трехверстной обозначена лишь нижняя часть этой рѣчки, а въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Полтавской губерніи (изд. 1862 г. с. 5) стоящими на ней показаны села и деревни: Карань, Стопняги, Гречаники, Дѣвички, Староселье, Ковалинъ, Сошняковъ, Краснополе.

порубежными пунктами съ черниговской стороны ¹⁾: здѣсь происходили свиданья, договоры князей черниговскихъ и кievскихъ; Юрій, идя на Кіевъ, на Изяслава Давидовича, остановился у Моровійска и отсюда переговаривался съ нимъ, убѣждая его добромъ уйти изъ Кіева ²⁾. Границею кievскихъ владѣній, можетъ быть, служило обширное болото Выдра, которое тянется отъ Десны въ сѣверо-восточномъ направленіи, къ западу отъ г. Остра ³⁾. Принадлежала ли Кіеву также полоса земли къ югу отъ устья Десны, противъ самаго Кіева? Источники не даютъ прямыхъ указаній, но мнѣ кажется, что принадлежала, — иначе она должна была, по всей вѣроятности, принадлежать Переяславской волости, которой принадлежалъ *Остерскій городокъ* ⁴⁾ и которая врѣзывалась бы тогда страннымъ образомъ между саковскимъ округомъ и кievскимъ Задесеньемъ, а это невѣроятно; невѣроятно также, чтобы кievскіе князья не позаботились пріобрѣсть эту полосу земли противъ Кіева. Подгородныя заднѣпровскія поселенія, какъ *Ольжичи*, *Городецъ*, находились такимъ образомъ, думаю, на территоріи Кіевскаго княжества ⁵⁾.

Такимъ образомъ Кіевская земля на значительномъ протяженіи была, повидимому, окаймлена узкою полосою заднѣпровскихъ владѣній; полоса эта, впрочемъ, не составляла какого-либо боевого, укрѣпленнаго рубежа, а является скорѣе какъ бы нейтральною полосою: при движеніяхъ ратей на Кіевъ столкновеній на лѣвомъ берегу обыкновенно не бываетъ, не видно здѣсь также особо укрѣпленныхъ го-

¹⁾ Оба эти поселенія существуютъ понынѣ подъ своими именами въ Остерскомъ уѣздѣ; что они принадлежали уже къ Черниговскому княжеству, см. Ипат. л. с. 343, 406.

²⁾ Ипат. с. 329; о сѣздахъ у Лутавы и Моровійска см. напр. Ипат. с. 217, 331, 345. Любопытно еще одно мѣсто Ипат. лѣтоп. (с. 325): Ростиславъ отправился на Изяслава Давидовича Черниговскаго; переправивъ войско за Днѣпръ у Вышгорода, оставилъ его тамъ, а самъ отлучился въ Кіевъ: это показываетъ, повидимому, что войско его не вступило еще на непріятельскую территорію.

³⁾ Болото это, никогда не пересыхающее, начинается у д. Рожкова и тянется до с. Навоза, гдѣ соединяется съ Мневскимъ болотомъ; длина его 75 верстъ, ширина — отъ 100 саж. до 5 и болѣе верстъ. Материалы для геогр. и статистики. Черниговская губ. с. 43.

⁴⁾ Ипат. 179, 289, 306; это теперешній г. Остеръ.

⁵⁾ Любопытно, что во время нашествія Ольговичей въ 1135 г., когда они опустошали окрестности Городца, люди съ лѣваго берега Днѣпра хотѣли бѣжать на правый, а не къ Переяславу (Ипат. с. 213).

родовъ; за всѣмъ тѣмъ обладаніе лѣвымъ берегомъ Днѣпра для Кіева было чрезвычайно важно. Когда Кіевъ захватилъ эту днѣпровскую полосу—въ древнѣйшую ли эпоху, въ эпоху борьбы полянскихъ племенныхъ князей съ сосѣдними племенами, или позднѣе, при раздѣленіи на удѣлы Кіевского государства, мы не знаемъ; первое, впрочемъ, едва ли не вѣроятно.

Сѣверо-восточную границу опредѣлить въ точности трудно; къ сѣверу, примѣрно, отъ устья Тетерева рубежомъ служилъ, вѣроятно, Днѣпръ, по крайней мѣрѣ до устья Припети. Сѣвернымъ рубежомъ Кіевской земли, пока къ ней принадлежала земля дреговичей, служилъ, вѣроятно, водораздѣлъ бассейна Припети, съ одной стороны, Березины и Нѣмана—съ другой ¹⁾, но и послѣ отдѣленія Турово-Пинской земли за Кіевомъ остались нѣкоторыя земли къ сѣверу отъ Припети; такъ во второй половинѣ XII в. къ Кіеву принадлежитъ городъ *Брягнъ* ²⁾; Кіеву же принадлежалъ тогда *Мозырь* ³⁾. Кіевская граница отъ устья Припети шла по Днѣпру (крайній извѣстный намъ здѣсь черниговскій городъ—это Любечъ) или, можетъ быть, по водораздѣлу Днѣпра и р. Брагинки ⁴⁾, огибала Брягнъ и Мозырь, гдѣ нибудь недалеко къ западу отъ послѣдняго пересѣкала Припетъ и направлялась затѣмъ на юго-западъ, гранича съ Турово-Пинскою землею; сколько нибудь точно опредѣлить направленіе границы здѣсь невозможно: въ этой мѣстности, удаленной отъ театра политическихъ событій, лѣтопись почти вовсе не называетъ населенныхъ пунктовъ; крайнимъ кіевскимъ городомъ на сѣверо-западѣ является Овручъ, а Дубровица (теперь Домбровица) на Горыни, къ югу отъ впаденія

¹⁾ См. Барсовъ. Географія с. 124, 132—134, Довнаръ Запольскій ор. с. с. 45.

²⁾ См. Ипат. с. 443; это темерешній Брягнъ на р. Брагинкѣ въ Рѣчицкомъ уѣздѣ; о Брагинской волости см. статью въ Календарѣ сѣверо-запад. Россіи на 1889 годъ (с. 118 слѣд.).

³⁾ „Изяславъ (Давыдовичъ) посла къ брату Святославу, дая ему Мозырь и Чичерскъ“ Ипат. с. 341. Изяславъ сидѣлъ тогда въ Кіевѣ, Чичерскъ (на р. Сожѣ) оставался за нимъ изъ прежнихъ его черниговскихъ владѣній, а Мозырь, очевидно, принадлежалъ къ кіевскимъ (Турово-Пинская земля въ то время была самостоятельна). Что Мозырь входилъ въ территорію Кіевской земли, это подтверждается и позднѣйшею принадлежностью его къ Кіеву, о чемъ ниже. Обыкновенно его относятъ къ Турово-Пинской землѣ (Барсовъ. Словарь с. 126, Довнаръ Запольскій ор. с. с. 60).

⁴⁾ Барсовъ Географія с. 148; по его мнѣнію здѣсь проходилъ этнографическій рубежъ.

Случи, принадлежала уже къ Турово-Пинскому княжеству; куда принадлежалъ городъ *Степань*, совершенно неизвѣстно ¹⁾).

Съ запада Кіевская земля замыкалась Погориною; такъ называлась полоса земли по обѣимъ сторонамъ средней Горыни, занимавшая посредствующее положеніе между землями Кіевскою и Волинскою и служившая ябломъ раздора между ними. Крайними пунктами ея съ запада были въ половинѣ XII в. *Пересопница* и *Зарѣчскъ* (оба существуютъ подъ своими именами донныѣ), на р. Стублѣ, текущей въ Горынь; къ югу отъ нихъ—*Шумскъ* на р. Вилии и *Тихомль* на Горыни. *Чемеринъ* на р. Олыкѣ (теперь Поляновна, притокъ Горыни) и *Муравина*—принадлежали, повидимому, уже къ Волинской землѣ ²⁾. Крайнимъ восточнымъ пунктомъ Погоринны былъ городъ *Корчскъ* или *Корчесьскъ*, теперешній Корець на р. Корчикѣ, Новоградволинскаго уѣзда ³⁾).

На юго-западѣ Кіевская земля доходила до Южнаго Буга; г. *Межибожье* въ половинѣ XII в. составлялъ частный кіевскій удѣлъ вмѣстѣ съ *Божскимъ*, *Котельницею* и еще двумя неизвѣстными по имени городами ⁴⁾. Отъ Межибожья первоначальный рубежъ шелъ, вѣроятно, по Бугу, до его поворота на югъ; у этого колѣна, на притокѣ Буга Деснѣ, стоялъ кіевскій городъ *Прилука*, упоминаемый въ XII в. ⁵⁾.

Южный рубежъ Кіевской земли вообще былъ подверженъ большимъ колебаніямъ; Русь постоянно вела борьбу со степью, и въ зависимости отъ успѣха этой борьбы измѣнялись границы ея поселеній ⁶⁾. Въ концѣ языческой эпохи, какъ было упомянуто, поселенія Руси

¹⁾ Глѣбъ Юрьевичъ Дубровицкій былъ изъ князей туровскихъ (Ипат. 426, 466). Г. Андрияшевъ высказалъ предположеніе, что Глѣбъ получилъ Дубровицу въ приданное за дочерью Всеволодка Городенскаго (Ист. Вол. з. с. 80). Карамзинъ (IV. пр. 175 с. 76) и Барсовъ (Географія с. 123) относятъ Степань къ Турово-Пинской землѣ, но онъ слишкомъ далеко лежалъ на югъ; М. А. Максимовичъ считалъ его въ числѣ городовъ погоринскихъ, какъ и Дубровицу (Собраніе сочин. II. с. 355, 401); не включилъ Дубровицу въ число турово-пинскихъ городовъ и г. Довнаръ Запольскій (ор. с. с. 58).

²⁾ Ипат. л. с. 270—271, 284, 313. Пересопница и Зарѣчскъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, Чемеринъ и Муравина—Дубенскомъ, Шумскъ и Тихомель (около Ямполь)—въ Кременецкомъ; объ этомъ рубежѣ см. у Барсова Географія с. 122; его опредѣленіе принялъ и г. Андрияшевъ Ист. Волин. з. с. 15. Объ этихъ городахъ см. еще ниже.

³⁾ Ипат. с. 276.

⁴⁾ Ипат. 234, 243. 257.

⁵⁾ Лавр. с. 296 Барсовъ. Географія с. 139—140.

⁶⁾ Объ этомъ см. у Барсова, Географія с. 134 сл.

доходили до р. Роси; затѣмъ въ X в., съ появленіемъ въ сосѣдствѣ печенѣговъ, Поросье пустѣетъ, извѣстіе лѣтописи о г. *Роднѣ* стоитъ одиноко, и самый этотъ городъ затѣмъ не упоминается; св. Владиміръ хлопочетъ уже объ укрѣпленіи побережья Стугны, которое было ограждено рядомъ городовъ и валомъ; по словамъ епископа Брунона, осѣдлыя поселенія простирались въ это время только на два дня пути отъ Кіева ¹⁾. Послѣ пораженія, нанесеннаго печенѣгамъ Ярославомъ, снова начинается наступательное движеніе Руси въ степь; создана, или скорѣе возобновлена была военная граница по Роси, укрѣпленная также валами и городами, и заселенная плѣнниками и переселенцами. Половецкія нападенія, происходившія въ концѣ XI в., опять было ослабили Поросье и, разрушивъ военную границу, оттѣснили населеніе снова въ область Стугны, но побѣдоносная борьба съ половцами начала XII в. возстановила Русь въ ея предѣлахъ, и послѣ того она уже не отступала (въ разсматриваемый періодъ) отъ береговъ Роси. Мало того, хотя за Росью лѣтопись не называетъ намъ такихъ пунктовъ, положеніе которыхъ было бы точно опредѣлено, однако нѣкоторые соображенія заставляютъ думать, что Русь перешла затѣмъ за эту рѣку и придвинулась къ бассейну Южнаго Буга. Въ этомъ отношеніи любопытно извѣстіе лѣтописи (подъ 1190 г.) ²⁾, что половцы, производя свои набѣги, скрывались „по Висемь“, т. е. въ побережья Выси, и оттуда, давъ отдыхъ конямъ, выѣзжали на новые набѣги; отъ Выси до Роси 70—100 верстѣ, и едва ли бы половцы прятались по Выси, если бы владѣнія Руси не переходили за Рось. Едва ли бы и кіевскіе князья въ такомъ случаѣ ѣздили въ это же время охотиться „на устья Тесмени“ ³⁾. Рѣка Торчь, падающая въ Рось съ правой стороны, и стоящее на ней с. Торчице (въ Таращанскомъ у.), если ихъ и не связывать съ лѣтописнымъ Торческомъ, указываютъ во всякомъ случаѣ на существованіе здѣсь поселеній черныхъ влобуковъ. Уже за Росью, вѣроятно, находились города *Боровой* и *Чюрнаевъ*, на которые нападали половцы въ выше упомянутыя экспедиціи съ р. Выси. Наконецъ въ предмѣстьи гор. Черкасѣ недавно была найдена весьма

¹⁾ *Duxi te, ubi mea desinit terra, inimicorum incipit*, сказалъ Владиміръ Брунону, проводивъ его до вала—Письмо Брунона къ императору Генриху II, *Monumenta Poloniae histor.* I. p. 225.

²⁾ Ипат. с. 450.

³⁾ Ипат. с. 449.

любопытная находка—четыре монетныя кіевскія гривны¹⁾, что можетъ указывать на существованіе здѣсь поселенія въ до-монгольскую эпоху. Правдоподобно, южную границу этихъ поселеній составляли теченіе Гнилого Тикича и водораздѣлъ между Высю и Тясминомъ, съ одной стороны, и Росью—съ другой, до Днѣпра, а затѣмъ рубежъ шель Днѣпромъ въ сѣверу, до устья Корани.

Если это наложить на современную карту, то въ половинѣ XII в., въ эпоху, предшествующую упадку, Кіевская земля (не включая Турово—Пинской волости) занимала приблизительно: Кіевскую губернію, за исключеніемъ уѣздовъ Уманскаго, Чигиринскаго и южныхъ частей Липовецкаго, Звенигородскаго и Таращанскаго, узкую прибережную полосу надъ Днѣпромъ въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи и Остерскомъ—Черниговской, затѣмъ южную часть Рѣчицкаго и юго-восточную Мозырскаго уѣздовъ Минской, уѣзды Овручскій, Ровенскій (исключая сѣвернаго угла), Житомирскій, Новоградъ-Волинскій, Заславскій, Острожскій (граница его съ Дубенскимъ проходитъ какъ разъ по старому кіевскому рубежу) и восточные углы уѣздовъ Кременецкаго и Староконстантиновскаго—Волинской и сѣверныя части уѣздовъ Летичевскаго, Литинскаго и Винницкаго Подольской губерній.

Во второй половинѣ XII в. и въ первой половинѣ XIII Кіевская земля потерпѣла значительныя потери въ западной части: отъ нея отошла Погорина и весь юго-западный уголъ земли. Распри за Погорину начались открыто съ половины XII в., когда Юрій отнялъ Кіевъ у Изяслава; раньше обладаніе Погориною если, можетъ быть, и служило тайною причиною несогласій кіевскихъ князей съ волынскими, однако вопросъ этотъ не выступалъ наружу, и Погорина находилась въ полномъ распоряженіи кіевскихъ князей²⁾. Но Изяславъ, прогнанный на Волынь, въ 1150 г. требуетъ себѣ отъ Юрія земель

¹⁾ Объяснительная записка проф. В. Б. Антоновича. О поселеніяхъ за Росью см. также у Барсова, Географія с. 139, 298 сл. и П. В. Голубовскаго, Печенѣги etc. с. 138. Барсовъ обратилъ вниманіе еще на большое число поселеній, имена которыхъ показываютъ, что здѣсь проходилъ рубежъ: это разныя „городки“, „городища“, которые тянутся отъ водораздѣла Висы и Тясмина до Буга; но тутъ и позже проходили рубежи населенной полосы. Тотъ же ученный полагалъ, что Заросье уже не причислялось собственно къ кіевскимъ владѣніямъ; мнѣ кажется, оно должно было находиться въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Кіеву, какъ и Поросье, и нѣтъ никакихъ основаній дѣлать для него исключеніе.

²⁾ Ипат. с. 144, 172, 181.

по Горни: „то волость отца моего и моя по Горину“¹⁾; претензіи Изяслава простирались до г. Корческа на востокъ; нѣсколько разъ Погорина въ это время переходитъ изъ рукъ въ руки, но перевѣсъ остался за Кіевомъ²⁾. Южная часть ея, города именно *Шумскъ, Тихомель, Вышошевъ, Гнойница*, были одновременно захвачены Володиміромъ Галицкимъ, потомъ также возвращены³⁾. Но затѣмъ всю вторую половину XII в. Погорина составляетъ постоянно самостоятельный удѣлъ Кіевской земли, въ которомъ сидятъ родичи кіевскихъ князей⁴⁾; обособившись такимъ образомъ (особенно важно было въ этомъ отношеніи продолжительное, двадцатилѣтнее княженіе Владиміра Андреевича), Погорина, по мѣрѣ ослабленія Кіевского княжества, все болѣе и болѣе уходила изъ подъ вліянія Кіева и постепенно вошла въ сферу вліянія и интересовъ волынскихъ. Погоринскіе города: *Дорогобужъ, Пересопница, Шумскъ* упоминаются въ началѣ XIII в. въ числѣ городовъ Луцкаго княжества; Тихомель также упоминается, какъ волынскій городъ⁵⁾. А въ области верхней Случи и въ Побужьи въ первой половинѣ XIII в. появляется группа Болоховскихъ городовъ, освободившихся изъ подъ власти кіевскихъ кня-

¹⁾ Т. е. по Горни; Ипат. с. 276, также 281; приведенныя слова Изяслава довольно странно: отецъ его Мстиславъ, насколько намъ извѣстно, никогда не сидѣлъ на Волни.

²⁾ Ипат. л. с. 275, 280—281.

³⁾ Ипат. л. с. 281, 312, 313; Большая и Малая Гнойница къ западу отъ Заслава, на границѣ Заславскаго и Острожскаго у.; мѣстоположеніе Вышошева неизвѣстно, указываютъ на Вышгородокъ въ Кременецкомъ у., см. Погодина Изслѣд. IV. с. 162, Андрияшева Ист. Волн. зем. с. 35. Что захваченные Володиміромъ города принадлежали къ Кіевской землѣ (Погоринѣ), видно изъ того, что они называются *рускими* городами въ противоположность Галичу (Ипат. с. 312, 313), Шумскъ и позже принадлежалъ къ Погоринѣ (Ипат. с. 373). Если Изяславъ называетъ ихъ своими городами въ противоположность Кіевской волости (Ипат. с. 281—282), то потому, что онъ, сидя на Волни, претендовалъ на владѣніе Погориною, но это не значитъ, чтобъ города эти были дѣйствительно волынскіе (см. „Болоховскую землю“ Н. П. Дашкевича въ Трудахъ III археологич. съѣзда II. с. 76). Что города эти не остались за Галичемъ, но были возвращены потомъ, видно изъ того, что они позже вошли въ составъ Волни, вмѣстѣ со всею Погориною.

⁴⁾ Въ 1146 г. Изяславъ посадилъ на Погоринѣ Вячеслава, переведа его изъ Турова; Вячеславъ просидѣлъ здѣсь до 1150 г.; въ слѣдующемъ году видимъ на Погоринѣ Владиміра Андреевича, который оставался здѣсь до смерти (1171 г.), послѣ него захватилъ Погорину Владиміръ Мстиславичъ, передавшій ее потомъ сыну Мстиславу. См. Ипат. с. 270, 297, 305, 335, 373, 386.

⁵⁾ Ипат. л. с. 485, 488, 500, 513; Дорогобужъ существуетъ понынѣ на Горни, ок. Гоши, въ Острожскомъ уѣздѣ.

зей и достигшихъ автономіи ¹⁾. *Каменецъ* на Случи (теперь с. Каменка) былъ въ это время, повидимому, порубежнымъ городомъ, и мы видимъ его то въ рукахъ кіевскихъ князей, то волынскихъ ²⁾. Рубежь проходилъ въ это время, вѣроятно, по средней Случи, колеблясь и подаваясь то на западъ, то на востокъ, поворачивалъ на юго-востокъ, огибая верховья Тетерева, Раставицы и Роси, и затѣмъ, какъ было упомянуто, направлялся, правдоподобно, водораздѣломъ Роси, Тясмина и Выси ³⁾. Относительно сѣверной и восточной границъ за это время мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, которыя бы свидѣтельствовали объ ихъ измѣненіи.

Перейдемъ къ обзорѣню населенныхъ пунктовъ и урочищъ Кіевской земли. Начнемъ съ центра. *Кіевъ* занимаетъ, какъ извѣстно, свое старое мѣстоположеніе ⁴⁾. На мѣстѣ Стараго Кіева, на крутыхъ, обрывистыхъ холмахъ находился „городъ“, окруженный стѣнами, вѣроятно деревянными ⁵⁾, которыя прорѣзаны были воротами: съ юга вели ворота Лядскія, съ юго-запада Золотыя, съ сѣверо-запада Жиловскія. Въ этомъ верхнемъ городѣ находились знаменитѣйшіе храмы

¹⁾ О Волоховскихъ городахъ смотри еще ниже, въ обзорѣни населенныхъ мѣстностей.

²⁾ Ипат. с. 468, 503, 516, 521; см. изслѣдованіе Н. П. Дашкевича „Волоховская земля“ с. 77—78.

³⁾ Что касается Поросья, то хотя Торческъ и принадлежалъ Мстиславу Мстиславичу въ то время, какъ онъ сѣдѣлъ въ Галичѣ, а потомъ на Поднзьи (какъ велика была при этомъ волость, тянувшая къ Торческу, неизвѣстно), но эта волость не переставала считаться кіевскою, не была инкорпорирована галицкимъ владѣніемъ, и лѣтопись, говоря о передачѣ Даниломъ Торческа дѣтямъ Мстислава, выражается такъ: Данилъ же из Русское земли (т. е. Кіевской) взя собѣ часть Торцький, и наки да и дѣтемъ Мстиславимъ (Ипат. л. с. 511).

⁴⁾ Историческая топографія Кіева содержитъ не мало трудныхъ и спорныхъ вопросовъ и имѣетъ значительную литературу, но я ограничусь здѣсь лишь самыми общими свѣдѣніями. Главными пособіями для знакомства съ предметомъ служатъ въ настоящее время: большое „Описаніе Кіева“, Захревскаго (2-ое изд. 1868 г., 2 тома), второй томъ собранія сочиненій Максимовича и многочисленныя статьи и замѣтки о. П. Г. Лебединцева, помѣщавшіяся въ Трудахъ III археол. съѣзда, Читеніяхъ истор. общества Нестора, Кіевской Старинѣ и пр. Небольшой, но весьма живой очеркъ Кіева см. у г. Иловайскаго (Исторія Россіи т. I ч. 2. с. 3—15).

⁵⁾ Выраженіе лѣтописи: „заложи Ярославъ городъ великій Къневъ“ не можетъ служить доказательствомъ того, что стѣны были каменныя (какъ думалъ Погодинъ—Ислѣ-

Кіева: „митрополія“—св. Софія, громадний храмъ Богородицы Десятинной, монастыри св. Георгія, св. Ирины, Андреевскій—Янчинъ, Оедоровскій, Златоверхій—Михайловскій, Димитріевскій. Здѣсь же находился главный княжескій дворецъ—„великій дворъ Ярославль“, дворы князей и княгинь, бояръ; такъ упоминаются дворы извѣстныхъ бояръ: Коснячка, Чудина, Никифора, Воротислава, дворъ княгини Мстиславлей ¹⁾; тутъ же, по сосѣдству этой кіевской аристократіи, можетъ быть и подъ опекой ея, пріютился и еврейскій кварталъ—„жидове“, вѣроятно около Жидовскихъ воротъ ²⁾. У подножья горы, надъ Днѣпромъ раскинулось Подолье, торговая и промышленная часть города; открытая съ сѣвера, она была защищена палисадомъ—„столпьемъ“, которое шло отъ горъ до Днѣпра—оно упоминается въ XII в.; далѣе за „столпьемъ“ разстиралось низменное „болонье“ по теченію р. Сѣтомля ³⁾. Съ верхнимъ городомъ Подолье сообщалось „Боричевымъ узвозомъ“ и другимъ, болѣе отлогимъ спускомъ-подъ горою Уздыхальницею. Здѣсь, на Уздыхальницѣ, помѣщаются нѣкоторые пресловутый Копыревъ конецъ, предмѣстье съ монастыремъ св. Симеона и церквью св. Іоанна ⁴⁾, другіе помѣщаютъ его въ долину между Уздыхальницею и Щекавицею. На самомъ Подолѣ достовѣрно извѣстны только церкви св. Іліи и Успеня Богородицы, можетъ быть тождественная съ Пирогощею ⁵⁾. У южной оконечности Подола, въ устьѣ Почайны, которая падала въ Днѣпръ прежде гораздо ниже, противъ Крещатицкаго ручья, находилась главная пристань Кіева ⁶⁾.

дованія VII. с. 209); никакихъ остатковъ послѣднихъ пока не обнаружено. Въ послѣд-монгольское время Кіевъ, несомнѣнно, имѣлъ деревянныя стѣны—см. списокъ городовъ Воскресенской л. (I. с. 240): городъ Кіевъ древянъ, на Днѣпрѣ. Время составленія этого списка и происхожденіе его до сихъ поръ не установлено прочно; повидимому, онъ составляетъ собою сводъ данныхъ изъ разныхъ эпохъ и редактированъ не раньше конца XIV в.—см. Монографіи В. Б. Антоновича I с. 55, Замѣтки по ист. рус.-лит. госуд. Н. П. Дашкевича с. 49.

¹⁾ Ипат. с. 35, 120, 248.

²⁾ Ипат. с. 208.

³⁾ Ипат. с. 280, 353.

⁴⁾ Ипат. с. 206, 217, 250, 283. Историческія замѣтки о Кіевѣ о. Лебединцева въ Кіевск. Старинѣ за 1884 г. кн. X. с. 243. Проф. Лашкаревъ предполагалъ Копыревъ конецъ на Кудрявцѣ, гдѣ существуетъ фундаментъ древней церкви.

⁵⁾ О послѣдней см. замѣтку о. П. Лебединцева въ Кіевской Стар. 1887. XII. с. 779; его мнѣніе принято и проф. Малышевскимъ въ изслѣдованіи о церкви Богородицы Пирогощей—въ Чтеніяхъ общества Нестора кн. V и отдѣльно (с. 17—18).

⁶⁾ Ипат. с. 40. О старомъ устьѣ Почайны см. въ Описаніи Кіева Закревскаго (II. с. 718 слѣд.) и въ упомянутыхъ Историч. замѣткахъ о. Лебединцева (с. 250 сл.).

О многолюдности, обширности, богатствѣ города сохранилось не мало извѣстій. Такъ уже Дитмаръ, по слухамъ, называлъ его большимъ городомъ, въ которомъ 400 церквей, 8 рынковъ и несмѣтное множество народа. Адамъ Бременскій называетъ его соперникомъ Константинопольскаго престола, славнѣйшимъ украшеніемъ Греціи (т. е. странъ греческаго обряда) ¹⁾. По извѣстію суздальской лѣтописи, во время пожара 1124 г. въ Кіевѣ „церкви единѣхъ изгорѣ близъ 6 сотъ“ ²⁾. Эти громадныя цѣфры церквей обыкновенно оправдываютъ такъ, что предполагаютъ въ этомъ числѣ многочисленныя часовни и домовыя церкви; по существующимъ даннымъ можно насчитать въ до-монгольскую эпоху въ Кіевѣ и его окрестностяхъ вмѣстѣ съ монастырями около 30 церквей. Что до рынковъ, мы знаемъ только большое „торговище“ на Подольѣ, которое послѣ возстанія 1068 г. было переведено на гору, но снова является на Подольѣ въ XII в., и затѣмъ „Бабинъ торгъ“ въ верхнемъ городѣ: его помѣщаютъ у Десятинной церкви ³⁾.

Населеніе Кіева было дѣйствительно очень значительно; лѣтописецъ передаетъ, что во время мора 1192 г. отъ Филиппова дня до мясопуцъ, въ два съ половиною мѣсяца, умерло, по словамъ гробовщиковъ, 7000 человекъ; а сколько кромѣ того обошлось безъ услугъ гробовщиковъ! Моръ этотъ не произвелъ однако значительнаго опустошенія: въ томъ же году кіевское населеніе проявило свою энергію довольно сильно, и лѣтописецъ не жалуется на заустѣніе; поэтому нужно предположить, что населенія въ городѣ было, примѣрно, не менѣе ста тысячъ ⁴⁾. Бойкая торговля привлекала сверхъ туземцевъ много „насельниковъ“ ⁵⁾ изъ разныхъ мѣстъ: здѣсь существовала цѣлая колонія новгородцевъ, имѣвшихъ свою „божницу“ ⁶⁾, колоніи западныхъ купцовъ—нѣмцевъ или „латинъ“, тоже имѣвшихъ свои церкви ⁷⁾, проживало, несомнѣнно, много грековъ по духовнымъ и торговымъ дѣламъ; о еврейскомъ кварталѣ я уже упомянулъ, есть намеки

¹⁾ Thietmari Chronicon l. VIII, c. XVI (въ Monum. Pol. Hist. I. p. 318). Adami Bremensis Gesta l. II. c. 19 (въ Scriptorum rerum Germanicarum. 1846 p. 62).

²⁾ Лаврент. л. с. 278.

³⁾ Ип. 120, 122, 249. Закревскій оп. с. I. с. 200.

⁴⁾ Ип. с. 150—151, см. Иловайскій Исторія т. 1 ч. 2. с. 14.

⁵⁾ Ип. с. 478: множество вѣрныхъ Кыянъ и насельники ихъ.

⁶⁾ Лавр. с. 302.

⁷⁾ Ипат. л. с. 393, 1 Новгор. с. 50. См. также буллу папы Григорія IX къ кіевскимъ католикамъ 1234 г., въ Historica Russ. Mon. I. № 89. Объ иноземныхъ церквяхъ

на существованіе и армянской колоніи; вѣроятно, проживали въ Кіевѣ и восточные купцы ¹⁾. Смуты XII вѣка, двукратное разореніе Кіева—должны были тяжело отражаться на благосостояніи города его торговлѣ и уменьшать постепенно его населеніе; въ частности, еврейская колонія, вѣроятно, сильно уменьшилась еще раньше, послѣ погрома 1113 г. ²⁾. Тѣмъ не менѣе иностранныя колоніи упоминаются въ Кіевѣ вплоть до монгольскаго нашествія.

Вокругъ Кіева, во всѣхъ направленіяхъ, находился цѣлый рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, историческихъ поселеній и урочищъ. На сѣверо-западѣ отъ города, по дорогѣ въ Вышгородъ находились урочища *Дорогожичи*, съ монастыремъ св. Кирилла, и *Капичь* ³⁾; на западѣ—*Буличи* (можетъ быть теперешнія Бѣличы) и знаменитая *Желань*, мѣсто многихъ битвъ и схватокъ (должно быть на мѣстѣ теперешняго с. Жуляны) ⁴⁾; гдѣ-то на Лыбеди находилось сельцо *Предславино*, гдѣ жила когда-то Рогнядь ⁵⁾. Къ югу отъ города, за долиною, по которой протекалъ Крещатицкій ручей, на Кловскомъ холмѣ находился монастырь Стефанечъ съ церковью Влахернской Божьей

см. 1 Новгор. (с. 26): „а что гости иноземца всякого языка, затворишася въ церквахъ и въдана имъ животь“; правдоподобно, тутъ рѣчь идетъ о церквахъ не туземныхъ; ср. Ист. рус. церкви Голубинскаго т. I. пол. 2. с. 705—706. Несомнѣнно существовалъ во второй четверти XIII в. костель св. Маріи, при которомъ основали около 1230 г. свой конвентъ доминиканцы; самый костель, повидимому, существовалъ и раньше, см. Длугошъ I. VI. р. 649. Малышевскій,—Доминиканецъ Ядекъ Одровонжъ, Труды Кіевской Дух. Акад. 1867 г. кн. VI. с. 435.

¹⁾ На присутствіе армянъ въ Кіевѣ указываютъ: полемическія замѣчанія о нихъ въ посланіяхъ Θεодосія къ Изяславу и Никифора къ Ярославу (см. у Макарія—Ист. рус. церкви, приложения 5 и 10, с. 338 и 365), въ Уставѣ бѣлечскомъ м. Георгія (изд. у Голубинскаго Ист. рус. церкви, томъ I половина 1 509 сл., § 6), а главное—свидѣтельство Патерика (въ житіи св. Агапита), что врачъ армянинъ „научи на св. Агапита) единовѣрники своя“ дать ему смертнаго зелья (Патерикъ въ изд. Яковлева с. 132); ср. Историю рус. церкви проф. Голубинскаго т. I. пол. 2, с. 708. О сарацинахъ упоминаетъ Θεодосій въ вышеупомянутомъ ноученіи, вспомнимъ также Петра „Сурянина“—т. е. сирійца, придворнаго княжескаго доктора начала XII в. (Патерикъ с. 101).

²⁾ Ср. Евреи въ Южной Руси проф. Малышевскаго с. 112.

³⁾ Ипат. с. 50, 372, 414, 457.

⁴⁾ Ипат. с. 154, 215, 354, 365. Лавр. 297. Погодинъ Исслѣдов. и пр. IV с. 190. Похилевичъ—Кіевскій и Радомысльскій у. с. 16 и 86; авторъ полагаетъ, что имя Желани носилъ теперешній ручей Борщоговка, въ с. Жулянахъ; это весьма вѣроятно. Закревскій (I с. 311) полагалъ, что лѣтописная Желань находилась между Лыбедью и Кирилловскимъ монастыремъ.

⁵⁾ Ипат. с. 53.

Матери ¹⁾. На юго-востокъ оттуда, надъ Днѣпромъ, было урочище *Угорское* и въ немъ княжескій дворець („подъ Угорскимъ“) ²⁾, тутъ же была и церковь св. Николая—у Аскольдовой могилы ³⁾; нѣсколько ниже лежало село *Берестово*—здѣсь упоминается церковь св. Апостоль, а позднѣе, вмѣстѣ съ нею или на мѣстѣ ея, былъ монастырь Спаса, который многіе отождествляютъ съ Германовскимъ (Германечь) ⁴⁾. Вся эта мѣстность была, какъ видно, укрѣплена, и въ укрѣпленіе вели Угорскі ворота; кажется, что вся она составляла княжеское помѣстье, и самый Печерскій монастырь, находившійся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Берестовымъ, едвали не былъ расположенъ на этой княжеской землѣ ⁵⁾. Ниже Печерскаго монастыря—урочище *Выдобичи*, монастырь Всеволожъ св. Михаила и „красный дворъ“, выстроенный Всеволодомъ ⁶⁾. Кромѣ упомянутыхъ трехъ княжескихъ дворцовъ, былъ гдѣ-то еще „Новый дворъ“, затѣмъ за Днѣпромъ „Рай“, загородный дворъ кн. Юрія; на островѣ, противъ Выдобичь, былъ, кажется, также загородный княжескій дворець, въ которомъ жилъ Изяславъ Мстиславичъ въ 1149 г. ⁷⁾, и послѣ татарскаго нашествія жилъ тамъ же, вѣроятно, Михаилъ Всеволодичъ ⁸⁾; наконецъ Теремець, упоминаемый подъ 1150 г., вѣроятно теперешній хуторъ Теремки по дорогѣ въ Васильвовъ, былъ, можетъ быть, такъ же княжескимъ загороднымъ дворцомъ ⁹⁾.

Днѣпровское русло подъ Кіевомъ образуетъ много рукавовъ и заливовъ; отъ нижней Десны отдѣляется рукавъ Черторья и образуетъ большой островъ противъ Кіева, теперешній Трухановъ; на этомъ островѣ извѣстно урочище Долобское озеро, соединявшееся протокомъ

¹⁾ Ипат. с. 162, 188, 201.

²⁾ Ипат. с. 307.

³⁾ Ипат. с. 13.

⁴⁾ Ипат. с. 109, 127, 425. Исторія рус. церкви м. Макарія П. с. 91. Ист. рус. ц. Голубинскаго I. 2. с. 488.

⁵⁾ Мнѣ кажется вполне вѣроятнымъ мнѣніе г. Иловайскаго, который отождествляетъ княжескій дворъ „подъ Угорскимъ“ съ дворомъ на Берестовѣ (Ипат. л. с. 90, 161), см. Ист. Россіи т. I. ч. 2, с. 515; здѣсь же и объ Угорскихъ воротахъ (Ипат. с. 296).

⁶⁾ Ипат. с. 162, 475.

⁷⁾ „Для увеселенія“—подняеть Татищевъ (Исторія Россійск. П с. 337).

⁸⁾ Ипат. с. 261, 336, 474, 524.

⁹⁾ Лавр. с. 311. Сборникъ матер. для истор. топогр. Кіева, отд. III. с. 106. Похилевичъ, Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій с. 88.

сь Черторыею; невеликою волокою відділяють це озеро від дніпровського заливів—Золотичи; ці урочища помітні, як місця князівських с'їздів¹⁾; цим же шляхом: Долобським озером і затієм волокою в Золотичу, пройшов в 1151 г. Юрій, бажаючи обійти лодями Київ²⁾. Другий проток, тільки менше значительний ч'їм. Черторія,— Радосинь (тепер Радунь), згадується в літописі під 1111 г.³⁾. На острові, образуєму їю, у теперішнього с. Вигурівщини, знаходився знаменитий *Городець*, багато раз згадуваний в XI і XII в., місце князівських с'їздів, опорний пункт в походах на Київ; той же Городець, в'їроятно, сл'їдує розуміти і під „*Песочномъ городкомъ*“, із якого в 1237 г. любився „красотою і величчям“ Києва хан Менгу⁴⁾. Щоб покінчити з Дніпровським, нам треба назвати ще кілька пунктів: у устьї Десни, на південному березі її, п'їкаторі поміщають *Ольжичи*, село св. Ольги по словам літописця⁵⁾. Проти Вшгорода, у теперішнього с. Хотяновки, було уро-

¹⁾ Іпат. л. с. 181, 182, 191, 293, 420—1. О Черторія і проч. см. у Закревського (Описаніє Києва I. 297—299, 327). Барсова (Географія нач. літ. с. 22, 149), Погодин (см. карту окрестностей Києва в його атласі к Древней русск. ист.) і другі поміщають Долобське озеро і Золотичу не на острові, а на лівому березі Дніпра. Поміщаючи їх на острові, я руководствувався як добутими лично свід'їнями, так і грамотою 1508 г., гд'ї жалуется Пустинно—Николаевському монастирю „озеро на имя Долобеск в острові в Туханові“ (Сборник матер. для истор. топ. Києва, отд. III. с. 11—из Актов Зап. Россіи II. с. 45).

²⁾ Хоча бим вниз пойти к Витечеському броду, и см'їющим же им пустити лодии мимо Киев, но пустиша в во озеро Дульбское (Долобское—Лавр.) и оттол'ї волочиша в берегом в Золотчу, по Золотчи же видоша во Дн'їпр лод'ї их“—Іпат. с. 293.

³⁾ Іпат. л. 193 293; о Радосини см. брошюру г. Голкевича: Замок князя Симеона Олельковича и літописный Городець под Киевом, Киев 1890 г. (также в Трудах Киевск. Духовн. Акад. 1890 г. кн. 2) с. 15.; Радосинь вытекала из Десны у с. Троещины и обогнув его, падала в Черторию ниже с. Вигуровщины у Барсова—Географія с. 22 и 224—и'їсколько иначе).

⁴⁾ Іпат. л. с. 520—1. Относящіяся к Городцу м'їста літописи собраны в упомянутой брошюре г. Голкевича с. 20 сл.; см. также Барсова Географію с. 143, 297; для опред'їленія м'їстности особенно важны Іпат. с. 141, 193, 213. Обыкновенно этот киевскій городок называется Городцемъ, а Остерскій—Городкомъ, но иногда также и Городцемъ, см. Іпат. с. 255 и 314, гд'ї р'їчь идетъ объ Остерскомъ городк'ї.

⁵⁾ Іпат. л. с. 38, 222, 315, 351, 424; см. Барсова Географію с. 143 и упомянутую карту в атласі Погодина. Опред'їлить точно м'їстоположеніє Ольжич на основаніи літописныхъ свід'їтельствъ трудно: видно только, что он'ї лежали по дорог'ї в Чернигов, сл'їдовательно выше Києва. Максимовичъ предполагалъ Ольжичи на правомъ березі Дн'їпра, между Дорогожичами и Вшгородомъ (Собр. соч. II с. 345—6), но доводи его

чище *Вѣтчи*; по весьма вѣроятному соображенію В. Б. Антоновича, это пресловутые Увѣтчи или Ветичи, мѣсто сѣзда 1100-го г. ¹⁾, которое ученые приурочивали то къ Витичеву, то къ р. Ветѣ (около Кіева, къ югу, верстахъ въ 15) ²⁾. Заднѣпровскіе Ветичи имѣютъ то преимущество предъ Витичевымъ и Ветою, что находятся за Днѣпромъ въ той нейтральной полосѣ, на которой по преимуществу сѣзжались на сѣзды князья. По аналогіи нѣкоторые и Любечъ, мѣсто сѣзда 1097-го г., также переносятъ въ окрестности Кіева, къ нѣкоему озеру Подлюбскому, на лѣвой сторонѣ Днѣпра ³⁾.

Къ югу отъ Кіева, кромѣ упомянутого уже *Сакова*, въ той же заднѣпровской полосѣ, противъ Витичева, должно быть, повидимому, помѣщено село *Мирославское*, упоминаемое подъ 1150 г. ⁴⁾; въ концѣ XIV вѣка въ кіевскомъ Заднѣпровьѣ существовали также *Милославичи*, но слѣдуетъ ли ихъ отождествить съ этимъ селомъ Мирославскимъ, или нѣтъ—трудно рѣшить (нѣкоторые отождествляютъ Милославичи XIV в. съ нынѣшнимъ с. Вигуровщиною; въ такомъ случаѣ, конечно, ихъ нельзя отождествить съ с. Мирославскимъ ⁵⁾).

Для сообщенія съ Заднѣпровьемъ издревле существовалъ около Кіева перевозъ; еще во времена начального лѣтописца были люди, которые

не убѣдительно; выраженіе „на сей сторонѣ Днѣпра у Лжичъ“ (Ипат. с. 316) не имѣетъ значенія: лѣтописецъ говоритъ объ осадѣ Чернигова и съ точки зрѣнія послѣдняго могъ смотрѣть и на Ольжичи. Въ пользу лѣваго берега говоритъ то, что у Ольжичъ сѣзжались черниговскіе князья для переговоровъ съ кіевскимъ (Ип. с. 222): они вѣдь не любятъ забираться за Днѣпръ.

¹⁾ Ипат. л. (с. 180) и Лавр. сл. (с. 263.): въ увѣтчихъ; въ Радзив. и Академическомъ: у ветичехъ. Урочище Ветова могила и Ветичи упоминаются въ межеровомъ актѣ 1713 г., см. Сборн. матер. для ист. топогр. Кіева, отд. III. 185, 186.

²⁾ Къ Витичеву приурочивали ихъ: Карамзинъ (II, пр. 195), Арцибашевъ (I. 2. пр. 329), Костомаровъ (Русск. ист. 1. 56), Иловайскій (I. пр. 47). На р. Вету указалъ впервые Максимовичъ, и его мнѣніе было принято затѣмъ Погодинымъ (Исслѣд. IV. с. 162), Соловьевымъ (II. пр. 132) и Барсовымъ (Географія с. 144); см. также Похлевица Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 106.

³⁾ См. Географію Барсова с. 143, упомянутую карту Погодина, также Учебный атласъ проф. Замисловскаго, карту № 2.

⁴⁾ Ипат. л. с. 294: сташа же на Витичевѣ у Мирославскаго села противу собѣ. Какой-то Мирославицъ упоминается въ спискѣ городовъ Воскресенской л. (I. 240), рядомъ съ Вышгородомъ.

⁵⁾ 1 литов.-русс. лѣтопись (изд. Попова с. 40); Новицкій — Указатель къ изд. кіевск. археограф. комис. т. II. с. 500, 505.

возникновение Киева объясняли существованіемъ этого перевоза— „ини не вѣдуце ркоша, яко Кий есть перевозникъ бысть, у Киева бо перевозъ бѣше тогда съ оной страны Днепра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Киевъ“ ¹⁾. Мономахъ соединилъ Киевъ съ Заднѣпровьемъ мостомъ, вѣроятно плувчимъ, разводнымъ; назначенный, конечно, главнымъ образомъ для сообщенія съ Переяславскою волостью Мономаха, онъ находился, вѣроятно, пониже Киева, гдѣ нибудь у Выдубичей, гдѣ раньше упоминается перевозъ ²⁾. Позднѣе мы не имѣемъ о немъ извѣстій, опять фигурируетъ „первозъ Киевскій“, и войска подъ Киевомъ переправляются на насадахъ ³⁾.

Перейдемъ къ обзорѣннѣю другихъ населенныхъ пунктовъ Полянсконъ земли. Пovyше Киева, въ 15 верстахъ ⁴⁾, на Днѣпрѣ стоялъ знаменитѣйшій изъ пригородовъ Киевщины *Вышгородъ*, упоминаемый и у Константина Порфиророднаго, какъ одинъ изъ значительныхъ городовъ ⁵⁾. Онъ былъ расположенъ на высокомъ холмѣ, прекрасно укрѣпленъ и служилъ форпостомъ Киева съ сѣвера; около него обыкновенно переправлялись черезъ Днѣпръ, если шли на Киевъ со стороны Чернигова или изъ Киева на Черниговъ, чтобы не переходить Десны ⁶⁾. Помимо того онъ былъ замѣчательнъ и религіозной святыней—мощами св. Бориса и Глѣба, патроновъ Руси (заступника Русской земли) ⁷⁾, въ честь которыхъ была выстроена деревянная, а потомъ и каменная церковь, на мѣстѣ старой—св. Василя, сторгѣвшей отъ пожара. Несторъ въ своемъ „Чтеніи“ величаетъ поэтому Вышгородъ блаженнымъ, честнымъ, святымъ городомъ ⁸⁾. Въ окрестностяхъ

¹⁾ Ипат. л. с. 5.

²⁾ Ипат. с. 203 (подъ 1115 годомъ). Иловайскій, *Ист. Рос.* 1 с. 147. Позднѣйшій Ермолаевскій списокъ (Поли. собр. лѣтоп. II. с. 7) и Татищевъ (*Россійск. Исторія* II. с. 216) помѣщаютъ мостъ у Вышгорода; Максимовичъ (*Собр. сочин.* II с. 345.) предполагаетъ его ниже Вышгорода, по дорогѣ въ Черниговъ, но Мономаху интереснѣе было соединить Киевъ съ Переяславомъ, чѣмъ съ Черниговомъ.

³⁾ Ипат. с. 232, 280.

⁴⁾ Въ „Чтеніи“ о Борисѣ и Глѣбѣ Нестора—въ 15-и стадіяхъ (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1859 г. кн. 1. с. 10).

⁵⁾ De administr. imper. с. IX.

⁶⁾ Напримѣръ Ипат. л. 217, 304, 325 и друг.

⁷⁾ Ипат. с. 96.

⁸⁾ „Чтеніе“ Нестора с. 10, 14, 23—24; Ип. с. 201. Объ остаткахъ древней церкви см. у Похилевича, *Уѣзды Киевскій и Радомисл.* с. 5.

Вышгорода, гдѣ-то къ сѣверу отъ него, извѣстна еще безыменная „божница“; нѣкоторые полагаютъ ее на мѣстѣ нынѣшняго Межигорскаго монастыря ¹⁾. На островѣ подъ Вышгородомъ былъ, повидимому, княжескій дворъ: здѣсь жилъ передъ смертью Всеволодъ Ольговичъ ²⁾.

Къ западу отъ Кіева, въ 20 верстахъ, на правой сторонѣ Ирпени, на крутомъ берегу, находился другой знаменитый пригородъ—*Бѣлгородъ* (теперь м. Бѣлгородка), служившій кievскимъ форпостомъ съ запада: сюда шель трактъ на Воынь и въ Галичь, „въ Ляхи и Угры“; городъ былъ также хорошо укрѣпленъ—еще Владиміромъ; черезъ Ирпень былъ перекинутъ подъемный мостъ ³⁾. Кромѣ того Бѣлгородъ былъ замѣчательнъ, какъ епископская каеэдра; каеэдральная церковь—св. Апостолъ была сначала деревянная; Рюрикъ Ростиславичъ выстроилъ каменную (1197 г.) ⁴⁾.

Къ югу отъ Кіева находился *Звенигородъ*, „иже есть городъ малъ у Кіева, яко десяти версты вдале“, по дорогѣ къ Васильову: городокъ замѣчательный тѣмъ, что въ немъ совершенно было ослѣпленіе Василья; съ большою вѣроятностью онъ приучивается къ „Сиракову городищу“ у с. Хотова ⁵⁾. Къ сосѣднему городищу, тоже типа т. н. великовняжескаго, у Китаевской пустыни, покойный Максимовичъ приурочивалъ городъ *Пересѣченъ*, мѣстоположеніе котораго не определено ближе въ источникахъ ⁶⁾.

¹⁾ Ипат. л. с. 352. Максимовичъ Собр. сочин. II. с. 256.

²⁾ Ипат. л. с. 229.

³⁾ Ипат. с. 83, 288. О Бѣлгородѣ см. замѣтку г. Хруцова въ Чтеніяхъ общества Нестора I. с. 262.

⁴⁾ Ипат. с. 225, 473.

⁵⁾ Ипат. с. 170, 300. О мѣстоположеніи его см. статью В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ ист. Общества Нестора кн. I с. 37 (и въ Древностяхъ Москов. Арх. Общ. т. I в. I); его мнѣніе принялъ и г. Иловайскій (Ист. Россіи т. I ч. 2 с. 517). Покойный Максимовичъ приурочивалъ Звенигородъ къ с. Звонковой, на Ирпени, ниже Бѣлгородки (Собрание сочин. т. I. с. 320).

⁶⁾ Ипат. л. 325, 350. Объяснит. Записка В. Б. Антоновича и рефератъ его же въ Чтеніяхъ Кіевск. общ. Нестора кн. I с. 256. Въ спискѣ городовъ Воскресенскаго свода Пересѣченъ помѣщенъ между Юрьевымъ и Василевымъ. О немъ см. еще въ Очеркѣ извѣстій о Подольской землѣ г. Молчановскаго (с. 34—35), который, принимая предположеніе Максимовича, сближаетъ китаевскій Пересѣченъ съ Пересѣчною 914 г. (Никонов. л. т. I с. 26), городомъ улицей (по мнѣнію г. Молчановскаго—древлянъ). Что до типовъ городищъ, то современная археологія въ общихъ чертахъ установила для нашего края три типа ихъ: доисторическій, періода историческаго—княжескаго (до XV в.) и новѣйшій, при

Еще южнѣе, по р. Стугнѣ, находился цѣлый рядъ городовъ. Между устьями Стугны и Красной, надъ Днѣпромъ, на крутомъ мысу, съ трехъ сторонъ окруженномъ водою, находимъ *Треполь*, довольно значительный, хорошо укрѣпленный городъ; у него находился бродъ черезъ Днѣпръ, четвертый, считая съ сѣвера, изъ извѣстныхъ въ Киевской землѣ: выше были переправы у Выдобичъ, у Вышгорода и на устьѣ Припети—у „Давидовой боженки“ ¹⁾. Выше Треполя по Стугнѣ находился *Тумаць*; онъ, какъ видно изъ лѣтописнаго разсказа, лежалъ на пути изъ Звенигорода къ Перепетову полю (о которомъ ниже) и какъ будто у самой Стугны; линія, соединяющая Звенигородъ и Тумаць, пересѣкала затѣмъ Ольшаницу, такъ что это поселеніе нужно полагать около теперешняго с. Ханьбикова ²⁾. Нѣсколько выше Тумаща стоялъ *Василевъ*, теперешній Васильковъ, одинъ изъ важнѣйшихъ киевскихъ пригородовъ, родина св. Θεодосія Печерскаго; городъ получилъ свое имя, вѣроятно, въ честь христіанскаго патрона св. Владиміра, который выстроилъ здѣсь и церковь Преображенія, въ память своего спасенія отъ печенѣговъ; самый го-

---

норовленный къ условіямъ употребленія огнестрѣльныхъ орудій. Городища перваго типа преимущественно имѣютъ круглую или эллиптическую форму; городища втораго типа расположены обыкновенно на уединенныхъ возвышенностяхъ, естественныхъ или отрѣзанныхъ искусственно, формы укрѣпленій обуславливаются контурами возвышенности и обыкновенно неправильны, при чемъ городище, если позволяютъ условія мѣстности, окружено еще нѣсколькими концентрическими рядами валовъ; новѣйшія городища имѣютъ правильную геометрическую форму. Эти типическія особенности могутъ служить основаніемъ для опредѣленія эпохи сооруженія, хотя иногда первоначальный типъ бываетъ измѣненъ позднѣйшими фортификаціонными сооруженіями. Смори объ этомъ у г. Самоквасова Древніе города Росіи с. 112 сл. (или рефератъ—Историческое значеніе городищъ, въ Трудахъ III археолог. съѣзда т. I, с. 229 сл., и по поводу его с. XXXIII—XXXV) и рефератъ В. Б. Антоновича—въ Читеніяхъ Общества Нестора (кн. III с. 14—15); возраженія, сдѣланныя противъ этой классификаціи Д. И. Багалъемъ (Ист. Сѣверск. з. с. 59 сл.), вызвали въ свою очередь возраженія г. Андрияшева—Ист. Вол. земли. с. 51 сл.

¹⁾ Ипат. с. 153—4, 409; теперешнее Триполье лежитъ къ югу отъ устья Красной, но древній городъ находился къ сѣверу отъ него, какъ видно изъ лѣтописнаго разсказа подъ 1093 г.

²⁾ Ипат. с. 279: „Изяславъ поиде отъ Звенигорода къ Тумаць... въ утрий же день поиде противу Володимиру... и перешедъ Стугну и Ольшаницу переиде“. Здѣсь помѣщаетъ Тумаць, впрочемъ гипотетично, и В. Б. Антоновичъ, см. карту къ упомянутой статьѣ его о Звенигородѣ въ „Чтеніяхъ“. Г. Андриевскій (Киевск. Стар. 1882 IX с. 443) указываетъ на с. Баракти, гдѣ есть „кутокъ Тимошіевка“, но Тумаць былъ къ сѣверу отъ Стугны.

родъ, впрочемъ, могъ существовать и до Владиміра, и послѣдній, можетъ быть, только укрѣпилъ его, какъ и Бѣлгородъ ¹⁾). Въ той же приблизительно полосѣ, далѣе къ западу, находился *Верневъ* или *Черневъ*—на пути отъ Бѣлгорода къ Перепетову полю, къ сѣверу отъ вала ²⁾). Эти города и городки и, вѣроятно, многіе еще, намъ неизвѣстные, входили въ составъ той оборонительной линіи, которая была создана Владиміромъ: „и рече Володимерь: се не добро есть, мало городовъ около Києва, и нача ставити города по Деснѣ, и по Устри, и по Трубешевѣ, и по Сулѣ, и по Стугнѣ“ ³⁾); одни города были выстроены вновь, и для заселенія ихъ приведены насельники изъ дальнихъ волостей, другіе, прежде существовавшіе, были теперь укрѣплены. Кромѣ городовъ, эта граница была укрѣплена, по свидѣтельству очевидца—еп. Брунона, длинною и вѣрною оградю ⁴⁾). Въ настоящее время сохранились остатки трехъ валовъ въ этой мѣстности. Первый проходитъ по сѣверному берегу Стугны, потомъ поворачиваетъ на сѣверъ, пересѣкая р. Ирпень и Здвизжъ; слѣды его затѣмъ теряются, но можно предположить, что онъ поворачивалъ на сѣверо-востокъ и доходилъ до Днѣпра; около м. Макарова отъ этой линіи отдѣляется вѣтвь, правдоподобно переходившая за Тетеревь и также направлявшаяся затѣмъ на сѣверо-востокъ. Вторая линія направляется по южному берегу Стугны, у с. Мытницы поворачиваетъ на сѣверъ и соединяется съ первою линіею; тутъ большая вѣтвь идетъ отъ нея на западъ, къ верховьямъ Здвижа. Третья линія идетъ по

¹⁾ Ипат. с. 76, 85—86 и др. Житіе Феодосія л. 1 обор.: „градъ есть отстоя отъ Києва, града стольнаго, 50 поприщъ, именовъ Василевъ“; по теперешнему отъ Києва до Василькова ок. 30 верстъ.

²⁾ Ипат. с. 300: Гюрги (отъ Бѣлгорода) иде черес боръ къ Верневу (Черневу) и оттолѣ иде за валъ и ста у Бзыницѣ (Воскр. л. 54—Бзыницѣ). Надеждинъ и Неволинъ для Вернева указывали на мѣстечко Черногородку, на Ирпени (Погодинъ, Исслѣд. и пр. IV с. 183), есть еще похожія имена—Чернявка на Унавѣ, Берники на Каменкѣ, къ югу отъ Фастова, но всѣ они лежатъ слишкомъ далеко на западъ, не по дорогѣ—Юрій шелъ прямо на югъ, на Перепетово; валъ, упоминаемый лѣтописью, вѣроятно тотъ, что идетъ отъ с. Мытницы на западъ (о немъ будетъ рѣчь сейчасъ), къ сѣверу отъ него нужно предполагать Черневъ, а непосредственно къ югу—Бзыниду.

³⁾ Ипат. л. с. 83.

⁴⁾ Senior Ruzorum duos dies cum exercitu duxit me ipse usque ad regni sui terminum ultimum, quem propter vagum hostem firmissima ac longissima sepe undique circumclausit. Monum. Poloniae hist. I. p. 224—5.

сѣверному берегу р. Красной и затѣмъ направляется на сѣверо-западъ; вѣроятно, этотъ валъ примыкалъ ко второй линіи ¹⁾. Эта сложная система валовъ сложилась разновременно, по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ историческихъ условій расширялась или суживалась область осѣдлыхъ поселеній; приурочить отдѣльныя сооруженія къ опредѣленной эпохѣ трудно. В. Б. Антоновичъ, основываясь на показаніяхъ Брунона, полагаетъ, что Владиміру Св. принадлежитъ устройство первой линіи вала, которая проходитъ верстахъ въ 50 отъ Кіева; съ исходомъ же XI в. валы, по его мнѣнію, уже утратили свое стратегическое значеніе ²⁾.

На Стугнѣ же, недалеко отъ Триполья, находится любопытное урочище—Торчъ съ остатками крѣпости на высокой (ок. 600 ф. надъ уровнемъ Стугны), пирамидальной горѣ, у с. Старыхъ Безрадиць ³⁾. Къ этой мѣстности многіе приурочиваютъ *Торческій*, одинъ изъ значительныхъ городовъ Кіевской земли, населенный торками ⁴⁾. Этотъ

¹⁾ О валахъ см. статью „Зміевы валы“ В. Б. Антоновича (въ Кіевской Старинѣ за 1884 г. кн. III), его же археологическую карту кіевской губ. и объяснительную записку къ ней. О постройкѣ городовъ Владиміромъ см. специальную статью проф. Бережкова въ Читеніяхъ Ист. Общ. Нестора кн. II отд. 2 с. 71 сл.

²⁾ Зміевы валы, с. 365, 368, 370.

³⁾ Описаніе Торча см. въ упоминаемой въ слѣдующемъ примѣчаніи статьѣ г. Ревякина; городище треугольное, окруженностью шаговъ въ 120.

⁴⁾ Впервые эта мысль высказана была П. И. Ревякинымъ въ статьѣ „Сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою о древнемъ Торческѣ“—Кіевск. Губ. Вѣдом. за 1863 г. №№ 33 и 34, и почти одновременно (хотя не вполне опредѣленно) въ статьѣ, принадлежащей, кажется, г. Похилевичу—тамъ же въ № 28 (ср. Сказанія о насел. мѣстн. Кіевск. г. с. 39—41). Г. Ревякинъ записалъ изъ устъ обывателей преданіе, что на Торческой горѣ, „ще за тѣхъ князьків, що колись-то князували у Києві, Красному і Трипіллі, тому може с тисячу літ йе“ находился городъ Торчъ, который былъ осажденъ ордою; князья пришли на помощь, но пока они „колотились та радились“, орда напала на нихъ и потопила въ Стугнѣ, а Торчъ взяла хитростью, проведя своихъ воиновъ въ городъ въ возахъ, наполненныхъ якобы провіантомъ. Преданіе это приведено также въ статьѣ г. Стоянова: „Южнорусская пѣсня о событіи XI в.“ въ Кіевской Старинѣ 1882 г., VII с. 88 слѣд., и затѣмъ, въ переводѣ, у П. В. Голубовскаго Печенѣги etc., с. 237 слѣд. П. В. Голубовскій относится съ довѣріемъ къ этому преданію, но близость къ лѣтописному разсказу, доходящая до мелочей, дѣлаетъ его чрезвычайно подозрительнымъ; хотя рассказчики и ссылаются на своихъ дѣдовъ, овъ, вѣроятно, княжнаго происхожденія и только приняли нѣкоторыя сказочныя подробности (о войнахъ, провезенныхъ въ возахъ, о церкви, скрывшейся подъ землею); такое мнѣніе высказалъ о немъ Н. И. Костомаровъ (см. замѣтку его въ Кіевской Старинѣ 1882 кн. VIII. с. 362 сл.). Мнѣніе П. И. Ревякина, что

кріпкий городъ былъ взятъ половцями и разрушенъ въ 1093 г., затѣмъ имя его исчезаетъ изъ історіи и появляется снова только во второй половинѣ XII в. (съ 1161 г.); онъ играетъ въ это время видную роль, является по временамъ какъ бы центромъ Поросья, а въ XIII в., при Мстиславѣ Мстиславичѣ, къ нему какъ будто тянуло даже цѣлое Понизье ¹⁾. Другіе ученые держатся стараго мнѣнія, высказаннаго первоначально Карамзинымъ, что Торческъ находился на мѣстѣ с. Торчицы на р. Торчи, Таращанскаго уѣзда ²⁾, или полагають, что Торческовъ въ Кіевской землѣ было нѣсколько ³⁾. Мнѣ кажется, нѣтъ серьезныхъ препятствій къ тому, чтобы отождествлять Торческъ XI в. съ Торческомъ XII в., но этотъ Торческъ, по моему мнѣнію, также трудно приурочить къ Старымъ Безрадицамъ, какъ и къ с. Торчицѣ; мнѣ кажется, что этотъ Торческъ находился гдѣ нибудь къ юго-западу отъ Старыхъ Безрадиць, въ центрѣ Поросья ⁴⁾. Что же касается урочища Торчь, то можетъ быть, здѣсь были поселены остатки тор-

---

лѣтописный Торческъ находился у Старыхъ Безрадиць, принято было затѣмъ В. Б. Антоновичемъ (Чтенія ист. общ. Нестора I. с. 40), П. В. Голубовскимъ (Печенѣги etc. с. 139), Костомаровымъ—въ упомянутой выше замѣткѣ (с. 367—8), Андриѣвскимъ (въ Кіевской Старинѣ за 1883 г. IX. с. 5)—для Торческа 1093 г. только.

¹⁾ Ипат. л. с. 152, 154, 157, 353, 365, 501, 511. Лавр. л. с. 240 (Поученіе Моноха); ср. Голубовскій—Печенѣги etc. с. 139.

²⁾ Історія Госуд. Росс. II пр. 165; это мнѣніе принимали: Соловьевъ (II пр. 99), Погодинъ (Исслѣд. IV. с. 153), Барсовъ (Географія с. 139, кромѣ того онъ указываетъ еще на городище у м. Стеблева—Каневск. у.), въ своихъ „Матеріалахъ для географич. словаря“ (с. 200) склонявшійся въ пользу Безрадиць, и другіе; не такъ давно его подробно защищаль П. Г. Лебединцевъ въ Обществѣ Нестора (см. Чтенія кн. II с. 46 сл.). Татищевъ предполагалъ Торческъ на Роси, „можетъ гдѣ нинѣ Корсунъ и Бѣлая Церковь, понеже Торки въ тѣхъ мѣстахъ жили“ (Ист. Росс. II. с. 444). Упомяну еще, что на картѣ, приложенной къ Історіи Галичско—Володим. Руси проф. Шараневича, Торческъ помѣщенъ вблизи Буга, выше устья Десны.

³⁾ См. Погодина Исслѣд. IV. с. 189—190, Иловайскаго Історію Россіи I. 2. 517, также Чтенія въ Общ. Нестора кн. II с. 48; возраженія противъ этого у Погодина же (Надеждина и Неволіна) и Соловьева т. II пр. 293.

⁴⁾ Къ такому же заключенію пришелъ и г. Иловайскій (Ист. Россіи I. с.), Молчановскій (Очеркъ извѣст. о Подольской зем. с. 67) и Андриѣвскій (С. Кт. 1883. IX. с. 11)—последній относительно Торческа XII в., который онъ отличаетъ отъ Торческа 1093 г. и приурочиваетъ къ м. Кагарлыку на Рассавѣ. Противъ Старыхъ Безрадиць можно выставить такіа возраженія: невѣроятно, чтобы торки, населявшіе Торческъ, были поселены такъ далеко отъ рубежа, которымъ тогда была Рось; довольно не вѣроятно, чтобы къ Без-

ковъ послѣ разрушенія поросской границы въ 1093—1096 г., какъ жители Юрьева были переведены къ Витичеву. Впослѣдствіи этотъ городокъ могъ сохранить свое имя ¹⁾.

За Стугною находимъ города: *Краснз*, теперь с. Красное на р. Красной ²⁾; за устьемъ р. Красной, на возвышенномъ полуостровѣ надъ Днѣпромъ—*Халмъ*, теперь с. Халепье ³⁾, и *Витечевъ* (теперь Вытачевъ), крѣпкій замокъ съ замѣчательною пристанью, извѣстною еще Константину Порфирородному; тутъ же находился и бродъ черезъ Днѣпръ ⁴⁾. На холмѣ у Витечева при Святополкѣ Ми-

радичамъ тянуло Поросье; нѣкоторыя мѣста, гдѣ говорится о Торческѣ (какъ Ип. с. 455), не могутъ быть отнесены къ Безрадичамъ, да и описаніе войны 1093 г., мнѣ кажется, противъ нихъ. Самое естественное объясненіе этого похода князей—что они пошли на выручку Торческа; русская рать идетъ берегомъ Днѣпра къ Треполю, приди къ Стугнѣ, долго колеблется: очевидно, половцы были за Стугною; наконецъ она переходитъ ее, идетъ въ юго-западномъ направленіи (минувше Треполь, преодолѣла валъ) и становится тыломъ къ Стугнѣ, „и се Половцы идаху противу“; судя по фронту русской рати, половцы шли, вѣроятно всею, съ юго-запада, въ томъ же направленіи нужно предположить и Торческъ, иначе трудно себѣ объяснить, какъ попали половцы за Стугну и зачѣмъ русскіе перешли рѣку (иначе объясняетъ это движеніе П. В. Голубовскій—Печенѣги etc. с. 139—140). Если приурочить Торческъ къ Торчицѣ, то очень странно движеніе русскихъ берегомъ Днѣпра въ этомъ походѣ. Торческъ былъ, очевидно, не далеко отъ Кіева: половцы шныряютъ то къ Треполю и Кіеву, то назадъ, а отъ Торчицы до Кіева болѣе 100 верстъ (на это обратилъ вниманіе уже П. И. Ревякинъ). Разсказъ лѣтописи подъ 1193 г., на который преимущественно указываетъ П. Г. Лебединцевъ (Чтенія П. с. 47) ничего не говоритъ въ защиту именно Торчицы, хотя не подходитъ къ Безрадичамъ; Торческъ по этому разсказу могъ находиться и внутри Поросья; любопытно, что въ этомъ же разсказѣ: „Половцы же ѣхаша по нихъ (полкахъ Ростиславлихъ) до Руси, Ростиславъ же приѣхъ въ Торчскій“ (Ипат. с. 456)—Густин. лѣтоп. (с. 324) читаетъ „до Росн“; если это истинное чтеніе (ср. Порусье вж. Поросье въ Погодинскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ—Ипат. с. 230, 329 (2 раза), 365—въ разночтеніяхъ) то, несомнѣнно, Торческъ находился къ сѣверу отъ Росн. Если предположить Торческъ недалеко къ юго-зап. отъ Триполя, то выиграетъ въ пониманіи и мѣсто Ипат. с. 389. „тѣмъ же путемъ идуче (изъ-подъ Торческа въ Кіевъ) .... выгнаша Мстыслава ис Трѣполя“.

¹⁾ Къ нему очень подходитъ Ипат. с. 515; это мѣсто можно впрочемъ отнести и къ предполагаемому мѣстоположенію Торческа внутри Поросья, но очень трудно къ Торчицѣ (см. еще объ этомъ мѣстѣ у г. Молчановскаго Очеркъ извѣст. о Подольск. з. 1. с.).

²⁾ Ипат. с. 215, Лавр. с. 240 (Поученіе Мономаха). По сосѣдству съ Краснымъ П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 140) помѣщаетъ и Варинъ (Лавр. 1. с.) и указываетъ на село Веремье, но былъ ли Варинъ на кіевской или переяславской сторонѣ Днѣпра, нельзя съ увѣренностью сказать.

³⁾ Лавр. 240, 288.

⁴⁾ De administr. imperio с. IX; Ипат. 265, 293.

халѣ былъ выстроенъ городъ, населенный жителями Юрьева и „засаковцами“, и названный *Святополчезъ* въ честь строителя; сюда на время была перенесена и юрьевская каеэдра, до возобновленія Юрьева (въ 1103 г.) ¹⁾; теперь указываютъ на сосѣднее село Стайки, южная часть котораго доселѣ носить названіе Гуриновки: это можетъ быть отголоскомъ воспоминанія о юрьевскихъ переселенцахъ ²⁾. Вѣроятно, этотъ же городъ упоминается подъ 1223 г., подъ именемъ „*Новограда Святополчскаго*“ ³⁾.

Далѣе къ югу отъ теченія Стугны и Красной начинается обширное степное Поросье, занимавшее бассейнъ Роси; я упоминалъ уже о судьбѣ его: эта исконная область полянскаго племени запустѣла въ періодъ печенѣжскихъ набѣговъ и только при Ярославѣ начала поправляться: Ярославъ „поча ставити города по Росі“ и селить здѣсь колонистовъ—плѣнныхъ ляховъ, также, вѣроятно, насельниковъ изъ сѣверныхъ волостей ⁴⁾. Какіе именно города были построены имъ, какіе возобновлены, какіе явились позднѣе, мы не можемъ опредѣлять. Кромѣ городовъ, Поросье, какъ и область Стугны, было защищено еще валами: валъ тянется по сѣверному берегу Роси, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ, мимо Растваицы, и у верховьевъ Здвига онъ примыкалъ, вѣроятно, къ сѣверной системѣ валовъ; другой валъ, начавшись неподалеку отъ Бѣлой Церкви, проходитъ южнѣе, поворачиваетъ потомъ на сѣверъ и также примыкаетъ (у с. Ходорькова) къ той же линіи сѣверныхъ валовъ. Верховья Роси и Растваицы (на послѣдней упоминаются города уже во второй половинѣ XI в.) остаются внѣ этихъ укрѣпленій, но существовали и далѣе на югъ линіи валовъ, остатки которыхъ извѣстны, напримѣръ, у г.

¹⁾ Ипат. с. 160.

²⁾ См. Похляевича—Сказанія с. 47, Андриевскаго—Лѣтописный Юрьевъ, Кіевская Стар. 1883. IX. с. 7.

³⁾ Ипат. с. 497, Лавр. 482; см. Карамзинъ III пр. 305, Погодинъ—Исслѣдованія IV. с. 202; г. Багалѣй предпочитаетъ чтеніе Никоновск. л. (II с. 93)—Новограда Сѣверскаго (Исторія Сѣверской з. с. 262).

⁴⁾ Ипат. с. 105.

Таращи, къ югу отъ Корсуня ¹⁾. Въ послѣдующемъ заселеніи и обезпеченіи Поросья видную роль игралъ тюркскій элементъ. Преемники Ярослава поселили на Поросьѣ орды торковъ и другихъ кочевниковъ; по извѣстію Татищевскаго свода, во время удачнаго похода въ степь 1060 г. князья захватили много плѣнныхъ и расселили ихъ по городамъ ²⁾; дѣйствительно уже въ 80-хъ годахъ XI вѣка мы находимъ извѣстіе о Торческѣ, городѣ торковъ ³⁾. Половецкія нападенія въ девяностыхъ годахъ XI в., разрушеніе городовъ Торческа (1093 г.) и Юрьева (1095) снова ослабили Поросье, такъ что князья выводили жителей на Стугну, къ Витичеву, какъ упомянуто выше ⁴⁾. Но побѣды надъ половцами въ началѣ XII в. снова поправили дѣло; уже въ походѣ 1103 г. князья „заяша Печенѣги и Торвы съ вежами“ и, конечно, расселили ихъ по границѣ: такъ поселенія торковъ затѣмъ упоминаются у Заруба; въ связи съ этимъ стоитъ и восстановленіе Юрьева. Такіе же выводы колонистовъ могли повторяться и при послѣдующихъ походахъ; въ 1116 г. на Русь выселилось много торковъ и берендѣевъ, вслѣдствіе неудачной борьбы съ половцами ⁵⁾. То обстоятельство, что, начиная съ 1146 г., лѣтописецъ иногда прилагаетъ къ половцамъ степнымъ эпитетъ „дикихъ“ ⁶⁾, наводитъ на мысль, что можетъ быть, около того времени на Поросьи поселилась также и часть половцевъ, которые оставили, быть можетъ, слѣдъ своего пребыванія въ нынѣшнихъ названіяхъ селъ Большаго и Малаго Половецкаго и Кумановки ⁷⁾. Эти разноплеменные жители Поросья: печенѣги, торки, берендичи, коуи, каепичи объединяются въ лѣтописи обыкновенно подъ общимъ именемъ черныхъ клобуковъ ⁸⁾ и включаются въ политическое понятіе Руси, хотя, конечно, противополо-

¹⁾ См. Зміевы вали (с. 356) и Объяснит. записку В. Б. Антоновича.

²⁾ Татищевъ Ист. Росс. II. с. 116.

³⁾ Лавр. 240 (Поученіе Мономаха; описываемые имъ походы произошли до 1086 г.—смерти Ярополка Изяславича; Погодинъ помѣщаетъ ихъ подъ 1085 г. (Измѣр. V. с. 148).

⁴⁾ Ипат. л. с. 157, 159, 160.

⁵⁾ Ипат. с. 184—185, 186, 204.

⁶⁾ Ипат. с. 228, 238 и др.

⁷⁾ Васильковскаго и Бердичевскаго уѣздовъ.

⁸⁾ Объ этомъ см. у Погодина Изслѣдованія т. V с. 194—196, у П. В. Голубовскаго—Печенѣги и пр. с. 149.

гаются Руси этнографической ¹⁾. Населеніе это и на новыхъ обита-
лищахъ сохранило кочевой, пастушескій образъ жизни, языческую
религію, о чемъ свидѣтельствуесть эпитетъ „поганыхъ“, прилагаемый
къ нимъ, и привычки степной жизни; оно кочевало по тучнымъ па-
стбищамъ Поросья со своими вежами и стадами, имѣло свои городки,
но они служили, вѣроятно, главнымъ образомъ на случай непріятель-
скихъ нападеній ²⁾. На ряду съ этими тюркскими насельниками про-
должало существовать по прежнему населеніе славянское, которое по
преимуществу занимало города ³⁾, для котораго продолжала суще-
ствовать отдѣльная юрьевская епархія; очевидно, оно было довольно
многочисленно и въ лѣтописи по временамъ ясно противопоставляется
тюркскому населенію подъ именемъ поршанъ ⁴⁾, хотя въ другихъ
случаяхъ термины Поросье, поршане обнимаютъ собою всѣхъ оби-
тателей Поросья, безъ различія племени. Эти разноплеменные сожи-
тели уживались мирно между собою—по крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ
свидѣтельствъ въ противоположномъ смыслѣ ⁵⁾.

Перейдемъ теперь къ обзорѣню отдѣльныхъ мѣстностей Поросья.
Въ центрѣ его находилось знаменитое Перепетовское поле—обширная
возвышенная равнина, разстилающаяся по верховьямъ Рута и Ольша-
ницы (теперь т. н. Билоцерковскій степь) и получившая имя отъ
„Перепетовыхъ“—двухъ громаднхъ кургановъ, именуемыхъ теперь
Перепетомъ и Перепетыхою. Перепетовское поле лежало на пути изъ
Кіева въ Галичъ и потому нѣсколько разъ упоминается въ лѣтописи;
тутъ произошла и знаменитая рѣшительная битва Изяслава Мсти-

¹⁾ См. Ипат. с. 391: Кыяны, и Берендѣичи, и Поросье, и вся Руская земля. Берендичи противопоставляются Руси напр. въ Ипат. с. 414, 420—421.

²⁾ См. особенно Ипат. с. 295—296.

³⁾ См. напр. Ипат. с. 344—„Берендичи и Гюргевци“; очевидно, Юрьевъ былъ насе-
ленъ славянами.

⁴⁾ См. Ипат. напр. с. 230: „вси Клобуци и Поршане“, но на с. 267 слово „Пор-
шане“ обозначаетъ и черныхъ клобуковъ, которые участвовали тоже въ походѣ; см. также
с. 230 „Чернии Клобуци и все Поросье“. Ср. у П. В. Голубовскаго, Печенѣги etc. с. 146
сл., также у Молчановскаго Очеркъ изв. о Подольской з. с. 64; довольно вѣроятно предполо-
женіе послѣдняго (с. 91—2), что черноклобуцкія поселенія не ограничивались Поросьемъ,
но простирались и далѣе на западъ, въ область средняго и верхняго Буга, хотя въ лѣ-
тописяхъ и нѣтъ указаній на это.

⁵⁾ Если не считать глухого извѣстія лѣтописи объ изгнаніи Мономахомъ беренди-
чей изъ Руси (Ипат. с. 205).

славича съ Юріемъ въ 1151 г. ¹⁾). Гдѣ-то у Перепетова поля находилось урочище или поселеніе *Бзынища*, упоминаемое при описаніи этой битвы ²⁾, по сосѣдству же Перепетова можно предполагать и г. *Дерновий* 1146 г. ³⁾. Внутри Поросья предполагаются еще: *Святославль*, упоминаемый въ концѣ XI в. вмѣстѣ съ Торческомъ и Юрьевымъ ⁴⁾, также *Михайловъ*, разрушенный въ 1172 г.; изъ многочисленныхъ кіевскихъ поселеній этого послѣдняго имени наиболѣе подходитъ къ обстоятельствамъ с. Михайловка у р. Субодя, притока Каменки, но это село не имѣетъ слѣдовъ города, а объ уврѣпленіяхъ Михайлова говоритъ сама лѣтопись ⁵⁾.

Въ побережьи Днѣпра, носившемъ издавна имя Бѣлобережья ⁶⁾,

¹⁾ О немъ специальная статья г. Андріевского въ Кіевской Старинѣ за 1882 кн. IX. Перепеть находится у с. Марьяновки, а Перепетьха у с. Фастовца; о нихъ см. Ипат. л. с. 301.

²⁾ Ипат. с. 360; г. Андріевскій (ор. с. с. 440) указываетъ на рѣчку Узинь съ Узкою, текущую въ Рось ниже Рота, и сближаетъ ихъ имена съ Бзыницею, Узницею, какъ онъ читаетъ Бзыницу; но не совсѣмъ вѣроятно, чтобы тогда Юрій уклонился такъ на востокъ.

³⁾ Ипат. л. с. 230. Погодинъ помѣщалъ его между Зарубомъ и Витичевымъ—Изслѣдов. IV. с. 170. Другое мнѣніе о мѣстоположеніи Дерноваго указано ниже.

⁴⁾ Лавр. с. 240 (Поученіе Мономаха): „и потомъ на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческій городъ, и потомъ на Гюргевъ по Половцихъ“. Г. Андріевскій (Кіев. Стар. 1882. IX. с. 5) замѣчаетъ о Святославлѣ: „не есть ли это Nebennpate Богуславля?“

⁵⁾ Ипат. с. 376, ср. также с. 359; см. еще у г. Андріевского Перепетовское поле с. 449, 453. На картѣ проф. Шараневича Михайловъ помѣщенъ на Бугѣ, ниже Винницы, гдѣ есть теперь с. Михайловка. На Поросьи г. Андріевскій полагаетъ еще Рогачевъ и Городечъ 1142 г. (Ип. с. 223); первый онъ приурочиваетъ къ с. Рогачамъ Сквирск. у., а второй отождествляетъ съ Торческомъ—Кагарлыккомъ (Кіевск. Стар. 1883. IX. 10—11).

⁶⁾ Въ древнѣйшихъ извѣстіяхъ имя Бѣлобережья прилагается къ низовью Днѣпра—это то Бѣлобережье, которое упоминается въ договорѣ Игоря съ Греками (да не имѣють Русь власти зимовати въ устьи Днепра, Бѣлобережа, ни у святаго Елеуфѣрѣя) и въ разсказѣ о смерти Святослава (Ипат. с. 32 и 48). Но данныя позднѣйшія (XVI в.) свидѣтельствуютъ, что это имя прилагалось и къ мѣстностямъ средняго течения Днѣпра; такъ въ недавно изданной грамотѣ Евстафія Дашковича (Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII т. II. с. 11) читаемъ: которые входи даны в Белобереже.... тымъ входомъ знамя на нихъ идучи по Ердань да по Мачилу, а на верхъ идучи по Быстрицу; Ердань—это Ирдинь, въ Черкасскомъ у., а Быстрица—вѣроятно р. Быстра, притокъ р. Леглича, текущаго около Ржищева,—на ней стоятъ дер. Березовка (см. Słownik geograf. król. Polskiego I. 507, Похилевичъ.—Узды Кіевскій и Радомисл. с. 152); какъ видно изъ словъ самого документа, Бѣлобережье этими предѣлами не ограничивалось. Далѣе въ описаніи Черкасскаго замка 1552 г. (Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII т. I с. 86) въ числѣ „уходовъ“ упоминаютъ: „уходъ

остановимся прежде всего около теперешняго Ржищева: здѣсь понынѣ существуетъ гора Иванъ, и на ея мѣстѣ предполагають древній городъ *Иванъ*, упоминаемый въ половинѣ XII в. ¹⁾ Еще ниже, на возвышенномъ полуостровѣ находился *Зарубъ*—у нынѣшняго с. Зарубинецъ. Около Заруба былъ монастырь Пречистой, изъ котораго выпелъ знаменитый Климентъ Смолятичъ ²⁾; между нынѣшними Зарубинцами и с. Монастыркомъ сохранилось доселѣ городище княжеской эпохи, съ остатками каменной церкви или монастыря и пещерами отшельниковъ ³⁾. Тутъ же находился и важный бродъ черезъ Днѣпръ; южняе его были еще: бродъ „на Татинци“ и Инжирь бродъ, но мѣстоположеніе ихъ неизвѣстно ⁴⁾. Неподалеку отъ Заруба же находился гдѣ-то „Варяжскій островъ“ ⁵⁾. Далѣе въ югу, „на устьи Рси“, стояла нѣкогда знаменитая Родня ⁶⁾. Промельгнувъ въ разсказѣ о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ, этотъ городъ затѣмъ совершенно исчезаетъ изъ нашихъ источниковъ. Около устья Роси нѣсколько выше с. Пекарей существуетъ урочище Князя гора, со слѣдами древняго,

---

на Днепрежъ на 7 миль по реке 3 станы у Белобережьи а на устьи Сулы, а въ Цивовѣ; семь миль по Днѣпру отъ Черкасъ (конечно, внизъ по теченію)—это выйдетъ нѣсколько повыше устья Сулы; тамъ же помѣщаетъ Бѣлобережье и Лассота (см. Мемуары относ. къ ист. Южной Руси I. с. 162). Если сопоставить съ этими извѣстіями еще списокъ городовъ Воскрес. лѣт. (I. с. 241—среди „градовъ Литовскихъ“), гдѣ Бѣлобережье помѣщено между Ржищевымъ и Самарою, то придется заключить, что имя Бѣлобережья прилагалось изстари къ побережью Днѣпра на протяженіи отъ устья и почти до Стугны. О Бѣлобережьи см. Монографіи В. Б. Антоновича (I. с. 127), Замятки по ист. Литов.-русс. госуд. Н. П. Дашкевича (с. 80), Барсовъ—Географія нач. лѣт. с. 22. Отъ этого днѣпровскаго Бѣлобережья нужно отличать Бѣлобережье на западной окраинѣ Киевщины, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

¹⁾ Ипат. л. с. 295. Максимовичъ—Собраніе сочиненій II с. 346, Голубовскій Печенѣги и пр. с. 143; городище на Иванъ—горѣ четырехугольное (Похилевичъ Уѣзды Киевскій и Радомисл. с. 140).

²⁾ Ипат. с. 241; въ Ермолаевскомъ спискѣ (Полн. собр. лѣтоп. II. с. 29) прибавлено: „изъ Заруба, гдѣ теперь монастырь Терехтембрскій“.

³⁾ См. замѣтку г. Вѣлшевскаго „Церковище у деревни Монастиреть“ и дополненія къ ней о. П. Лебединцева въ Киевск. Стар. 1889 г. кн. I с. 210 сл., Сказанія Похилевича с. 594 (о пещерѣ со слѣдами церкви) и Свѣдѣнія и замѣтки о маломъзв. и неизв. памяти. Срезневскаго, т. I, статьи VII и XIII.

⁴⁾ Ипат. с. 161, 230, 294; 426, 439.

⁵⁾ Воскрес. л. т. I. с. 130 (подъ 1223 г.): придоша къ рѣдѣ Днѣпру, на Зарубѣ ко острову Варяжскому.

⁶⁾ Ипат. с. 51.

богатаго города и въ этому урочищу съ увѣренностью можно приурочить г. Родню. Многочисленные предметы христіанскаго почитанія, находимые здѣсь, доказываютъ однако, что городъ существовалъ здѣсь и позже X в., въ христіанскую эпоху ¹⁾. Проф. В. Б. Антоновичъ высказалъ предположеніе, что на этомъ мѣстѣ стоялъ въ древности *Каневъ* (теперь отстоящій верстъ на семь отъ устья Роси), замѣстившій собою древнюю Родню ²⁾. Въ Патерикѣ Каневъ упоминается при разсказѣ о событіяхъ XI в., въ лѣтописи же является впервые подъ 1144 г., по случаю закладки въ немъ церкви св. Георгія Всеволодомъ Ольговичемъ: самый городъ, очевидно, существовалъ и раньше ³⁾. Съ половины XII в. Каневъ начинаетъ играть видную роль на Поросьи—иногда является какъ бы центромъ его, подобно Торческу; епископы юрьевскіе носятъ также титулъ каневскихъ ⁴⁾. Онъ служитъ въ это время какъ бы сторожевымъ пунктомъ относительно степи, разстилающейся далѣе къ югу: сюда выходили встрѣчать купеческіе караваны и оберегать ихъ отъ нападеній, „стеречи земли“ отъ набѣговъ, тутъ же происходятъ „смены“ съ половцами ⁵⁾.

По теченію Роси существовало, несомнѣнно, много городовъ, гораздо больше, чѣмъ мы знаемъ и можемъ опредѣлить. Идя съ востока, вверхъ по теченію, прежде всего мы должны остановиться у поворота, который дѣлаетъ Рось, мѣняя сѣверное направленіе на восточное: здѣсь, въ окрестностяхъ нынѣшняго мѣстечка Межиричъ, находился городъ *Товаровъ*, упоминаемый подъ 1190 г. ⁶⁾. Выше, на

¹⁾ См. статью Н. О. Бѣляшевскаго „Княжа гора“—въ Киевск. Старики 1890, кн. XII, с. 494 сл.; Похилевичъ Сказанія с. 637.

²⁾ Объяснительная записка В. Б. Антоновича.

³⁾ Патерикъ с. 121; Ипат. с. 227.

⁴⁾ Ипат. с. 268: посади (Юрій)... Глѣба в Кановѣ, ср. 329: Василкови да Поросье; о епископѣ см. с. 327.

⁵⁾ Напр. Ипат. с. 361, 370, 452, 453; 330, 331, 337, 454.

⁶⁾ Ипат. с. 453. Мѣстонахожденіе Товарова совершенно ясно опредѣляется изъ описанія Каневскаго замка 1552 г.; здѣсь въ числѣ „уходовъ на Рси“ помѣщено и „селище Товарово 2 мили отъ замьку“ (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII т. I с. 100). Отъ г. Канева двѣ мили будетъ по прямой линіи до м. Межиричъ; конечно, не слѣдуетъ принимать это разстояніе за совершенно точное. Въ той мѣстности есть нѣсколько четырехугольныхъ городищъ около устья Рассавы, затѣмъ овальное городище у с. Бабичъ (Объяснит. записка В. Б. Антоновича, см. также Похилевича Сказанія с. 636). Изъ лѣтописнаго упоминанія о Товаровѣ выходитъ, что онъ стоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Роси (Половци же бѣжали отъ города обломшася на Рьси). Раньше указывали на с. Саварку на Роси

мѣстѣ нынѣшняго села Деренковца, на правомъ берегу Роси, помѣщаются нѣкоторые ученые городъ „Дверень на Рси“, тоже конца XII в. (1192 г.), отождествляя его съ г. Дерновымъ, гдѣ соединился Изяславъ съ черными клобуками, когда шелъ изъ Переяславля на Кіевъ ¹⁾; это послѣднее обстоятельство не вполнѣ согласуется съ такимъ пріуроченіемъ—Деренковецъ лежитъ слишкомъ далеко на югъ; да и сходство именъ Дверня и Дерноваго ²⁾ довольно отдаленное. Выше по рѣкѣ находимъ *Корсунь*, въ излучинѣ, которую образуетъ къ югу р. Рось, на лѣвомъ берегу ея; еще выше—*Богуславль*; гдѣ-то въ этой же мѣстности, въ излучинѣ Роси, находился, вѣроятно, и городокъ *Кульдеуревъ* ³⁾; всѣ эти три города фигурируютъ въ извѣстіяхъ послѣдней четверти XII в. Далѣе, въ сосѣдствѣ р. Роси и Рута лежалъ *Юрьевъ*—епископская каеэдра, важный городъ, мѣстоположеніе котораго доселѣ не можетъ быть опредѣлено съ точностью, несмотря на многократныя упоминанія лѣтописи: одни помѣщаютъ его на правомъ берегу, другіе на лѣвомъ, пріурочиваютъ къ различнымъ пунктамъ, или вовсе воздерживаются отъ ближайшаго опредѣленія ⁴⁾. По аналогіи съ другими, извѣстными намъ городами по Роси, которые всѣ стоятъ на лѣвомъ берегу ея, слѣдуетъ думать, что и Юрьевъ стоялъ въ сѣверу отъ

(Васильковскаго у.) и Таборовъ на Растовицѣ см. Печенѣги etc. П. В. Голубовскаго с. 144.

¹⁾ Ипат. л. с. 280, 453. Мнѣніе это было высказано Максимовичемъ (Собр. сочин. П. с. 347 и 351) и принято П. В. Голубовскимъ (Печенѣги с. 148).

²⁾ Пишется еще „къ Дръновому“—Хлѣбниковскій сп. въ Пол. собр. лѣт. П. с. 23, а Карамзинъ (II пр. 290) читалъ: „къ Дръковому“.

³⁾ Ипат. л. с. 379, 452, 459. Погодинъ помѣщалъ Кульдеуревъ около Кіева (Изслѣдов. IV. с. 195), Барсовъ (Географія с. 139)—къ югу отъ Роси; мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что онъ былъ гдѣ-то неподалеку отъ Канева.

⁴⁾ Карамзинъ (II пр. 171), Погодинъ (Изслѣд. IV. с. 153), Соловьевъ (II. с. 66) не опредѣляютъ ближайшимъ образомъ мѣстоположенія Юрьева; Надеждинъ и Неволгинъ (у Погодина) полагали его на правой сторонѣ Роси, другіе изслѣдователи—на лѣвомъ; текстъ, на которомъ основывается это опредѣленіе (подъ 1095 г.) читается неодинаково, въ Лавр. спискѣ: придоша Половци къ Гургеву и стояша около его лѣто все и мало не взяша его, Святополкъ же омири я; Половци же не идоша за Рось, Гургевци же выбѣгоша и идоша Кіеву (Лавр. 221 прим. в.); во всѣхъ спискахъ Ипатской (с. 159), въ Академическ. и Радзивилковск. Лаврентьевской, въ Никоновской (I. с. 124) и Воскресенской (I. с. 8)—„придоша за Рось“; такъ читалъ и Татищевъ (II. с. 157); Карамзинъ, Соловьевъ принимаютъ первое чтеніе, и тогда дѣйствительно выходитъ, что Юрьевъ стоялъ на лѣвомъ берегу (см. у Андриѣвскаго—Кіев. Стар. 1883. IX с. 2.), но второе чтеніе, пожалуй болѣе

нея, а изъ сопоставленія лѣтописныхъ данныхъ видно, что онъ былъ, какъ упомянуто, въ близкомъ сосѣдствѣ Роси и Рута, гдѣ—нибудь около слиянія ихъ ¹⁾. Весьма вѣроятно мнѣніе В. Б. Антоновича, что Юрьевъ стоялъ на мѣстѣ древняго городища велико-князескаго типа на Роси, въ трехъ верстахъ выше нынѣшней Бѣлой Церкви ²⁾. Выше Юрьева по Роси лежалъ *Володаревъ*, теперъ с. Володарька—на лѣвomu берегу рѣки; черезъ этотъ городъ пролегалъ путь въ Галичъ, который далѣе шель черезъ Перепетово поле на Василевъ и Кіевъ ³⁾; у этого же пути, къ западу отъ Володарева, находился *Мунаревъ*, мѣстоположеніе котораго неизвѣстно ⁴⁾.

Цѣлый рядъ городковъ находился по р. Раставицѣ; намъ извѣстенъ здѣсь г. *Раставецъ* или Ростовець, упоминаемый въ XI и XII

авторитетное, вовсе не опредѣляетъ положенія Юрьева. Изъ попытокъ точнѣе опредѣлити мѣстоположеніе Юрьева упомянемъ нѣсколько: Похилевичъ (Сказанія с. 489) приурочиваетъ его къ Бѣлой Церкви; Барсовъ (Географія с. 138 и 298—въ Словарѣ с. 219 онъ воздержался отъ ближайшаго опредѣленія) указываетъ на Большіе и Малые Ерчики къ югу отъ р. Раставицы, недалеко отъ г. Сквирн (противъ этого см. возраженія у г. Андріевскаго Кіев. Стар. 1883 г. IX с. 24 сл.); П. В. Голубовскій, основываясь на текстѣ лѣтописи подъ 1162 г.: „придоша Половци мнози къ Гюргеву (въ Воскр. I с. 76 примѣч. 3—къ Кіеву) и взяша вежи многи по Роту... и постигоша я на Роси“, полагаетъ Юрьевъ на Рутѣ и указываетъ на крѣпкое городище у с. Соколова (Печенѣги etc. 141—142). Г. Андріевскій въ специальной статьѣ „Лѣтописный Юрьевъ на Роси“ (въ Кіевск. Стар. 1883. IX) указываетъ на городище Райгородъ на р. Гороховаткѣ, правомъ притока Роси, у с. Ольшаницы, о которомъ у жителей сохранилось преданіе, что на мѣстѣ его былъ большой городъ со многими церквами, со своими князьями (Похилевича Сказанія с. 524); при этомъ имя Райгорода г. Андріевскій объясняетъ изъ „Урай (Юрій) городъ“, слѣды того же имени видить и въ имени р. Гороховатки (с. 26 слѣд.); противъ такого мѣстоположенія говорить, мнѣ кажется, Ип. с. 344: „Половцѣ же бѣжаша отъ Бѣлгорода на Гюргеви и много ихъ изомаша Берендичи и Гюргеви, а ово ихъ во Рси истопе“—конечно, половцы бѣжали по кратчайшему разстоянію на югъ, не сварачивая на западъ—къ Райгороду.

¹⁾ Смотри особенно мѣста изъ Ипатской лѣтописи, приведенныя въ предыдущемъ примѣчаніи (с. 344 и 356).

²⁾ Объяснительная записка къ археол. картѣ Кіев. губ.; въ этомъ городищѣ въ 1877 г. была найдена золоченная бронзовая панаяя съ изображеніемъ св. Георгія.

³⁾ Ипат. с. 278. Погодинъ IV. 176. Барсовъ—Словарь с. 38. О пути въ Галичъ см. у Погодина IV. с. 176—177.

⁴⁾ Ипат. с. 278, 343, 346. Н. П. Дашкевичъ указываетъ на м. Мушуровъ въ Уманскомъ у. (Болоховская земля—въ Трудахъ III археологич. съѣзда т. II с. 75); Надеждинъ и Неволитъ (Погодинъ IV. с. 188) справедливо замѣчаютъ, что Мунаревъ находился гдѣ-то около Ярополча (см. Ипат. с. 346), слѣдовательно сѣвернѣе; Карамзинъ (II пр. 388) предполагалъ Мунаревъ ок. Кіева.

в.—теперешнее мѣстечко Бѣлиловка, до начала XVIII в. сохранявшее свое древнее названіе ¹⁾); къ с. Ягнятину съ вѣроятностью приурочивается г. *Неятинъ* XI в. ²⁾); шесть городов берендичскихъ, о которыхъ лѣтопись говоритъ подъ 1177 г.: „Половци же взяша 6 городов Берендиць и поидоша к Ростовцю“, по весьма вѣроятному предположенію В. Б. Антоновича, можно приурочить къ шести древнимъ городищамъ на Раставицѣ ³⁾); въ число ихъ, въ такомъ случаѣ, войдетъ и Неятинъ; можетъ быть, и лѣтописный *Куниль* (Куниля), упоминаемый подъ 1150 г., былъ между ними: послѣдній вѣроятнѣе всего предполагать именно въ этой мѣстности ⁴⁾).

Къ югу отъ Роси, какъ упомянуто выше, въ XII в., судя по нѣкоторымъ даннымъ, тоже были поселенія; съ нѣкоторою вѣроятностью здѣсь можно помѣщать г. *Боровой*, городъ *Чурнаевъ* ⁵⁾), и, вѣроятно, здѣсь было много еще такихъ небольшихъ черноглобуцкихъ городковъ ⁶⁾).

Отъ земли полянъ, отъ Поросья слѣдуетъ намъ перейти къ землѣ древлянъ, но предварительно заглянемъ въ тотъ сѣверо-восточный уголъ

¹⁾ Ипат. л. с. 122, 367, 408—409. См. рефератъ В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ общ. Нестора кн. III. с. 10 сл. (или въ Киев. Стар. 1888 кн. V); также у П. В. Голубовскаго—Печенѣги etc. с. 81 и 145. Раньше Ходаковскій указывалъ на Ростовки въ Липовецкомъ у.; см. Карамзинъ III пр. 44, Барсовъ Матеріалы для историко-геогр. словаря с. 176.

²⁾ Ипат. с. 122; см. Барсовъ Географія с. 138, Антоновичъ I. с.

³⁾ Именно у мѣст. Ружина, с. Ягнятина (два), Карабѣева, Павлочи, Букъ—Бакожина, всѣ по лѣвому берегу Раставицы; Раставецъ является самымъ крайнимъ изъ нихъ къ западу, что соответствуетъ лѣтописному тексту (см. упомянутый рефератъ В. Б. Антоновича, также у Фундуклея Обзорѣніе могилъ etc. с. 48).

⁴⁾ Ипат. с. 276: Изяславъ поиде (изъ Дорогобужа) на Гольско да Кунилю (Хлѣбн. и Погод. та кунилю, Такунилю?). Обыкновенно указываютъ, вслѣдъ за Арцыбашевымъ (Повѣств. о Россіи I. 2. пр. 785), на с. Ковелу, на границѣ Уманскаго и Таращанскаго у.—см. у Погодина IV. 175, Барсова Географія с. 139, П. В. Голубовскаго Печенѣги etc. с. 145. Н. П. Дашкевичъ предполагалъ Куниль къ западу отъ земли черныхъ кюбуковъ (Болоховская земля с. 79.); онъ могъ находиться и среди черноглобуцкихъ поселеній, но только, вѣроятно, не на южной оконечности ихъ, гдѣ лежитъ Ковела.

⁵⁾ Ипат. л. с. 450. Боровой Максимовичъ приурочивалъ къ Боровицѣ на Тясминѣ (Собран. соч. I. 135—136).

⁶⁾ Упомяну, что къ Поросью иногда относятъ еще одно сомнительное географическое имя—Облазна (Ип. с. 346: тогда же и Берендицъ избѣша въ облазиѣ, с. 460: даль волость молодѣшему в облазиѣ (во блазиѣ, въ блазиѣ) предъ старѣйшимъ), но такъ

Кіевской земли, этнографическая основа котораго намъ пока точно неизвѣстна. По части топографіи о немъ сказать можно тоже не много. Крайними кіевскими городами на сѣверѣ были *Брагинъ* и *Мозырь*, о которыхъ говорилъ я выше. У впаденія Уша въ Припеть стоитъ городъ *Чернобыль* (теперь мѣстечко), упоминаемый въ концѣ XII в. ¹⁾; гдѣ-то на пути изъ Кіева въ Мозырь и неособенно, вѣроятно, далеко отъ послѣдняго было поселеніе *Межимостье* ²⁾. На Днѣпрѣ, у устья Припети, упоминается бродъ у „*Давыдовой боженки*“: здѣсь, по кіевской лѣтописи, въ 1150 г. перепродился Андрей, уходя послѣ неудачи изъ Кіевской земли, по извѣстію же суздальской лѣтописи онъ шелъ тогда „на *Воровичъ*“; для „*Давыдовой боженки*“ указываютъ на городище между Припетью и Днѣпромъ, у с. Городища, а Воровичи—можетъ быть, теперешніе Варовичи, недалеко къ сѣверу отъ Уша, ниже впаденія р. Норины ³⁾. Вотъ и всѣ пункты, извѣстные намъ въ этомъ глухомъ углу кіевскаго Полѣсья.

За періодъ отдѣльнаго существованія Древлянской земли намъ извѣстно здѣсь всего два города: *Искоростень* и *Вручій*; оба они находятся въ бассейнѣ р. Уша. Искоростень—теперь м. Искорость на лѣвомъ берегу Уша, въ 40 в. отъ Овруча. То былъ, правдоподобно,

какъ это слово можно истолковать какъ нарицательное (оплошность, ошибка, несправедливость—см. Востокова Словарь ц.—славян. языка II. с. 4), то я и остерегся включить его въ число собственныхъ именъ; ср. Погодинъ Изслѣдованія IV. с. 188.

¹⁾ Ипат. л. с. 455.

²⁾ Ипат. л. с. 372.

³⁾ Ипат. л. с. 289: „Андрѣй же и Володимерь (изъ Мичьска—Радомысла) поѣхаста туда, на устье Припети на Давыдову боженку, оттолѣ же ѣхаста въ Острьскій городокъ“; Лавр. с. 313: „Андрей же перебрѣде Днѣпръ на Воровичѣ, и иде в Городокъ“. У с. Воровичъ есть двѣ группы кургановъ, что указываетъ на давнее существованіе поселенія въ этомъ мѣстѣ. См. Похилевича Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 276 и Объяснительную записку В. Б. Антоновича. Иное мнѣніе о мѣстоположеніи Давыдовой боженки было высказано г. Андріевскимъ въ специальномъ изслѣдованіи: „Давыдова Боженка“—въ Кіевск. Старинѣ 1885 г. кн. VI. с. 184—204; онъ отождествляетъ Давыдову боженку съ божицею, упоминаемой въ Ипат. л. с. 352—353 (за Вышегородъ къ божици) и приурочиваетъ къ старой часовнѣ, находящейся въ 2 верстахъ отъ с. Глѣбовки (къ сѣверу отъ устья Ирпени), по дорогѣ въ с. Ясногородку; при этомъ названіе Глѣбовки г. Андріевскій сближаетъ съ именемъ св. Глѣба, христіанское имя котораго было Давидъ.

племенной центръ древлянъ; послѣ присоединенія Древлянской земли въ землѣ полянъ Искоростень сходитъ со сцены и ни разу не упоминается: кіевскіе князья, вѣроятно, сдѣлали все зависящее, чтобы лишить значенія этотъ городъ ¹⁾. Вручій или Овручъ, на р. Норинѣ—быль, кажется, новый административный центръ, созданный послѣ подчиненія древлянъ Кіеву на смѣну Искоростню: въ лѣтописи онъ появляется въ рассказѣ о первомъ князѣ, присланномъ въ Древлянскую землю изъ Кіева—Олегѣ; онъ былъ, по всей вѣроятности, его резиденціею. Въ XI в. Вручій не упомянутъ ни разу, только во второй половинѣ XII в., при Рюрикѣ Ростиславичѣ, онъ выдвигается снова, сдѣлавшись центромъ частнаго удѣла Кіевской земли; въ свое продолжительное правленіе Рюрикъ, какъ видно, очень дорожилъ и занимался этимъ удѣломъ и подолгу проживалъ здѣсь; весьма вѣроятно, что ему, а не Владиміру Св., какъ думаютъ многіе, принадлежитъ и постройка прекраснаго собора св. Василя въ Овручѣ (Рюрикъ носилъ имя Василя) ²⁾. Въ томъ же XII в. на Ушѣ намъ извѣстенъ еще одинъ городъ—*Ушескъ*; это теперешнее м. Ушомиръ, на правой сторонѣ Уша, выше Искорости, съ древнимъ городищемъ ³⁾.

Къ востоку отъ этого центра Древлянской земли, въ области Тетерева намъ извѣстенъ цѣлый рядъ городо́въ; всѣ они упоминаются лишь въ XII и XIII в., хотя, конечно, существовали и раньше. На самомъ Тетеревѣ мы знаемъ *Мичьскъ*—теперешній Радомысль, или точнѣе часть его, такъ называемый Мыкъ-городъ, находящійся между р. Мыкою и Тетеровомъ ⁴⁾, *Городескъ*—теперь село Городскъ, въ пят-

¹⁾ Ипат. л. с. 34, 37. Около Искорости есть два городища—оба четырехугольныя (Довес. Искоростской волости).

²⁾ Ипат. л. с. 49, 370, 463, 559. Лавр. с. 397—8, 406, 408. Иловайскій—Исторія Россіи т. I ч. 2. с. 19. Можетъ быть, до построенія собора существовала деревянная церковь св. Василя, выстроенная св. Владиміромъ.

³⁾ Ипатск. л. с. 276, 285; городище у Ушомира треугольное, окруженное тройнымъ валомъ (донесеніе Ушомирской волости). Городище это рѣшаетъ въ пользу Ушомира колебаніе между нимъ и с. Ушичнимъ.

⁴⁾ Ипат. с. 286; о мѣстоположеніи Мичьска самое ясное свидѣтельство см. въ подложной грамотѣ Андрея Боголюбскаго (Описаніе Кіево-Печерской Лавры м. Евгенія с. 170): „придалъ тожъ Городокъ Мическъ со всѣмъ надъ рѣкою Микою и другою большою рѣкою Тетеревою, подъ котормъ Городкомъ и Городищемъ рѣка Мика въ рѣку Тетеревъ впала“. Ср. Похилевичъ Уѣзды Кіевскій и Радомысл. с. 56.

надцати верстахъ выше Радомысля ¹⁾. На Тетеревѣ же, вѣроятно, находился городъ *Жедечева*, упоминаемый вмѣстѣ съ Городескомъ, но мѣстоположеніе его неизвѣстно ²⁾. На Гуйвѣ известна въ XII в. *Котельница* (теперь м. Котельня), хорошо укрѣпленный, значительный городъ ³⁾; вмѣстѣ съ Божскимъ и Межибожьемъ и еще тремя неизвѣстными намъ по имени городами онъ составлялъ въ половинѣ XII в. частный удѣлъ Кіевской земли. На другомъ притоцѣ Тетерева—Здвижѣ упоминается въ концѣ XI в. городъ *Звиждень*, или Въздвиженье, приурочиваемый къ с. Здвижкѣ, у истока этой рѣки ⁴⁾. Южнѣе Звиждня стоялъ городъ *Ярополь*, вѣроятно теперешнее с. Яроповцы у истока Ирпеня ⁵⁾; на верхнемъ же Ирпенѣ, можетъ быть, находилось и урочище *Обрамль мость* ⁶⁾. Въ этой же мѣстности, на дорогѣ изъ Котельницы въ Бѣлгородъ, упоминаются въ половинѣ XII в. еще *Мутижирь* и *Кучарь*; первый съ значительною вѣроятностью можно приурочить къ теперешнему м. Мотыжину (вблизи кіево-житомірскаго тракта), съ круглымъ городищемъ ⁷⁾; что касается Кучари, то заслуживаетъ вниманія указаніе на урочище *Кочурь* вблизи Бѣлгородѣи ⁸⁾.

¹⁾ Ипат. с. 555. Карамзинъ IV. пр. 102 (с. 38—изъ сообщеній Ходаковского). В. Б. Антоновичъ—въ Чтеніяхъ Общ. Нестора III. с. 13 и его же Объяснит. Записка. Въ селѣ есть два большихъ городища формы неправильныхъ многоугольниковъ.

²⁾ Ипат. 555: „Городескъ и по Тетереви до Жедечева“. Н. П. Дашкевичъ указываетъ на с. Жидовцы Бердяевск. у. (Болоховская з. пр. 31), г. Андріевскій (К. Ст. 1882. IX. 437)—на р. Жидь, падающую въ Днѣпръ ниже Тетерева.

³⁾ Ипат. с. 224, 243, 257. См. рефератъ В. Б. Антоновича въ Чтеніяхъ Общ. Нест. III. с. 13—14.

⁴⁾ Ипат. с. 171. Погодинъ IV. 156. В. Б. Антоновичъ въ Чтеніяхъ Общ. Нестора I. с. 40.

⁵⁾ Ипат. с. 346. Погодинъ IV. 188.

⁶⁾ Ипат. с. 287: „либо на Обрамль мость переѣду, либо другой де вѣду же въ Черни Клобуки“ (изъ Звиждня); очевидно, Обрамль мость лежалъ на пути „въ Черни Клобуки“, поэтому нельзя отнести его къ с. Абрамовкѣ на нижнемъ теченіи Здвижа, какъ дѣлаютъ Надеждинъ и Неволинъ (у Погодина IV. 181), не былъ то и мость черезъ Здвижъ, какъ думаетъ Погодинъ, потому что Изяславъ самъ былъ тогда въ Звиждѣ.

⁷⁾ Ипат. с. 354: „снашася у Котельничъ со Мьстиславомъ и оттудѣ пойдоша къ Бѣлгороду на Мутижирь и быша на Кучарь. И начашася просити Черни Клобуци у Мьстислава напередъ: ать соглядаемъ, княже, велика ли рать“. Погодинъ, Изслѣдов. IV. с. 190. Объяснит. Записка В. Б. Антоновича. Похилевичъ,—Уѣзды Кіевскій и Радомыслскій с. 59.

⁸⁾ Похилевичъ *ibidem* с. 78; уроч. Кочуръ лежитъ въ 1½ верстѣ къ западу отъ Игнатовки. Въ прежнемъ изданіи г. Похилевича (Сказанія о насел. мѣсти. Кіевск. губ.)

Въ той же восточной части Древлянской земли съ наибольшею вѣроятностью можно предположить *Полоный*—градъ Десятинный святой Богородицы и *Сѣмычъ* (или *Сѣмьчъ*), которые лежали за Киевомъ съ точки зрѣнія Корсуня и были ограблены половцамъ въ 1172 (1170) г. ¹⁾; приурочить этотъ Полоный къ м. Полонному на Хоморѣ трудно: слишкомъ это будетъ далеко и не сообразно съ обстоятельствами. Вообще кievскіе Полоные составляютъ не малую загадку. Такъ подъ 1095 г. говорится, что Рюрикъ далъ Роману въ удѣлъ „Полоны и поль тѣртака Корьсуньскаго“ (что это за „тѣртакъ Корьсуньскій“, объяснить удовлетворительно не удалось пока никому) ²⁾. Полоный этотъ тоже трудно отождествить съ Полоннымъ на Хоморѣ, такъ какъ затѣмъ разсказывается, что „Романъ восла люди своя въ Полоны и оттолѣ повѣлѣ имъ ездячи воевати.... волость Давыдову и Ростиславлю“ ³⁾, т. е. Вышгородскую и Бѣлгородскую: опять Полонный на Хоморѣ для этого слишкомъ удаленъ. Полоный 1195 г. можно бы отождествить, судя по мѣстности, съ Полоннымъ 1170 г., но для этого нужно предположить, что въ силу какихъ либо комбинацій послѣдній изъ церковнаго владѣнія снова перешелъ въ распоряженіе князя. Что касается Сѣмыча, то его часто отождествляютъ съ Сѣмоцемъ 1257 г. ⁴⁾, но при этомъ возникаетъ затрудненіе: обстоятельства, при которыхъ упоминается Сѣмычъ 1172 г., заставляють его подвигать подальше

я не нашелъ извѣстія объ этомъ урочищѣ. Надежинъ и Неволинъ для Кучари указывали на с. Кочерево и Кошарище по кievо-житомирскому тракту (Погодинъ I. с.).

¹⁾ Ипат. с. 380. См. Погодинъ IV. 192—193. Соловьевъ II пр. 358. Барсовъ Словарь с. 164. Голубинскій—Исторія русск. церкви т. I пол. I. с. 423, пол. II. с. 790.

²⁾ Ипат. с. 462; Воскрес. I. 104: „полторка Рускаго“, Никон. II. 26: „Полочія полтора Рускаго“. Мѣсто явно испорченное, но исправить его трудно; Погодинъ толкуеть: половину Торчина между Луцкомъ и Владиміромъ—но это уже волость не Рюрика, Татищевъ (III с. 314): половину области Корсунской. Зубрицкій объяснилъ такъ, что Рюрикъ назначилъ Роману половину доходовъ съ тартака (т. е. лѣсопильной мельницы—по малорусски) въ Корсуни—Исторія Галицко-русс. княж. III. с. 9. Это объясненіе приняли Шараневичъ (Ист. Галицко—Володим. Руси с. 61) и Барсовъ (Словарь с. 165).

³⁾ Ипат. с. 468. „Тѣртакъ Корьсуньскій“ побудилъ нѣкоторыхъ ученыхъ и Полонный 1195 г. предполагать въ побережья Роси, см. Словарь Барсова с. 164.

⁴⁾ Погодинъ Исслѣдов. IV. 192; Барсовъ Словарь с. 194; Голубинскій ор. с. I. 2. с. 791; Дашкевичъ, Новѣйшіе домислы о Болоховѣ и Болоховцахъ—Университ. Извѣстія, 1884. VI. с. 175 (раньше, въ изслѣдованіи о Болоховской землѣ пр. 81, почтенный ученый былъ другого мнѣнія).

на сѣверо-востокъ, а изъ разсказа 1257 г. выходитъ, что онъ былъ гдѣ-то неподалеку отъ галицко-волинскихъ предѣловъ. Учеными было указано нѣсколько мѣстностей со сходными именами въ бассейнахъ Тетерева, Случи и Буга, но онѣ не устраняютъ указаннаго затрудненія ¹⁾; поэтому я не рѣшаюсь отождествить Сѣмыча 1172 г. съ Сѣмоцемъ 1257 г. и предполагаю первый въ полосѣ средняго Тетерева и Здвижа, а второй предпочитаю искать въ области Случи ²⁾.

На Случи упоминается нѣсколько пунктовъ, которые можно опредѣлить. Такъ извѣстенъ въ XIII в. гор. *Взвьяль*—теперешній Новоградъ Волинскій ³⁾; *Колодяженъ*, по всей вѣроятности, есть теперешнее село Колодежно на правомъ берегу Случи, выше впаденія Хоморы ⁴⁾. Къ с. Каменѣ, на лѣвомъ берегу Случи, нѣсколько сѣвернѣе Колодежна, приурочиваютъ съ вѣроятностью г. *Каменецъ*, упоминаемый въ концѣ XII и въ XIII в. и стоявшій, какъ видно, на рубежѣ тогдашней Волини и Кіевщины ⁵⁾. Къ сѣверу отъ этихъ городовъ,

¹⁾ Надеждинъ и Неволинъ указывали на Симаки Заславск. у. (у Погодина IV. с. 193), Н. П. Дашкевичъ останавливается на Семакахъ Житомирск. и Симакахъ Хмельницк. у.

²⁾ Подъ 1257 г. въ Ипатск. л. (с. 555) читаемъ: „посла (Даниль) сына своего Шварна на Городокъ, и на Сѣмоць (Семочь), и на вси городы, и взя Городокъ и Сѣмоць и всѣ городы, сѣдящия за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева (Жедьчевева). Възвьяглие же сольгаша Шварномъ, поемше тивуна не вдаша ему тивунити“. Изъ послѣднихъ словъ видно, что театромъ военныхъ дѣйствій служила не только область Тетерева, но и область Случи; военныя дѣйствія должны были начаться либо съ области Случи, либо съ верховьевъ Тетерева, и тутъ гдѣ-нибудь слѣдуетъ предполагать и Городокъ съ Сѣмоцемъ: мало вѣроятно, чтобы лѣтописецъ, опредѣляя направленіе похода, назвалъ города, стоящіе гдѣ-то на заднемъ планѣ. Въ области Случи искать Сѣмоць я предпочитаю потому, что Жедечевъ, по моему мнѣнію, уже опредѣляетъ южный предѣлъ Потетеревья, до котораго доходили завоеванія Шварна (предполагать, что завоеванія эти простирались далеко за Городескъ внизъ по рѣкѣ и считать Жедечевъ ихъ сѣвернымъ предѣломъ мнѣ кажется менѣе вѣроятнымъ). Конечно, это лишь предположеніе, такъ какъ свидѣтельство лѣтописи не достаточно опредѣленно (о планѣ этого похода см. еще въ послѣдней главѣ, при изслѣдованіи самыхъ событій).

³⁾ Ипат. с. 555.

⁴⁾ Ипат. с. 523. Барсовъ Географія с. 289. Погодинъ Изслѣдов. IV. с. 207. Г. Молчановскій (Очеркъ извѣст. о Подольск. з. с. 145) указываетъ еще нѣсколько мѣстностей на Волини, напоминающихъ имя Колодежна.

⁵⁾ Ипат. с. 468, 503, 516, 521, 523. См. Барсовъ—Географія с. 288—290. Дашкевичъ—Даниль Галицкій с. 52, Болоховская земля пр. 28. Каменка на р. Цвѣтохѣ (въ 15 в. отъ

между Случью и верховьями Уша, разстился Чертовъ лѣсъ ¹⁾, а въ известковомъ, бѣловатомъ берегамъ верхней Случи приурочивается лѣтописное Бѣлобережье, находившееся по сосѣдству Чертова лѣса ²⁾. Полукруглое городище недалеко отъ с. Суемець (въ 2¹/₂ верстахъ) на р. Смолкѣ, лѣвомъ притокѣ Случи, можетъ быть, есть городъ *Сьмоць* 1257 г.; гдѣ-нибудь по близости былъ, вѣроятно, и *Городокъ*, упоминаемый вмѣстѣ съ нимъ ³⁾. Къ мѣстечку Полонному на Хоморѣ относится рассказъ Волынской лѣтописи (подъ 1234 г.): Даниль угони и (Александра Бельзскаго) во *Полонь*, и яша и в лузѣ Хоморьскомъ ⁴⁾. Къ Микулину на той же Хоморѣ (повыше Полоннаго) обыкновенно приурочивается *Микулинъ* 1169 (1168) г., гдѣ соединился съ черными влобуками Мстиславъ Изяславичъ, идя на столъ въ Кіевъ ⁵⁾.

Въ районѣ верхней Случи и верхняго Буга съ наибольшою вѣроятностью помѣщается Болохово XII в., лежавшее на пути изъ Галича въ Кіевъ, и Болоховскіе города, упоминаемые въ XIII в.: *Деревичъ*, *Губинъ* и *Кобудъ*, *Кудинъ*, *Городиць*, *Божьскый*, *Дядьковъ*. Изъ нихъ Губинъ приурочивается въ с. Губину (на границѣ Староконстан-

Заслава), пожалуй, подходитъ больше къ Ипат. 520: „приде (Батый) Каменю Изяславию взять я“: эти два города какъ будто стояли въ ближайшемъ сосѣдствѣ.

¹⁾ Ипат. с. 280, 285, 511.

²⁾ Ипат. с. 511, ср. 555. Смотри Дашкевича Болоховскую а. с. 82.

³⁾ Ипат. л. с. 555. Городище ок. Суемець находится въ урочищѣ Равонецъ, надъ р. Смолкою (донесеніе Смолдыровской волости). Къ сѣверо-западу отсюда есть Грудъ и Городище, а выше на Смолкѣ—городище Диви-городокъ, около с. Мирослава (донес. Смолд. волости). О Городѣ см. Болоховскую землю с. 78; Н. П. Дашкевичъ, вслѣдъ за Барсовымъ (Матеріалы для геогр. словаря с. 57) изъ множества „городковъ“, находящихся въ той мѣстности, останавливается на Райгородѣ Бердич. у.

⁴⁾ Ипат. с. 514, сюда же, вѣроятно, относится Полонный 1171 (1169) г.—Ипат. с. 374.

⁵⁾ Ипат. л. с. 365. Дашкевичъ Болоховская зем. пр. 27; Молчановскій Очеркъ извѣст. о Подольск. з.; Андрияшевъ Ист. Волын. з. с. 81. Барсовъ (Географія нач. лѣт. с. 291) указываетъ на Микулинцы на р. Згарѣ, правомъ притокѣ Буга. П. В. Голубовскій (Печенѣги с. 146) находитъ вѣроятнымъ, что Микулинъ былъ гдѣ-то въ области черныхъ влобуковъ. Село Микуличи Кіевск. у., на которое указалъ Н. П. Дашкевичъ (л. с.) будетъ не по дорогѣ Мстиславу: послѣдній для соединенія съ черными влобуками долженъ былъ скорѣе отклониться на югъ.

тиновскаго и Новоградволынского уѣздовъ), Деревичъ къ с. Деревичамъ на р. Деревичѣ, Кудинъ—къ с. Кудинѣ на Бугѣ, у которыхъ сохранились и остатки укрѣпленій ¹⁾. Что касается Божьскаго, то это имя встрѣчается въ лѣтописяхъ и раньше, но затрудненіе заключается въ томъ, что было, очевидно, нѣсколько городовъ этого или сходнаго имени, и между ними очень трудно распредѣлить упоминанія лѣтописей. Съ нѣкоторою увѣренностью можно отождествить Божьскій болоховцевъ съ тѣмъ Божскимъ, который фигурируетъ въ сороковыхъ годахъ XII в., вмѣстѣ съ Межибожемъ и Котельницею, и который, какъ видно, находился гдѣ-то на южной окраинѣ Кіевщины ²⁾; онъ же, по всей вѣроятности, выступаетъ въ грамотѣ Ягайла 1393 г. вмѣстѣ съ Межибожемъ и Винницею ³⁾. Имя „Божьскій“, повиди-

¹⁾ Ипат. л. с. 278, 376, 526. См. „Болоховскую землю“ с. 84; кромѣ того Н. П. Дашкевичъ указываетъ (впрочемъ гипотетично) на Бутовцы Новоградволынск. у. для Кобуды и Дьяковцы Литинск. для Дядькова; ср. также о Кудинѣ Карамзина IV. пр. 20, о Деревичѣ—Барсова Географію с. 298; послѣдній соединяетъ Божскій и Городецъ воедино, какъ Бужскій и Острогъ Ипат. с. 180—см. его Словарь с. 16. На изслѣдованіе Н. П. Дашкевича о Болоховской землѣ представилъ обширныя возраженія г. Молчановскій (ор. с. гл. V); онъ не принимаетъ и опредѣленія мѣстности Болоховскихъ городовъ, сдѣланнаго г. Дашкевичемъ, на томъ основаніи, что извѣстія лѣтописи слишкомъ неопредѣленны, а именъ, подобныхъ Болоховскимъ городамъ, слишкомъ много по всей Волини (въ частности, для Кудина г. Молчановскій указываетъ на м. Кодию Житомир. у., а Божскій предполагаетъ въ средней полосѣ Волини)—ор. с. с. 121 сл., 124, 127. Отвѣтъ Н. П. Дашкевича см. въ статьѣ Новѣйшіе домысли о Болоховѣ и Болоховцахъ—Универс. Изв. 1884, VI. с. 171 сл.; тамъ же (с. 170) смотри о предположеніи г. Похилевича, приурочившаго Болохово къ м. Бѣлиловѣ, а Губинѣ къ Губину на р. Деснѣ, притокъ Буга, въ Бердичевскомъ уѣздѣ. О городищахъ—у с. Кудинки см. Кіевскую Старину 1882 г. кн. VI. с. 536 (городище съ четырьмя concentрическими валами, слѣдовательно велико-княжескаго типа), у с. Деревичъ и Губина—донесенія Деревичской и Райковской волостей; см. также Новѣйшіе домысли о Болоховѣ с. 180—1.

²⁾ Ипат. с. 234, 243, 257, 258. О Божскомъ см. Болоховскую землю Н. П. Дашкевича пр. 25, Очеркъ извѣст. о Подольской з. г. Молчановскаго с. 70, 76, 81, 87, 124. Порубежное положеніе Божска видно изъ того, что сюда послалъ въ 1148 г. Изяславъ Ростислава Юрьевича стеречь „землѣ Руское оттолѣ“ (Ипат. с. 258). Можно также отождествить съ нашимъ Божскимъ Божьскій 1151 г., лежавшій, повидимому, на пути изъ Галича въ Кіевъ (ср. у г. Дашкевича ор. с. с. 75, иначе думаетъ г. Молчановскій ор. с. с. 76). Что касается Бужска 1152 г. (Ипат. с. 313), я считаю его кіевскимъ городомъ, какъ и остальные города, захваченные Володиміромъ (въ этомъ пунктѣ я рожуюсь съ Н. П. Дашкевичемъ; объ этомъ см. выше с. 15, въ примѣчаніяхъ); его можно отождествить и съ нашимъ Божскомъ, можно принять и за особый городъ, гдѣ—нибудь въ Погоринѣ. О Божскѣ 1100 г. (Ипат. с. 180) трудно сказать что—либо опредѣленное,

³⁾ Archivum Sanguszków I. p. 19 (Codex epistolaris Vitoldi p. 39): districtus tamen Medzibosze, Bozske et Winnicza pro nobis et nostris successoribus totaliter reservamus.

тому, указываетъ на р. Богъ (Южный Бугъ), и его нужно предполагать гдѣ нибудь въ верхнемъ Побужьи; въ этой мѣстности заслуживаетъ вниманія с. Забужье, на лѣвомъ берегу Буга, ниже Хмельнива, съ круглымъ городищемъ ¹⁾.

Гдѣ-то въ ближайшемъ сосѣдствѣ перечисленныхъ выше Болоховскихъ городовъ находился еще городъ или область *чарнятинцевъ*, которые выступаютъ въ лѣтописномъ разсказѣ (подъ 1257 г.) вмѣстѣ съ бѣлобережцами и болоховцами (возможно даже, что они входили въ число болоховцевъ). Въ настоящее время существуетъ два Чернятина въ бассейнѣ Десны (притока Буга), около Самгородва, и Чернятинцы на Сниводѣ (тоже лѣвомъ притокѣ Буга), ниже Уланова; но чтобы приурочить чарнятинцевъ къ одному изъ нихъ, лѣтописный разсказъ не даетъ достаточно данныхъ ²⁾.

Въ области Горыни мы знаемъ сравнительно много городовъ; это прежде всего зависитъ, конечно, отъ того, что эта мѣстность была театромъ событій, весьма обстоятельно описанныхъ въ Киевской лѣтописи (особенно борьбы Изяслава Мстиславича съ Юріемъ), но и независимо отъ того Погорина, лежавшая на рубежѣ политическомъ и, можетъ быть, этнографическомъ, потому самому имѣла причину быть гуще заставленною городами, гуще заселенною, чѣмъ другія области. Главными городами ея были *Дорогобужъ* на Горыни и *Пересомыща* на Стублѣ; кромѣ того намъ извѣстны здѣсь еще слѣдующіе города: *Зарьчскъ*, *Мыльскъ*, *Острогъ*, *Шумскъ*, *Тихомель*, *Выгошевъ*, *Гнойница*, *Изяславль* и *Корческъ*; любопытно, что всѣ эти имена, исключая Выгошева, сохранились до настоящаго времени. Изъ перечисленныхъ городовъ только Дорогобужъ и Острогъ упоминаются въ XI в., остальные—въ XII, а Изяславль только въ XIII, хотя, судя по имени, основаніе его относится, вѣроятно, ко времени правленія Изяслава Мстиславича ³⁾. Неизвѣстно, что такое была Хотрія, упоминающаяся

¹⁾ Донесеніе Уладовской волости. На Забужье (и Бузовку Таращанскаго у.) указывалъ Барсовъ (Географія Нач. л. с. 140, 300), Н. П. Дашкевичъ указываетъ на Божикивци Летичевск. у. (Болоховская з. с. 84—5).

²⁾ Ипат. с. 555. Болоховская земля с. 80—81.

³⁾ Объ этихъ городахъ см. Ипат. л. с. 144, 180, 186, 276, 284, 318, 523 и др. Лавр. л. с. 312. Мѣстоположеніе большей части ихъ было уже указано выше (с. 12 и 15),

также въ половинѣ XII в. и находившаяся гдѣ-то между Дорогобужемъ и Корческомъ, поселеніе или урочище ¹⁾).

Мы покончили съ обзоромъ Кіевской земли за періодъ до-монгольскій; теперь остается собрать тѣ скудныя и разрозненныя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о территоріи этой земли за періодъ съ половины XIII до конца XIV вѣка; заранѣе оговорюсь, что за недостаткомъ современныхъ свѣдѣній намъ придется прибѣгать по временамъ къ свѣдѣніямъ болѣе поздняго времени и дѣлать по нимъ заключенія для разсматриваемаго времени. Есть основанія думать, что во время, предшествующее литовскому завоеванію, Кіевская земля не имѣла политическаго единства, не составляла вовсе государственнаго тѣла, политической единицы (эта гипотеза будетъ подробнѣе развита и обоснована въ своемъ мѣстѣ), тѣмъ не менѣе, такъ сказать, понятіе Кіевской земли жило, очевидно, все это время, и когда литовское верховенство возстановило въ землѣ политическое единство, территорія этой возстановленной Кіевской земли стоитъ въ непосредственной связи съ преданіями предшествующаго періода.

Расширеніе Галицко-Волинской земли на востокъ было остановлено монгольскимъ нашествіемъ и образованіемъ въ восточной полосѣ ея независимыхъ, общинъ стоявшихъ въ непосредственной зависимости отъ татаръ. Походы, предпринятыя Данииломъ для подчиненія побережья Случи, Потетерева и Побожья, какъ видно по всему, не дали сколько нибудь прочныхъ результатовъ, и восточная граница Волыни, судя

изъ остальныхъ—Изяславль есть теперешній Заславль, уѣздный городъ Волинской губ., Острогъ—тоже уѣздный городъ, для Мильска изъ двухъ современныхъ Мильсковъ—старога и новаго (въ Острожскомъ у., къ югу отъ г. Ровно), слѣдуетъ выбрать скорѣе Новый Мильскъ, такъ какъ около него существуетъ два городища—круглое и четырехугольное (донес. Здолбицкой вол.). Объ Острогѣ нужно замѣтить, что лѣтописный текстъ, гдѣ онъ упоминается (сяди въ Божескомъ в Островѣ Ипат. с. 180, в Бужьскѣмъ, въ Островѣ—Лавр. с. 264), своимъ выраженіемъ подалъ поводъ нѣкоторымъ ученымъ, начиная съ Карамзина (II пр. 195), считать Острогъ за одинъ городъ съ Божскимъ. Наоборотъ, Зарѣчскъ 1106 г., около котораго воевали половцы (Ипат с. 186), нѣкоторые отдѣляютъ отъ Зарѣчска 1150 г. (Ипат. с. 234 и 286), полагая, что половцы не могли опустошать Погоринъ—см. Погодина IV. с. 164; на мой взглядъ въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго.

¹⁾ Ипат. с. 285.

по нѣкоторымъ намекамъ лѣтописи, не далеко переходила за Горны, не доходила, вѣроятно, и до Случи, въ побережьѣ которой видимъ уже общины, непосредственно зависѣвшія отъ татаръ ¹⁾. Позже однако, къ половинѣ XIV в., когда татарское вліяніе ослабѣло, а затѣмъ и вовсе прекратилось на Волини, волинскія владѣнія снова придвинулись въ Случи: въ трактатѣ литовскихъ князей съ Казиміромъ В. 1366 г. въ числѣ отчизныхъ волостей Луцкой земли находимъ Полонный и Межибожье ²⁾. Съ другой стороны, изъ описанія войны Витовта съ кievскимъ княземъ Владиміромъ Ольгердовичемъ (1393 г.) видно, что къ Кіевской землѣ принадлежали въ это время г. Овручъ и Житомиръ, т. е. области Уша и Тетерева ³⁾. Правдоподобно, какъ и передъ монгольскимъ нашествіемъ, западною границею Кіевщины служила рѣка Случь, которая и позже является ея официальною границею,—на протяженіи отъ поворота у м. Любара почти до устья ⁴⁾.

¹⁾ Ипат. л. с. 555. Что граница проходила гдѣ-то около Горны, это даетъ понятіе рассказъ лѣтописи подъ 1283 г.: „пришедшу же ему (Телебугѣ) к Горинѣ и сретѣ и, Мстиславъ с питьемъ и з дарн“—встрѣча происходила, вѣроятно, на границѣ. У Шумска т. е. приблизительно въ той же полосѣ, встрѣчалъ и Василько Бурундая въ 1259—60 г. (Ипат. л. 562, 588). См. Даниль Галицкій Н. П. Дашкевича с. 86, Болоховская земля пр. 138. Иного мнѣнія по этому вопросу держатся проф. Шараневичъ (Ист. Гал.-Володим. Руси с. 102) и М. Ф. Владимірскій Будаговъ (Населеніе Южной Руси до пол. XV в. с. 24 и 32): они полагаютъ, что галицко-волинскія владѣнія простирались до Днѣпра. Относящіяся къ этому вопросу давняія источникоу будутъ рассмотрѣны въ послѣдней главѣ.

²⁾ „Князю Люборту Луцкая земля со всѣми волостми отчизными и съ селы, какъ изъ давна пошло, Стожекъ, Даниловъ, Закамьянъ, Шюмескъ, Острогъ, Полонный, Межибожье“; трактатъ *in extenso* (латиницею) изданъ г. Чучинскимъ—Kwartalnik Historyczny, 1890 г., zes. III. р. 513,—изъ бумагъ Нарушевича; содержаніе его см. также у Даниловича—Scarbies diplomatów I. № 432. Къ этому можно было бы присовокупить еще данныя жалованной грамоты Ягайла и Витовта Федору Острожскому (Archivum ks. Sanguszków I. № 6), гдѣ къ острожскимъ владѣніямъ отнесены между прочимъ Коредь и Хлапотинъ (теперь м. Красноставъ на р. Корчикъ—см. Архивъ Юго-Зап. Рос. VI т. I, с. 418: местечко Красный Ставъ, альбо Хлапотинъ, ср. Андрияшевъ оп. с. с. 78), но противъ подлинности этой грамоты польскіе ученые выставили рядъ возраженій, и вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ остается еще открытымъ; заподозрѣна и другая грамота—1396 г. (Archivum ks. Sanguszków I. № 20), также представляющая интересъ въ отношеніи опредѣленія границъ острожскихъ владѣній. См. Rulikowski i Radziwiński—Kniazowie i szlachta t. I, oddz. II р. 29—30, 32—25, также примѣч. къ документамъ въ Arch. Sang. I, р. 155, 157.

³⁾ 1 л.—рус. лѣт. изд. Поповымъ с. 32.

⁴⁾ Въ описаніи границъ Кіевского воеводства 1566 г. (Архивъ Юго-Западной Рос. VII т. II с. 365) восточная граница Кіевщины идетъ отъ Гончарихи—мѣстности у верховья Тете-

На юго-западѣ, съ образованіемъ въ Побожьи и области Случи вольныхъ общинъ, послѣ монгольскаго нашествія простиравшихся, надо думать, и далѣе на востокъ, въ глубь Кіевской земли, исчезла фактически и кіевская граница. Затѣмъ о рубежѣ возстановленнаго подъ литовскимъ верховенствомъ Кіевскаго княжества мы имѣемъ свѣдѣнія отъ конца XIV в.; въ описаніи похода Витовта на Подольскую землю въ числѣ городовъ послѣдней видимъ Браславъ и Соколецъ (на Бугѣ, выше Браслава) ¹⁾, а въ числѣ подольскихъ городовъ, уступленныхъ Ягайлу Витовтомъ, находимъ Межибожье, Божскъ и Винницу ²⁾. Такимъ образомъ Кіевская земля въ это время не доходила до Буга, и граница ея отъ холма Случи направлялась, вѣроятно, по водораздѣлу Тетерева и Роси, съ одной стороны, и Буга—съ другой, то есть тамъ же, гдѣ мы приблизительно предполагали ее и для первой половины XIII в. ³⁾.

Переходя затѣмъ къ южной закраинѣ Кіевской земли, отмѣтимъ прежде всего небольшое указаніе для времени, непосредственно слѣдующаго за монгольскимъ нашествіемъ: Плато Карпини говоритъ въ своемъ путешествіи (1246 г.), что крайнимъ русскимъ поселеніемъ на югѣ была villa, отстоявшая на одинъ перегонъ отъ Канева ⁴⁾; такимъ образомъ границею поселеній служило побережье Роси, вѣроятнѣе—Заросье. Затѣмъ въ письменныхъ источникахъ слѣдуетъ обычный пробѣлъ вплоть до конца XIV в. ⁵⁾, который отчасти (для XIV в.) вос-

---

рева, на водораздѣлѣ Буга и Случи (сравни обводъ границъ в. княжества Литовскаго 1546 г. у Догеля *Limites regni Poloniae*, 1758 р. 198, или въ Виленскомъ Археографич. сборникѣ I, с. 121), до Случи и Случью до с. Каменнаго (есть теперь—версть сорокъ отъ устья) потомъ переходитъ на Уборть, которая служитъ границею до устья.

¹⁾ 1 л.-русск. лѣтоп. въ изд. Попова с. 46. Соколецъ лежалъ на пути изъ Звенигорода въ Браславъ, какъ видно изъ описанія путешествія Ягайла 1411 г. у Длугоша, I. XI р. 314. Ср. Молчановскій—Очеркъ изв. о Подол. зем. с. 6.

²⁾ Жалованная грамота Ягайла Спытку 1395 г.—*Archivum ks. Sanguszków* I, р. 19 (*Codex epist. Vitoldi* р. 39).

³⁾ Здѣсь же, по „Черному шляху“, и позже проходила граница воеводствъ Кіевскаго и Брацлавскаго—см. обводъ границъ Брацлавскаго воеводства ок. 1570 г.—книга № 137 Кіевск. центр. архива л. 409 об.—410, также у В. Б. Антоновича, *Монографіи* I с. 245.

⁴⁾ Собраніе путешествій къ татарамъ Языкова с. 10.

⁵⁾ Если, конечно, не принимать въ расчетъ легендарнаго разсказа 2 л.-русск. лѣтописи о завоеваніи Кіева Гедиминомъ; въ разсказѣ этомъ перечисляются такіе „при-

полняется монетными вкладами, ясно свидетельствующими о заселенности въ это время Поросья и Заросья (о нихъ подробнѣе я буду говорить ниже). Въ концѣ XIV в. упоминаются Червасы и Звенигородъ (на Гниломъ Тыкичѣ) ¹⁾; одновременно появляются въ нашихъ источникахъ и города на среднемъ Бугѣ—Браславъ и Соколецъ. Собирая эти данныя, слѣдуетъ думать, что въ рассматриваемый періодъ заселеніе южной Кіевщины не сокращалось въ своихъ предѣлахъ, напротивъ—даже постепенно подвигалось на югъ. Особенно благоприятныя условія для кіевской колонизаціи наступили съ послѣдней четверти XIV в., когда на помощь вольному колонизаціонному движенію явилась и государственная власть въ лицѣ Гедиминовичей, замыслившихъ прочно основаться въ южныхъ степяхъ и на черноморскомъ побережьи; въ сожалѣнію, объ этой колонизаціи мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія, и самыя слѣды ея были почти совершенно стерты послѣдующими татарскими опустошеніями ²⁾. Что касается политической границы Кіевского княжества въ XIV в., то при опредѣленіи ея представляется значительное затрудненіе. Въ упомянутомъ уже лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Витовта на Подольскую землю говорится: „самъ же князь великии Витовтъ поидѣ на Подольскую землю, а князю Скиригаилу повелѣти ити с Кіева в Черкасамъ и ко Звенигороду. Князь же Скиригаило, Божею помощю и в. к. Витовта повеленіемъ, взя Черкасы и Звенигородъ и возвратися опять ко Кіеву“ ³⁾. Въ этомъ извѣстіи видятъ обыкновенно доказательство того, что Звенигородъ и Черкасы, т. е. земли къ югу отъ Роси, не принадлежали къ Подолью, слѣдовательно принадлежали къ Кіевской землѣ ⁴⁾.

городки кіевскіе“: Вручей, Житомиръ, Бѣлгородъ, Вышгородъ, Черкасы, Каневъ, Путивль, Слѣповродъ—*Pomniki do dziejow litewskich* s. 15—16.

¹⁾ 1 л.-русск. лѣт. въ изд. Попова с. 40.

²⁾ Объ этой колонизаціи смотри Монографіи В. Б. Антоновича I с. 245, Населеніе Юго-Западной Россіи до пол. XV в. М. Ф. Владимірскаго-Буданова с. 54 сл.

³⁾ 1 л.-русск. лѣтопись въ изд. Попова с. 40 (2 л.-русск. лѣт. въ *Pomniki do dz. litewsk.* р. 34). Кромерж (De origine et rebus gestis Polonorum ed. 1568 р. 248), упоминая объ этихъ событіяхъ, говоритъ: Vitovdum, cum partem Podoliae, in qua est Zitomiria et Cerasasi, in potestatem suam redeget etc.; Житомиръ здѣсь, можетъ быть, есть описка, вмѣсто Звенигорода?

⁴⁾ Дашкевичъ—Замѣтки по ист. л.-русск. госуд. с. 60. Молчановскій—Очеркъ извѣст. о Подольск. з. с. 7.

На этомъ можно было бы успокоиться, если бы другіе, близкіе по времени памятники не давали совершенно иныхъ извѣстій по этому вопросу. Въ спискѣ городовъ Свидригайла, по всей вѣроятности относящемся ко времени около 1432 г., на первомъ мѣстѣ помѣщена „крѣпость Кіевъ съ многочисленными областями“, затѣмъ слѣдуетъ Черниговъ, а ниже находимъ: „въ землѣ Подольской замки: „Чиркасы, Звенигородъ, Саколецъ“¹⁾. Затѣмъ въ извѣстномъ спискѣ городовъ, находящемся при Воскресенской лѣтописи, Звенигородъ и Черкасы также отдѣлены отъ „градовъ кіевскихъ“ и отнесены въ отдѣлъ польскихъ (слѣдовательно подольскихъ) городовъ²⁾. Какъ примирить это противорѣчіе? Слѣдуетъ ли въ приведенномъ выше разсказѣ литовско-русской лѣтописи допустить неточность выраженія и предположить, что и тогда Звенигородъ и Черкасы принадлежали къ Подолью? Быть можетъ, эти города также принадлежали Оедору Кориатовичу, и походъ Скиргайла на нихъ былъ лишь частью подольской кампаніи Витовта³⁾. Или принять, что во время этого похода упомянутые города точно принадлежали къ Кіевщинѣ, но затѣмъ отошли къ Подолью? Или, быть можетъ, къ Заросью имя Подолья прилагалось лишь какъ географическій, а не политическій или административный терминъ (въ такомъ широкомъ значеніи, далеко переходившемъ за предѣлы собственнаго Подолья, захватывавшемъ чуть не

¹⁾ In terra Podoliensi castra Circassi Zwimhrod Sakolecz Czarnugrad Kaszakenow Maayak, Karawull Doschau in metis Caspen.... Списокъ этотъ заданъ въ приложеніяхъ къ книгѣ Коцебу—Свидригайло, подъ № СХХ; онъ лишень даты, Коцебу смысляетъ на него при описаніи событій 1432 г. (с. 130); къ этому же году относить списокъ и г. Молчановскій (ор. с. с. 295), а въ Scarbiec (I, № 746) онъ отнесенъ къ 1402 г.

²⁾ Воскрес. л. I с. 240: А се Польскни грады: Камень, Иловечъ, Браславль, Соколецъ, Звенигородъ, Черкасы, Чернень, Новий городокъ, Веняча, Скала, Бакота. Объ этомъ спискѣ было упомянуто уже выше (с. 17); несомнѣнно, въ немъ есть нѣсколько разновременныхъ наслоеній; списокъ „польскихъ градовъ“, въ число которыхъ отнесены и города восточнаго Подолья (Браславль, Соколецъ, Винница), пожалуй, наиболѣе подходит ко времени уже послѣ смерти Витовта, именно къ 1434—5 г., когда Браславль былъ переданъ Польшѣ Оедкомъ Несвицкимъ—см. Молчановскій ор. с. с. 376, Stadnicki Synowie Gedymina I, s. 211, wyd. 1881.

³⁾ Заслуживаетъ вниманія одно обстоятельство: въ лѣтописномъ разсказѣ Скиргайло представляется дѣйствующимъ по приказу Витовта и въ то же время является уже княземъ кіевскимъ. Если Черкасы и Звенигородъ принадлежали къ Кіеву, то добыть ихъ—было личнымъ интересомъ Скиргайла, къ чему еще Витовтовъ приказъ?

всю Южную Русь, это имя употреблялось и позже—въ XVI и XVII в. ¹⁾), и въ дѣйствительности къ Кіевщинѣ тянуло не только ближайшее Заросье, но причислялись и обширныя земли въ областяхъ нижняго Буга и Днѣпра, какъ предполагаютъ нѣкоторые ученые ²⁾? Я пока не берусь рѣшать это затрудненіе.

На востокѣ Кіевская земля по прежнему переходила за Днѣпръ; она не только сохранила за собою прежнюю надднѣпровскую полосу владѣній, о чемъ свидѣтельствуесть рядъ разновременныхъ извѣстій, начиная съ XIV в. (такъ въ концѣ XIV в. кіевскому князю принадлежить с. Милославичи за Днѣпромъ; въ половинѣ XVI в. замковыми селами кіевского замка являются: Лутава, Погребы, Милославичи; въ половинѣ XVII в. кіевскіе мѣщане заявляютъ, что къ городскимъ грунтамъ искони принадлежали с. Вигуровщина и Рожева—у р. Десны ³⁾); но къ ней были присоединены обширныя земли прежняго

¹⁾ Для примѣра приведу описаніе Подолін, сдѣланное Кромеромъ: *Podolia, ab aquilone et euro Albae Russiae, a caetero ortu vastis campis Tartaricis atque Turcicis, ut diximus, a meridie vero Moldaviae continens; totaque una satrapia censetur, quam Podolicam vocant (Polonia sive de situ, populis, moribus etc. regni Polonici, ed. 1578, p. 16)*. Смотри объ этомъ еще у Стадницкаго *Synowie Gedymina I, p. 128*, В. Б. Антоновича—Монографіи I, с. 127, Молчановскаго *op. s. c. 7* сл. Самъ Стадницкій, опредѣляя пространство Подольской земли *w dawniejszych czasach*, относить къ числу подольскихъ городовъ и Черкасы (*ibid. c. 133*). Въ упомянутомъ выше обводѣ границъ Брацлавскаго воеводства заявляется, что повѣтъ Звенигородскій *z wiekow iest do woiewodztwa Braclawskiego, z swoiemi granicami idzie z ziemie w. Kijowskiego az do lasow Kaniewskich u granicy Szercaskiey*, причеиъ границею служитъ р. Рось. Звенигородскій повѣтъ несмотря на это долго занималъ межеуточное положеніе между Кіевщиною и Брацлавщиною и лишь въ XVII в., по условіямъ мѣстной колонизаціи, примкнулъ къ послѣдней.

²⁾ В. Б. Антонович—Монографіи I, с. 245, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Населеніе Южной Руси до пол. XV в. с. 57; приведу опредѣленіе территоріи Кіевщины въ XV в., сдѣланное послѣднимъ: княжество Кіевское „простиралось съ сѣвера отъ Мозыря за Припетью на югъ до Чернаго моря, а съ запада отъ бассейна Днѣстра на востокъ до Донца. Въ предѣлы кіевского княжества включалось не только будущее кіевское воеводство, но также брацлавское и часть подольскаго, а также Заднѣпровье отъ Любеча до Засульы“. У г. Молчановскаго, на картѣ, приложенной къ его „Очерку“, южная граница Кіевской земли идетъ по нижнему Тясмину, переходитъ затѣиъ на Висъ и захватывая Дашевъ на Собѣ, направляется по верховьямъ сѣверныхъ притоковъ Южнаго Буга.

³⁾ 1-ая лѣт.-русс. лѣт. с. 40. Описаніе кіевского замка—въ Архивѣ Ю.-З. Россіи. VII. I. с. 119—120. Монографіи В. Б. Антоновича I. с. 143. Относительно Остерщины см. грамоту Казимира (между 1481 и 1490 г.)—въ *Ак. Зап. Р. I, № 77*. Въ упомянутомъ

Переяславскаго и отчасти Черниговскаго княжествъ: въ обводѣ границъ, сдѣланномъ при кн. Семенѣ Олельковичѣ (1455—1471) восточными границами этихъ новыхъ владѣній являются: Овечьи воды, верховья Самары и Оргѣя, Донецъ и Тихая Сосна ¹⁾. Извѣстія о нихъ мы имѣемъ начиная съ XV в., но надо думать, что тянуть въ Кіевщинѣ онѣ начали еще раньше—съ утверженіемъ здѣсь литовскаго верховенства и упадкомъ власти татарскихъ хановъ. Важнымъ свидѣтельствомъ о заднѣпровскихъ владѣніяхъ кіевскихъ князей могла бы служить еще грамота, выданная кѣмъ-то изъ кіевскихъ князей Юрію Ивантичу, родоначальнику князей Рожыновскихъ, и подтверждающая за нимъ обширныя владѣнія между нижнею Десною, Остроємъ и Удаемъ, но подлинность этой грамоты возбуждаетъ нѣкоторые сомнѣнія ²⁾.

О сѣверномъ рубежѣ Кіевщины для XIII—XIV в. у насъ со-

выше описаніи границъ Кіевского воеводства восточная граница Кіевщины идетъ: z Lubcza wniŹ Dnieprem po obudwoch stron Dniepra, a z rzeki Desny do Ostrowca, odtąd do Kijowa Dnieprem, и ниже: przez Dniepr Lubeckiemі granicami do Ostrza y do Kijowa (Архивъ Ю.-З. Рос. VII, II с. 365).

¹⁾ Акты Западн. Россіи. II. № 199. О заднѣпровскихъ владѣніяхъ Кіева можетъ еще свидѣтельствовать грамота кн. Семена Олельковича, данная „на Прилуцѣ за Днепромъ“ въ 1459 г.—см. Грамоты в. кн. Литовскихъ с. 20 21,—(ср. Дашкевича, Замѣтки по ист. л.-русс. госуд. с. 52), а также еще болѣе позднія данныя (XVI в.) о существованіи замковыхъ и мѣщанскихъ угодій—„уходовъ“ каневскихъ и черкасскихъ по Супою, Удаю, Сулѣ, Пслу, Ворсклѣ, Самарѣ, Орели и пр.—см. Архивъ Ю. З. Р. VII. I. с. 84, 86, 101—103.

²⁾ Вотъ эти владѣнія: A w Sieweru RoŹny ze wszystkim, Krechowo, Osowo, Swietilnowo, Berdowo, Ostrowiec, Buków, Warno, Woluzów, Niezup, Dorohin, ze wszystkimi innymi uroczystymi puszcami w tym oddziale, poczawszy od Desny po Udaj i po OsteŹ, i Sosnowski oddział, także ze wszystkimi, i Wysohor—см. у Руликowskaго Opis powiatu Wasylkowskiego s. 34—35—„по польской копіи, выданной въ 1568 г. изъ канцеляріи коронной“ (перепечатано у Похилевича Сказанія с. 190). Въ настоящемъ своемъ видѣ грамота не имѣетъ начала; она составляетъ, повидимому, подтвержденіе грамоты Владиміра Ольгердовича, помѣченной индиктомъ 4, т. е. 1366 или 1381 г. (въ 1396 г. Владиміра въ Кіевѣ уже не было): „Му tedy to wszystko со przodkowie dali jemu ztwierdzamy“; но кто „зтвержалъ“ грамоту, неизвѣстно, и какъ самая грамота Владиміра, такъ еще больше—ея подтвержденіе ждуть еще доказательствъ своей подлинности. О кн. Рожыновскихъ, происходившихъ будто бы отъ Тугоркана, тестя Святополка Изяславича, и ихъ интересномъ процессѣ см. у Руликowskaго с. 35 сл., В. Б. Антоновича Монографіи I. с. 209 сл.; см. также „О населеніи Южн. Руси до полов. XV в.“ проф. Владимірскаго-Буданова с. 63—64.

вершенно нѣтъ никакихъ данныхъ; но соображая, что и въ XII в. кіевскія владѣнія захватывали нѣкоторыя земли къ сѣверу отъ Припети и что позже, въ XVI в. и далѣе, къ Кіевской землѣ причислялся Мозырскій повѣтъ ¹⁾, мы будемъ въ правѣ заключить, что такъ оно было и раньше XVI в.: что съ возстановленіемъ Кіевскаго княжества его князьямъ принадлежали также земли въ углу между Припетью и Днѣпромъ.

Покончивъ съ рубежами Кіевщины, остановимся нѣсколько на городахъ того времени; по этому предмету мы впрочемъ имѣемъ всего нѣсколько отрывочныхъ упоминаній, которыя, конечно, не въ состояніи дать никакого представленія о заселеніи земли; я ограничусь лишь свѣдѣніями о такихъ городахъ, которые не упоминались въ болѣе раннее время. Какъ мы видѣли уже, съ конца XIV в. на территоріи старой Кіевщины упоминается нѣсколько новыхъ городовъ, какъ Житомиръ, Черкасы, Звенигородъ ²⁾; относительно Звенигорода замѣчу, что онъ находился въ тѣ времена, правдоподобно, на урочищѣ Звенигора, въ трехъ верстахъ отъ теперешняго г. Звенигородки ³⁾. Къ этому нужно прибавить еще два города, находящіеся въ много разъ упомянутомъ спискѣ городовъ при Воскресенской лѣтописи; въ числѣ „градовъ Кіевскихъ“ встрѣчаемъ рядомъ съ Кіевомъ „на Днѣпрѣ Чернь“ ⁴⁾, этотъ Чернь съ значительною вѣроятностью

¹⁾ См. у Гвагнини (*Sarmatiae Europaeae Descriptio 1581 f. 59 verso*): *Palatinatus Kiowienis... districtum unum duntaxat Moserensem amplissimum tamen habet.* Это свидѣтельство Гвагнини (Стрыйковскаго), вообще далеко не свободнаго отъ ошибокъ, подтверждается свидѣтельствомъ описи мозырскаго замка 1552 г., изъ которой видно, что повѣтъ этотъ тянулъ тогда къ Кіеву въ военномъ отношеніи: ополченіе его собиралось по призыву кіевскаго воеводы— Архивъ Юго-Зап. Россіи VII т. I, с. 617. Смотри также описаніе границъ Кіевскаго воеводства 1566 г. (Архивъ Ю.-З. Р. VII, II, с. 365; по этому описанію предѣлы Кіевщины простирались на сѣверѣ до Любеча) и у Целларія (въ *Матеріалахъ для ист. томогр. Кіева отд. II с. 98*).

²⁾ 1 лит.-русская лѣтоп. въ изд. Попова с. 39—40.

³⁾ Похилевичъ—Сказанія с. 377, Антоновичъ—Объяснит. записка. Много кіевскихъ поселеній перечисляется въ записи о даняхъ Кіевской церкви св. Софій (Акты Зап. Р. I № 26), какъ Чудновъ, Романовъ, Хабно, Народичи и пр., но время составленія этой записи неизвѣстно и во всякомъ случаѣ она, несомнѣнно, относится уже къ болѣе позднему времени (редакція помѣтила ее: 1415 или позже).

⁴⁾ Воскрес. л. I с. 240; въ вариантахъ его, изданныхъ Срезневскимъ—„Чернь городокъ“ (Извѣст. и замѣт. о малозв. и неизв. пам. I. № XL, с. 98). Ср. Матеріалы для ист.

можно приурочить къ нынѣшнему с. Чернину (Чернинъ), на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ границы Кіевского уѣзда,—это село упоминается уже въ половинѣ XVI в. ¹⁾. Далѣе, въ томъ же спискѣ, уже среди „градовъ Литовскихъ“, находимъ Ржищевъ, рядомъ съ Бѣлоберезьемъ и Самарою: по всей вѣроятности, это нынѣшнее мѣстечко Ржищевъ; оно замѣстило собою, правдоподобно, старый городъ Иванъ ²⁾. Что до городовъ Побожья—Браслава, Сокольца, Винницы (Веницы), я не включаю ихъ сюда, такъ какъ они, несомнѣнно, не входили въ составъ Кіевской земли въ рассматриваемую эпоху, да и въ болѣе раннее, до-монгольское время территорія, гдѣ расположены они (исключая развѣ Винницы), вѣроятно тоже не принадлежала къ Кіевщинѣ. Къ такому времени относится основаніе этихъ городовъ, въ до-литовскому ли еще, или оно было уже дѣломъ князей Гедиминовичей, неизвѣстно. Относительно Черкасъ сохранилось народное преданіе, записанное еще въ половинѣ XVI в.: оно представляетъ этотъ городъ дѣломъ княжеской колонизаціи ³⁾, хотя, какъ было указано выше, есть основаніе думать, что поселеніе на этомъ мѣстѣ существовало еще въ XIII в. ⁴⁾.

Вотъ и всѣ тѣ немногія историко-географическія данныя о Кіевской землѣ послѣ монгольскаго нашествія, какія могъ я собрать. При подробности и разбросанности относящаго сюда матеріала, который при-

---

топогр. Кіева с. 175, также Указатель къ над. Кіевск. археогр. ком. Новицкаго П. с. 882.

¹⁾ Архивъ Ю.-Зап. Р. VII, т. I. с. 597 (описаніе Остерскаго замка 1552 г.).

²⁾ Воскрес. л. I. с. 241. Ср. Похилевичъ—Уѣзды Кіевскій и Радомисл. с. 144; что до предположенія этого писателя, будто Ржищевъ есть древній Вщижъ или Вжищъ, какъ читаетъ онъ, то оно не имѣетъ за собою ничего, кромѣ сходства именъ, и то довольно отдаленнаго (Вщижъ находился въ Черниговскомъ княжествѣ—ср. Барсова Геогр. нач. л. с. 327, также Чтенія въ Общ. Нестора II с. 163).

³⁾ Архивъ Ю.-Зап. Р. *ibid.* с. 103: князь великій Литовскій Гедиминъ, завоевавши надъ моремъ Кафу и весь Перекопъ и Черкасы Пятигорское, и приведши Черкасовъ часть з книгиней ихъ, посадилъ ихъ на Снепородѣ; а низшихъ на Днѣпрѣ, где теперь Черкасы сядятъ, а Снепородцевъ посадилъ на Днѣпрѣ у Каневѣ. Это преданіе о „початку Черкасъ и Канева“ интересно относительно самаго факта, хотя приуроченіе его къ Гедимину во всякомъ случаѣ анахронистично; ср. Антоновичъ—Монографія I с. 56, Дашкевичъ—Замѣтки по ист. литов.-русс. госуд. с. 50—51.

⁴⁾ См. с. 14.

ходится собирать на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, многое, вѣроятно, и изъ наличныхъ данныхъ ускользнуло отъ меня, несмотря на всѣ старанія. Но сколько нибудь достаточно заполнить многочисленные пробѣлы въ исторической географіи Кіевщины за это время возможно будетъ развѣ въ будущемъ, съ накопленіемъ новыхъ матеріаловъ. А мы пока ограничимся приведенными данными и перейдемъ къ обзору сначала исторіи, а потомъ—устройства и быта Кіевской земли за время отъ смерти Ярослава до монгольскаго нашествія.

Казимиръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность.

Исслѣдованіе кандидата Н. И. Арабамина.

(Продолженіе).

ГЛАВА III.

К. Бродзинскій, какъ поэтъ.

I. (1805—1809) Первые стихотворныя пробы К. Б-го. Вліяніе Андреа и его кружокъ. II. (1809—1816) Переходное время. Вліяніе В. Реклевскаго. „List o wojskowości“. „Pieśni żołnierzy“ Кернеръ и Бродзинскій. „Pole Raszyńskie“. „На смерть Понятовскаго“ Посланіе къ Ходкевичу. III. (1816—1822) Періодъ зрѣлости. „Poezya“. Переводы изъ Шиллера. „Черняковъ“. „Ольдина“. „Вѣславъ“; различныя вліянія, отразившіяся въ нёмъ; отзывы критики; значеніе этой поэмы. „Легионистъ“ и проч. IV. (1822—1835) Попытки создать большую поэму: „Dwór w Lipinach“. „Fraszki“. Революціонныя стихотворенія Б-го. Какъ онъ творилъ. V. Его переводы.

Поэтическій талантъ Бродзинскаго никогда не блестялъ особенно яркимъ свѣтомъ, не испытывалъ сильныхъ потрясеній и переломовъ. Изъ ранняго дѣтства воспринялъ Бродзинскій начала того настроенія, которому остался вѣренъ въ теченіи всей своей жизни: сильно развитое религиозное чувство, меланхолическое и идиллически-сентиментальное отношеніе къ людямъ и природѣ — вотъ тѣ черты настроенія Бродзинскаго, которыя отражаются и въ его поэтической дѣятельности. Здановичъ въ своемъ курсѣ исторіи литературы называетъ такое душевное настроеніе „religijno - obywatelskim“ и полагаетъ, что оно присуще всѣмъ польскимъ писателямъ самыхъ давнихъ временъ, въ чемъ и видитъ ихъ заслугу. („Rys dziejów...“ t. II, 464). Въ поэтическихъ произведеніяхъ Бродзинскаго дѣйствительно преобладаетъ это „religijno-obywatelskie“ настроеніе; въ нихъ если и замѣчаются измѣненія въ разные періоды жизни поэта, то преимущественно съ формальной стороны: въ смыслѣ постепеннаго освобожденія въ формѣ отъ требованій и предписаній классической ру-

тины; но это освобождение отъ узъ псевдоклассицизма было весьма неполно, и самъ Бродзинскій лично не замѣчалъ его; это видно изъ того, что онъ пишетъ и печатаетъ произведеніе въ ложно-классическомъ духѣ много лѣтъ послѣ того, какъ переводитъ Шиллера и публикуетъ свою статью о романтизмѣ. Таковы напр. стихотворенія „Filon“, „Pustoty Amorka“, появившіяся еще въ 1820 году¹⁾, „Wieńce“ Реклевскаго, одобренныя Бродзинскимъ еще въ 1821 году, и т. д. Мы знаемъ уже, что отзывы о псевдоклассическихъ произведеніяхъ въ самомъ лестномъ тонѣ попадаются во всѣхъ статьяхъ Бродзинскаго вплоть до 1830-го года, и только съ 1830 года настроеніе поэта получаетъ новую, мистико-месіаническую окраску, характеризующую послѣднія пять лѣтъ его жизни. Сентиментализмъ Бродзинскаго легко уживался съ псевдоклассическими понятіями предшествующей эпохи; поэтому именно „Вѣславъ“ и былъ довольно привѣтливо встрѣченъ классиками. Въ поэзіи автора „Вѣслава“ слышалось еще, по вѣрному замѣчанію многихъ польскихъ критиковъ, „нѣчто классическое“, что-то такое, что не оскорбляло классиковъ, а даже примиряло ихъ съ новымъ направленіемъ. Это „нѣчто классическое“ заключалось прежде всего въ самой формѣ: идиллія, какъ извѣстно, находитъ свое мѣсто и въ псевдоклассической поэтикѣ; если въ этой идилліи выведенъ былъ простой „мужикъ“, и изображена крестьянская обстановка, то непріятное впечатлѣніе сглаживалось благозвучными именами героевъ, чистымъ, возвышеннымъ языкомъ, не оскорблявшимъ нѣжнаго классическаго слуха, наконецъ полной идеализаціей прикрашенной дѣйствительности. Не разили классиковъ въ поэзіи Бродзинскаго и немѣренно преувеличенное чувство, и излишества фантазіи, которую Бродзинскій всегда держалъ на „помочахъ разума“... Искать поэтому въ поэзіи Бродзинскаго отдѣльныхъ эпохъ, рѣзко разграниченныхъ одна отъ другой, нельзя; тѣмъ не менѣе мы находимъ необходимымъ допустить рассмотрѣніе поэтической дѣятельности Бродзинскаго по періодамъ: 1-й періодъ (1805—1809); 2-й—(1809—1816)—переходное время; 3-й—(1816—1822)—зрѣлость; 4-й—(1822—1835)—время постепеннаго упадка таланта и творчества.

Кромѣ того въ отдѣльномъ очеркѣ мы будемъ говорить о масонскихъ произведеніяхъ Бродзинскаго и о его переводахъ.

¹⁾ „Pam. Warsz.“ г. 1821.

I.

(1805—1809).

Первыя поэтическія пробы Бродзинскаго посвящены памяти его нѣжно любимой матери. Это была та „Элегія къ тѣни матери“, которую писалъ нашъ экзальтированный сирота-поэтъ „на окнѣ, заливаясь слезами, при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца“. Первымъ толчкомъ къ писательству служили, очевидно, тѣ впечатлѣнія, которыя вынесъ Казимиръ Бродзинскій изъ времени своего перваго пребыванія съ братомъ Андреемъ въ Краковѣ. Возлѣ Андрея собирался товарищескій студенческій кружокъ, въ средѣ котораго выдавался извѣстный В. Реклевскій. Молодые люди читали Геснера, Клейста, Галлера, Виргилія, Карпинскаго, подражали имъ ¹⁾. Хотя Казимиръ Бродзинскій, какъ подростокъ, и не принималъ участія въ ихъ литературныхъ спорахъ и бесѣдахъ, такъ-какъ по собственному его признанію онъ не прочиталъ до этого времени ни одной книги,—тѣмъ не менѣе кружокъ этотъ не могъ не оставить на немъ слѣдовъ своего вліянія. Онъ невольно прислушивался отъ времени до времени къ разговорамъ старшихъ, и у него возникало уваженіе и удивленіе къ знаніямъ и учености людей, которые „не только разсуждали о поэзій, но и сами сочиняли стихи“ ²⁾. Когда въ 1805 году Казимиру Бродзинскому пришлось возвратиться въ деревню къ своей матежѣ, найденныя тамъ на чердакѣ кипы старыхъ стихотвореній были вторымъ толчкомъ, подвинувшимъ Казимира на литературную стезю ³⁾. О правилахъ стихосложенія онъ не имѣлъ никакого понятія. Совершенно инстинктивно сталъ онъ пользоваться значительнымъ запасомъ народныхъ пѣсень, который былъ приобрѣтенъ имъ въ пору скитаній по крестьянскимъ избамъ. Мотивы народныхъ пѣсень служили для него естественною мѣркою стиха. Подъ тотъ или другой мотивъ Бродзинскій подгонялъ слова своихъ собственныхъ стихотво-

1) О кружкѣ Андрея Бродзинскаго чит. въ статьѣ Гордынскаго: „Lata szkolne K. B-ego“. Рецензію Прокеша на эту работу чит. въ „Atheneum“ 1888, t. IV, стр. 546—548. О литературной фязіономіи этого кружка можно судить по книжкѣ стихотвореній А. Бродзинскаго: „Zabawki wierzajem“, Kraków 1807.

2) „Wspomnienia“. Этотъ отрывокъ напечатанъ въ статьѣ Крашевскаго: „Słówko o K. B.“ (Atheneum“ 1844 года).

3) Чит. 1-ю главу нашей работы, стр. 20—21.

реній. Въ то же время онъ подражалъ „думцамъ“, которыя слышалъ отъ жницъ, писалъ „любовныя пѣсенки“ и даже „сочинялъ проекты поэмъ“, о которыхъ, вѣроятно, слышалъ отъ своего брата ¹⁾. Въ Войничѣ, лѣтомъ 1806 года литературныя занятія Казимира Бродзинскаго идутъ подъ руководствомъ брата, который между прочимъ читалъ и переводилъ Казимиру Галлера. Юный нашъ поэтъ былъ „необыкновенно обрадованъ, постигнуши, что есть вещи, затрогивающія болѣе глубокіе интересы, чѣмъ идилліи Геснера“ ²⁾. Одинъ изъ такихъ переводовъ—стихотвореніе „Wiersz do wieczności“—былъ напечатанъ въ сборникѣ „Zabawki wierszem“. Геснеръ и Карпинскій однако оказали самое сильное вліяніе на молодыхъ поэтовъ; Геснеру подражалъ по преимуществу старшій Бродзинскій, а младшій скромно мечталъ только о томъ, какъ бы въ своихъ стихахъ достигъ той степени совершенства, до которой возвысился его братъ Андрей. Такъ напр. въ стихотвореніи „Do lutni brata“ Казимиръ Бродзинскій жалуется на то, что струны его лютни („bandurki“) издають визгливые звуки, не хотять жить въ согласіи, какъ у старшаго брата, который многимъ обязанъ своей искусной игрѣ. „Силою своей пѣсни онъ покоришь сердце не одной гордой дѣвушки, не одну нанесъ сердечную рану“.

Ja tego chciałem i mu rzekłem nieraz:

„Naucz mię, jak ty, owe trawic chwile!“

A on mi na to rzekł: „Stój jeszcze teraz,

Dostań czułości wprzód jako ja tyle“ ³⁾.

Въ другомъ стихотвореніи „Helikońska górka“ ⁴⁾ Казимиръ Бродзинскій рассказываетъ, что братъ Андрей взялъ его съ собой на Геликонъ,

..... by mu nioś ciężary,

Które na przekaz tu sobie zgotował,

Dzban pełny mleka, grzanki, suchary,

Co ich po każdym spiewaniu skosztował.

¹⁾ Ibid. „Wspomnienia“.

²⁾ Ibid.

³⁾ Т. е.: „я къ тому стремился и не разъ просилъ (брата): научи меня такъ же проводить эти минуты; но онъ отвѣчалъ мнѣ: еще погоди, прежде исполнишь чувствительности въ такой мѣрѣ, какъ я“. „Zabawki wierszem“; id. у Гордынскаго: „Lata szkolne K. В ego“, стр. 26.

⁴⁾ Ibid.

Поэтическія экскурсіи, какъ мы видимъ изъ этихъ стиховъ, вызывали усиленный аппетитъ; младшій братъ долженъ былъ заранѣе нести сухари, молоко, грѣнки, которыя старшій и поѣдалъ въ промежутки, свободныя отъ творческаго вдохновенія. „Съ плющемъ въ рукахъ, весело сочиняя нѣсенки и подыгрывая себѣ на лютнѣ, танцовалъ братъ Казимира, наконецъ измученный танцами упалъ на траву и заснулъ“.

Ja zaś swawolny, z téj zyskując doli,
Koło się jego lutni zakrzętnąłem,
Pód cień téj chyżo pobiegłem topoli
I naśladować w granii mu posząłem ¹⁾.

Уже изъ этихъ отрывковъ мы видимъ, что отношенія между братьями были съ одной стороны благоговѣнно-почтительныя, а съ другой покровительственно-нѣжныя, хотя и не безъ примѣси самодовольства ²⁾. Не сразу старшій братъ допустилъ на Парнасъ своего робкаго ученика, и этотъ послѣдній со страхомъ и дерзновеніемъ приступалъ къ сладкому дѣлу служенія музамъ. Вообще вліяніе Андрея Бродзинскаго на своего младшаго брата было очень значительно. Самъ Казимиръ Бродзинскій въ предисловіи къ изданію перевода „Орлеанской Дѣвы“ своего брата (Warszawa 1821, in 8°) заявляетъ о своей глубокой привязанности къ безвременно погибшему брату, которому онъ обязанъ и руководствомъ, и примѣромъ ³⁾. Каково было вліяніе Андрея на своего брата, нетрудно заключить изъ сборника его стихотвореній „Zabawki wierszem“, а также изъ того, какимъ жестокимъ псевдоклассическимъ передѣлкамъ подверглась „Орлеанская Дѣва“ въ его переводѣ ⁴⁾. Но уже самый фактъ перевода трагедіи Шиллера свидѣтельствуетъ о томъ, что Андрей Бродзинскій былъ далеко не чуждъ новыхъ вѣяній. Это былъ идеаликъ,

¹⁾ „Я же своевольный, пользуясь случаемъ, хитро набросился на оставленную мнѣ лютню и подъ тѣнью тополя сталъ подражать своему брату въ игрѣ“.

²⁾ Чит. 1-ю главу, стр. 29.

³⁾ „Kochany cieniu, пишетъ онъ, nie będę tu wynurzał publicznie moich uczuć dla ciebie. Skromne i czyste było twe życie, równie jak prosta muza twoja; pamięć o tobie pozostanie tylko w sercach tych, którzy cię znali; ja prócz miłości braterskiej dochowuję ci wdzięczność za przewodnictwo i wzory dla mnie w zawodzie życia i nauki; pamiętny na nie, niemi się pocieszać, niemi naśladować pragnę aż do połączenia się z tobą“. D. C. Chodźko, „Wzmianka o życiu...“ Wilno 1845, стр. 50.

⁴⁾ „Wzmianka o życiu...“ стр. 51—56.

исполненный отчасти руссовскаго настроенія, съ нѣкоторымъ фронтдерствомъ по отношенію къ дѣйствительности. Рядомъ съ идилліями, воспѣвающими Хлой, Филоновъ, Исмень, Лауръ ¹⁾, у него встрѣчаются стихотворенія съ легкой демократической тенденціей, исполненные сочувствія къ крестьянину и нерасположенія къ господамъ. Въ посланіи къ В. Реклевскому (W. R.) „O rapach“ разсказывается напр., какъ поэтъ попалъ въ барскіе хоромы, но тамъ ему было душно:

Tu miejsca śpiewkom wesołym nie dadzą,
Tu cała rozmowa na tem,
Jak się pieniądze gromadzą,
Jak drżyć chłopa, by się stać bogatym ²⁾;

тамъ нѣтъ мѣста чувству, которое не уживается съ этикетомъ. Поэтъ мечтаетъ о „лобовскихъ поляхъ“ и радостяхъ „нашихъ простонародныхъ деревенскихъ идиллій“; о, если бы скорѣе возвратиться къ нимъ, тогда бы можно было такъ же посмѣяться надъ важными барамы, какъ они смѣялись втихомолку надъ бѣднымъ поэтомъ!

Obyśmy prędko, Wicysiu kochany,
Do naszej wrócili doli!
Jak ze mnie pocichu pany,
Tak byśmy z nich się znow śmiali dowoli.

Поэтъ презираетъ богатство:

Co to smutniście, Towarzysze drodzy?
I ja nie bogacz i wyście ubodzy.
Wolę jednak wy w spółdusze z wami,
Niż z stokratnemi, a bez was skarbami.
Śpiewajmy sobie, nie troszczymy o to,
Czy mamy albo czy mieć będziemy złoto ³⁾,

¹⁾ Чит. напр. „Laura i Filon, czyli zakład“, „O łzach Ismeny“, „Pieśń Damona do Filis“, переводы идиллій Клейста и Геснера (Narodzonymu, Pogzebionemu, Milon i Iris) и т. д.

²⁾ Переводъ: „тутъ нѣтъ мѣста веселымъ пѣснямъ тутъ, весь разговоръ лишь о томъ, какъ приобрѣтаются деньги, и какъ получше обдирать мужика, что бы больше нажитья“. („Zabawki wierszem“... стр. 17).

³⁾ „Отчего вы грустны, дорогие друзья! Вѣдь и я не богатъ, да и вы бѣдныя. Но я лучше хочу душа въ душу жить съ вами, чѣмъ съ богатствомъ большимъ, но безъ васъ. Будемъ пѣть, не заботясь о томъ, что имѣемъ или будемъ имѣть“. („Do towarzyszy“).

Выше всего дружба, пріязнь, искреннее чувство. Съ презрѣніемъ отзывается поэтъ о философѣ, всюду носящемся со своею философскою системою. Не нужно быть мудрецомъ, чтобы сказать, гдѣ обитаетъ душа человѣка; для этого стоять только поцѣловать въ уста дѣву ¹⁾. Подъ пьяную руку поэтъ доводитъ свой демократизмъ до крайнихъ предѣловъ—онъ даже готовъ веселиться вмѣстѣ съ крестьянами. Вотъ ѣдетъ хлопь изъ Сандомира; поэтъ приглашаетъ его на кружку меда: для него всѣ равны, каждый самъ себѣ господинъ!

O to chłop od Sandomierza,
Znać go z pasa i kołnierza;
Zawitaj, kochany bracie!
Miło mi spoglądać na cię;
Chodź ze mną, napij się miodu:
Jak ja człek prostego rodu,
A ja za równości stanem,
Każdy u mnie sobie panem! ²⁾

Братанье съ крестьянами ни на минуту однако не теряетъ своего разгульнаго, пьянаго характера:

Bądź zdrów, rolniku kochany!
Patrzaj: choć jestem pijany,
Smutku się pozbyć nie mogę.
Bądź zdrów, *masz dutka na droge!*

Этотъ „dutek“, данный на дорогу, превращаетъ нашего юнаго народника въ обыкновеннаго шляхтича, слегка подгулявшаго. Дыханіе народности чувствуется однако въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ. Въ этомъ же сборничкѣ стиховъ мы находимъ „pieśń“ W. R.: „Wisław o Kwiatosławie“ ³⁾. Впервые употребляется здѣсь имя Wisław, сдѣлавшееся впоследствии такимъ популярнымъ благодаря поэмѣ Казимира Бродзинскаго: вообще замѣтно желаніе замѣнить иностранныя прозвища славянскими, народными (Kwiatosława, Skotosław,

¹⁾ Чит. „Do filozofa o nowym Systemacie“.

²⁾ „Mazurek z chłopem od Sandomierza w Oględowie“, стр. 84—85.

³⁾ Ibid. стр. 102.

Zuwię—польская богиня любви, какъ гласить примѣчаніе, и пр. ¹⁾. Таково было настроеніе Андрея Бродзинскаго и его друга В. Режлевскаго, о которомъ намъ придется еще говорить ниже; не подлежитъ сомнѣнію, что это настроеніе не могло не отражаться на литературно-художественномъ развитіи Казимира Бродзинскаго, но въ его первыхъ стихотвореніяхъ оно сказывается довольно слабо. Всего за 1806—1807 годы Бродзинскимъ было написано 7 стихотвореній, не считая четырехстишія „*Złoto*“ и басни „*Jabłko i kij*“.

Изъ нихъ „*Nadgrobek grobarzowi*“ и „*Nadgrobek gusczowi*“ довольно удачны. Гробовщикъ—это хозяинъ, обрабатывающій поле; онъ такъ сжился со своимъ полемъ, что просить Бога никогда съ нимъ не разлучать его. Рыцарь („*Nadgrobek gusczowi*“) обнаружилъ чудеса храбрости, переплывалъ моря, перескакивалъ скалы, но могилы перескочить не могъ ²⁾.

Здѣсь уже сказывается несомнѣнное вліяніе новаго меланхолическо-сентиментальнаго направленія: мысль поэта витаешь надъ кладбищами, направлена на печальные образы смерти, страданія.

„*Nadgrobek kochance*“ (три строчки)—придуманное стихотвореніе: смѣшно читать эпитафію возлюбленной пятнадцати-лѣтняго мальчика. Басня „*Jabłko i kij*“ тоже весьма неудачна. Бросилъ отецъ дѣтямъ яблоко и палку. Одинъ мальчикъ схватилъ палку, поколотилъ другого, отнялъ яблоко. Отсюда выводъ: яблоко—это богатство, палка—умъ. Кто имѣетъ умъ, будетъ имѣть и богатство; кто имѣетъ богатство безъ ума, тотъ не можетъ съ увѣренностью и безопасностью пользоваться имъ. Басня совершенно нелѣпая. Почему палка служить символомъ ума, а не грубой силы,—совсѣмъ непонятно. Впослѣдствіи мы убѣдимся, что и болѣе позднія басни Бродзинскаго тоже крайне неудачны.

Въ 1808 году К. Бродзинскій написалъ стихотвореніе, доставившее ему славу поэта въ цѣломъ Тарновѣ. Это было упомянутое уже нами стихотвореніе по поводу неожиданной смерти товарища: „*Żal na śmierć utonionego przyjaciela*“.

¹⁾ Здѣсь же напечатанъ отрывокъ и изъ другой идилліи В. Режлевскаго: „*Wiesław i Skotosław*“, ему же принадлежитъ напечатанная здѣсь и строго классическая идиллія: „*Laura i Filon*“.

²⁾ Ibid. стр. 145.

И въ формѣ, и въ содержаніи этого стихотворенія замѣтенъ довольно значительный успѣхъ въ развитіи поэтическаго таланта нашего поэта. Первые строчки его дышуть поэзіей:

Na łono nocy głowę pochylił dzień smutny,
A za mną z czarnym krzyżem chodzi żal okrutny
I do nowych łez znowu na ten brzeg mnie żenie,
Gdziem ostatnie, młodzieńcze, dał ci ucisnienie ¹⁾.

Образъ сумрачнаго дня, склонившаго голову на лоно ночи, картина предательской тишины воды, въ которой отражалось голубое небо, и таилась смерть,—производятъ впечатлѣніе. Семь лѣтъ спустя Бродзинскій повторилъ первые строчки этого стихотворенія въ своей элегіи „Pogrzeb przyjaciela“, написанной на смерть одного изъ „братьевъ“ масоновъ:

Na łono nocy dzień smutny
Obumarłą zwiesił głowę;
Nas gromadzi żal okrutny
Na modlitwy pogrzebowe.

Это стихотвореніе особенно нравится нѣкоторымъ польскимъ критикамъ ²⁾. Въ этомъ же году, какъ сообщаетъ Дмоховскій, Бродзинскій перевелъ отрывокъ изъ поэмы „Руеъ“ извѣстной въ то время нѣмецкой писательницы Пихлеръ: „Привѣтъ родной землѣ“. И со стороны языка, и со стороны формы этотъ стихотворный переводъ тоже свидѣтельствуетъ о движеніи впередъ молодого поэта. До 1809 года, кромѣ перевода патриотическаго гимна и

¹⁾ „На лоно ночи склонилъ свою голову печальный день, меня же преслѣдуетъ ужасное горе чернымъ крестомъ и вновь гонитъ меня для новыхъ слезъ на тотъ берегъ (рѣки), гдѣ въ послѣдній разъ, юноша, я обнималъ тебя“. Это стихотвореніе не помѣщено въ познанскомъ изданіи сочиненій Бродзинскаго. Дмоховскій отнесъ его („Bibl. Warsz.“ 1870) къ 1807 г., по Гордынскій, имѣвшій въ рукахъ „Liber calculorum Gumn. Tarn.“, убѣдился, что Пржигодзинскій, на смерть котораго написано это стихотвореніе, утонулъ глѣтомъ 1808 года („Lata szkolne...“ стр. 32).

²⁾ Чит. „Pierwiosnek, noworocznik na rok 1841, złożony z piśm samych dam, zebrany przez Paulinę K...“: „Poezya i Kazimierz z Krolówki“, El. Ziemięska. „Ow pogrzeb przyjaciela, пишетъ г-жа Земенская, arczydzieło smutku chrześcijańskiego, nie wyszło-by nigdy z pód pióra Karpińskiego“. Такъ же хвалитъ она и другое стихотвореніе: „Dziadek“. Ср. „Gazeta Literacka“ 1822: „Piśma Brodzińskiego“, отзывъ Дмоховскаго.

поэмы „O Pustyni Sw. Salomei“¹⁾, не дошедших до насъ, мы не знаемъ больше ни одного произведенія Бродзинскаго, хотя и извѣстно, что въ домѣ Служевскихъ онъ не терялъ напрасну времени и всюду носилъ съ собою карандашъ и бумагу²⁾.

Литературное развитіе Бродзинскаго въ этотъ первый періодъ его дѣятельности было крайне ничтожно. Его литературнымъ менторомъ является старшій братъ Андрей, съ характеромъ поэзии котораго мы познакомились уже по приведеннымъ выше отрывкамъ. Слѣдующій періодъ поэтическаго развитія Бродзинскаго проходитъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ В. Реклевскаго.

II.

(1809—1816).

Вліяніе Реклевскаго было непродолжительно (до 1812 года), но оставило глубокой слѣдъ въ Бродзинскомъ.

Самъ поэтъ признаетъ это въ своемъ походномъ дневникѣ, въ которомъ подъ датой: 1813 г. 7 мая, мы находимъ слѣдующую замѣтку³⁾: „R. (Реклевскій), ради котораго я просился въ бригаду, подъ начальствомъ котораго я служилъ и дружбой и покровительствомъ котораго пользовался, надежда рыцарства, музъ и наукъ, погябъ, и съ нимъ все погябло!..... Утрата его имѣла вліяніе на дальнѣйшую мою судьбу....“⁴⁾. Другой отрывокъ изъ того же дневника еще опредѣленнѣе свидѣтельствуетъ о глубокомъ уваженіи и признательности, которыя питалъ молодой поэтъ къ своему литературному руководителю. Этотъ отрывокъ особенно важенъ для выясненія психологіи творчества Бродзинскаго: въ немъ заключаются уже въ зародышѣ многія стихотворенія Бродзинскаго и даже мысль

¹⁾ Чит. 1-ю главу, стр. 35.

²⁾ Извѣстенъ одинъ стихъ, вырѣзанный усердствующимъ поетомъ на молодой липѣ:

„Z tym wyrazem gosnij razem“.

Hordyńak. („Lata szkolne“, стр. 37).

³⁾ D. Chodźko, „Wzmianka o życiu K. Br.“, Wilno 1844, стр. 62.

⁴⁾ Этотъ дневникъ трудно переводимъ, такъ-какъ написанъ весьма неграмотно. Послѣдняя фраза напр. выражена такъ: „Strata jego, prócs wiecznego żalu, miała wpływ na dalszy los mój szczęśliwy“.

о той обширной поэмѣ, планъ которой былъ найденъ потомъ Дмоховскимъ въ другомъ дневникѣ поэта за 1824—1828 гг. ¹⁾, и о которой мы будемъ говорить ниже. Приводимъ этотъ отрывокъ цѣликомъ.

„Это было въ ночь, предшествующую переправѣ черезъ Березину. Какъ мгла, кружились *вокругъ насъ души*; но я могъ разглядѣть только ближайшихъ. Одинъ изъ нихъ, *прекрасный, какъ Аполлонъ* ²⁾, подскочилъ ко мнѣ, бросился на мою грудь, сжимая меня въ своихъ объятіяхъ. Я не чувствовалъ никакой тяжести, но душу мою объяла какая-то благодать какъ-бы отъ благодатнаго дыханія южнаго весенняго вѣтра. „Холодно тебѣ! холодно! кричалъ онъ, Сильнѣе ко мнѣ прижимаясь. Ахъ! какъ искрется небо и земля. Сотни душъ оставляютъ въ эту минуту свои тѣла; прижмись, прижмись! Мы побѣдимъ холодъ, вотъ я уже не чувствую его. Наша скромная (?) молодость все вынесетъ, и мы *посвятимъ другъ другу жизнь*, послѣ того какъ исполнимъ долгъ по отношенію къ отечеству. *Весною я возвращусь домой, дострою домикъ*, поставленный надъ ручейкомъ, прорѣзывающимъ поля сандомирской пшеницы; тамъ устроимъ мы по твоей мысли и пасѣку, и садикъ ³⁾. *Возвратимся къ нашимъ бумагамъ и книжкамъ и будемъ вновь славать сельскія пѣсни, которыя, быть можетъ, доставятъ намъ славу; ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ пѣсняхъ* ⁴⁾.

¹⁾ „Bibl. Warsz.“ 1870, III, 372—3.

²⁾ Ср. „прекрасныхъ, какъ ангелы“, школьныхъ товарищей Бродзинскаго. Чит 1-ю главу нашей работы.

³⁾ Эти же мысли выражаетъ Бродзинскій въ одномъ своемъ стихотвореніи („Do przyszelej chatki“); совершенно тоже говорить и Реклевскій въ своемъ посланіи къ братьямъ Бродзинскимъ:

....O nie dla was Mars zuchwały;
Na wdzięki natury tkliwi,
Was byt wiejski uszczęśliwi,
Wam mówią gaje i skały.
Ja będę wtedy szczęśliwy,
Gdy zakwitnie gaj oliwy,
Gdy ojczyzna ulubiona
Pozwoli wrócić do roli,
Zanucim w cieniu topola
Wśród miłej prostoty łona.

(„Pieńia wiejskie“, Kraków, 1811, стр. 172).

⁴⁾ Нужно удивляться постоянству въ настроеніи Бродзинскаго: черезъ 14 лѣтъ онъ повторяетъ ту же самую мысль, почти въ такихъ же выраженіяхъ, въ своей статьѣ: „О жизни и сочиненіяхъ Каринскаго“! Чит. Piśma, t. V, стр. 102.

И мы забудемъ о войнѣ, сраженіяхъ и морозахъ и будемъ рассказывать о нихъ, какъ о минувшемъ снѣ, своимъ сестрамъ при свѣтѣ камина. Но прикройся моимъ плащемъ, я совершенно не чувствую холода“. „Это ты, Реклевскій!“ воскликнулъ я, когда въ этой туманной фигурѣ узрѣлъ его *ангельскіе* глаза. Онъ исчезъ. Я почувствовала какую-то тяжесть на сердцѣ, но слезы облегчили мою печаль. Мой проводникъ далъ мнѣ выплакаться, а потомъ положилъ руку на мое плечо, и я, вздохнувши свободнѣе, сказалъ: „Это пріятель моей молодости. Я узрѣлъ его впервые тогда, когда онъ одинъ изъ первыхъ вступалъ на краковскую землю съ отечественными орлами; онъ мнѣ слабосильному далъ въ руки оружіе, онъ приучалъ меня къ грому орудій, онъ помогалъ мнѣ во всемъ; онъ сживалъ неразъ вмѣстѣ со мною на скалахъ Ойцова, гдѣ мы слагали (всѣми уже) забытыя пѣсни. То, что я говорилъ, было повтореніемъ его грезъ, высказанныхъ имъ передъ смертью, когда онъ лежалъ въ снѣгахъ. Ужъ онъ не вернется къ отцу; начатое хозяйство, домикъ достанутся другимъ; его смерть среди такой массы жертвъ не будетъ памятна отчизнѣ; забыты уже и его сельскія пѣсни, которыя онъ пѣлъ (писалъ) невинно, безъ страстей¹⁾. Его недолгая жизнь горѣла чистой любовью къ отечеству, какъ одна искорка въ воодушевленномъ (гозрѳоменіонум) народѣ... Дни его жизни на землѣ были временемъ благовонной весны, весенними цвѣтами, которые распускаются только въ радостныхъ грезахъ надежды. Кромѣ ихъ ничего не оставилъ онъ здѣсь болѣе цѣннаго, а за предѣлами жизни сонъ, надежды, обманъ и дѣйствительность не имѣютъ никакого значенія. Одна счастливая греза, минута очарованій равна долгому счастью; но и то, и другое—дары Бога“²⁾.

Отрывокъ очень характерный. Въ немъ мы видимъ и фантастическій туманъ царства привидѣній, и грезы, и тоску, мысли о смерти, черты безспорно романтическаго направленія. Надъ всѣмъ однако преобладаетъ сентиментальное чувство. Поэтъ мечтаетъ о домикѣ надъ ручейкомъ, о мирныхъ занятіяхъ хлѣбопшца, жаждетъ

¹⁾ На забвеніе публики жалуется Бродзинскій и два года спустя въ статьѣ: „O życiu i piśmach Reklewskiego“, „Pam. Warszawak.“ 1815. А между тѣмъ „*Pieśnia wiejskie*“ напечатаны были въ 1811 году.

²⁾ „Bibl. Warsz.“ 1870, t. III, стр. 372—373. Дмоховскій полагаетъ, что это была прозаическая черновая будущей поэмы.

всю жизнь посвятить дружбѣ и сочиненію сладкихъ сельскихъ пѣсенъ, въ которыхъ и будетъ ихъ имя долго жить въ потомствѣ, и т. д. Здѣсь же съ необыкновенной силой выражены Бродзинскимъ чувства его признательности и нѣжноты къ памяти Реклевскаго. Къ его личности Бродзинскій возвращается много разъ въ своихъ произведеніяхъ и всегда отзывается о немъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

Въ 1815 году Бродзинскій помѣстилъ о немъ статью въ „*Ram. Warsz.*“, затѣмъ въ 1821 году написалъ извѣстное уже намъ предисловіе къ поэмѣ „*Wieńce*“; въ томъ же 1821 году въ собраніи его стихотвореній мы находимъ стихотвореніе „*Do R. (do przyjacela)*“¹⁾. Затѣмъ о немъ же онъ говоритъ дважды въ своемъ курсѣ литературы²⁾. Мысли, высказываемыя имъ о Реклевскомъ, весьма важны для насъ, потому—что даютъ возможность опредѣлить поэтическое настроеніе самого Бродзинскаго и характеръ его литературныхъ вкусовъ.

„Реклевскій, говоритъ онъ, занимаетъ въ нашей сельской поэзіи XIX вѣка такое же мѣсто, какъ Шимоновичъ въ поэзіи XVI в. Его поэзія дышетъ истинно-народнымъ духомъ. Это вполнѣ народный польскій поэтъ; онъ воспѣваетъ сельскій и вмѣстѣ съ тѣмъ рыцарскій народъ такъ, какъ онъ его самъ зналъ. Многія его произведенія, какъ напр. идилліи „*Fauny*“, „*Pierwsze tłoczenie*“, „*Bożek*“, „*Rap*“, смѣло можно поставить на одинъ уровень съ лучшими произведеніями этого рода въ другихъ литературахъ“. Бродзинскій хвалитъ также идилліи: „*Wiesław*“, „*Halina*“, „*Laura*“, „*Jolenta*“. Въ особенный восторгъ приводитъ его „*Walka kłosa z Zefirem*“, поэма, которую онъ считаетъ *chef-d'oeuvre* омъ поэтического творчества Реклевскаго. Весьма энергично защищаетъ онъ Реклевскаго отъ нападокъ критики, несправедливо по его мнѣнію обвинявшей поэта, въ придуманности мыслей, оборотовъ, дѣланности выражений и проч. „Если слушать этихъ критиковъ, то придется пожалуй отвергнуть и самого Геснера“ (IV, 112).

Въ произведеніяхъ Реклевскаго Бродзинскому особенно нравятся: чувствительность, меланхолія, нѣжность сердца, детальное знаніе

1) *Pisma* t. I, стр. 218.

2) *Ibid.* t. IV, 411—416, t. V. 129—132.

деревенской жизни ¹⁾). Поразительнѣе всего то обстоятельство, что характеръ похвалъ и ихъ тонъ не измѣняются въ теченіи всей жизни Бродзинскаго; онъ говоритъ о Реклевскомъ съ такимъ же умилениемъ и восторгомъ даже въ годъ своей смерти! ²⁾).

Отзывы Бродзинскаго о другихъ польскихъ идиалликахъ извѣстны уже намъ раньше ³⁾. Буволика, возникшая еще у древнихъ, съ теченіемъ времени приобрѣла въ разныхъ мѣстахъ своеобразный характеръ. Въ Польшѣ идиаллія стремится расширить свою область и изъ сферы строго пастушеской переходитъ въ село, не утрачивая однако своего сентиментальнаго характера. Таковъ былъ Карпинскій, таковы и его ученики—А. Бродзинскій, В. Реклевскій, К. Бродзинскій. Если мы перечтемъ „Pienia wiejskie“ Реклевскаго, то найдемъ здѣсь тотъ же колоритъ, тѣ же краски, тѣхъ же дѣйствующихъ лицъ, что и въ поэзіи Андрея Бродзинскаго, но только съ чертами гораздо большаго дарованія. Не только влияніемъ, но и многими заимствованіями обязанъ ему К. Бродзинскій, въ чемъ мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться. Тѣмъ не менѣе, какъ ни народенъ Реклевскій въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ, въ общемъ онъ совершенно не свободенъ отъ псевдоклассическихъ влияній. Его „Walka kłosa z Zefirem“ ⁴⁾, которую такъ хвалитъ Бродзинскій, длиннѣйшая и приторная поэма, которую трудно дочитать до конца. Такой же характеръ имѣетъ и поэма „Wieńce“, такъ энергично отстаиваемая Бродзинскимъ отъ возможныхъ нападокъ критики ⁵⁾; въ такомъ духѣ

¹⁾ „...czułość, melancholia, poczciwość serca, bacznosc na wszelkie szczegóły wiejskie“ („Pam. Warsz.“ t. I, 261—266).

²⁾ Oduńiec, „Wspomnienia z przeszłości“, стр. 336.

³⁾ Чит. стр. 126, 214.

⁴⁾ „Pienia Wiejskie“, стр. 112—155.

⁵⁾ Чтобы судить о ея „достоинствахъ“, возьмемъ наугадъ отрывокъ изъ середины: стада молодой Клоп встрѣтились на лугу, прѣтущемъ розами, съ овцами Дамета. Онѣ

Piły razem znajomój nimfy czyste wody.
Damentas zaś dziewczynie dając sałowanie,
Dał jój poznać aż dotąd nieznanе kochanie.

Клоп краснѣетъ, но не можетъ сопротивляться и отвѣчаетъ поцѣлуемъ на поцѣлуй. Клоп произноситъ длинную и напыщенную рѣчь; Даметъ отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ. Между тѣмъ овечки напились воды,

....obstąpili w koło

Młodych kochanków, skacząc i grając wesoło, и т. д.

написаны и собственныя произведенія Бродзинскаго, появившіяся въ 1809—1810 году ¹⁾. Всѣ они—„идилліи съ явными слѣдами вліянія нѣмецкой пасторали“ ²⁾. Лучшее изъ нихъ приведено въ извѣстной статьѣ Дмоховскаго; это мечты поэта о будущемъ приютѣ, „O przysłej chatce“, которую онъ ставитъ тамъ,

Gdzie zoczę w bławat strojne kłosami zagrody,
Zkąd usłyszę skowronki i tęskniące trzody.

Онъ, поэтъ, хочетъ найти такое мѣсто, откуда бы не слышно было о бѣдствіяхъ родного края. Обращаясь къ своему другу Филону, онъ приглашаетъ его раздѣлить вмѣстѣ съ нимъ отдыхъ „на лонѣ природы и дружбы“. Избушка, розы, пташки, овечки, возлюбленная Кля, которая

Co wieczór o sąsiedzie powie,

другъ Филонъ—доставляютъ полный комплектъ аксессуаровъ этой псевдоклассической идилліи.

Къ самымъ раннимъ произведеніямъ этого же періода необходимо отнести и „List o wojskowości“ ³⁾. Поэтическихъ достоинствъ оно не имѣетъ.

¹⁾ Большая часть ихъ не вошла въ собраніе сочиненій Бродзинскаго и отмечена только въ дневникѣ поэта; таковы: „Do Czesławy“, „Do...“, „Stanisław“, „Kwiatostawa“, „Bohdan i Miłko“, „Duma nad drzewami, zasadzonymi w rynku krakowskim“, „Wyprawa mędrców“, „Z kanyków Ezechyela“, „Amorek“, „Brzozy“, „Wszystko nam się uśmiecha“, „Drzewka“, „do Elwiry“, „Filojki“.

²⁾ F. S. Dmochowski, „Bibl. Warsz.“ III, 1870, стр. 370.

³⁾ Подъ этимъ стихотвореніемъ, какъ и подъ многими другимъ, нѣтъ даты. Издатели послѣдняго, познанскаго, изданія сочиненій Бродзинскаго полагаютъ, что это посланіе написано еще въ 1807-мъ году семнадцатилѣтнимъ юношей, „уже тогда помышлявшемъ о военной карьерѣ“. Это невѣрно. Кто знаетъ біографію нашего поэта, тотъ согласится съ нами, что переводчикъ австрійскихъ патриотическихкихъ стихотвореній (1808) былъ далеко отъ мысли о военной службѣ за нѣскольکو мѣсяцевъ до побѣга и, конечно, не помышлялъ о ней въ бытность свою въ Тарновѣ (1807). Изъ воспоминаній Одынца, а также Ходзька („Wzmianka o życiu...“), намъ извѣстенъ забавный анекдотъ, рассказанный самимъ Бродзинскимъ о поступленіи его на службу. Молодой поэтъ, проникнутый духомъ классической древности, мечталъ о военныхъ подвигахъ и съ жаромъ декламировалъ отрывки изъ Иліады; какъ вдругъ во вниманіе къ болѣзненности и слабостию нашего поэта начальство поручаетъ ему завѣдываніе провіантомъ, и юному защитнику родины оставалось только декламировать Гомера въ то время, когда онъ разрѣзалъ и дѣлилч на порціи мясо... Намъ кажется, что именно къ этому времени и слѣдуетъ отнести „List o wojskowości“. Въ „Посланіи“ упоминаются Гекторъ, Ахиллъ, Одиссей, Марсъ, военныя колесницы и проч.

Къ циклу военныхъ стихотвореній Бродзинскаго относятся и „Dusza żołnierza nad rzeką Moskwą“, стихотвореніе, написанное, какъ это видно и изъ самого заглавія, въ 1812 году.

Поэтъ былъ въ грусти; торжественность минуты его не вводитъ в себя: „Счастливы тотъ, говоритъ онъ, кто послѣ тяжелыхъ испытаній, больной, возвратится наконецъ домой и найдетъ свое успокоеніе среди родныхъ могилъ. Онъ же не знаетъ, дождется ли его *Юлента* (!), или ему придется погибнуть въ сугробахъ снѣга... Но если онъ уже не возвратится, то пусть его возлюбленная

Z białych pni brzozy krzyż niech mi poświęci
Szczerych łez nieco i dobrej pamięci.

Niech cień mój jej zagrody
Opiekuńczem duchem będzie;
Niech przy chacie broni szkody
Szumi w goźe na jej grzędzie...¹⁾.

Весьма любопытно то, что имя возлюбленной, *Юлента*, замѣнено было впоследствии болѣе народнымъ:—*Галина*; такимъ образомъ, думалъ очевидно Бродзинскій, стихотвореніе должно было приобрести народный характеръ... За 1813 годъ мы почти не имѣемъ стихотвореній Бродзинскаго: это былъ годъ тяжелыхъ военныхъ испытаній. Отъ этого времени сохранился извѣстный уже намъ походный дневникъ Бродзинскаго, куда поэтъ вносилъ отрывочныя мысли, какія ему приходили въ голову, небольшія четверостишія и т. д. Такъ подъ 3 мая стоитъ переводъ извѣстныхъ словъ Лукреція (четырехстишіе) изъ его поэмы „De rerum natura“ о томъ, что пріятно глядѣть на бурное море съ берега. Внизу приписка: „О! какъ эти слова люблю я, Лукрецій, повторять съ тобой! Тебя научило этому истинное счастье, а меня несчастье“. 8-го мая онъ пишетъ при выступленіи изъ Кракова:

Próżno się za swojemi ozierać,
Przedłużać pożegnanie i żale wywierać.
Trzeba iść i opuścić ukohaną ziemię,
Unieść mięczarnie smutków i niedoli brzemię²⁾.

¹⁾ „Изъ стволовъ бѣлой березы поставитъ мнѣ крестъ, немного поплачетъ и вспомнитъ добромъ. И пусть моя тѣнь будетъ духомъ-хранителемъ ея усадьбы и защититъ ее въ домѣ отъ всякаго зла и будетъ на ея грядкѣ шестеть розами“.

²⁾ „Довольно оглядываться на своихъ, дить понапрасну минуты прощанья и скорбь выражать. Нужно идти и покинуть любимую землю, тысячу скорбей веса и рбема несчастья“.

Такія же замѣтки находимъ мы и подъ слѣдующими числами: 12, 14 мая, 9 сентября, и т. д. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что многія стихотворенія, напечатанныя въ познанскомъ изданіи подъ общимъ заглавіемъ: „Pieśni gólników“ и отнесенія Дмоховскимъ къ 1814 году, также написаны Бродзинскимъ въ эпоху его военныхъ скитаній. Сюда прежде всего должны быть отнесены военно-патріотическія стихотворенія ¹⁾; но такъ-какъ установить точно время ихъ появленія невозможно, то мы и будемъ разсматривать всѣ „Pieśni gólników“ вмѣстѣ, разбивъ ихъ по группамъ.

Подъ заглавіемъ: „Pieśni gólników“ напечатано до 60 стихотвореній различнаго содержанія и характера. Ото всѣхъ ихъ вѣсть духомъ нѣмецкой пасторали, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ соблюдена вполне псевдоклассическая форма, другія болѣе „народны“. Изъ нихъ въ строго—классическомъ тонѣ написано около 15 стихотвореній ²⁾. Сюда же слѣдуетъ отнести эротическія стихотворенія, въ которыхъ псевдоклассическое вліяніе съ формальной стороны менѣе сильно ³⁾.

Затѣмъ въ особую группу можно выдѣлить стихотворенія, воспѣвающія благородно-патріотическое настроеніе крестьянъ, и наконецъ стихотворенія вообще патріотическія. Нѣсколько стихотвореній имѣють бытовую окраску ⁴⁾. Къ послѣдней группѣ мы отнесемъ стихотворенія, навѣянные различными событіями и писанныя по разнымъ поводамъ и подъ разными впечатлѣніями; таковы: „Pogrzeb przujaciela“, „Duma nad grobem“, „Przodkowie“, „Odrodzenie“, „Życzenie“.

Не надо однако забывать, что всѣ эти стихотворенія называются „*Пѣснями крестьянъ!*“

¹⁾ „Ojciec do syna“, „Choraǳiewka“, „Matka do syna“, „Kochanka“, „Jadący do wojska“, „Nabożenstwo“, „Do Boga przed bitwą“, „Gospodyni“, „Pobudki“, „Aby dalej“ и т. д.

²⁾ Żal parterki, Kloe, Mikon i Filis, Pasterka, Pustoty amorka (напеч. 1821 г.), Sen, Pasterz do Zosi, Amorek, Dumka, Płocha, Nawrócona и др.

³⁾ Tęskna, Gołabki, Do Hanny (2 стихотворенія) Emma, do Myrtu, Iodła, Pieśń, Spiewka, Rana и проч.

⁴⁾ „Matka i dziecię“, „Żal matki“, „Żona do męża“, „Chłopek“, „Mazurek“ и проч.

Польскіе критики и историки литературы отзываются о нихъ съ большой похвалой. Таковы отзывы Дмоховскаго, Ходзька, Войцискаго, Одынца; Совинскій говоритъ о нихъ въ своемъ курсѣ литературы: „Онъ (Бродзинскій) сблизилъ идиллію съ сердечной, живой краковской пѣсней. Кто не усмотритъ въ нихъ искренности и естественности, этого природнаго цвѣта, музыкальности и ритмичности, которыя характеризуютъ пѣсни сельскаго люда?“ — „Пѣсни крестьянъ. говоритъ онъ дальше, и по формѣ, и по духу родственны деревенскимъ“¹⁾. Даже почтенный польскій ученый Хмѣлевскій говоритъ о „Пѣсняхъ крестьянъ“ съ большой похвалой, вида „во многихъ истинны *chef-d'oeuvre*-ы естественности и граціи“²⁾.

Въ виду такихъ единодушныхъ отзывовъ польской критики мы считаемъ необходимымъ дать внимательный разборъ этихъ произведеній Бродзинскаго; такой разборъ приведетъ насъ къ установленію болѣе правильнаго взгляда какъ на поэтическія произведенія самого Бродзинскаго, такъ и на польскую критику въ вопросѣ о способности ея понять и оцѣнить произведенія, претендующія на изображеніе реального народа и дѣйствительной крестьянской жизни.

Нечего, конечно, и говорить о стихотвореніяхъ, писанныхъ въ строго классическомъ духѣ. Они ниже всякой критики. Въ нихъ фигурируютъ Филоны, Миконы, Глицеры, Дафны, Нимфы, дѣсной богъ Панъ и проч. Все въ нихъ навѣяно рабскимъ подражаніемъ Геснеру. Поэтъ стремится быть игривымъ и граціознымъ, но это мало удается ему.

Вотъ напр. молодая пастушка идетъ по полю весенней порою. Она

Swawolna, płocha i miła,
Na wszystkie strony nucila
Tak: „la, la, la!“³⁾.

Припѣвъ: tak: la, la, la видимо нравится поэту, и онъ повторяетъ его и въ другомъ стихотвореніи („Nawrócona“):

Na flecie grał *Damon* tkliwie;
Po całej go słycać niwie
Tak: „la, la, la!“⁴⁾.

1) Sowiński-Zdanowicz, „Rys Dziejów“... t. II, стр. 487.

2) „Istotnie arcydziełką prostoty i wdzięku“.. „Studia i Szkice“, t. II, стр. 184.

3) „Свободна, весела, мила, громко распѣвала она: такъ, ля, ля, ля!“.

4) „На флейтѣ нѣжно игралъ Дамонъ, и слышно было его (игру) на всемъ лугу.“

Вотъ другая пастушка (или вѣрнѣе та же самая, но подь другимъ именемъ) Клоя; ее обнимаетъ и цѣлуетъ въ лѣсу нѣжный Милонъ, а она ищетъ защиты у лѣснаго бога Пана. Вотъ та же пастушка, по имени Юстина (съ весны очевидно прошло уже много времени), жалуется подь новый годъ на невѣрность Филона и взываетъ къ пташкамъ. Вотъ нѣжно воркуетъ Миконъ и Фились¹⁾. Но Миконъ исчезъ, и возлюбленная томно груститъ о немъ („Dumka“); въ стихотвореніи „Amorek“ Филонъ и Глицера борются съ богомъ любви; въ другомъ—пастушокъ умоляетъ упрямую Зосю выйти на свиданіе; въ третьемъ описывается „ангелоподобная Эльвира“ съ „цвѣткомъ надежды въ рукѣ“:

Wesołość jęj wieniec kładła,
Skromność dodała uroku,
Rozsądek, dowcip w jęj oku,
Dobroć na ustach osiadła²⁾.

Поэтъ, конечно, былъ пораженъ въ самое сердце ея красотой („Sen“). Нисколько не лучше другихъ то стихотвореніе, которое Бродзинскій нашель возможнымъ напечатать еще въ 1821 году („Pam. Warsz.“ t. XIX), — „Pustoty amorka“ — поэма, напоминающая отчасти „Wieńce“ Реклевскаго. Здѣсь фигурируютъ Фебъ, Діана, Амуръ, Филонъ и Мелина. незабѣжныя овечки, ручеекъ, прохлада лѣса... Филонъ поетъ:

Płynie chwila, jako woda,
Z życiem lubę żądze płyną.
I nadzieja, i uroda
Nie dzielone marne giną³⁾.

Мелина слышитъ голосъ Филона; она хочетъ укрыться отъ него, но, какъ и подобаетъ, опаздываетъ; ея вѣнокъ падаетъ съ головы въ ручей, къ полному удовольствію смѣющагося амурса.

1) Даже въ выборѣ именъ Бродзинскій не оригиналенъ. Онъ беретъ ихъ изъ идиллій Геснера и Реклевскаго, Карпинскаго.

2) Веселье наградило ее вѣнкомъ, скромность дала привлекательность, разумъ и остроуміе въ ея глазахъ а доброта поселились на ея устахъ.

3) „Время плыветъ, какъ вода, съ жизнью уходятъ желанья. Надежда и красота, нераздѣленные, понапрасну гибнуть“.

Идиллія Филонъ написана въ такомъ же тонѣ, съ воззваніями къ Аполлону, Венерѣ, нимфамъ и проч. (напеч. въ 1818 году!). Нѣсколько слабѣе классическое вліяніе, по крайней мѣрѣ съ формальной стороны, въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя мы назвали эротическими; но въ поэтическомъ отношеніи они не лучше. Всюду слащавая приторность и сентиментализмъ.

Такъ въ стихотвореніи „Rana“ поэтъ сообщаетъ, что пчелка укусила его въ палець, а милая совѣтуетъ ему приложить къ больному мѣсту земли. Поэтъ находитъ, что и рана,

W serce przez ciebie zadana
Nie prędzej zgoić się może,
Aż gdy ją ziemię przyłożą ¹⁾.

Въ стихотвореніи „Голубки“ идетъ рѣчь о двухъ нѣжно воровавшихъ голубкахъ, влюбленныхъ другъ въ друга и счастливыхъ, потому-что они жили вмѣстѣ. Они были готовы погибнуть, лишь бы только не разлучаться. Какъ вдругъ прилетѣлъ изъ чужихъ странъ голубь,

W sztuce dworskiej wyuczony,

плѣнилъ голубку, разрушилъ семейное счастье и улетѣлъ!

Въ стихотвореніи „Śpiewka“ „она“ обращается къ струнамъ и проситъ ихъ играть такъ, какъ ея возлюбленный Ясь, который ушелъ теперь куда-то въ чужіе края. По формѣ это стихотвореніе нѣсколько выше другихъ; нужно полагать, что все же не въ этихъ стишкахъ съ нѣжными обращеніями къ птичкамъ и пр. слѣдуетъ видѣть тѣ „arcydziełki“ простоты и граціи, о которыхъ съ такой похвалой отзывался польская критика. Поищемъ ихъ въ другихъ пѣсенкахъ. Вотъ группа народно-патріотическихъ стихотвореній.

Отецъ (крестьянинъ) обращается къ сыну, который идетъ въ походъ и говоритъ ему: „Не жалѣй меня, дорогой сынъ,—я сьумѣю еще заработать кусокъ хлѣба для себя, а ты сьумѣй его защитить своею кровью“. Крестьянинъ этотъ—благородный отецъ и большой патріотъ; онъ мечтаетъ о независимости родины:

¹⁾ „Rana, причиненная его сердцу, тоже не раньше пройдетъ какъ только, когда къ ней будетъ приложена земля“.

Niech w ręce twojej zobacze ja jeszcze
 Choć we śnie wolność straconą,
 A w drżące dłonie znamiony zapleszczę,
 Że matka jest nam wróczona ¹⁾.
 („Ojciec do syna“)

Такимъ же благороднымъ пыломъ патриотизма воодушевлена и мать. Она благодаритъ Бога за то, что онъ послалъ ей здороваго и сильнаго сына—защитника родины. Она провожаетъ его такимъ напутствиемъ:

Żegnaj siostry, wychodź z domu,
 By się nie doczekać sromu,
 A żeby były się dziatki
 Za niewolę własnej matki ²⁾.
 („Matka do syna“)

„Kochanka“ приноситъ отъѣзжающему знамя и проситъ его помнить не только о ней, но и о славѣ („Chorągiewka“); а когда онъ возвратится домой, и сѣдой старикъ будетъ проливать слезы радости, она увѣнчаетъ чело побѣдителя свадебнымъ вѣнкомъ („Kochanka“).

Въ такомъ же возвышенномъ стилѣ прощается съ роднымъ селомъ и самъ „Jadący do wojska“: онъ посылаетъ послѣднее „прости“ роднымъ полямъ, овечкамъ и Галинѣ. Но передъ отъѣздомъ слѣдуетъ однако всѣмъ помолиться за родину:

W obory z pola spędzajcie trzody,
 Zawieście kosa na ścianie;
 Młynarze, dzisiaj zastawcie wody,
 Niech w polu praca ustanie,
 Kazał już pleban, że się zaczyna wojna... ³⁾.
 („Nabożeństwo“).

¹⁾ „И пусть въ рукахъ твоихъ увижу я, хотя во снѣ, утраченную вольность, и знамена взвоятся въ дрожащей рукѣ (при мысли), что мать (родина) намъ возвращена“.

²⁾ „Прощайся съ сестрами, выходи изъ дому, что бы не было бы тебѣ позора. Пусть бьются дѣтки за свободу родной матери“.

³⁾ „Сгоняйте домой стада съ полей, повѣсьте косы на стѣну, пусть прекратится работа въ поляхъ, и мельникъ опуститъ заставу: священникъ сказалъ ужъ, что начинается война“.

Война пришла! Вотъ вѣзжаютъ въ село „рыцари—воины“, польскіе жолнѣры. Объ этой „пріятной“ новости спѣшить извѣстить всѣхъ почтенная „Господыня“ и торопить дѣвушекъ приготовить все къ пріѣзду гостей: свѣжую мягкую постель, медъ, ѣду...

Въ такихъ чертахъ рисуется Бродзинскій польскаго крестьянина въ эпоху наполеоновскихъ походовъ! О простотѣ и естественности этихъ картинокъ, думаемъ мы, можетъ судить каждый, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ и вообще возрѣніями простого люда на всѣ вопросы, выходящіе изъ тѣснаго круга его деревенскаго обихода. Достаточно знать въ самыхъ общихъ чертахъ исторію польскаго народа, чтобы аргюи уже отвергнуть мысль о сочувствіи крестьянъ идеѣ „*odbudowania*“ государства, въ которомъ имъ такъ плохо жилось. Не отрицаютъ этого и сами поляки. Скарбекъ въ своей „Исторіи Варшавскаго княжества“ (на что мы уже указывали) сообщаетъ, что шляхта не могла найти сочувствія въ средѣ крестьянъ въ эпоху пораздѣльную: крестьяне относились равнодушно къ новымъ господамъ, такъ-какъ не видѣли разницы въ хозяйничаньи ихъ или польскихъ пановъ. Откуда же могло явиться нѣсколько лѣтъ спустя такое необыкновенно патріотическое воодушевленіе къ крестьянской средѣ, такое благородство мыслей, такое самопожертвованіе, что даже мать, которая обыкновенно убивается и рыдаетъ надъ „некрутомъ“, какъ надъ покойникомъ, и торопитъ сына скорѣе отъѣзжать въ походъ,

By się nie doczekać zgonu!

Все это тѣмъ болѣе странно и неестественно, что и самъ Бродзинскій 7 лѣтъ спустя рисуется въ весьма непривлекательномъ видѣ взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами²⁾.

Народные взгляды никогда не испытываютъ слишкомъ быстрыхъ и рѣзкихъ переломовъ; не могло этого быть и въ отношеніяхъ крестьянъ къ „панамъ“. Объ этихъ же отношеніяхъ въ наше еще время даетъ превосходное понятіе интересная этнографическая работа молодого польскаго ученаго Бигелейзена: „*Szlachta w świetle poezji ludowej*“, къ которой мы и отсылаемъ každого, кто хоть немного еще идеализируетъ эти отношенія¹⁾. Но извращеніе дѣйствительности въ пат-

¹⁾ Чит. выше стр. 186.

²⁾ „*Głos*“ 1888 г., № 30 и слѣд.

ріотическихъ стихотвореніяхъ, писанныхъ въ пылу военнаго воодушевленія, рассчитанныхъ отчасти на то, чтобы вызвать восторгъ и патриотизмъ въ населеніи, имѣеть еще нѣкоторое оправданіе. Такое оправданіе не имѣеть мѣста по отношенію къ бытовымъ стихотвореніямъ Бродзинскаго. Жена, крестьянка, бесѣдуетъ со своимъ мужемъ („Żona do męża“). Въ длинной рѣчи укоряетъ она его въ измѣнѣ, вспоминаетъ счастливое времячко, когда онъ „называлъ ея усмѣшкой небесной“ (это простой крестьянинъ!), ея душу своей; „ея взоръ былъ для него небомъ“. Но что-же дѣлать! „Рѣку прошедшаго ужъ не заставишь плыть назадъ“ (!).

Szczęсна ja była na ojców dolinie,
 Krótko mnie płynął wiek złoty;
 Rzeka przeszłości wstecz już nie popłynie
 Przez lata dłużej zgrzyzoty ¹⁾.

Весь разговоръ между мужемъ и женой идетъ въ такомъ же тонѣ. Въ другомъ стихотвореніи: „Żal matki“, разсказывается, что мать утратила единое свое дѣтище; скорбь ея, конечно, такъ понятна для всѣхъ и естественна. Но у Бродзинскаго и здѣсь риторика:

Księżyc z słońcem się mieniali,
 By straż nad ziemię trzymali,
 . . . . .
 Śmierć na skrzydłach wiatry niosą....

Такъ выражается безутѣшная мать!

Мы разобрали всѣ пѣсни, именуемыя крестьянскими, и не нашли ни одной, заслуживающаго вниманія. Сентиментализмъ, ходульность, напыщенность—главные черты ихъ содержанія. Никакого движенія впередъ не видно въ этихъ стихотвореніяхъ. Реклевскій и Карпинскій писали нисколько не хуже. Народный элементъ въ нихъ ничтоженъ и выражается въ замѣнѣ по временамъ ненародныхъ именъ благозвучными народными названіями.

Въ самой формѣ мы тоже не видимъ никакого шага впередъ. Всѣ образы такъ тривиальны, всѣ рѣмы такъ обыкновенны, за-

¹⁾ „Я счастлива была въ долинѣ отческой, и золотое время незамѣтно шло. Рѣку прошедшаго вспять не заставитъ плыть черезъ годы долгіе страданій“.

урядны. Нѣтъ въ одного созвучія, которое могло бы претендовать на оригинальность, на новизну. Всѣ они заимствованы у предыдущихъ поэтовъ: *gadosna—wiosna—miłosna*—преобладающія созвучія. Если поэтъ говоритъ о маѣ, то слѣдующая рифма будетъ непременно—*„gaj“*. и наоборотъ; *kochanie—spotkanie—usałowanie*, на *ciebie—na niebie, w majowym ranku—w wianku*—неизбѣжны въ каждомъ стихотвореніи ¹⁾.

Содержаніе пѣсенъ крайне бѣдно; реальный словарь къ нимъ оказался бы очень невеликъ. Изъ птицъ поэтъ упоминаетъ жаворонка, соловья, голубковъ, пташку, пѣтуха... Изъ насѣкомыхъ, конечно, мотылька; затѣмъ фигурируютъ коровки, овечки, конь и пастухъ и пастушка. Событія совершаются въ обстановкѣ довольно неопредѣленной: среди скалъ, горъ, долинъ, равнинъ; вокругъ лѣсъ, цвѣты, протекаетъ ручей; солнце, луна и звѣзды, костѣль, крестъ, алтарь; *miłosé, spota, ofiara, ojczyzna, Bóg, мечь и гробъ*—вотъ неизбѣжныя бутафорскія принадлежности пасторали Бродзинскаго.

Заслугу поэта можно видѣть, пожалуй, въ томъ, что онъ признавалъ въ крестьянинѣ человѣка и требовалъ въ своихъ „пѣсняхъ“ уваженія къ нему. Такое направленіе было однако слишкомъ еще неопредѣленно и поверхностно.. Въ этомъ отношеніи взгляды Бродзинскаго прекрасно характеризуются стихотвореніемъ „*Сюрек*“ („*Мужичекъ*“!). Поэтъ говоритъ здѣсь о любви къ „*доброму польскому мужичку*“:

Rycerz to nie wielki,
Swój ziemi ubliza,
Który nad stan wszelki
Rólnika poniża ²⁾.

„Добрый мужичекъ, говоритъ поэтъ, насъ кормить, а придетъ война, онъ же и защищаетъ насъ; вмѣстѣ со своимъ сеотомъ трудится онъ въ потъ лица, чтобы легче жилось панамъ“.

¹⁾ Замѣчательно, что даже заглавіе „*Pieśni Rolników*“ не оригинально, а составляетъ простой перифразъ „*Pieńia wiejskie*“ Реклевскаго.

²⁾ „Плохой тотъ рыцарь, который ставитъ ниже всѣхъ хлѣбопашца. (Этимъ) онъ обижаетъ свой край“.

Z dziećmi *głodnemi*
 Te ziarneczki zgania,
 Który pan po ziemi
 Za cacki roztrwania
 . . . . .
 Sam po tyléj stracie
 Od nędzy nas schroni,
 W swojej tylko chacie
 Jej *mieszkać* nie wzbroni ¹⁾.

Уже въ самомъ названіи крестьянина „мужичкомъ“ сказывается что-то обидно—покровительственное; но въ этомъ стихотвореніи есть еще одна весьма характерная черта. Подчеркнутыя нами слова: *głodnemi* и *mieszkać* появились только въ позднѣйшихъ изданіяхъ (1-е въ 1821 году), а первоначально вмѣсто нихъ стояли: *swemi* и *gościć!* ²⁾.

Такимъ образомъ нужда согласно первоначальному мнѣнію поэта, не жила въ крестьянской семьѣ, а только *гостила*, конечно, случайно и временно; поэтому и дѣти не могли быть голодными.

Мы видимъ, что разсужденія Бродзинскаго о любви къ народу не имѣютъ реального значенія; они были празднымъ разговоромъ; въ этомъ отношеніи даже произведенія Симоновича, писателя XVI вѣка, стоятъ гораздо выше. Его „*Śpiew Pietruchy*“ и по реализму изображенія дѣйствительности, и какъ протестъ противъ несправедливостей соціального порядка, производитъ и теперь еще довольно сильное впечатлѣніе ¹⁾.

Остается упомянуть еще о двухъ стихотвореніяхъ изъ тѣхъ, что включены въ „*Pieśni rolników*“, именно о стихотвореніи „*Rolnik*“ недурномъ по формѣ и по содержанію, и „*Matka i dziecię*“; послѣднее, намъ кажется, слѣдуетъ отнести къ болѣе позднему вре-

1) Онъ собираетъ съ голодными дѣтьми тѣ самыя зерна, которыя растратилъ панъ на пустыни; отдавши все, онъ спасаетъ насъ отъ нужды и только въ хатѣ своей не можетъ помѣшать ей жить.

2) „*Gościć*“ и „*Swemi*“ мы находимъ еще 1819 году въ „*Ram. Naukow.*“, стр. 315—317, гдѣ было напечатано это стихотвореніе.

1) Русскій переводъ этого стихотворенія сдѣланъ Бергомъ („Славянскіе поэты“, Спб. 1871, 413—416), чешскій-Челяковскимъ: „*Slovanské národní písně díl druhý, w Praze, 1825, стр. 74—79.*“

мени. Напечатано оно въ „Pam. Warsz.“ въ 1817 году и носитъ черты романтической меланхолии. Стихотвореніе это имѣло въ свое время большой успѣхъ и между прочимъ произвело сильное впечатлѣніе на Одынца ¹⁾.

Дѣйствительно въ нѣкоторыхъ строчкахъ его чувствуется нѣчто особенное: смутное чувство грусти, умѣряемой материнской нѣжностью. Ребенокъ говорить:

„Matko! dla czego te zwoony,
Tak smutno księża śpiewają?
—Nie bój się, mój ulubiony,
Ktoś umarł, chować go mają“.

—
„Jak to on umarł, o matmo?
—Na długie zasnął on spanie.
„Będzie i ze mną to samo?“
—Nie będzie, moje kochanie!“ ²⁾.

Подъ эти разговоры ребенокъ мирно засыпаетъ на груди своей матери. Простота и незамысловатость сюжета, теплота и задушевность рассказа дѣлаютъ это стихотвореніе необыкновенно симпатичнымъ и трогательнымъ.

Сведя къ одному все сказанное выше, можно сдѣлать слѣдующее заключеніе о „сельскихъ пѣсняхъ“. Поэтическихъ достоинствъ онѣ не имѣютъ, народный элементъ въ нихъ ничтоженъ, и въ этомъ отношеніи хвалебные отзывы польской критики доказываютъ только, что ей и до сихъ поръ чужды дѣйствительное, здравое пониманіе и знаніе народности и связанное съ нимъ чувство демократизма. На ея оцѣнкѣ фатальнымъ образомъ сказывается традиціонная неспособность польскаго общества глядѣть на народъ трезво, а не сквозь призму шляхетскихъ предрассудковъ. Историческое значеніе „сельскихъ пѣсенъ“ незначительно. Пѣсни Бродзинскаго точно такъ же, какъ и пѣсни Реклевскаго были, очень скоро забыты и совершенно

¹⁾ „Wspomnienia“, 311—313.

²⁾ „Мама? Зачѣмъ этотъ звонъ, такъ громко всенды распѣваютъ?—Не бойся, мой любій: то умеръ кто-то, его погребаютъ. „Что, значить, онъ умеръ, о мама?—Заснутъ онъ долгимъ сномъ. „То же ли будетъ со мною?“— Не будетъ, моя ты любовь!

оттѣснены уже къ 20-мъ годамъ новыми созданіями умственной жизни польскаго общества. Та слабая струйка симпатіи къ народу, которая просасывалась въ произведеніяхъ Бродзинскаго среди необозримыхъ песчаныхъ пустынь сентиментализма, является единственнымъ и слишкомъ незамѣтнымъ ихъ достоинствомъ.

Въ группу „сельскихъ пѣсенъ“ отнесены въ познанскомъ изданіи и такія стихотворенія Бродзинскаго, которыя не имѣютъ ничего общаго съ пѣснями крестьянъ, а служатъ выраженіемъ личныхъ взглядовъ и настроеній поэта. Сюда слѣдуетъ причислить и нѣкоторыя военно-патріотическія стихотворенія, обязанныя своимъ появленіемъ въ свѣтъ наполеоновскимъ войнамъ. Въ это время писали воодушевленные пѣсни въ Германіи Кернеръ, у насъ въ Россіи извѣстный партизанъ-поэтъ Давыдовъ и Жуковский.

Стихи Жуковскаго не обладаютъ, конечно, такими поэтическими достоинствами, какъ пѣсни Кернера, но тѣмъ не менѣе и они исполнены мужественнаго воодушевленія и патріотическаго пыла. Его знаменитый „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“—произведеніе, обошедшее всю Россію и съ восторгомъ встрѣченное въ войскахъ. Жуковский призываетъ къ бою, борьбѣ, и его призывъ дышетъ энергіей и мужествомъ:

Наполнимъ кубокъ! Мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный мститель!
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

Поэтъ не боится умереть за родину:

Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!

вспоминаетъ онъ слова Святослава, и онъ готовъ погибнуть даже съ „наслажденіемъ“, потому-что онъ борется за благо всего міра:

Вожди славянъ! Хвала и честь!
Свершайте истребленье!
Отчизна къ вамъ взываетъ: мечь!
Вселенная: спасенье!

Стихи Бродзинскаго гораздо слабѣе стиховъ Жуковскаго и по формѣ, и по содержанію и, конечно, не выдерживаютъ никакого сравненія съ пѣснями Кернера, третьяго пѣвца этихъ войнъ.

Какъ извѣстно, Бродзинскій написалъ „Do Boga przed bitwą“, „Робудка“, „Do konika polnego“, „Абу далѣй“ и проч.; всѣ эти стихотворенія и по времени написанія, и по сюжету, и по многимъ другимъ причинамъ такъ и напрашиваются на сравненіе съ подобными же произведениями Кернера. Аналогія между этими двумя писателями, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, очень велика.

Оба поэта сочиняли свои стихи въ одну и ту же пору, по однимъ и тѣмъ же поводамъ. Оба участвовали въ военныхъ походахъ 1812—1813 годовъ; оба бились за свободу и независимость своей родины; оба были молодые люди и даже однолѣтки (*род. въ 1791 году*); но какая огромная разница въ характерѣ ихъ творчества, въ ихъ настроеніи!

Въ то время, какъ стихи Кернера исполнены необыкновенной силы, энергіи, проникнуты глубокимъ чувствомъ, возвышенными стремленіями къ свободѣ, чести и независимости, стихотворенія Бродзинскаго кажутся какимъ-то разслабленнымъ сентиментально-меланхолическимъ лепетомъ!

Кернеръ говоритъ ¹⁾:

Къ чему на челѣ вашемъ мракъ и печаль,
 Что смотрите грустно въ туманную даль,
 Вы, вѣрныя дѣти отчизны?
 Пусть буря бушуетъ, пусть бездна кипитъ;
 Земля подъ ногами, стена, дрожитъ;
 Честь ваша чужда укоризны!

За правое дѣло мы мечъ извлекли;
 Сберегите же, братья, всѣ силы свои
 Для брани кровавой священной,
 Возстаньте, вы, юноши, къ славнымъ дѣламъ,
 Проснися, народъ усыпленный!

Друзья! мы безстрашно предъ смертью стоимъ
 И смѣло и бодро ей въ очи глядимъ
 И ждемъ совершенія мести.
 Спасемъ же свободу отчизны своей,
 Иль сами со славой подъ звуки мечей
 Останемся на полѣ чести!

¹⁾ Это стихотвореніе приводимъ по-русски, въ превосходномъ переводѣ Ѳ. Миллера.

И въ то время, когда неслась эта могучая пѣсня свободы, Бродзинскій подбодрялъ себя въ „List'ъ o wojskowości“ примѣрами древне-греческихъ героевъ, а въ своемъ дневникѣ записалъ слѣдующія строки:

Próżno się za swojemi stokrotnie ozierać,
Przedłużać pożegnanie i żale wywierać;
Trzeba iść i opuścić ukochaną ziemię,
Unieść męczarnie smutków i niedoli brzemie! ¹⁾.

Бродзинскій, какъ побѣдитель, стоитъ подь Москвой и думаетъ только о томъ, удастся ли ему благополучно возвратиться во-свояси, въ объятія своей Юленты ²⁾.

Кернеръ видитъ торжество противниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжество рабства, но онъ не падаетъ духомъ и ободряетъ отчаявшихся предсказаніемъ будущихъ побѣдъ. Въ стихотвореніи „Москва“ онъ говоритъ:

O lasz dich nur vom Aberwitz verdammen!
Jhr, Kirchen, stürzt! Paläste, brecht zusammen!
Der Phönix Ruszlands wirft sich in die Flammen.
Doch, hoch verklärt, aus seinem Feuerkranze
Wird er erstehn im frischen Jugendglanze,
Und Sankt Georg schwingt siegend seine Lanze.

Оба поэта были настроены религіозно, у обоихъ мы находимъ молитвы къ Богу передъ битвой. Всѣмъ, конечно, извѣстно это прекрасное стихотвореніе Кернера:

Vater, ich rufe dich!
Brüllend umwölkt mich der Dampf der Geschütze,
Sprühend umzücken mich rasselnde Blitze!
Lenker der Schlachten, ich rufe dich!
Vater, ich rufe dich!

Поэтъ не думаетъ о себѣ, онъ проситъ Творца благословить его къ жизни или смерти—все равно:

¹⁾ Чит. переводъ выше, стр. 254.

²⁾ Это стихотвореніе напечатано въ „Рат. Nauk.“ 1819, т. I.

So im herbstlichen Rausche der Blätter,
 Als im Schlachterdonnerwetter,
 Urquell der Gnade, erkenn ich dich.
 Vater, du segne mich!

Бродзинскій тоже взываетъ къ Богу ¹⁾: „*Надо идти сражаться, говорить онъ, потому-что отцы (а не онъ самъ!) возложили на него это оружіе, чтобы сражаться съ врагами въ твое, Господи, имя (а не за родину!)*“. — „*Ты, говорить онъ дальше, страдалъ за цѣлый родъ людской; пусть же и я пострадаю за родной край, а ты, Господи, помоги мнѣ терпѣливо (не мужественно!) перенести раны (о смерти поэтъ не думаетъ!)*“. Сколько пассивности и дряблой покорности судьбѣ сказывается въ этой молитвѣ Бродзинскаго!

Мы далеки, конечно, отъ мысли дѣлать какіе-нибудь выводы ~~или~~ подобныхъ параллелей, но полагаемъ ~~тѣмъ~~ не менѣе, что подобныя аналогіи весьма полезны для болѣе правильнаго уразумѣнія истинныхъ достоинствъ и значенія произведеній каждаго писателя любой литературы вообще, а потому и въ данномъ частномъ случаѣ.

Изъ другихъ произведеній этого же періода отмѣтимъ еще: стихотвореніе „*Duma nad grobem*“ — длинное размышленіе въ духѣ Державина; „*Przechadzka wieczorna*“ имѣющее по содержанію отдаленное сходство съ стихотвореніемъ Жуковскаго: „Лѣтній вечеръ“, и „*Przodkowie*“, и такимъ образомъ закончимъ разборъ произведеній Бродзинскаго, писанныхъ въ періодъ 1809 до 1814 г. включительно. Извѣстностью своей Бродзинскій обязанъ не этимъ стихотвореніямъ, а элегии „*На смерть Іос. Понятовскаго*“. Перенесеніе смертныхъ останковъ національнаго героя, какъ извѣстно, былъ поводомъ къ шумнымъ манифестаціямъ, на которыя позволеніе было дано самимъ государемъ Александромъ I. Русскіе генералы съ Кутузовымъ во главѣ шли впереди торжественной процессіи ²⁾. На смерть Понятовскаго отозвался стихотвореніемъ даже Беранже ³⁾. На эту же

¹⁾ „*Do Boga przed bitwą*“, „*Pobudka*“.

²⁾ Skarbek, „*Dzieje*“...

³⁾ Béranger, *Oeuvres complètes publiées par Riga, Bruxelles, 1844, p. 457—459.* Написано въ 1829 г. и напечатано въ 1831 г. въ пользу польскаго комитета.

тому писали: Мольскій, Нѣмцевичъ, Бродзинскій ¹⁾. „Интересно сравнить, говорить Дмоховскій, произведенія этихъ трѣхъ писателей... Стихи Мольскаго, какъ и всѣ почти его произведенія,—простая холодная проза, разрубленная на стихи. Стихотвореніе Нѣмцевича имѣетъ прекрасные образы и дышетъ искреннымъ чувствомъ; но выше всѣхъ и по мыслямъ, и по формѣ выраженія ихъ элегія Бродзинскаго. Съ увлеченіемъ прочитала изумленная публика это произведеніе, выдѣляющееся по глубинѣ чувства и задушевности тона, избылающее новому поэтическими выраженіями, чуждое громогласной напыщенности того времени“ ²⁾.

Въ самомъ началѣ 1814 года, немедленно по прибытіи въ Варшаву, Бродзинскій написалъ стихотвореніе, посвященное памяти поэта Ц. Гodeбскаго, павшаго подъ Рашинымъ, гдѣ произошла кровопролитная битва между 8000 тысячъ поляковъ и 40000 австрийцевъ ³⁾.

Рашинское поле представляло еще много воспоминаній происшедшей здѣсь битвы. Всюду валялись кости павшихъ въ бою, оружіе, ядра. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой картины Бродзинскій написалъ стихотвореніе „Pole Raszyńskie“ ⁴⁾, которое начинается слѣдующими поэтическими строфами:

Noc cicha,—wonne wietrzyk powiewa przez błonie;
Na wodnej łące rżają popępane konie;
Smutno szumią nad zdrojem gałązki olszyny;
Potok ucieka płacząc na zastępnie trzciny ⁵⁾.

Среди такой картины тишины и спокойствія вспоминается Бродзинскому апрѣльская битва, ужасъ окрестныхъ поселянъ; вдругъ онъ видитъ тѣнь. Это Гodeбскій!..

Стихотвореніе заканчивается горькой жалобой:

¹⁾ Стихотвореніе Бродзинскаго не вошло въ собраніе его сочиненій; чит. Нѣмцевича „Spiewy Hystoryczne“, I.w. 1834, 91—93; стихотвореніе бездарнаго Мольскаго не было напечатано.

²⁾ „Bibl. Warsz.“ 1870, t. III.

³⁾ „Wójcicki, Warszawa“... стр. 203.

⁴⁾ Въ познанскомъ изданіи его нѣтъ. Напечатано оно въ 1819 году. „Pam. Warsz.“ XIII. 345.

⁵⁾ „Тихая ночь, прохладный вѣтъ вѣтеръ, стреноженные кони ржутъ на лугу. Шумятъ печально вѣтви молодой ольхи; потокъ журчитъ и плачетъ“.

O cienia braci moich! Pokiż po téj ziemi
 Włakać się zamysłacie z rany nieoschłemi.
 Po grobie matki w krwawój przechodząc się szacie,
 O ran waszych owoce na ziomki wołacie ¹⁾.

„Поле Рашинское“ — единственное стихотворение Бродзинскаго, которому присущ романтико-фантастическій элементъ: задолго до появленій „*Romantyczności*“ Мицкевича, Бродзинскій допускаетъ появление тѣни умершаго ²⁾.

Нужно замѣтить, что вообще Бродзинскій избѣгалъ всего сверхъестественнаго, и въ другихъ его произведеніяхъ мы не встрѣчаемъ ни тѣней, ни духовъ, ни привидѣній.

Съ 1815 года Бродзинскій начинаетъ печатать свои произведенія въ „*Ram. Warsz.*“. Здѣсь мы находимъ и „Посланіе къ графу Ходкевичу“ — первое выраженіе взглядовъ Бродзинскаго на задачи искусства и цѣль литературы. Посланіе къ Ходкевичу написано по случайному поводу. Какъ-то разъ поэтъ услышалъ въ книжной лавкѣ мнѣніе графа Ходкевича, что въ краѣ слишкомъ много поэтовъ, и они никому не нужны. Въ ихъ защиту и выступилъ Бродзинскій. Родинѣ нужны дѣятели на разныхъ поприщахъ. Рядомъ съ Сократомъ станетъ Гомеръ; такъ же, какъ поэтовъ, слава увѣнчаетъ Снядецкихъ. Поэтъ, какъ представитель чувства, упреждаетъ разумъ, какъ цвѣтъ всегда является раньше плодовъ.

Czucie rozum poprzedza, jak owoce kwiaty,
 Naród, gdy czuje piękność, zdążył do oświaty.

Значеніе поэта очень велико:

On często więcej niż król, niż mędrzec dokazał;
 Nim ten zmusił, ów dowiódł, *ten sercu już kazał.*

Съ 1816 года начинается новый періодъ поэтической дѣятельности поэта, періодъ полной зрѣлости, опредѣляемый появленіемъ „Вѣслава“, переводовъ изъ Шиллера и Оссіана, „Посланіемъ къ Дафнѣ“ и проч.

¹⁾ „О тѣни братьевъ! Докогда будете блуждать вы съ ранами еще незажившими, въ кровавомъ облаченіи, допытываясь на гробѣ матери (т. е. родины) о томъ, что дали ваши раны...“

²⁾ Ср. тѣнь Рекевскаго изъ упоминаемаго нами отрывка дневника.

III.

(1816—1822).

Разсмотрѣнный нами періодъ литературной дѣятельности Бродзинскаго не свидѣтельствуетъ объ особенныхъ успѣхахъ въ умственномъ и художественномъ развитіи поэта. Со стороны формы его произведенія находятся еще подъ сильнымъ вліяніемъ псевдоклассицизма; по содержанію они крайне незамысловаты, бѣдны идеями и образами. Поэту некогда было развиваться, а безъ серьезнаго образованія немислимо успѣшное развитіе и поэтическаго таланта.

Какъ бы ни были сильны врожденныя поэтическія способности человѣка, въ какой бы степени ни было присуще ему эстетическое чувство, — этого недостаточно, чтобы создать истиннаго поэта.

Знанія, ученость, направленіе безусловно необходимы поэту. То время давно ужъ умчалось, когда достаточно было непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью для того, чтобы создавать величайшія произведенія искусства. Жизнь сдѣлалась сложнѣе, разнообразнѣе. Чтобы изображать ее, поэтъ долженъ проникнуться идеями своего времени, настроеніемъ общества, стремленіями, которыя волнуютъ его; поэтъ долженъ быть одушевленъ благороднымъ влеченіемъ ко всему справедливому, прекрасному, возвышенному. Иначе онъ никогда не поднимется выше посредственности.

Мы уже говорили, что до 1815 года литературно-художественное и умственное развитіе Бродзинскаго подвигалось впередъ очень медленно. Къ концу 1815 года мы замѣчаемъ однако же шагъ впередъ. Въ „Посланіи къ Ходкевичу“ Бродзинскій цитируетъ многихъ польскихъ писателей, упоминаетъ между прочимъ и Снядецкихъ, которыхъ

Równa czeka w potomności chwała.

Только со времени переселенія въ Варшаву Бродзинскій могъ позаботиться о систематическомъ саморазвитіи. Онъ знакомится съ кружкомъ литераторовъ и театраловъ, изучаетъ французскій языкъ, дѣлаетъ переводы для сцены, занимается Шиллеромъ (1816 г.). Съ этого времени мы считаемъ возможнымъ начинать новый періодъ въ поэтической дѣятельности Бродзинскаго. Въ этомъ году выступаетъ цѣлая группа молодыхъ писателей съ переводами преимущественно

изъ Шиллера. Каминскій, Кантобери Тымовскій, Минасовичъ, Мѣрошевскій, Бродзинскій одновременно появляются проводниками (умѣренными, конечно) новаго направленія, которое они называютъ романтизмомъ; и одновременно съ тѣмъ, какъ появляются первые переводы изъ Шиллера, Бродзинскій печатаетъ отрывки изъ своей дидактической поэмы „Роезуа“, которая по формѣ остается еще вѣрна классическимъ преданіямъ, но содержаніе которой заключаетъ уже въ 1-й части въ зародышѣ настроеніе, впоследствии выраженное въ статьѣ „О романтизмѣ“. Это громадное посланіе, слишкомъ въ 1000 стиховъ, навѣяно очевидно знаменитымъ „Письмомъ къ Пизонамъ“ и поэмой Боало: „L'art poétique“. Въ посланіи Бродзинскаго попадаются иногда общія мысли, свидѣтельствующія объ основательномъ знакомствѣ Бродзинскаго съ поэтикой Горація и Боало; ни въ какомъ случаѣ однако нельзя сказать, чтобы Бродзинскій слѣпо шелъ за указанными образцами: онъ развилъ свои мысли довольно самостоятельно и своеобразно.

Белциковскій видитъ въ этой поэмѣ Бродзинскаго произведеніе „весьма революціонное“ („pospo rewolucyjne“), но такая характеристика, конечно, не идетъ къ скромной поэмѣ скромнѣйшаго изъ авторовъ.

По нашему мнѣнію посланіе Бродзинскаго „О поэзіи“ есть систематическое изложеніе идей сентиментализма, слегка подернутое, особенно во второй части, романтической дымкой.

Поэтъ не касается подробно всѣхъ вопросовъ искусства, не разбираетъ специальныхъ правилъ о разныхъ литературныхъ родахъ творчества, полагая, что все это давно уже, какъ слѣдуетъ, сдѣлано его предшественниками, а прямо приступаетъ къ изложенію своихъ взглядовъ на основные вопросы искусства, его задачи и значеніе.

Въ первомъ отрывкѣ Бродзинскій говоритъ о любви, какъ источникѣ поэзіи, о значеніи чувства въ искусствѣ, необходимости въ немъ правды и согласія его съ природой. Второй отрывокъ касается вопросовъ объ отношеніи искусства къ дѣйствительности, о роли вдохновенія, значеніи техники и заканчивается обширными разсужденіями о языкѣ и стилѣ поэтическихъ произведеній. Говоря о необходимости непосредственныхъ впечатлѣній и въ особенности воспоминаній дѣтства, поэтъ дѣлаетъ недурное лирическое отступленіе:

„Родныя поля, дорогія мѣста моей молодости, ужъ я не увижу васъ больше до самой смерти, не услышу знакомыхъ звуковъ сельскаго колокола, не услышу той пѣсни, что пѣла крестьянская дѣвушка тамъ на поляхъ, никогда не услышу ея! Кто же напомнить родныя напѣвы тѣхъ пѣсень, которыя бояре и дружки поютъ, вступая на дворъ къ молодой, эти сіяющія счастьемъ лица и молодыхъ, и стариковъ родителей, когда они благословляютъ своихъ дѣтей! Кто возвратитъ мнѣ эти дорогія воспоминанія молодости!“

Замѣчаніями о языкѣ и стилѣ собственно говоря и заканчивается та часть поэмы, которая была напечатана въ 1816 г. Вниманіе, которое удѣляетъ Бродзинскій формальнымъ вопросамъ о языкѣ, а равнымъ образомъ и самыя его замѣчанія изобличаютъ классическую точку зрѣнія автора ¹⁾. Еще Горацій говорилъ, что языкомъ (но не собственно звуками языка) должно передавать различныя душевныя движенія:

Post effert animi motus interprete lingua
(„Ars poet.“, ст. 111).

Бродзинскій придаетъ словамъ гораздо большее значеніе. Въ самомъ звукѣ, по его мнѣнію, сказывается идея, содержаніе слова.

Jako wiatr pędzący wśród światła przestrzeni,
Stosownie do przelotni i swój szum odmieni,
Tak wyrazy są myślom tem, czem wiatrom szumy.

Исходя изъ такого положенія, Бродзинскій требуетъ, чтобы поэтъ стремился выразить свою мысль по возможности самими звуками. Какъ вѣтеръ шумитъ неодинаково въ закрытой и открытой со всѣхъ сторонъ долині, такъ и поэтъ долженъ мѣнять „dzwięk i miarę“ въ соотвѣтствіи съ содержаніемъ своего произведенія. Такія заботы о виртуозности слога, о внѣшней сторонѣ дѣла, какъ извѣстно, всегда характеризуютъ эпохи застоя: общество силится прикрыть

¹⁾ Бродзинскій исходитъ изъ того положенія, что разиѣръ, языкъ, должны быть также подвижны, какъ чувство и мысли. Тоже приблизительно говорить и Воалло:

Prenez mieux votre ton; soyez simples avec art
Sublimes sans orgueil, agréable sans fard.

Горацій разбираетъ этотъ же вопросъ въ „Ars poetica“, ст. 44—98, 448 и т. д.

свою умственную убогость усердіемъ къ мелочамъ ¹⁾. Такъ и было въ Польшѣ начала этого столѣтія. Здѣсь Венжикъ напр., по удачному выраженію Гавалевича, силится пустить кровь рядомъ такихъ совуцій:

Wnet krew w gapach wezbrana trysnęła potokiem.

Каминскій пробовалъ передать въ своихъ стихахъ колокольный звонъ ²⁾; тому же училъ и виленскій профессоръ Боровскій ³⁾. Вторая половина поэмъ „Роезуа“ напечатана только въ 1821 году. По своему содержанию она является какъ-бы стихотворнымъ переложеніемъ статьи „О романтизмѣ“. Поэтъ говоритъ о литературѣ и искусствѣ древней Греціи, затѣмъ переходитъ ко времени рыцарства, когда по мнѣнію поэта

Czuć śród martwéj natury nie był geniusz zdolny;

затѣмъ переходитъ къ нашему времени, говоритъ о „сладкой меланхоли“, которая умироворяетъ человѣка, облегчаетъ его горести, даетъ просторъ стѣсненному чувству, и на лонѣ которой даже пріятно растравлять свои раны. Заканчивается поэма прекраснымъ поэтическимъ періодомъ: требованіемъ народности, указаніемъ того, что должно быть темой нашего романтическаго настроенія.

„На какой землѣ, съ какимъ народомъ разомъ живешь, то и пѣснь твоя должна изобразить. Другіе пусть покоятъ Аркадскіе луга, берега кровавые Скамандра и Сатурна земли. Ты, всюду дорожа прекраснымъ, воспѣвай родимый край и племя близкое тебѣ и чувствами, и нравомъ, и прошедшимъ. Воспой мѣста, гдѣ протекла твоя въ разцвѣтѣ юность, и за которыя неразъ ты пролилъ кровь Сармата, гдѣ голову съдую сложишь ты когда-нибудь, а вѣтви гробъ своей листвою прикроютъ. Изобрази колосевъ море у подошвы Тат-

¹⁾ Культъ формы въ искусствѣ при полномъ равнодушіи къ содержанию и идеѣ въ наше время проповѣдуютъ такъ называемые „парнасцы“, эти реакціонеры въ современномъ искусствѣ, главными представителями которыхъ являются Теодоръ Банвиль, Левонтъ-де-Лиль, Катюль Мендесъ. Ихъ продолжателями и послѣдовательными учениками являются „Декаданы“ (Малларме, Анатолий Бажю и др.). Они издають, начиная съ 1885 года, свой журналъ „Décadent“. Объ этомъ чит. интересный очеркъ В. Г.—ра въ „Русск. Вѣд.“ 1889 г., № 34.

²⁾ Gawalewicz, „Szykce“ 1888, стр. 60.

³⁾ Одынецъ о немъ говоритъ (Wspomnienia, стр. 99): „Sam nawet zbieg brzmienia głosek dostarczał krytykowi wątku, tak do oceny właściwości ich użycia, jak i co do ogólnych uwag w tym przedmiocie“.

ровъ, когда они покорно гнутся предъ свирѣпымъ вѣтромъ, и рѣки, грузяція хлѣбъ, и въ вѣчной зелени лѣса. Стада рисуи, пасущіяся въ полѣ, сады и пасѣи, руины—давней славы скудные остатки, свидѣтели ея, могилы, гдѣ лежатъ съ отчизной разомъ ея дѣти; слѣды дѣянія отцовъ, и нашихъ предковъ, и потомковъ, ихъ; любовь къ землѣ родной связи ты цѣпью неразрывной. Людей учись видѣть въ землякахъ, отъ нихъ черпая вдохновенье, ихъ чувствами согрѣтое имъ посвяти свое ты пѣнье. И слава велика, и дорогъ трудъ того, кто, какъ Красицкій, знаетъ край и, какъ Нѣмцевичъ, его любить!“

Эти превосходные совѣты суждено было выполнить не Бродзинскому, а главнымъ образомъ поэтамъ польско-украинской школы, возникшей и развившейся почти совершенно независимо отъ вліянія нашего поэта, тогда какъ только немногія произведенія Бродзинскаго служатъ практическимъ оправданіемъ его теоритическихъ положеній. Въ этомъ сказывается главная особенность литературной дѣятельности К. Бродзинскаго. Подъ вліяніемъ нѣмецкой критики онъ высказывалъ такія общія положенія, которыя онъ по своему литературному развитію, по запасу впечатлѣній и образовъ, унаслѣдованныхъ отъ предыдущей поры, не могъ оправдать въ своей поэтической дѣятельности.

Въ 1816 году Бродзинскій переводитъ Шиллера однимъ изъ первыхъ, но далеко не первый. Романтики первой, сентиментальной стади развитія предпочитали переводить тѣ произведенія Шиллера, которыя написаны на древнеклассическіе сюжеты; на почвѣ уваженія классической жизни новое и старое направленіе подавали другъ другу руку. Къ тому же такія произведенія, какъ напр. „Кассандра“, по своему направленію отвѣчали настроенію, которое характеризуетъ многихъ поэтовъ начала этого вѣка. Боязнь науки, точнаго знанія, стремленіе изъ міра реального въ міръ иллюзій, желаніе сердцемъ, а не умомъ находить оправданіе въ ужасной судьбѣ вѣщей Кассандры, не знавшей счастья благодаря дару предвѣдѣнія.

Всѣмъ хотѣлось вмѣстѣ съ Кассандрой сказать:

Meine Blindheit gib mir wieder
Und den fröhlich dunkeln Sinn.

Всѣ были согласны въ томъ, что выразилъ такъ удачно Броозинскій по-польски:

Omamienie to jest życie,
Wiadomość śmiercią naszą ¹⁾.

Такимъ же настроеніемъ объясняется, почему Минасовичъ выбралъ для перевода изъ Шиллера извѣстное „Der Taucher“ („Nurek“). Здѣсь такъ же, какъ и въ „Кассандрѣ“, высказывается своего рода предостереженіе пытливому уму, стремящемуся безумно постигнуть истину:

Da unter aber ist's fürchterlich,
Und der Mensch versuche die Götter nicht
Und begehre nimmer und nimmer zu schauen,
Was sie gnädig bedecken mit Nacht und Grauen.

Это уже очевидно было не то настроеніе, которое заставило Лессинга предпочитать исканіе истины самой истинѣ!

Въ русской литературѣ переводъ „Кассандры“ сдѣланъ въ 1809 году. Жуковскому было тогда уже 26 лѣтъ; Бродзинскому исполнилось 25, когда онъ тоже перевелъ „Кассандру“. Небезполезно сличить эти два перевода съ подлинникомъ и опредѣлить степень ихъ вѣрности оригиналу.

Переводная литература имѣетъ огромное значеніе въ исторіи умственнаго развитія общества и его литературы. По вѣрности переводовъ, выбору, ихъ количеству можно составить себѣ вѣрное представленіе о характерѣ извѣстной эпохи, состояніи образованности, настроеніи общества. Въ этомъ отношеніи должно сказать, что Жуковский, да и вообще русскіе переводчики стоятъ несравненно ниже польскихъ переводчиковъ.

Мы сличили съ оригиналомъ многіе переводы Минасовича, Тимовскаго, Каминскаго, Мѣрошевскаго и Бродзинскаго и должны сказать, что всѣ они сдѣланы безукоризненно. Переводы Бродзинскаго исполнены прекрасно; они близки къ подлиннику (строчка въ строчку), вѣрно и отчетливо передаютъ его мысль и при томъ съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ ея оттѣнковъ.

Со временъ Бѣлинскаго у насъ установилось предубѣжденіе, что переводы Жуковскаго превосходны и чуть-ли даже не выше оригинала ²⁾.

¹⁾ „Въ иллювіи жизнь, въ годой истинѣ смерть“.

²⁾ Чит. отзывы Бѣлинскаго о переводѣ „Кассандры“, „Торжества побѣдителей“ въ т. VIII собранія его сочиненій.

Это несправедливо. Внимательное сличеніе русскаго, польскаго и нѣмецкаго текста привело насъ къ заключенію, что русскіе переводы крайне плохи и никакого сравненія не выдерживаютъ съ польскими.

Чтобы не быть голословными, мы разберемъ здѣсь два стихотворенія: „Кассандра“ и „Торжество побѣдителей“, переводъ которыхъ доставилъ Жуковскому громкую извѣстность.

Предлагаемъ взять первые два куплета подлинника: Бродзинскій передаетъ ихъ дословно:

Radość była w Ilione,
 Nim wielkie mury runęły,
 Po lutniach bładzili dłonie,
 Głosem pieśni echa tchnęły;
 Wszystkie wolne spoczywały
 Po łzawych bojach prawice,
 Gdy Peleja syn wspaniała
 Pryama ślubił dziewicę.

Wawrzynami zdobiacz czoła,
 Lud tłumem cisnie się w gwarze;
 Idą wszyscy do kościoła
 Tymbrjskie święcić ołtarze.
 Wrzędzie okrzyk radość wzrusza,
 Brzmią pieśni, bachanstkіe grona,
 Ale tylko jedna dusza
 Tajnym smutkom zostawiona.

Здѣсь только въ первомъ куплетѣ пропущенъ эпитетъ „прекрасную“, и затѣмъ послѣднія двѣ строчки переданы немного не дословно, но равносильно: въ подлинникѣ сказано подробнѣе:

Und in ihren Schmerz verlassen
 War nur eine traur'ge Brust.

Эти же самыя куплеты Жуковскій передаетъ весьма далеко отъ подлинника и въ формѣ крайне неудачной:

Все въ обители Приама
 Возвѣщало брачный часъ:
 Запахъ розъ и омміама,
 Гимны дѣвъ и лирный гласъ.

Спать гроза минувшей брани:
 Щитъ, и мечъ, и конь забытъ;
 Облеченъ въ пурпурны ткани (?)
 Съ Поликсеною Пелидъ. (?)

—
 Дѣвы, юноши четами (? lud!)
 По узорчатымъ коврамъ (?),
 Украшенные вѣнками,
 Идутъ веселы во храмъ.
 Стоны дышутъ вихрамомъ,
 Въ злато царскій домъ одѣтъ.
 Снова счастье надъ Пергамомъ,
 Для Кассандры счастья нѣтъ.

Здѣсь что ни строчка, то передѣлка или самое грубое искаженіе подлинника. Отъ стихотворенія Шиллера здѣсь ничего не осталось кромѣ размѣра. Также неудачно переведены и слѣдующіе куплеты.

Такъ напр., у Шиллера сказано: „Зачѣмъ ты меня съ отератымъ умомъ бросилъ въ городъ вѣчно слѣпыхъ возвѣщать свои оракулы?“ Бродзинскій перевелъ:

Ро со było niewieście и т. д.

Жуковский выразилъ это еще дальше:

Что Кассандрѣ даръ вѣщанья
 Въ семь жилишь скромныхъ чадъ?...

Въ 8-мъ куплетѣ слово *Irrthum* гораздо вѣрнѣе передается польскимъ „omamienie“, чѣмъ русскимъ „незнанье“, которое придаетъ иной оттѣнокъ мысли Шиллера. Только нѣкоторыя строчки Жуковскому болѣе удались.

Въ 9-мъ куплетѣ у него удачнѣе сказано:

Я забыла славить радость,
 Ставъ пророчицей твоей,

чѣмъ у Бродзинскаго:

Odkąd twoje prawdę głoszę
 Straciłam wszelką ochotę ¹⁾.

¹⁾ У Шиллера:

Nimmer sang ich freud'ge Lieder,
 Seit ich deine Stimme bin.

11-й куплетъ переданъ равносильно обоими переводчиками; остальные—гораздо лучше Бродзинскимъ.

Уже изъ приведенныхъ нами отрывковъ можно, думаемъ мы, составить себѣ правильное понятіе о достоинствахъ переводовъ обоихъ писателей.

Что касается самого языка и формы, то нельзя не сознаться, что и въ этомъ отношеніи Жуковскій уступаетъ польскому переводчику. Языкъ Бродзинскаго, насколько мы можемъ объ этомъ судить, не утерялъ и до сихъ поръ еще своей свѣжести, тогда какъ языкъ Жуковскаго положительно устарѣлъ, страдаетъ грамматическими неправильностями, которыя при чтеніи дѣлаютъ невозможнымъ художественное наслажденіе.

Возьмемъ другое стихотвореніе Шиллера „Das Siegesfest“, переведенное Жуковскимъ въ болѣе поздній періодъ его литературной дѣятельности—въ 1828 году, слѣдовательно когда ему было уже 45 лѣтъ. Бродзинскій перевелъ его въ 1819 году ¹⁾.

Уже самое заглавіе „Торжество побѣдителей“ является излишней вольностью. Бродзинскій правильнѣе озаглавилъ: „Obchód zwycięstwa“.

Переводъ стихотворенія „Торжество побѣдителей“ Жуковскимъ особенно хвалить Бѣлинскій и выставляетъ его, какъ образецъ переводовъ и глубокаго пониманія переводчикомъ греческой жизни и ея духа; мы видимъ въ этомъ переводѣ совершенно противоположное.

Разница между русскимъ и польскимъ переводами сказывается съ первыхъ же строчекъ.

„Szczęściem rijane Greki“ ближе къ подлиннику, чѣмъ „побѣдой насыщенный“. Слѣдующая строчка: „I obciążone grabieżą“ совершенно пропущена Жуковскимъ, который, встать сказать, часто ради рифмы и размѣра дѣлаетъ и вставки, и пропуски. Такъ напр., въ слѣдующемъ куплетѣ Жуковскій пропускаетъ цѣлыхъ три строчки подлинника, а оставшуюся одну размазываетъ въ четыре—собственного сочиненія ²⁾.

¹⁾ „Pam. Warsz.“ 1819, XV, 107: „Obchód zwycięstwa“.

²⁾ Бѣлинскій ставитъ эти строчки выше оригинала.

Бродзинскій передаетъ дословно:

W długich rzędach płaczące
Branki trojańskie zasiadły,
Boleśnie w pierś się bijące,
Włos rozpuściły, pobladły ¹⁾).

Мелкихъ ошибокъ у Жуковскаго очень много. Такъ, въ концѣ слѣдующаго куплета *пропущена* предпоследняя строчка:

Ausgefüllt der Kreis der Zeit,

у Бродзинскаго: Czas wykonał drogę smoje. Слѣдующая строчка у Жуковскаго: „Градъ великій *сокрушился*“ просто безграмотна; у *Бродзинскаго* правильно:

Wielkie miasto zwyciężone.

Последнія четыре строчки слѣдующаго куплета, составляющія главную мысль этого стихотворенія, получили въ переводѣ Жуковскаго какой-то сентиментально-меланхолическій оттѣнокъ, совершенно несвойственный духу греческой жизни. Геніальный Шиллеръ умѣлъ проникнуться греческимъ идеаломъ жизни, и его стихотвореніе дышитъ этимъ здоровымъ, радостнымъ весельемъ, радостью бытія, благородствомъ и гуманностью, которыя такъ характеризуютъ грека.

Бродзинскій очень точно переводитъ:

A więc niech wesoło nusa
Wracający się do swych progów.
Zdrowi niechaj sławią bogów,
Bo nie wszyscy zdrowo wróca ²⁾).

¹⁾ У Шиллера:

Und in langen Reihen, klagend,
Sasz der Trojerinnen Schaar,
Schmerzvoll an die Brüste schlagend,
Bleich, mit aufgelöstem Haar.

²⁾ Жуковскій переводитъ:

Счастливъ тотъ, кому *сіянье*
Бытія сохранено,
Тотъ, кому *вкуситъ дано*
Съ *милой родиной свиданье*.

Въ подлинникѣ же мы читаемъ:

Drum erhebe frohe Lieder,
Wer die Heimath wieder sieht,
Wem noch frisch das Leben blüht!
Denn nicht alle kehren wieder.

Въ 5-мъ куплетѣ *Жуковский* передаетъ правильнѣе:

Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей;

но послѣднія двѣ строчки неправдоподобны:

Жены алчуть новизны,
Постоянный миръ имъ страшенъ(?).

Бродзинскій переводитъ согласно подлиннику:

Bo kobieta jest niestała,
Łatwo ją nowość rokona.

Въ 8-мъ куплетѣ *Жуковский* весьма неудачно выражается:

Живъ *презрительный* Терсиль,

и въ послѣднихъ 4 строчкахъ уродуетъ оригиналь такимъ переводомъ:

Смертный! Царь Зевесъ фортунѣ
Своеравной предалъ насъ;
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ ¹⁾.

Гораздо правильнѣе и образнѣе передаетъ это *Бродзинскій*:

Kiedy ślepo dary ciska
Przeznaczenie z swojej skryni,
Dziś niech wesoł dzięki czyni
Ten kto życia los pozyska.

Въ рѣчахъ Неоптолема и Гектора *Жуковский* ослабилъ и измѣнилъ мысль подлинника:

Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Веледушно пролилъ кровь.
Побѣдившимъ—честь побѣды,
Охранявшему—*любовь!*

¹⁾ У Шиллера:

Weil das Glück aus seiner Tonnen
Die Geschicke blind verstreut,
Freue sich und jauchze heut,
Wer das Lebensloos gewonnen!

Въ подлинникѣ выражена прекрасная, возвышенная общая мысль, вѣрно переданная Бродзинскимъ:

Pięknie za ojczyste prawa
W obronie poledź na czele,
Większa jest zwyciężscy sława
Lecz jego piękniejsze cele ¹⁾.

Знаменитыя двѣ строчки послѣдняго куплета:

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

тоже нельзя признать вполне удачнымъ переводомъ словъ Шиллера ²⁾.

Нечего и прибавлять, что и въ данномъ случаѣ переводъ Бродзинскаго правильнѣе.

Итакъ Шиллеръ безспорно ожидаетъ еще русскаго переводчика. Что касается Бродзинскаго, то онъ, какъ переводчикъ, долженъ быть поставленъ высоко ³⁾. Знаніе языка, прекрасный стихъ, пониманіе подлинника—отличительныя черты его немногочисленныхъ, къ сожалѣнію, переводовъ ⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе переводамъ изъ Шиллера Бродзинскій повидимому не придавалъ особеннаго значенія. Послѣ удачнаго дебюта съ переводомъ „Кассандры“ поэтъ замолкаетъ на три года. Въ 1817 году появляется въ двухъ даже переводахъ Минасовича и Тымов-

¹⁾ Въ подлинникѣ:

Der für seine Hausaltäre
Kämpfend, ein Beschirmer, fiel—
Krönt den Sieger gröszre Ehre,
Ehret ihn das schönre Ziel.

²⁾ Въ подлинникѣ: Um das Rosz des Reiters schweben,
Um das Schiff die Sorgen her;
Morgen können wir's nicht mehr,
Darum laszt uns heute leben.

³⁾ Всего Б—скій перевелъ 8 произведеній Шиллера, всѣ съ одинаковымъ достоинствомъ. Нужно замѣтить, что такъ же удачны произведенія и другихъ польскихъ переводчиковъ.

⁴⁾ Переводы Бродзинскаго хвалятъ и Дмоховскій, за исключеніемъ баллады „Rycerz Togenburg“, начало которой, по его мнѣнію, „gazi nadzwyszajną pierorgawnością“; чит. „Gazeta literacka“ на rok 1822, t. I, стр. 121.

скаго гимна Шиллера „*An die Freude*“ (Do radości)¹⁾, и затѣмъ переводы изъ Шиллера наводняютъ всѣ польскіе журналы.

Между тѣмъ Бродзинскій только въ 1819 году вновь отозвался съ переводомъ „*Obchód zwycięstwa*“.

Въ 1820 году онъ переводитъ „*Geniusz*“, „*Poeci starożytne*“, „*Trzy dziedzictwa*“. Въ 1821 являются его „*Szczęście*“²⁾, „*Żale Cegery*“³⁾. Кроме того нужно еще отмѣтить „*Alfred i Malwina*“, „*Kolumb*“, „*Do młodzieńca*“⁴⁾, „*Rycerz Togenburg*“ и нѣсколько мелкихъ переводовъ изъ Гёте.

Чѣмъ объяснить ограниченное количество переводовъ изъ Шиллера въ эпоху общаго имъ увлеченія? Исключительно тѣмъ, что Бродзинскій вовсе не былъ горячимъ поклонникомъ Шиллера, какъ это многіе думаютъ. Шиллера Бродзинскій не вполне еще понималъ. Это подтверждается и отношеніемъ его къ переводу брата „*Орлеанской Дѣвы*“. Мы знаемъ, что прологъ къ ней Бродзинскій далъ для поправки Л. Осинскому; наконецъ и самъ переводчикъ, Андрей Бродзинскій, нашелъ возможнымъ сдѣлать въ драмѣ массу урѣзокъ и измѣненій въ духѣ псевдоклассицизма, которымъ К. Бродзинскій повидимому сочувствуетъ. Какъ извѣстно, въ 1821 году ему удалось напечатать этотъ передѣланный переводъ брата. Ему К. Бродзинскій посвящаетъ извѣстное уже намъ предисловіе, исполненное чувствъ необыкновеннаго уваженія къ покойному брату, и гдѣ онъ между прочимъ заявляетъ, что всѣмъ обязанъ своему брату, благодаренъ и за руководство въ жизни и наукѣ, и за правила, которымъ онъ хочетъ и будетъ слѣдовать до самой смерти. К. Бродзинскій объявляетъ себя такимъ образомъ солидарнымъ со взглядами

¹⁾ „*An die Freude*“ была переводима на польскій языкъ нѣсколько разъ; такъ въ 1821 году напечатанъ переводъ Бруно—Кидцинскаго („*Kantata do Radości*“, „*Wanda*“, 1821 г., т. II, 1—8). Интересъ къ этому гимну радости объясняется, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ 20-хъ годовъ было общимъ убѣжденіемъ, какъ кажется, неосновательнымъ, что слово „*Freude*“ замѣняло по цензурнымъ причинамъ слово „*Freiheit*“—свобода. По крайней мѣрѣ Бетховенъ, взявшій этотъ гимнъ темой для своей 9-й симфоніи, имѣлъ въ виду именно такое пониманіе текста. Чит. Victor Wielder: „*Beethoven, sa vie et son oeuvre*“ Paris, 1883. Вотъ что говорить по этому поводу Nohl въ „*Beethoven's Leben*“: „*Es ist bekannt, dass Schiller ursprünglich sogar gedichtet: „Freiheit, schöner Götterfunken etc.“ (т. III, стр. 903).*

²⁾ „*Pam. Warsz.*“ т. XX. 82.

³⁾ *Ibid.* стр. 447.

⁴⁾ *Ibid.* т. II, 188, 209, 210.

брата и какъ-бы принимаетъ ихъ на свою отвѣтственность. Въ этомъ и сказывается непониманіе Шиллера.

Изъ тѣхъ отрывковъ перевода А. Бродзинскаго, которые мы находимъ въ статьѣ Ходзька ¹⁾, видно, что переводчикъ какъ-бы стыдится религіознаго вдохновенія героини. Какъ поэтъ XVIII вѣка, онъ не рѣшается идти противъ формъ и требованій господствующаго вкуса и всюду передѣлываетъ монологи Иоанны Д'Аркъ, выкидывая иногда самыя лучшія мѣста или замѣняя ихъ безцвѣтными и вялыми деистическими сентенціями. Самъ переводчикъ не скрываетъ этого, указывая въ своемъ предисловіи, что „онъ старался устранить тѣ мѣста, которыя противны общимъ правиламъ и вкусу“. Онъ выражаетъ огромное удовольствіе по поводу того, что „въ его переводѣ найдется немного такихъ мѣстъ, въ которыхъ можно признать слѣды нѣмецкаго вкуса“! И дѣйствительно переводчикъ не стѣснялся съ Шиллеромъ! ²⁾ Такъ-какъ К. Бродзинскій ничего не говоритъ по поводу этихъ поправокъ, то нужно думать, что онъ и самъ съ ними былъ согласенъ.

Возвращаясь къ 1816 году, отмѣтимъ еще два стихотворенія Бродзинскаго: „Ofiaga“—идиллія, и „Zle i dobrze“—дидактическое стихотвореніе; въ обоихъ замѣтно сильное классическое вліяніе. 1817 годъ не богатъ произведеніями К. Бродзинскаго: „Oda Korczyńskiemu“, „Dobranoc“, „Sztuki piękne“—драматическая сцена, написанная по случаю празднованія годовщины открытія „Національн. театра“; „Prasa“, небольшая повѣсть въ стихахъ, басня „Sroka“, „Pieśni Magadaskaru“—вотъ и все.

• Въ одѣ Копчинскому для насъ важны послѣдніе три куплета, въ которыхъ Бродзинскій говоритъ о любви къ родному языку и необходимости его разработки.

Czcij twój język, Lechów rodzcie...

Znaj w języku obraz własny...

Wieczna w tym języku chwała—

таковы мысли, высказываемыя поэтомъ въ этой одѣ; подробнѣе онѣ

¹⁾ „Wzmianka o życiu..“ Wilno, 1845.

²⁾ Интересующійся найдетъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ передѣлокъ въ статьѣ Ходзька „Wzmianka o życiu..“ стр. 51 и слѣд.

развиты въ элегіи „*Żal za polskim językiem*“ 1818 г. ¹⁾). Сцена „*Sztuki piękne*“ навѣяна, кажется, стихотвореніемъ Шиллера: „*Die Huldigung der Künste*“, но ничего оригинальнаго изъ себя не представляетъ. Повѣсть „*Prasa*“ небольшое дидактическое стихотвореніе, написано, вѣроятно, для дѣтей, но напечатано въ „*Ram. Warszawa*“ ²⁾). Авторъ рассказываетъ о двухъ посланницахъ Бога: „*Fortuna*“ и „*Prasa*“. Скромная „*Prasa*“ (трудъ), получаетъ отъ автора должную хвалу: она даетъ свободу, счастье, благополучіе. Въ разсужденіяхъ поэта звучитъ обычная идиллическая нотка. Онъ совѣтуетъ всѣмъ труженикамъ съ „*цвѣтущимъ здоровьемъ*“, чуждаться замковъ и городовъ, не завидовать богачамъ, весело распѣвая пѣсни, потому-что

*Prasa skarbiec dziedziczy,
Którego nigdy nie zliczy* ²⁾).

Слѣдуетъ упомянуть еще о стихотвореніи „*Dobranoc Wiesławowi*“, изъ котораго видно, что авторъ замышлялъ уже въ этомъ году свою знаменитую поэму „*Вѣславъ*“ ³⁾).

Въ этомъ же 1817 году появилось первое изданіе стихотвореній Бродзинскаго. Это былъ маленькій сборничекъ, in 4-о, въ 32 неперенумерованныхъ странички. Изданъ онъ былъ по просьбѣ известнаго варшавскаго композитора и музыканта Іосифа Эльснера, автора изслѣдованія: „*Zasady o metryczności języka polskiego*“. Бродзинскій тоже занимался вопросомъ о польской просодіи и вмѣстѣ съ Эльснеромъ пробовалъ замѣнить неуклюжій силлабъ тоническимъ размѣромъ. Съ этою цѣлью онъ написалъ десять стихотвореній трохайческимъ, дактилическимъ и адоническимъ размѣромъ ⁴⁾).

¹⁾ А также и въ „*Одѣ къ Линде*“.

²⁾ „Трудъ доставитъ сокровища, которыхъ и не перечесть“.

³⁾ Чит. напр.:

*Naj awie twoje myśli jedno
Nie we śnie ciebie upoją;
Śnij sobie jakbyś już swoją
We wrota przywiózł Halinę.*

⁴⁾ А именно; „*Pasterka*“ (трохайч.-адон. разм.), „*Mikon*“, „*Filon*“ (дакт.—трох.), „*Matka i dziecię*“ (дакт.—адон.), „*Gołąbki*“ (первый и третій стихъ — трохей, второй — дакт. четверт. — адонич.), „*Teżkna*“ (дакт. и трохей), „*Brat i siostra*“ „*Wiosna*“ (трохей), „*Przodkowie*“ (1-й и 4-й — адонич. 5—6 трохей). „*Muza wiejska*“ (первые четыре строчки трохич., 2-е четыре — адонич., 3-е четыре сапфич., 4-е четыре — дактич., затѣмъ снова трох., и т. д.), „*Prasa*“ (трох.-адон.).

Этому сборнику Бродзинскій предпослалъ небольшое предисловіе, въ которомъ защищаетъ тоническій размѣръ и между прочимъ говорить: „въ отвѣтъ на возраженіе, что этотъ размѣръ можетъ затруднить пишущаго болѣе, чѣмъ придать красоту поэтическимъ произведеніямъ, приведу доказательства изъ собственнаго опыта, что метрическій размѣръ не только не увеличиваетъ трудностей, но даже наоборотъ—становится прекраснымъ руководителемъ для привычнаго и музыкальнаго уха; и если рѣшмы, при метрическомъ размѣрѣ, не составляющія необходимаго украшенія стиха, *иногда и наталкиваютъ на счастливыя мысли* ¹⁾, то чаще онѣ задерживаютъ ихъ пріятное принужденіе размѣра, почти такъ же, какъ музыка пробуждаетъ, поддерживаетъ и возноситъ наше чувство... Другое возраженіе, что этотъ размѣръ грозитъ однообразіемъ, еще неосновательнѣе: напротивъ—размѣръ, украшая стихи соответственнымъ и упорядоченнымъ разнообразіемъ, дѣлаетъ ихъ и болѣе обработанными, и блестящими (*wydatna*)“ ²⁾.

Попытки писать тоническимъ размѣромъ не встрѣтили должной поддержки въ польскихъ поэтахъ и потому были оставлены и самимъ Бродзинскимъ; въ другихъ его стихотвореніяхъ мы находимъ обычный силлабъ.

Весъ 1818 годъ у Бродзинскаго повидимому ушелъ на писаніе статьи „О романтизмѣ“ и потому небогатъ поэтическими произведеніями. Въ началѣ года появляется въ „*Pam. Warsz.*“ извѣстное уже намъ стихотвореніе „*Matka i dziecię*“, затѣмъ въ слѣдующихъ №№ этого же журнала тянется „*Rozprawa o klassycznosci i romantycznosci*“, и только въ послѣднихъ трехъ книжкахъ „*P. W.*“ появляются переводы—изъ Оссіана „*Baraton*“ ³⁾, элегія Тибулла „*Do pokoju*“ и наконецъ знаменитая элегія: „*Żal, za polskim językiem*“ ⁴⁾.

Какъ въ переводахъ изъ Шиллера, такъ и изъ Оссіана Бродзинскій не былъ первымъ. Еще въ 1815 году въ томъ же „*Pam. Warsz.*“ (не говоря уже о переводахъ XVIII ст.) былъ напечатанъ переводъ изъ Оссіана Островскаго („*Bitwa pod Łoga*“), затѣмъ въ

¹⁾ Совершенно вѣрное наблюденіе, приводимое Бродзинск. и въ курсѣ эстетикѣ!

²⁾ Chodźko „*Wzmianka...*“, стр. 75—78.

³⁾ „*Pam. Warsz.*“ t. XII. 64, 86.

⁴⁾ Ibid.

1816 году переводы изъ Оссіана такъ же многочисленны, какъ и переводы изъ Шиллера.

Въ предисловіи къ „Баратону“ Бродзинскій заявляетъ, что „онъ шелъ болѣе за чувствами, чѣмъ за словами, стараясь только сохранить лирической характеръ произведенія и его размѣръ“ ¹⁾.

Сильное впечатлѣніе на общество произвела элегія „Żal za polskim językiem“ ²⁾, въ которой поэтъ ратуетъ противъ чужеземщины и главнымъ образомъ противъ галломаніи.

Въ это время всюду еще въ образованномъ обществѣ царилъ французскій языкъ. Родная рѣчь была почти совсѣмъ забыта. Даже многія газеты выходили на французскомъ языкѣ; такъ напр. во Львовѣ существовала съ 1776 года въ теченіи 11 лѣтъ „Gazette de Léopol“ ³⁾.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если польскій языкъ остановился въ своемъ развитіи, огрубѣлъ, сдѣлался неудобнымъ для употребленія въ кругу людей образованныхъ ⁴⁾. Бродзинскій съ грустью пишетъ, что:

Nie po polski do swoich ojców mówią dziatki,
Już polki nie rozrzewnia święte słowo matki.
Przestała luba dziatwa pieścić mowę dziadów;
Przy ucztach w zamkach ojców nie masz Polski śladów... ⁵⁾.

¹⁾ Поэту Дмоховскій и не признаетъ ихъ удовлетворительными, „Gaz. literacka“, 1822 г., т. II, стр. 121.

²⁾ „Paw. Warsz.“ XII, 417. Въ пованскомъ изданіи ея нѣтъ.

³⁾ Sowiński—Zdanowicz, „Rus dziejów...“, стр. 407.

⁴⁾ Т. Sierociński въ „Pam. Nauk“. 1819 года въ статьѣ „O uszczeniu się języków“ тоже жаловался на то, что благодаря „безумному“ увлеченію французскимъ языкомъ въ рѣдкомъ польскомъ домѣ знаніе родного языка стоитъ на должной высотѣ. Вопросу о развитіи родного языка очень много мѣста удѣляла и редакція журнала „Świczenia Naukowe“ (1818 г.). Чит. напр. того же Т. Сѣроцинскаго „O doskonaleniu mowy ojczystej i o układzie nowego już ukończonego słownika“. Тамъ же было напечатано стихотворное посланіе Раймунда Корсака „Do Aloizego Osińskiego по поводу его словаря, и въ немъ встрѣчаются между прочимъ такіа строчки:

Jest naród, żyje mowa najolfitsza z matek;
Tyś nam dał onój poznać zwinność i dostatek!
(„Świcz. Nauk.“, 1818, str. 114).

⁵⁾ „Не по-польски дѣти говорятъ съ отцами, и святое слово уже польскіа матери въ восторгъ не приведетъ. Дѣти не лелѣють прадѣдовъ языкъ, на шпрахъ по замкамъ слѣда Польши не осталось...“ Въ тѣхъ же цѣляхъ въ 1820 году Бродзинскій перевелъ посланіе (латинское) польскаго лирика Сарбѣвскаго „Къ енива-

Элегія оказала желанное дѣйствіе на общество, вездѣ стали изгонять изъ салоновъ французскій языкъ, замѣняя его роднымъ, польскимъ; извѣстно, что Клементина Танская обязана этому стихотворенію тѣмъ переломомъ въ ея умственномъ развитіи, которымъ опредѣлилась вся дальнѣйшая ея дѣятельность, какъ писательницы—патріотки ¹⁾.

Одынецъ въ своихъ „Wspomnieniach“ сообщаетъ, что въ началѣ 20-хъ годовъ это стремленіе къ родному сдѣлалось своего рода модой и дошло до крайностей, вызывавшихъ между прочимъ неудовольствіе самого Бродзинскаго. Во многихъ домахъ былъ положенъ штрафъ за каждое иностранное слово, произнесенное въ разговорѣ, и кружка, куда собирались деньги отъ штрафовъ, всегда находилась между присутствующими, часто стѣсняя самихъ бесѣдующихъ и дѣлая ихъ бесѣду крайне принужденною.

Элегія „О польскомъ языкѣ“ и статья „О романтизмѣ“ доставили Бродзинскому серьезную извѣстность. Его имя сдѣлалось популярнымъ во всемъ царствѣ польскомъ „od morga do morga“. Ни одинъ изъ позднѣйшихъ болѣе талантливыхъ писателей не выступалъ еще на литературной аренѣ, самъ Мицкевичъ не былъ еще свободенъ отъ узъ псевдоклассицизма; всѣ взирали на молодого Бродзинскаго, какъ на восходящее свѣтило польской поэзіи. Бродзинскому было уже 27 лѣтъ—возрастъ, когда талантъ вполне опредѣляется и крѣпнетъ; умственное развитіе тоже достигаетъ къ этому времени полной зрѣлости. Въ этомъ возрастѣ Байронъ былъ уже извѣстенъ, какъ авторъ „Гяура“, Шиллеръ написалъ „Коварство и любовь“, „Донъ Карлоса“; Мицкевичъ, Пушкинъ и многіе другіе писатели въ такомъ возрастѣ создали лучшія свои произведенія. Дѣйствительно и у Бродзинскаго годы 1819 и 1820 были временемъ полного разцвѣта его поэтическаго таланта.

намъ“—содержаніе котораго, какъ видно уже изъ самого эпиграфа: „Exteros mores prohibete“, направлено противъ увлеченія иноземнымъ:

Obce zwyczaj, Tebanowia, znieście,
Pamięci ojców dajcie dostęp w miejscu,
Cnoty nad dziadów, stare obyczaj
Niech skłonna dziatwa poznaje.... а т. д.
(„Pam. Warez.“ т. XVII. 448)

¹⁾ Wójcicki, „Hist. literatury polskiéj“ Warsz. 1879, стр. 398.

Въ 1819 году появляется лучшая его послѣ „Вѣслава“ идиллія „Oldupa“¹⁾, а въ началѣ слѣдующаго года знаменитый „Вѣславъ“. Въ этому же времени, по всей вѣроятности, относится и третья идиллія „Czegniaków“, о которой мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ точныхъ хронологическихъ данныхъ. Изъ этихъ трехъ идиллій, меньшая — „Czegniaków“ — написана въ шутивомъ эротическомъ тонѣ и болѣе другихъ напоминаетъ раннія произведенія нашего поэта. Въ свое время она очень нравилась сентиментальной, влюбчивой молодежи²⁾. Поводомъ къ написанію ея послужилъ дѣйствительный случай³⁾, героиней котораго была госпожа Kohler Jozefowa, урожденная Коссовская, вѣроятно, дочь купца, имѣвшаго лавку бакалейныхъ товаровъ на улицѣ Долгой противъ заведенія Піяровъ, гдѣ, какъ извѣстно, преподавалъ Бродзинскій съ 1818 года. Неподдалеку отъ Варшавы находится деревушка Черняковъ съ костеломъ и монастыремъ Бернардиновъ, основанномъ еще въ XVII вѣкѣ гетманомъ Станиславомъ Любомирскимъ. Въ лѣтнее и весеннее время сюда обыкновенно предпринимаютъ варшавяне прогулки, соединяя увеселительныя цѣли съ религіозными. Разъ какъ-то весенней порою направился туда и нашъ поэтъ (рассказъ ведется отъ перваго лица). Отдѣльно отъ толпы беззаботныхъ прохожихъ шелъ онъ тропинкой по желтѣющей нивѣ грустный и одинокій, потому-что „никакая стрѣла не коснулась еще его груди, и кромѣ страданій и безпокойства онъ ничего не извѣдалъ изъ чаши любви“. Вдругъ видитъ онъ на той же тропинкѣ двѣ женскія фигуры. Самъ не зная почему, замедляетъ онъ шаги и ждетъ, пока не поравняется съ незнакомками; это были мать и дочь.

Jednej łagodność jasniała w oku,
A druga skromna, urodna, młoda,
Tak miła, jako w maju pogoda⁴⁾.

1) Напеч. въ „Pam. Naukowy“, 1819, t. I, стр. 86—90.

2) „Черняковъ“ очень хвалитъ г-жа Е. Земенская въ своей статьѣ о Бродзинскомъ. Она говоритъ:—„Znajdujemy tu śliczny Czerniaków. Która ż literatura pokazuje nam również sielski i doskonały utwór? To jest wyłącznie polska poezya“..... „Pielgrzym“, 1844, t. II, „Rozbior dzieł Kaz. B—ego“, стр. 197.

3) Piśma K. B—ego, t. I, 99. на яз. р. L. W.).

4) „Одна была привѣтливая съ виду; другая молода, скромна, статна и такъ мила, какъ майская погода“.

Онъ поклонился; ему отвѣтили; онъ идетъ рядомъ и заводитъ скромный разговоръ; ему привѣтливо и такъ же скромно отвѣчаютъ:

.....Mówiły do mnie—

Matka łagodnie, a córka skromnie ¹⁾).

Въ Черняковѣ ярмарка; каждый покупаетъ на ней какую-нибудь бездѣлушку, чтобы принести ее въ жертву Богу.

Дѣвушка, смѣясь и краснѣя, купила младенца и сердце. Поэтъ, побуждаемый милыми глазками, тоже купилъ себѣ—сердце и домикъ. Разомъ кладутъ они купленные вещи передъ иконой Божіей Матери; дѣвушка, воспитанная въ строгихъ правилахъ, становится рядомъ съ матерью на колѣна и молится, вся отдаваясь религіозному чувству, такъ-что „какъ-бы часть божества сіяла въ ея очахъ“. Поэту, конечно, было не до молитвы. По выходѣ изъ церкви она покупаетъ колечко и даритъ ему; онъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же; при этомъ лицо ея зарумянилось, а онъ былъ самъ не свой. По дорогѣ подають они милостыню нищему, и тотъ благославляетъ ихъ. На это благословеніе „она заглянула поэту въ глаза; онъ же подумалъ, что это былъ гласъ пророческій“.

Скромная бесѣда не прерывается за все время обратнаго пути.

Szedłem, mówiłem; mówiły do mnie—

Matka łagodnie, a córka skromnie.

Онъ покупаетъ цвѣтовъ, она дѣлаетъ изъ нихъ вѣнокъ и надѣваетъ на голову. Дорога прошла незамѣтно; вотъ ужъ и городъ; мать приглашаетъ его зайти къ нимъ, и онъ, самъ не зная какъ, очутился въ ихъ убогомъ помѣщеніи.

Nie wiem też, co mię zostać zmusiło;

Miłości dziecię pewnie to było ²⁾).

Какъ „ртуть“, вертится дочь по комнатамъ, готова скромную вечерю. Цвѣты она поставила частью у себя надъ кроватью, частью у матери. Время однако идетъ; вотъ бьютъ „суровые часы“ десять; пора уходить. Печаль затуманила его очи, когда пришлось въ знакъ

¹⁾ „Мнѣ отвѣчали: мать любезно, дочка скромно“.

²⁾ „Не знаю, что меня заставило остаться,—дита любви то, вѣроятно, было“.

прощанья цѣловать ея ручку; она же повернулась къ матери и своимъ взоромъ какъ бы просила ее сказать гостю любезное слово:

To ja zważając, stałem jak niemy,
J rzekła matka: szczęściej prosiemy ¹⁾.

Съ чувствами радости и грусти возвращается поэтъ домой и никакъ не можетъ сообразить, что съ нимъ случилось.

Miłości dziecię pewnie to było;
Razem mię truło, razem leczuło.

Но и онъ, и она не могутъ забыть другъ друга. Онъ говоритъ:

Już ten los słodki nie uleczony
O! Czerniakowa pamiętne dzwony!
Noweście dla mnie głosiły życie
Wciąż mi odtąd w uszach dzwonicie ²⁾.

Она тоже поэтъ на другой день утромъ:

Tylko w polach Czerniakowa
Przy młodziencu myśl się bawi.
Wciąż w ustach żebraka słowa:
„Niechaj Bóg was błogosławi“! ³⁾.

На этомъ рассказъ обрывается. Мы не узнаемъ дальнѣйшей судьбы влюбленныхъ, но каждый можетъ ожидать счастливаго и желаннаго конца.

Все это передано мило и граціозно; частое повтореніе нѣкоторыхъ строчекъ, ссылка на проказника—шалуна, мальчишку любви, безыскусственный, простой языкъ дѣлаютъ эту сентиментальную идиллію удобочитаемою даже теперь.

Гораздо болѣе глубокой смыслъ имѣетъ идиллическая поэма или, какъ ее называетъ поэтъ, „галиційская дума“—„Ольдина“. Здѣсь рассказана необыкновенно просто и трогательно грустная исторія бѣдной крестьянки, мужа которой тотчасъ же послѣ свадьбы увели въ солдаты безжалостные австрійскіе сборщики. Ольдина, не смотря

¹⁾ „Это замѣтивъ, я сталъ въ ожиданьи: „просимъ бывать“, моявила мать“.

²⁾ „О сладкій ненаглядный жребій мой, о памятный звонъ Черняковскихъ колоколовъ! Вы новую жизнь мнѣ возвѣстили, и всё въ ухахъ стоитъ вашъ звонъ“.

³⁾ „Лишь къ нему на поля Чероякова уношуся мечтою, и нищаго слова всё просятся мнѣ на уста: пусть васъ самъ Богъ благословить“.

на свое придуманное имя, уже не сентиментальная пастушка, какъ тѣ, о которыхъ мы говорили при разборѣ „Крестьянскихъ пѣсенъ“. Она не теряетъ времени въ сентиментальномъ бездѣльи, она страдаетъ вполне искренно, проливаетъ горькія слезы, каждый день приходитъ съ горячей молитвой къ церковному порогу, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ о дѣлѣ. Правда, въ уваженіе къ прошлому поэтъ надѣляетъ ее довольно чистой работой: мы застаемъ ее молящейся у храма послѣ того, какъ она принесла изъ лѣсу цѣлую вязанку хворосту. Сбросивъ съ себя эту тяжелую ношу, съ молитвой падаетъ она на колѣни передъ ликомъ Божьей Матери и проситъ помощи и заступничества въ несчастіи. Дѣло не обходится, конечно, безъ нѣкоторыхъ прикрасъ.

Такъ напр., Ольдина, рассказывая о своемъ несчастіи прохожему, тронутому ея безутѣшнымъ горемъ и слезами, выражается возвышенно, что ей жалко мужа не только потому, что онъ можетъ лишиться жизни въ бою, но также и потому, что ему придется служить чужому Государю, и, быть можетъ, проливать кровь своихъ же земляковъ или умереть отъ братней руки.

Nie życia meża żałuję ja biedna,
Ale niewoli, *ale jego stanu.*
Ja bez pomocy zostałam się jedna,
A on obcemu służyć musi Panu.

Въ общемъ однако рассказъ несчастной женщины правдивъ и вызываетъ сочувствіе къ ея горю. Еще съ дѣтства любили они другъ друга друга; родители согласились на ихъ бракъ и поставили для нихъ новую избу. Во время самой свадьбы, подъ часъ веселой свадебной пирушки, внезапно ворвались наборщики и забрали мужа у порога счастья.

Описаніе свадьбы не чуждо этнографической вѣрности. Выступаютъ дружки, сваты и всѣ другія участники крестьянскаго свадебнаго ритуала. Дружки поютъ грустную пѣсню „про хмель“; паробки, повязанные платкомъ (*chustka*), окружаютъ молодыхъ, гарцуя на коняхъ; съ пѣснями и музыкой выступаетъ свадебный поѣздъ; веселье общее: дружки танцуютъ по дорогѣ, бойко прихлопывая о землю стальными подковками; картина живая и естественная. Переходъ отъ описанія свадьбы къ рассказу о слѣдующихъ затѣмъ событіяхъ

тоже очень простъ, вѣрнѣе и въ психологическомъ, и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Олѣдина обрываетъ разсказъ о свадьбѣ сразу, переходя къ слѣдующему совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ крестьянки,—*ex abrupto*.

Weszli wojacy z cesarskiego kraju,
Inni tajemnie chatę obstarpiłi,
Sąsiad pił do nich miód według zwyczajui,
Oni szyderco starca potracili ¹⁾.

Разсказъ, какъ и въ идилліи „Черныяковъ“, обрывается; окончанія нѣтъ, печаль остается печалью, страданья—страданьями, и ничто не измѣняется. Впрочемъ, общій грустный тонъ поэмы умѣряется сочувствіемъ земляка, выражающаго свое соболѣзнованіе слезами. „Онъ вспомнилъ при этомъ свои молодые годы, вспомнилъ давно заржавѣвшую саблю, которая виситъ теперь безъ дѣла на стѣнѣ, и съ которой въ рукахъ, какъ полякъ, бился онъ за свободу родины“.

Своего рода художественное успокоеніе получается, по вѣрному замѣчанію Хмѣлевскаго ²⁾, подъ вліяніемъ величественной картины безмятежной и вѣчно спокойной природы, описаніе которой даетъ намъ авторъ въ началѣ разсказа:

Na czarnej górce, w powalonym lesie
Widać z modrzewin kosciołek ubogi;
Z szumem list suchy wiatr w dolinie niesie;
Wozy wzruszonym pyłem znaczą drogi;
Ustały w polu za pługiem odgłosy;
Po mału dążą z polu ciężkie wółki;
Niosą sieroty uronione kłosy,
A dzień żegnają jodłowe wierzchołki;
Chmurki, igrając pod tarczą księżycy,
Przechodnie cienie ścielą na pnie suche;
Z gór wędrująca kłótniwa krynica
Z głuchem mruczeniem mija pola głuche.

¹⁾ „Пришли воики изъ цесарской земли, тихонько обступили вокругъ хату; со-сѣдъ по обычаю медъ предложилъ имъ пить за здоровье, они же надъ нимъ надругались, избивъ“....

²⁾ „Studia i Szkycy“...

³⁾ „На черной горѣ, въ глухомъ лѣсу стоитъ костель убогой. Внизу же вѣтеръ съ шумомъ листь сухой разноситъ, возы дорогу кажутъ поднятою пылью; ужъ на поляхъ затихли голоса за плугомъ; бредутъ домой усталые волы, и колосья оброненныя сироты собираютъ; а дню верхушки елей шлютъ привѣтъ прощальный, рѣвывая; на мѣсяцъ тучи набѣгаютъ, причудливую тѣнь на лѣсъ выдая; изъ горъ бѣжитъ бурливый ручеекъ и съ рокотомъ глухими поля затихшія минуетъ“.

Сентиментальная поэзія не знала описаній, она вся ушла въ личное чувство, она не понимала природы и не умѣла ее изображать. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ произведеніяхъ Бродзинскаго это первый художественный пейзажъ, первый шагъ къ выходу изъ сентиментализма. До сихъ же поръ его описанія были также общими мѣстами.

Художественная картина природы, среди которой происходятъ событія, нѣсколько умѣряетъ тяжелое впечатлѣніе отъ разсказа крестьянки. Къ тому же ея личное горе какъ-бы тонетъ въ морѣ общественныхъ бѣдствій всего народа... Все это придаетъ поэмѣ Бродзинскаго особенный, минорный характеръ. Но этотъ скорбный аккордъ разрѣшается полнымъ успокоеніемъ благодаря законченности общаго впечатлѣнія. Еще одинъ только шагъ нужно было сдѣлать поэту на встрѣчу народности, и „Вѣславъ“ былъ готовъ. Поэтъ создалъ это лучшее свое произведеніе и скромно замолкъ. Небольшая поэма всего въ 800 стиховъ исчерпала весь ограниченный запасъ наблюдений и образовъ, хранившихся въ его душѣ. Тщетно старался онъ потомъ создать что-нибудь болѣе крупное и оригинальное, — ему не хватало силъ, не хватало таланта, знаній, поэтическихъ впечатлѣній.

Хотя вліяніе этой поэмы Бродзинскаго на поэтическое развитіе молодыхъ писателей было не такъ велико и продолжительно, какъ это многіе думаютъ, и вскорѣ послѣ появленія „Вѣслава“ мы видимъ на литературной аренѣ цѣлую группу болѣе талантливыхъ писателей, затмившихъ своими произведеніями скромнаго поэта изъ Королевки, — тѣмъ не менѣе появленіе „Вѣслава“ все же было немаловажнымъ событіемъ въ польской литературѣ, и мы считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на этомъ произведеніи.

Содержаніе поэмы несложно. Дѣйствіе происходитъ неподалеку отъ Кракова, въ селѣ Прошковскомъ, въ началѣ этого столѣтія.

Герой поэмы, Вѣславъ, — молодой парень, сирота, отправляется по порученію своего названнаго отца въ Краковъ, чтобы купить тамъ лошадей. На обратномъ пути онъ встрѣчается съ молодой дѣвушкой, которая ему очень нравится, и которая оказывается затѣмъ погибшей безъ вѣсти дочерью опекуновъ Вѣслава. Все оканчивается веселой свадьбой. Названный отецъ Вѣслава называется Станиславомъ, мать — Брониславой. Рядомъ съ этими главными персонажами

выступаютъ еще три второстепенныхъ дѣйствующихъ лица: старый Янъ— „самая умная голова во всемъ околоткѣ“, всеобщій кумъ и совѣтчикъ, идеаль простаго мужицкаго здраваго смысла и рассудительности,—затѣмъ младшая дочь Станислава и Брониславы—Бронника, и Ядвига, бѣдная, но честная старуха—вдова, живущая въ наемной избѣ и пріютившая Галину.

Въ самомъ началѣ поэмы мы узнаемъ, что опекуны приняли Вѣслава, какъ сироту, подъ свою стрѣху вмѣсто утерянной когда-то двѣнадцать лѣтъ назадъ дочери Галины. Тяжелое то было времечко; врагъ жегъ поля и земли; бѣдный людъ былъ страшно разоренъ. Опасаясь разбоевъ, грабежа, поборовъ, крестьяне скрывались въ лѣсу, кто какъ могъ:

Gdy wojna polskie dobijała plemię,
W pustkach wsi stały, a odłogiem ziemi;
Okolnych lasów i wiosek pożary
Gniewu Bożego zwiastowały kary.

Враги заглянули и въ тихій пріютъ, гдѣ жили родители Галины, налетѣли, какъ вѣтеръ, и сожгли село.

Въ темную ночь, въ вихрѣ пожара среди общаго смятенія и переполоха исчезаетъ безслѣдно нятилѣтняя Галина. „Какъ камень, брошенный въ Вислу, на вѣки исчезла она“. Поиски родителей ни къ чему ни привели; мать исходила окрестныя села, поля и лѣса, нигдѣ никакихъ слѣдовъ утерянной дочки. Со смиреніемъ простыхъ людей, не мудрствующихъ лукаво, покоряются они неисповѣдимому предопредѣленію Божію, принимаютъ на воспитаніе Вѣслава въ надеждѣ, что, можетъ быть, умилостивятъ тѣмъ небо, которое заплатитъ имъ за ихъ любовь и милосердіе.

Bo gdzie sierota przyjęta pod strzechę,
Tam z nie bęm bliższy Bóg zsyła pociechę¹⁾.

Быть можетъ, и ихъ дитя тоже нашло покровительство и защиту у добрыхъ людей. Съ этими мыслями воспитали они Вѣслава, окруживъ его самымъ нѣжнымъ уходомъ и попеченіемъ.

Litość za litość! Niebieska opieka
Tajnie nagradza uczynki człowieka²⁾.

¹⁾ „Гдѣ сирота подъ стрѣху принята, тамъ Богъ свое шлетъ утѣшеніе“.

²⁾ „Милость за милость. Опека небесъ дѣла людіа втайнѣ награждаетъ“.

Вѣра въ милость Божию не обманула простодушныхъ людей. Галина наплась. Это случилось такъ. Исполнивъ въ Краковѣ всѣ порученія отца, Вѣславъ возвращался домой.

Już wonny wieczór uśmiechał się ziemi,
Gdy wracał Wacław z końmi kupionemi.
Z przydrożnej wioski rozlega się granie
Słuchać wiesole płąsy i spiewanie ¹⁾.

Вѣславъ любитъ повеселиться; торопится ему незачѣмъ, порученіе выполнено; отчего же не поплясать, когда представился удобный случай. Вѣславъ останавливаетъ коней.

На лугу онъ застаётъ цѣлую группу молодыхъ деревенскихъ красавицъ въ вѣнкахъ изъ розъ и парней, весело цокающихъ своими стальными подковами. Староста (голова паробоевъ) радушно привѣтствуетъ путника отъ имени всей веселящейся молодежи; красавица Галина, стыдливо краснѣя, подаетъ ему плоды и хлѣбъ изъ своей корзинки и проситъ ихъ отвѣдать... Вновь заиграла музыка, Вѣславъ подбоченился, заложилъ руки за поясъ, кинулъ музыкантамъ горсть серебра и, топнувъ ногой, наклонивъ голову немного къ землѣ, пустился въ плясъ, импровизуя слова удалаго краковяка:

„Niech że ja lepiej nie żyję
Dziewczę! Skarże moje!
Jeśli kiedy oczka czyje
Milsze mi nad twoje.
Patrzaj że mi prosto w oczy
Bo widzi Bóg w niebie
Że mi ledwo nie wyskoczy
Serduszko do ciebie!“ ²⁾.

Только съ разсвѣтомъ возвращается Вѣславъ домой печальный и задумчивый. Онъ знаетъ, что давно уже опекуны прочать за него Бронику и ждутъ не дождутся того времени, когда она подростетъ,

¹⁾ „Ужъ вечеръ благовонный землѣ усмѣхался, когда подъѣзжалъ домой Вѣславъ съ купленными лошадьми. Изъ придорожной деревушки доносилось пѣнье, были слышны музыка и танцы“.

²⁾ „Лучше мнѣ не жить на свѣтѣ, дѣвица сокровище, если очи чьи-нибудь мнѣ твоихъ милѣе. Ты жъ гляди въ глаза мнѣ прямо: видитъ Богъ на небѣ, мое сердце изъ груди такъ къ тебѣ и рвется“.

и можно будетъ сыграть веселую свадьбу. Но у Вѣслава соврѣло иное рѣшеніе. Немедленно же по возвращеніи домой объясняетъ онъ родителямъ свое положеніе, благодаритъ ихъ за ласку и пріютъ, проситъ отпустить на всѣ четыре стороны. Сердце его осталось тамъ, гдѣ онъ встрѣтилъ Галину; онъ не хочетъ быть неблагодарнымъ и ѣсть хлѣбъ людей, надежды которыхъ такъ безжалостно разбилъ. Мать съ плачемъ и стыдомъ принимаетъ это извѣстіе; изъ устъ Станислава готовы сорваться слова укоризны, но всѣхъ выручаетъ мудрый кумъ. Онъ совѣтуетъ дать волю чувствамъ Вѣслава и тутъ же предупредительно предлагаетъ свои услуги,—отправиться въ то село, гдѣ живетъ Галина, и все, какъ слѣдуетъ, развѣдать. Ловкій и хитрый, какъ Одиссей, сладкорѣчивый, какъ Несторъ, быстроумный Янъ — первая голова во всемъ околоткѣ — быстро облаживаетъ дѣло. Узнавъ изъ разсказа Ядвиги, что Галина не родная, а пріемная дочь, онъ быстро смекаетъ, въ чемъ дѣло, и привозитъ въ село Прошиковское—родителямъ утерянную дочь, а Вѣславу жену. Такова незамысловатая фабула идилліи. Но на этой канвѣ поэтъ создалъ довольно изящный рисунокъ. Онъ обставилъ разсказъ рядомъ правдивыхъ картинокъ деревенской жизни, придавъ ей отчасти общественный интересъ, связавъ внутреннюю жизнь села съ общимъ ходомъ политической жизни народа, и создалъ произведеніе, въ которомъ общество впервые узрѣло сквозь розовый туманъ идеализаціи простой деревенскій людъ съ ихъ чувствами и желаніями, получившими наконецъ широкій доступъ въ литературу.

Типы героевъ поэмы Бродзинскаго продуманы и выдержаны. Самъ Вѣславъ напр.—вполнѣ живое лицо. Молодой парень, сынъ зажиточныхъ родителей, смѣлый и энергичный, любящій повеселиться но вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбивый, послушный, прекрасный работникъ; этотъ красивый и сильный юноша въ праздничный день не прочь покутить съ товарищами, не прочь пошумѣть, готовъ проявить свою дерзость, отвагу и силу.

Хитроумный Янъ прекрасно опредѣляетъ всѣ достоинства и недостатки Вѣслава въ сценѣ сватовства: „Хоть работающій онъ, послушный парень, но и за нимъ водились грѣшки. Не уступить дороги хоть-бы воеводѣ, быть первымъ въ танцахъ, изъ ворчмы прогнать воякъ цесарскихъ, гораловъ осмѣять, когда они придутъ въ село,—таковъ его былъ обычай. Вѣдь молодежь все легкомысленно

трактуеть. Такъ на веснѣ потокъ, шума, пѣнится, выступаетъ изъ береговъ, а послѣ тихо и спокойно въ руслѣ мчится. И парень тоже: одаренный силою шумить, пока весенній жизни цвѣтъ не опадеть въ заботахъ. Добрая и дѣльная жена всегда докончитъ воспитанье парня, пецись научить о хозяйствѣ и въ даль безвѣстную глядѣть тревожно“.

Вѣславъ—честная прямая душа. Ему предлагаютъ любимые и уважаемые имъ люди руку дочери, а съ ней вмѣстѣ и все свое состоянїе; но онъ любитъ Галину и предпочитаетъ вмѣстѣ съ ней бѣдность, тяжелый поденный трудъ. Въ его поведенїи сказывается мудрое воспитанїе опекуна его Станислава. Станиславъ—это образецъ спокойствїя, разсудительности и простодушія. Ему неприятно рѣшенїе Вѣслава, онъ видитъ въ этомъ его сыновнюю неблагодарность и готовъ уже разразиться гнѣвными упреками, но достаточно двухъ-трехъ благоразумныхъ словъ кума, и онъ соглашается съ доводами справедливости, и готовъ спокойно обсудить вопросъ о томъ, какъ лучше устроить своего прїемнаго сына. Станиславъ точно такъ же какъ и хозяинъ „Золотого Льва“ въ извѣстной идилліи Гёте „Германъ и Доротея“, очерченъ только нѣсколькими штрихами, стоитъ на второмъ планѣ. Въ нихъ много общаго: и тотъ, и другой почтенные и благодушные обыватели, зажиточные хозяева, люди пожилые; оба имѣютъ разсудительныхъ прїятелей. Но есть между ними различїе, обусловленное національными особенностями. Отецъ Германа капризный и раздражительный ворчунъ-старикъ; отецъ Вѣслава—спокойный и разсудительный крестьянинъ. Въ сущности оба хорошіе и добрые люди.

Жена Станислава Броника — типъ матери, какихъ много не только въ крестьянской, но и въ городской средѣ. Она мечтаетъ выдать Вѣслава за свою дочь Броннику, она полюбила уже его, какъ зятя, даже тѣшится мыслью о будущихъ внукахъ. Когда она узнаетъ, что ея мечты разлетѣлись въ прахъ, и Вѣславъ отказывается отъ руки ея дочери, она не знаетъ, что дѣлать отъ стыда, горя и обиды, и молча, въ слезахъ, выходитъ изъ хаты.

Въ нѣсколькихъ строчкахъ рисуеть намъ поэтъ виновницу всѣхъ коллизій—двѣнадцатилѣтнюю Броннику. Это совсѣмъ еще глупое дитя; когда Бронислава при ней говоритъ о будущей свадьбѣ, „Броника обвиваетъ своими руками шею матери и глуповато усмѣхаясь гля-

дять на Вѣслава“. Точно также одно пустое любопытство выражаетъ ея взоръ и въ сценѣ объясненія Вѣслава съ родителями. Но когда она увидѣла, что всѣ взволнованы, мать плачетъ, она заливается слезами припавъ къ груди матери.

Въ сценѣ возвращенія Галины Броника, „не знавшая страданій утраты, но чуя, что пріобрѣтаетъ“, бросается на шею вновь обрѣтенной сестры. Она рада сестрѣ потому, что всѣ ей рады. О вновь обрѣтенной ея сестрѣ, Галинѣ, нельзя ничего особеннаго сказать. Это красивая, веселая, трудолюбивая и послушная дѣвушка. Въ народной литературѣ можно указать схематическія изображенія такого же типа. Галина напоминаетъ намъ Наталку Котляревскаго, многихъ героинь Квитки, но безъ ихъ природной сентиментальности ¹⁾.

Но не только Галина заставляетъ насъ вспоминать о знаменитой комедіи Котляревскаго. Старуха, пріютившая Галину, тоже напоминаетъ мать Наталки—Терпилиху, такъ-что можно даже допустить предположеніе, что это не только простая случайность ²⁾.

Мудрый кумъ Янъ тоже напоминаетъ отчасти одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Наталки Полтавки“—выборнаго Макогоненка. Впрочемъ, относительно Яна должно замѣтить, что подобный же образъ,

¹⁾ О характерѣ Наталки чит. Н. И. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.“, Кіевъ 1884, стр. 31; ср. Н. П. Дашкевича: „Отчетъ о 29 присужденіи наградъ графа Уварова“, Спб. 1888 г., стр. 73.

²⁾ „Наталка Полтавка“ могла быть извѣстна Бродзинскому. Она своевременно пріобрѣла популярность въ Галиціи; въ тому же въ царствованіе Александра I литературныя сношенія между поляками и русскими были весьма оживлены. Произведенія Котляревскаго могли быть занесены въ Варшаву въ 1818 году молодыми писателями украинцами, съѣхавшимися въ Варшаву изъ Кременца, Умани и другихъ мѣстъ Украины. Имя Котляревскаго, какъ автора „Энеиды“, было извѣстно въ Польшѣ еще раньше. Такъ, въ 1815 году мы нашли въ „Pam. Warsz.“ (t. I, стр. 111) статью извѣстнаго въ свое время ученаго Юрія Самуила Банде: „Uwagi nad jezykiem polskim, szeskim i terazniejszym gossyjskim“. Въ ней Банде говоритъ между прочимъ и о сочиненіяхъ Котляревскаго, указывая на одну нѣмецкую рецензію, авторъ которой изумляется множеству словъ, требующихъ въ „Энеидѣ“ перевода на русскій языкъ (Банде по этому поводу поясняетъ, что существуетъ два языка, а не одинъ, какъ думаютъ нѣмцы). Возможность заимствованія оправдывается и несамостоятельностью Бродзинскаго и тѣмъ фактомъ, что въ эту пору польская литература неразъ черпала содержаніе изъ малорусской жизни. Въ польскомъ сознаніи двѣ народности долго еще не отдѣлялись одна отъ другой. Мы видимъ это на примѣрѣ Лаха Ширмы, который первый въ 1819 году пробовалъ передѣлывать малорусскія народныя пѣсни въ польскія баллады. Точно также и другіе писатели-романтики польско-украинской школы заимствовали содержаніе и образы изъ украинской жизни и поэзіи.

какъ увидимъ ниже, встрѣчается и у Реклевскаго. Вообще Янъ, не смотря на то, что онъ изображенъ немногими штрихами, очень типическая фигура. На сцену онъ появляется сейчасъ же по возвращеніи Вѣслава изъ Кракова. Любопытно вѣдь узнать, что новаго слышно на ярмаркѣ. Приходить онъ очень скромно:

Przybył też razem sąsiad ciekawy,
Dobry do rady, *dobry do zabawy*,—
Jan, co za stołem nie raz już siadał,
Jak mądre myślał. tak i prawdę gadał.

Неоцѣнимыя качества кума обнаруживаются при первомъ же семейномъ недоразумѣніи. Тутъ онъ разливается потокомъ мудрыхъ изреченій, практическихъ совѣтовъ, на которые онъ большой мастеръ. Кумъ—самый популярный человѣкъ въ селѣ; безъ него не обойдется ни одинъ праздникъ: свадьба ли, именины, крестины, похороны—Янъ уже тутъ какъ тутъ, ведетъ затѣйливо важныя рѣчи, даетъ порядокъ, блюдетъ завѣты дѣдовской старины. Крестьянинъ вѣдь не особенно говорливъ; занятый вѣчно работой и заботами о насущномъ кускѣ хлѣба, онъ чаще угрюмо молчитъ, такъ-что подь часъ и совсѣмъ отвыкаетъ отъ рѣчи, и вотъ, когда послѣ тяжелыхъ трудовъ захочется ему повеселиться, и онъ устраиваетъ какое-нибудь празднество, кумъ Янъ является незамѣнимымъ человѣкомъ: онъ все устроитъ, какъ слѣдуетъ, за всѣхъ поговорить.

Bóg go też wielkim rozumem obdarzył!
Iuż on nie jedno krzewienstwo skojarzył,
Starostą był na każdym weselu,
I chrzestnym ojcem zwał go w domach wielu.
Przeto gdziekolwiek przyjdzie w odwiedzinę
Iest, jak by w domu u swojej rodziny.

Его блестящіе таланты превосходно проявляются въ сценѣ сватовства Галины, когда умѣлой рукой онъ подноситъ водку, ведетъ складныя рѣчи со старухой, ловко расхваливаетъ Вѣслава, искусно

1) „Богъ его также великимъ умомъ наградилъ; и немало онъ уже сладилъ родственныхъ связей; старостой былъ онъ на каждомъ весельи; крестнымъ отцомъ величаютъ его во многихъ семействахъ. Вотъ почему онъ какъ дома повсюду, въ каждомъ семействѣ, къ кому не придетъ“.

стараясь изобразить и его недостатки такъ, что бы они не разогорчили матери, понравились бы дочкѣ. Этотъ деревенскій дипломатъ,

....mówiąc prawdę, wiedział, że nie ranił:

Dziewczęta lubią błędy, które ganił ¹⁾.

Янъ играетъ въ поэмѣ Бродзинскаго такую же роль, какъ болтливыи учитель въ „Германиѣ и Доротеѣ“, но это однако не заимствование.

Если обратимся къ болѣе детальной оцѣнкѣ „Вѣслава“, то должны будемъ признать много недостатковъ въ этой поэмѣ Бродзинскаго. Правда, это уже не была эклога въ духѣ Виргиліа или подражаніе Теоокриту; поэтъ воспѣвалъ не Хлой и Дамоновъ, а жизнь дѣйствительную; тѣмъ не менѣе въ ея изображеніи много чертъ и слѣдовъ псевдоклассическаго вліянія. „Тонъ поэмы, нѣсколько блѣдныя краски, ея нѣсколько меркнувшій блескъ, ея утренняя краса, хотя и настраивали поэму какъ переходъ отъ того, что умирало, къ тому, что должно было распуститься пышнымъ цвѣтомъ,—однако не раздражали еще классиковъ. „Вѣславъ“ сохраняетъ еще до нѣкоторой степени фizioномію, которую привыкли называть классической; онъ напоминаетъ отчасти Шимоновичей и Гавинскихъ, былъ родствененъ по духу съ пѣснями Карпинскаго и даже съ искусственной и цвѣтистой экклогой Нарушевича“. Этотъ безпристрастный отзывъ Крашевскаго, сдѣланный еще въ 1844 году ²⁾, можно принять почти цѣликомъ и теперь. Впрочемъ, недостатки поэмы главнымъ образомъ проявляются съ формальной стороны. Правда, авторъ идеализировалъ дѣйствительность и „передѣлалъ пьянаго Мацька въ Станислава“, какъ говорили классики ³⁾, но эта передѣлка не нарушаетъ правды. Никто не вправе запретить идеализацію извѣстныхъ явленій, и, если признать вообще право существованія идилліи въ современной жизни и литературѣ, то и „Вѣславъ“ можетъ занять въ ней свое скромное мѣсто.

Главный недостатокъ поэмы это вычурный, не вполне естественный языкъ. По старой привычкѣ поэтъ вкладываетъ въ уста героев не-

¹⁾ „Правду повѣдавъ, зналъ, что не ранить: дѣвушки любятъ грѣшки, которые онъ порицалъ“.

²⁾ „Słówo“... (Athen. 1844, стр. 18).

³⁾ „Obóz klasyków“ Siemieńskiego.

свойственный народному складу рѣчи выраженія, чуждыя ему понятія и мысли, хотя нужно сказать, что этотъ грѣхъ не такъ силенъ здѣсь, какъ въ прежнихъ произведеніяхъ Бродзинскаго. Притомъ не слѣдуетъ забывать, что въ то время, когда писалъ Бродзинскій свою поэмю, имѣло еще полную силу предписаніе Буало:

Que ce style jamais ne souille votre ouvrage.

Безспорно простая деревенская дѣвушка не сказала бы Вѣславу, подавая ему изъ корзинки хлѣбъ и овощи;

*Obcy wiedzowcze, już ci przująć trzeba
Naszyci owoców i naszego chleba.*

Такой возвышенный тонъ былъ бы приличенъ въ устахъ Навзикам; но когда простая деревенская дѣвушка привѣтствуетъ въ такомъ тонѣ парня изъ сосѣдняго села, возвращающагося съ армарки, такія выраженія, какъ „obce wiedzowcze“, и смѣшны, и неправдоподобны ¹⁾.

Приемъ, оказываемый Вѣславу старостой и другими паробками, тоже слишкомъ торжественъ и неестествененъ, напоминая скорѣе гостепріимство древне-греческихъ героев и царей: староста привѣтствуетъ гостя кубкомъ и приказываетъ всѣмъ уступить ему первое мѣсто.

Если Вѣславъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ въ деревнѣ, то почетъ ничѣмъ не мотивированъ. Если его раньше знали, то въ такомъ случаѣ выраженіе „чужестранецъ“ неумѣстно.

Даже въ лучшей сценѣ — въ описаніи краковяка, попадаются отдѣльныя выраженія, крайне ненатуральныя; такъ напр.,

*Halina płaśa z miłą uroczystą,
Oburącz szatę ująwszy kwiecistą—*

сказано слишкомъ цвѣтисто и напыщено. Точно также Вѣславъ свою пѣсню не могъ сентиментально „nucić“, потому-что краковякъ разгульная пѣсня, полная огня и страсти, подъ звуки которой Вѣславъ танцуетъ, молодецкато „притопывая ногами“.

¹⁾ На это указываетъ и Белциковскій, и Гавалевичъ.

Простая крестьянка не сказала бы такъ, какъ Бронислава въ разсказѣ о своихъ несчастіяхъ:

Zaledwie piąty kwitnął owoc sadu...

Gdy wojna polskie dobijała plemię и проч.

Цвѣтеніе плодовъ, какъ и ежегодное поспѣваніе хлѣба—слишкомъ обыденныя явленія въ деревенскомъ быту, чтобы къ нимъ можно было привязывать какія-либо воспоминанія. Для этого выбираютъ обыкновенно событія, болѣе замѣчательныя: урожай или неурожай, падежъ скота, наборъ и пр. Точно также не скажетъ ни одна деревенская баба, что вотъ-де „война добивала польское племя“. Простолудинъ мыслить конкретно и рѣдко доходить до обобщеній; ему и въ голову не придетъ мысль объ общегосударственныхъ или національныхъ интересахъ. Бронислава могла бы разсказывать объ ужасахъ войны, о разореніи села, пожарѣ, но ей никогда и въ голову не пришло бы додуматься, что все это имѣетъ отношеніе къ „польскому племени“. Вѣславъ тоже не всегда простъ и естествененъ. Въ бесѣдѣ съ родителями онъ говоритъ:

Przy waszem pługu chodził bym spokojny,

A ni bym *zagwał trudnej z sercem wojny* ¹⁾.

Простой парень такъ не выразится. Особенно много слащавой сентиментальности—въ сценѣ объясненія Вѣслава съ Галиной. Вѣславъ наливаетъ кубокъ меду и обращается къ Галинѣ:

Przyjmij tę kroplę z obcego ogrodu,

Piękna Halino! Jak tobie słodcy

Na całe życie serce moje życzę!

Когда онъ вмѣстѣ съ Яномъ идетъ сватать Галину, то останавливается за тыномъ и, словно влюбленный трубадуръ, начинаетъ нѣжную пѣсню, совершенно неумѣстную въ такую торжественную минуту. Что бы подумали родители дѣвушки, если бы парень позволилъ себѣ серенаду подъ окномъ той, кого онъ сватаетъ?! Это все, конечно, слѣды геснеровскаго вліянія и, какъ выражается Гавалевичъ,

¹⁾ Точно также и Янъ говоритъ про Вѣслава, что онъ „*swoje serce jej sercu zostawił*“.

„манерная геснеровская идиллія налагала на каждую сцену, на каждую мысль розовую или свѣтло-голубую краску“¹⁾).

Не чужды поэмѣ и многіе недостатки въ самой ея композиціи. Вѣславъ спѣшитъ въ дорогу на ярмарку, лошади уже запряжены, все приготовлено къ отъѣзду, и въ такой моментъ ни съ того, ни съ сего отецъ и мать Вѣслава рассказываютъ ему исторію похищенія дочери, усновленія его, излагаютъ планы на будущее, которые онъ давно бы долженъ знать. Вѣславъ возвращается назадъ съ ярмарки къ вечеру, но, увлеченный весельемъ, гуляетъ въ сосѣдней деревушкѣ *до рассвѣта*; между тѣмъ, когда онъ возвращается домой, ему готовятъ *вечерю*. Не вполне понятно также, какъ могла Бронислава не отыскать своей дочери, если ее пріютила въ сосѣднемъ селѣ убогая старушка?

При всѣхъ этихъ недостаткахъ поэма Бродзинскаго производитъ въ общемъ положительно хорошее впечатлѣніе. „Вѣславъ“—это первая фіалка, распустившаяся ранней весной на нивѣ польской словесности, какъ выражаются о немъ польскіе критики²⁾). Многія мѣста поэмы читаются и теперь еще съ удовольствіемъ. По временамъ поэтъ заявляетъ себя тонкимъ наблюдателемъ и—для своего времени—знатокомъ народной жизни. Когда онъ заставляетъ Галину съ притворной скромностью выпить поль-чарки меду, онъ переноситъ насъ въ дѣйствительную крестьянскую среду, гдѣ всѣ эти церемоніи строго соблюдаются. Вѣславъ подаетъ медь:

Na to Halina pytająсym okiem .
Biale odzienie zarzucа na głowę,
Tak zasłонiona wyрeрnіа роłowę...

Сцена танцевъ тоже реальна. Польскій краковякъ, какъ и русинская коломыйка, — небольшое лирическое произведеніе, куплетами въ 4 строчки самаго разнообразнаго содержанія. На полѣ молодыя дѣвушки, или дѣвушка и парень, переключаются и пересмѣиваются, экспромптомъ сочиняя коломыйку, краковякъ; ими же оживляется всякое сельское веселье: свадьба, крестины, вечерницы и проч. От-

¹⁾ „Szkycе“, стр. 66.

²⁾ Zdanowicz, „Rys dziejów...“ t. II, стр. 480. Ср. Свямборовича „Przegląd naukowy literaturze poświęcony“, 1844 г., стр. 12. Чит. у Мехержинскаго, Крашевскаго, Земенской, Войцизкаго и др.

личительныя черты краковяка — его краткость и поспѣшность въ композиціи, что отражается и на формѣ, и на содержаніи этихъ импровизацій. Крестьянину *некогда* призадуматься; поразмыслить надъ тѣмъ, какъ выразить свои чувства; онъ спѣшитъ сдѣлать это, какъ можетъ. Бодянский справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „страда безпрестанно то отъ того, то отъ другого, селянинъ въ мимолетные часы своего кратковременнаго покоя предавался съ жадностью веселости не потому, чтобы у него на сердцѣ было весело, но чтобы сколько-нибудь и какъ-нибудь забыться, растеряться, прогнать хоть пѣсней свое обычное горе и тѣмъ, если не облегчить, то, по крайней мѣрѣ, на два или три мгновенія заглушить свои душевныя и тѣлесныя раны“¹⁾. Въ большинствѣ однако случаевъ краковякъ служитъ для выраженія чувствъ любви и страсти молодыхъ людей обоюбого пола. Эти мысли вполне подтверждаетъ сцена краковяка у Бродзинскаго: Вѣславъ послѣ цѣлаго дня работы, такъ сказать, между дѣломъ, предается необузданному веселью, тутъ же подъ звуки музыки сочиняя новые куплеты краковяка, подходящіе къ данному случаю. Вообще въ поэмѣ Бродзинскаго на каждомъ шагѣ замѣтно движеніе впередъ его таланта, стремленіе къ правдѣ и народности: въ пѣснѣ Вѣслава упоминаются уже не розы и фіалки, а чисто народные „розмаринъ и рута“²⁾.

Событія совершаются не въ неопредѣленномъ пространствѣ, какъ прежде, „среди горъ, долинъ и скалъ“, а въ обстановкѣ, опредѣленно и картинно-изображенной. По мѣрѣ освобожденія отъ приторной чувствительности росло и чувство природы. Описание села, въ которомъ жили родители „Вѣслава“ — прекрасная поэтическая картинка:

Skrzypią z ról czarnych wracające pługi,
A cała wioska, jako ogród długi,
W kwitnących sadach nizkie strzechy kryje,
Z których dym kręty ku niebu się wije.
A stary kościół z blaszanemi szczyty
Po nad wsią błyszczy lipami zakryty;
Wieża, z której dzwon o milę donosi,
Już pogrzeb piątym pokoleniom głosi.

¹⁾ Ивасевичъ, „Собіраніе памят. поэтическаго творчества славянъ“, Спб. 1882, стр. 134.

²⁾ „Rucianu“ вѣночь носить и одна изъ дѣвчатъ у Реклевскаго.

По объему поэма „Вѣславъ“ очень не велика. Таланта Бродзинскаго еле хватило на 800 стиховъ. Но даже въ этой небольшой поээмѣ можно замѣтить рядъ вліяній и прежде всего идилліи Гёте „Hermann und Dorothea“.

Между этими двумя поэмами есть нѣкоторыя черты сходства. И тутъ, и тамъ герой поэмы находитъ свое счастье случайно, такъ сказать, на дорогѣ; и тутъ, и тамъ онъ долженъ жениться на другой дѣвушкѣ, предусмотрительно выбранной родителями; и тутъ, и тамъ дѣло доходитъ до коллизіи и семейныхъ недоразумѣній, которыя улаживаются друзьями дома. Въ обѣихъ поэмахъ эти друзья выѣзжаютъ вмѣстѣ съ влюбленными юношами на развѣдки; въ обѣихъ содержаніе поэмы связано съ жизнью цѣлаго народа и приурочено къ извѣстному историческому моменту.

Сходство между двумя поэмами не идетъ дальше этихъ внѣшнихъ сближеній. Бродзинскій не воспользовался изъ идилліи Гёте даже тѣми художественными подробностями, которыя пожалуй подходили бы и къ настроенію нашего поэта и были бы близки этнографической правдѣ.

Кому не извѣстно, какую поэтическую роль играетъ въ народной поэзіи и жизни—колодезь? Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ это мѣсто, гдѣ зарождалось самое дорогое чувство—любовь, это мѣсто свиданія влюбленныхъ, первыхъ любовныхъ объясненій, мѣсто, гдѣ не одно молодое сердце впервые забилось новымъ, невѣдомымъ еще чувствомъ. Здѣсь молодые люди часто впервые знакомились, и паробокъ могъ здѣсь убѣдиться въ силѣ и ловкости дѣвушки. Еще въ Библии мы встрѣчаемъ такія сцены у колодезя; въ пѣсняхъ славянъ, у сербовъ, южноруссовъ въ особенности, криница неизбѣжна. Гёте, какъ глубокой и тонкій наблюдатель художникъ, подмѣтилъ эту черту, и какую чудную картину, полную очарованья и прелести, рисуетъ онъ!

На низкія стѣны колодца

Сѣли оба, не медля. Она перегнулась черпать;
Взявши другой за ручку кувшинъ, и онъ перегнулся,
И на лазури небесной они увидали свой образъ:
Въ зеркалѣ чистомъ они, колыхаясь, кивали другъ другу.
„Дай мнѣ напиться“, сказалъ ей юноша, полонъ веселья,

И кувшинъ подала она. Тутъ, опершись на кувшинъ,
Оба они отдыхали ¹⁾.

Бродзинскій не воспользовался этимъ эпизодомъ, вѣроятно, не оцѣнивъ его по достоинству.

Гораздо больше Гёте на Бродзинскаго повліялъ В. Реклевскій. У Гёте Бродзинскій взялъ только канву разсказа, у Реклевскаго и колоритъ, и многіе образы и даже имена ²⁾.

Мудрый Янъ выведенъ Реклевскимъ въ его произведеніи „Urodzinu“, гдѣ онъ называется, впрочемъ, Микутой (Микула?). Онъ такъ же, какъ и Янъ, пользуется почетомъ и уваженіемъ всего села,—первая голова во всемъ околотѣ:

Siedział w oknie Mikuta, przyjacieli wsi całej.
Snieżnie mu włosy z brody na piersi spadali;
Z każdej chaty do niego biegła ścieżka nowa,
Bo tu bywa bogaty i uboga wdowa ³⁾.

Насъ поразило одно обстоятельство: мы указывали уже, какъ часто и съ какимъ уваженіемъ возвращался Бродзинскій въ своихъ статьяхъ къ литературной дѣятельности Реклевскаго. Замѣчательно то, что въ курсѣ литературы и во всѣхъ отзывахъ, которые появились послѣ написанія „Вѣслава“, Бродзинскій ни однимъ словомъ не обмолвился объ „Urodzinach“ Реклевскаго, а также и о другомъ его произведеніи—„Krakowiaki“, которыя главнымъ образомъ и послужили Бродзинскому образцомъ и матерьяломъ при созданіи „Вѣслава“; между тѣмъ въ 1815 году, въ первой статьѣ о Реклевскомъ, т. е. за пять лѣтъ до появленія „Вѣслава“, мы находимъ отзывы объ этихъ произведеніяхъ Реклевскаго!

Бродзинскій хвалитъ очень многія произведенія Реклевскаго: „Fałszy“, „Pierwsze tłozenie“, „Wieńce“; говоритъ вскользь, что „поэтъ изображаетъ съ рѣдкой талантливостью веселье и обычай поселянъ“, и ни словомъ не упоминаетъ о тѣхъ именно произведе-

¹⁾ Мы приводимъ этотъ отрывокъ въ прекрасномъ переводѣ Фета—Сочиненія Гёте изд. Гербеля, т. I.

²⁾ Первый разборъ этого вліянія представилъ Гавалевичъ („Sylwetki i szkycy...“ 1888, стр. 1—90).

³⁾ „Сидѣлъ возлѣ окна Микута, другъ всего села. Сѣдны волосы бороды надали на грудь. Изъ каждой хаты новая въ нему вела дорожка: бывалъ тутъ и богатый, и убогая вдова“. Чит. „Pienia Wiejskie“, Kraków 1811. стр. 176.

нѣхъ покойнаго друга, въ которыхъ всею лучше выразились „талантливость“ поэта и его знаніе народа¹⁾).

Была ли это только простая случайность? Судить не беремся. Но нельзя не признать, что заимствованія изъ Реклевскаго были довольно велики²⁾).

1) При этомъ надо напомнить еще одно обстоятельство—именно то, что произведенія Реклевскаго были слишкомъ рано забыты, и Вродзинскій уже въ 1813-году (т. е. черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ стихотвореній Реклевскаго) въ своемъ дневникѣ выражаетъ скорбь, что Реклевскаго никто не знаетъ и не читаетъ....

2) Такъ напр., многія бытовныя сцены „Вѣслава“ безспорно взяты изъ „Kra-kowiaków“ Реклевскаго. Въ „Kra-kowiakach“ („Pienia wiejskie“, стр. 99—103) подробно описаны отношенія Стаса и Каси. Разсказъ ведется тѣмъ же ритмомъ, дакъ и многія сцены „Вѣслава“:

Przyjechali z obcej wsi parobeczki hoże,
Wprowadzili koniki na nasze podworze.
Jeden z' nich przed okienkiem w podkóweczki krzesze,
Kiedy Kasia w komorze czarny warkocz szesze.
Proszą ojca i matki, by córce kazali—
Wujść z komory. Ojczowie córkie zawołali.

Но родители не позволяютъ танцовать на дворѣ, потому—что старшій дѣдъ, который хочетъ еще выкормить своихъ внуковъ, лежитъ больной, въ избѣ; поэтому всѣ удаляются на среднюю сѣла,

...gdzie cieniący dęby,
Gdzie często kochankowi poda dziewcę gęby,
Gdzie jest ziemia ubita niedzielnymi tany,
Gdzie często spadnie w tańcu wianeczek *ruciany* и т. д.

Тамъ на серединѣ сѣла, подъ тѣнью дубовъ сидятъ вокругъ старшии, а молодежь при свѣтѣ пылающей лучины танцуетъ подъ веселые звуки незатѣйливой скрипки. Красавица Кася гуляетъ до самаго свѣта со своимъ Стасемъ, который хвалится тѣмъ, что его не утомить никакой танецъ:

Po kilkunastu kołach na prost skrzypka stawa,
W podkóweczki uderza i śpiewkami wiela
Nadobny chłopiec rącze hasanie przездziela;
Zagraj mi moję piosnkę, luby przyjacielu,
Bo ja będę za drużbę na twojem weselu,
A ty się kręć, dziewczyno! и т. д.

Стасъ, который такъ молодежато цитируетъ ногой, пускаясь въ плясъ, такъ же, какъ Вѣславъ, импровизируетъ краковякъ. Когда *Stas* поетъ:

Niemasz nic piękniejszego nad słońce na niebie,
Ni na ziemi piękniejszej, dziewczyno, nad ciebie,
I kiedy słońce zgasnie, noc pola zamraczy
Pomiędzy nami świecą twoje śklniące oczy—

этотъ краковякъ напоминаетъ намъ другой—тотъ, который пѣлъ Вѣславъ своей Галинѣ. Такъ же, какъ Вѣславъ, Стасъ любитъ всякое ухарство. Онъ никому не свернетъ съ дороги, никто его не обгонитъ, когда онъ, подобно Вѣславу, возвращается изъ *Krakowa*:

Подражаніе Реклевскаго сказывается даже въ именахъ героевъ. Галина, Броника, Станиславъ, Вѣславъ, Јолента взяты безспорно изъ произведеній Реклевскаго ¹⁾.

Но и для Бродзинскаго, и для Реклевскаго, очень можетъ быть, первымъ толчкомъ въ сторону народности и поэтическимъ образомъ служила знаменитая опера Войтѣха Богуславскаго „Cud, czyli krakowiacy i górale“, которая впервые была поставлена на сценѣ въ 1794 году, 1-го мая, и имѣла громаднѣйшій успѣхъ, выдержавъ болѣе 150 представленій ²⁾.

Народный элементъ въ этой оперѣ весьма значителенъ; бытовые сцены, краковякъ такъ же реальны, какъ и въ произведеніяхъ Реклевскаго и Бродзинскаго ³⁾. Устами студента (skubent!) Бардоса въ оперѣ выражается порицаніе школьной рутинѣ, благодаря которой люди забываютъ родной языкъ ⁴⁾. Этотъ же Бардосъ высказываетъ мысль о „добродѣтельности и простотѣ неизвращенной природы“ крестьянъ ⁵⁾, защищаетъ права сердца ⁶⁾, обнаруживаетъ извѣстный демократизмъ и вражду къ панамъ ⁷⁾. На сценѣ игра талантливыхъ актеровъ могла сдѣлать это первое народное произведеніе еще болѣе реальнымъ. Намекъ на гораловъ въ характеристикѣ Вѣслава доказываетъ, что Бродзинскому было хорошо извѣстно это замѣчательное произведеніе В. Богуславскаго ⁸⁾.

Zaden mi dziarski chłopak nie stanie na drodze,
Cztery konie na jednym miejscu dzielnie wodzą
Zaden mnie wóz, gdy jade z Krakowa nie minie.... и т. д.

Стась и Вѣславъ положительно одно и то же лицо, такъ же, какъ Лянь и Микута. Самая лучшая часть поэмы Бродзинскаго—сцена танцевъ и веселія въ селѣ, гдѣ жила Галина—является не оригинальнымъ произведеніемъ поэта, а только дальнѣйшимъ развитіемъ того, что онъ нашелъ въ произведеніи своего друга.

¹⁾ Чит. „Wiesław“, „Jolenta“, „Halina“, „Nadzieja“, „Zachęcenie do tańca“, „Cztery doby roku“ и др. „Pienia wiejskie“, стр. 51, 64—65, 74—86 и т. д.

²⁾ Sowiński—Zdanowicz, „Rys dziejów...“, стр. 173.

³⁾ Чит. напр. дѣйств. I, сц. 6-я („Cud, czyli krakowiacy i górale“, „Bibl. Mrówki“, т. 217).

⁴⁾ Ibid. стр. 28.

⁵⁾ Ibid. стр. 77, 99.

⁶⁾ Czemu tak małe dary, wielką rozkosz rodzą?
Czemu tak sercu miłe? *Bo z serca pochodzą.*

Чит. стр. 82.

⁷⁾ Ibid. стр. 83, 101.

⁸⁾ Гоциньскій въ своей статьѣ: „Nowa epoka poezji polskiej“ говоритъ объ этомъ произведеніи Богуславскаго: „była to daleka wprawdzie, ale pierwsza zapowiedź“

Такимъ образомъ въ „Вѣславѣ“ отразились различныя вліянія: Богуславскаго, Реклевскаго, Гёте и, можетъ быть, даже Котляревскаго.

Намъ остается рассмотреть отзывы польской критики о „Вѣславѣ“ и опредѣлить его значеніе въ исторіи польской литературы.

О томъ, что „Вѣславѣ“ произвелъ очень сильное впечатлѣніе, и молодежь учила его на память, мы имѣемъ опредѣленное свидѣтельство только одного Поля¹⁾, другіе даютъ болѣе умѣренные свидѣтельства успѣха „Вѣслава“²⁾, и на основаніи ихъ можно сказать, что поэма была встрѣчена довольно безразличными отзывами критики. Умѣренныя похвалы представителей всѣхъ литературныхъ партій³⁾ доказываютъ безцвѣтность и незначительность достоинствъ произведенія Бродзинскаго. Значеніе „Вѣслава“ прежде всего опредѣляется общимъ состояніемъ польской литературы въ началѣ этого столѣтія. Безцвѣтная и худосочная, она, по выраженію Крашевскаго, напоминала собой анемичную женщину, воспитанную за границей, нарумяненную, всю въ блесткахъ и побрякушкахъ, чуждую краю, презирающую все свое⁴⁾. Тамъ, гдѣ бездарный писака Мольскій, „воспѣвавшій и Христа, и Ирода“, считался поэтомъ, живая струя народности и художественности въ поэзіи Бродзинскаго не могли не оказать своего довольно значительнаго вліянія на общество и литературу. Но оно не было очень велико. Хотя по поэтическимъ достоинствамъ „Вѣславѣ“ безспорно гораздо выше „Бѣдной Лизы“, тѣмъ не менѣе эта послѣдняя оказала гораздо болѣе серьезное и благотворное вліяніе на русскую литературу, чѣмъ „Вѣславѣ“—на польскую. О „Бѣдной Лизѣ“ много говорили, писали, подражали ей („Марьина Роца“ Жуковскаго); ничего подобнаго не случилось при

nia polskiej literatury, pierwsze zadrzenie płodu ożywającego się w matki wnętrznościach, pierwszy znak życia istoty mającej przyjść na świat—po kilkudziesięciu latach. Nie ważmy lekce tego niepozornego utworu“, и затѣмъ указываетъ, что прошло 30 лѣтъ „między pierwszym a drugim objawieniem się polskiej narodowej poezyi, między operą Bogusławskiego a Wiesławem Brodzińskiego“, прямо ставя такимъ образомъ въ тѣсную связь преемства эти два народные произведения („Powszechny pamiętnik nauk i umiejętności“, Kraków, 1835, zes. II, str. 206—207).

1) Fr. Henr. Lewenstam, „Kurs publiczny literatury polskiej XIX. st.“, W. 1867, zes. 2, str. 58.

2) Объ этомъ чит. 1-ю главу нашей работы, стр. 47—49.

3) Козьянъ, Мохнадскій, Дмоховскій, Моравскій, Грабовскій.

4) „Atheneum“ 1844, „Słówko o K. Br.“, стр. 17 и слѣд.

появленіи „Вѣслава“: Главная заслуга Бродзинскаго это то, что его произведенія нравились, были доступны и понятны широкой публикѣ, но на молодыхъ писателяхъ его поэзія не оставляла замѣтныхъ слѣдовъ. Изъ польско-украинскихъ поэтовъ ей отчасти подчинился Залѣсскій, изъ варшавскихъ—Витвицкій, изъ виленскихъ—Одынецъ, все второстепенные поэты. Вообще литовская школа писателей, какъ это видно и изъ „Воспоминаній“ Одынца, развивалась вполне самостоятельно. Д-ръ П. Хмѣлевскій въ самомъ гадательномъ тонѣ говоритъ о *возможности* вліянія Бродзинскаго на Мицкевича: „Мицкевичъ изъ любви и по обязанности, *впрямую*, слѣдилъ за успѣхами родной литературы и читалъ поэму Бродзинскаго „Вѣславъ“, въ которой поэтъ представилъ намъ крестьянъ не по шаблону...“ и т. д. ¹⁾ О вліяніи на Мальчевскаго и Гоцинскаго и рѣчи быть не можетъ: „первая фіалка“ не имѣла еще сильнаго запаха и скоро отцвѣла. Вотъ почему уже въ 1844 году Крашевскій могъ допустить мысль о томъ, что многіе изъ польскихъ читателей не знаютъ, чтó сдѣлалъ и чѣмъ извѣстенъ Бродзинскій ²⁾; на равнодушіе къ нему и забвеніе указываетъ и Скимборовичъ ³⁾; на это же жалуются и Земенская, которая находитъ еще въ 1841 году, что Бродзинскій мало извѣстенъ ⁴⁾, а 1844 году удивляется тѣмъ, кто судитъ о Бродзинскомъ съ точки зрѣнія „раціонализма и соціализма“ (!) и потому неспособенъ оцѣнить его ⁵⁾. Жалобы на то, что Бродзинскій и до сихъ поръ не оцѣненъ, повторяетъ тотъ же Скимборовичъ и въ 1846 году ⁶⁾. Въ наше время о томъ, что Бродзинскій совершенно забытъ, свидѣтельствуютъ Дмоховскій, Гавалевичъ и мн. др. ⁷⁾. Тѣмъ не менѣе изъ современныхъ критиковъ большинство признаютъ произведенія Бродзинскаго вполне народными, художественными, и

¹⁾ P. Chmielowski, „Adam Mickiewicz“, t. I, стр. 174—5.

²⁾ „Zapytajcie mnie może (nie jeden się znajdzie, co pytać będzie zmuszony), co tak wielkiego uczynił Brodziński“ („Słowo...“, стр. 14).

³⁾ „O. K. Br. i jego piśmach“—„Przyjaciel Ludu“ № 46—48.

⁴⁾ „Pierwiosnek“ 1841 г. („Czuły ten poeta mało jest u nas znany, mało cieniony...“ и т. д., стр. 58).

⁵⁾ „Pielgrzym“ 1844, t. II, стр. 186—206.

⁶⁾ „Kuczi Brodzińskiego“ („Przegl. Naukowy“, 1846, № 16).

⁷⁾ „Вѣславъ“, какъ сообщаетъ „Крај“ (1888 г.), переводится на болгарскій языкъ. На польскомъ онъ дождался прекраснаго иллюстрированнаго изданія съ предисловіемъ г. Гавалевича.

только одинъ Спасовичъ въ своемъ замѣчательномъ очеркѣ исторіи польской литературы говорить, что они „милы и граціозны, но блѣдны и слащавы въ сравненіи съ произведеніями его же слушателей и Мицкевича“¹⁾. На успѣхахъ Бродзинскаго самымъ фатальнымъ образомъ сказалась близость его къ новой, свѣтлой эпохѣ польской поэзіи. Его „Вѣславъ“ явился какъ разъ въ исходѣ переходной эпохи и на рубежѣ новой эры, и слабый, чуть-чуть брезжащій свѣтъ его поэзіи померкъ въ лучахъ сіянія, окружавшаго высокохудожественныя произведенія молодыхъ поэтовъ. Отъ того-то даже лучшія и безспорно талантливые произведенія Бродзинскаго не имѣли прочнаго успѣха, не были въ должной мѣрѣ оцѣнены современниками, не оказали на нихъ сильнаго вліянія. Было бы однако несправедливо утверждать, что Бродзинскій былъ забытъ польской критикой. Начиная съ 1820 года и до нашихъ дней, мы насчитали изъ года въ годъ до 50 статей, посвященныхъ литературной дѣятельности Бродзинскаго, и въ этомъ отношеніи, какъ кажется намъ, на забвеніе его памяти жаловаться не приходится. При жизни же поэта въ общемъ хорѣ лестныхъ отзывовъ о его произведеніяхъ, мы не знаемъ ни одного голоса, звучавшаго диссонансомъ, рѣзкой критикой. Хвалили однако преимущественно эклектики.

Дмоховскій писалъ: „Кто же не увидитъ въ „Вѣславѣ“ вѣрнаго изображенія народа? Кому не понравится та простота, которой дышетъ эта идиллія? Кто же не будетъ признателемъ автору за то, что онъ въ своихъ пѣсняхъ сохранилъ способъ выраженія, чисто польскій и сельскій и въ то же время милый и благородный,—достоинство, которое встрѣчается *теперь* (!) такъ рѣдко?“²⁾

Это самый лестный отзывъ о „Вѣславѣ“ Бродзинскаго; отзывы романтиковъ, какъ мы уже знаемъ, гораздо болѣе умѣренные³⁾, и только юный Красинскій въ 1830 году хвалитъ по прежнему усердно

¹⁾ А. Н. Пыпинъ и Спасовичъ, „Исторія славянскихъ литературъ“, Спб. 1881, т. II, стр. 615.

²⁾ „Biblioteka Polska“ 1825.

³⁾ Такъ, Мохначкій въ своей „Исторіи польской литературы“ въ 1830 году только вскользь упоминаетъ объ авторѣ „Вѣслава“ (чит. стр. 118, 145) и только въ одномъ мѣстѣ говорить: „Mieli ̇ choć jedną powieść tak ojczystą i tak miejscową, jaką jest „Marga“, „Wiesław“, „Grazyna“, „Rapsod gycerski“ (стр. 14).

произведенія Бродзинскаго и его талантъ ¹⁾. Но тотъ же Дмоховскій по поводу таланта Бродзинскаго даетъ гораздо болѣе сдержанный отзывъ въ 1822 году, когда вышло въ свѣтъ первое собраніе стихотвореній Бродзинскаго ²⁾.

Этимъ собраніемъ Бродзинскій какъ-бы подводитъ итогъ своей литературной дѣятельности. Съ 1822 года онъ отдается наукѣ, а поэзій удѣляетъ только свободное время.

Чтобы закончить разсмотрѣнный нами періодъ поэтической дѣятельности Бродзинскаго, отмѣтимъ еще три стихотворенія, поправившихся въ свое время публикѣ. На первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ „Легионистъ“ ³⁾. Это діалогъ между молодымъ Лехитомъ, прискакавшимъ въ Италію, и итальянцемъ, сердечно встрѣтившимъ гостя.

Молодой Лехитъ удрученъ страшнымъ горемъ—потерей независимости своей отчизны, и вотъ онъ отправляется теперь служить чужимъ. Итальянецъ пробуетъ утѣшить Лехита указаніемъ одинаковой исторической судьбы всѣхъ народовъ.

Zwodnia twoja otucha, niezczęsny młodzianie,
Naród ginie, jak człowiek, z grobu nie powstanie.

Вѣдь такъ же погибъ гордый Римъ, заковавшій весь міръ въ кандалы; и все такъ же цвѣтетъ и оцвѣтаетъ.

Легионистъ оспариваетъ это мнѣніе съ необыкновеннымъ благородствомъ и воодушевленіемъ. Онъ не допускаетъ и мысли объ окончательной гибели родины. Римъ былъ тираномъ всего свѣта, желѣвомъ добывалъ онъ себѣ славу и могущество, а поляки—народъ мирный, земледѣльческій:

¹⁾ Чит. „Bibliothèque universelle“ 1830: „...L'un de nos professeurs les plus distingués, m-r Brodzinski est le premier qui a instruit de nos jours un genre de poésie vraiment national et qui n'appartient ni à l'école classique, ni à l'école romantique. Beau par sa simplicité, il est à la fois doux et mélancolique. En le lisant on éprouve l'influence d'un charme irrésistible...“ и т. д. („Lettre sur l'état de la lit. pol.“).

²⁾ Мы привели отрывки изъ него на стр. 48; отмѣтимъ теперь, что Дмоховскій дѣлаетъ довольно справедливыя упреки Бродзинскому относительно языка; такъ напр., нельзя сказать: „Ojczyzna stanem moim“, „Z piekłem niebo łańsuch wije“ или: dzień przyszłości *wiekim liczem*, wiek przeszłości jest *jak niczem*, do przyszłości *utęshnienia w poźne żale przeszłość zmienia*. Здѣсь что ни строчка, то неправильность и т. д.

³⁾ „Pam. Warsz.“ 1820, t. XVII, 396. Въ познанскомъ изд. не напечатано.

Żelazną zastępeły potęgą Rzymiany,
 Miecz zdobywał ich kraje, trzymały kajdany, —
 U nas pługiem żelazo, złotem byli kłosa;
 Koń do boju, iz pługa do obrony kosy.
 Własneśmy tylko ziemie po ojcach orali,
 Przy swoich tylko miedzach szable zatykali.
 A kiedyśmy porządkiem wolność wienczyć chcieli
 Obcy na pola nasze zewsząd się zbieżeli.
 Jeszczej mojej ojczyzny nie biła godzina,
 Gdy dotąd duch jej czuwa w krwi każdego syna.
 Gdy wolność czuć przestali, upadli Rzymianie,
 Ja pojde na kraj świata abym walczył za nie.

Итальянецъ прельщаетъ бѣглеца роскошной природой Италіи, прелестями изящныхъ искусствъ ея, радостями счастливой семейной жизни и предлагаетъ ему забыть о несчастной, погибающей родинѣ, потому-что „для добрыхъ и любящихъ людей всюду отечество“. Но нѣтъ! Полякъ не измѣнитъ отчизнѣ, вернется домой, но тогда, когда родина будетъ свободна; тогда онъ вручитъ саблю отцу, а сердце возлюбленной.

Gdy tak mówił, posłyszał *ukraińskie dумы* ²⁾;
 Ciągną z góry cienistej legionów tłumy;
 Jako strzała naprzeciw leci konik wrony,
 A potomek Rzymianów stoi zadziwiony ³⁾.

Стихотвореніе пользовалось особеннымъ успѣхомъ среди военныхъ ⁴⁾; оно льститъ народной гордости, объясняя всѣ скитанія поль-

¹⁾ „Желѣзною мощью прославился Римъ: мечъ далъ имъ брань, вандалы ихъ держали. У насъ же желѣзо служило для плуговъ, и колосъ былъ золотомъ нашимъ. Отъ плуга мы брали коня на войну; намъ косы были для защиты. Мы только отцовскія земли пахали, на ихъ лишь межѣ свои сабли втыкали. И вотъ, когда вольность съ порядкомъ вѣнчать мы хотѣли, на наши поля отовсюду враги налетѣли... Но нѣтъ, не пришелъ еще часъ для отчизны послѣдній, когда ея духъ—въ крови каждаго сына ея. И Римъ вѣдъ погибъ, когда сталъ равнодушенъ въ свободѣ; а я на край свѣта пойду, защищая ея!“

²⁾ Ср. у Реклевскаго: „Kiedy *Podolskie* wyciągali dумы“ („Halina“, „Pienia wiejskie“, стр. 64—65). Содержание этого стихотворенія отчасти напоминаетъ „Ольдину“ Бродзинскаго.

³⁾ Ср. послѣднія строчки „Спора“ Лермонтова.

⁴⁾ L. Siemieński, „Tryumf poety“.

скихъ войскъ (даже въ Италіи!) патриотическимъ мотивомъ, и возбуждаетъ благородныя чувства, любовь къ свободѣ. Другое дѣло, насколько правъ поэтъ, когда онъ говоритъ, что поляки

Na własnych tylko miedzach szable wtykali;

точно также, мы не станемъ указывать и на странную аномалію, въ силу которой „ukraińskie tłumy“ поведены были биться за „утраченную вольность“ чуждаго имъ государства... Для насъ важно это стихотвореніе только въ художественномъ отношеніи; въ этомъ смыслѣ оно очень удачно. Возвышенный патриотическій тонъ, горячая вѣра въ лучшее будущее уравниваютъ въ немъ чувства отчаянія и горечи по поводу многихъ не сбывшихся надеждъ...

Поэтъ дѣйствительно горячо и искренне любилъ свою родину не только, какъ идею, какъ воспоминаніе о прошломъ, — онъ любилъ ее такую, какою она есть теперь, любилъ ея сѣренькое небо, ея поля, луга, лѣса, ея пѣсни и добрый простой народъ. Эти чувства привязанности къ родному краю выражены имъ въ двухъ глубоко-прочувствованныхъ стихотвореніяхъ: „Pobył na górach karpackich“ ¹⁾ и „Powrót z Włoch“ ²⁾. Изъ лучшихъ произведеній разобраннаго нами періода поэтической дѣятельности Бродзинскаго можно отмѣтить еще большее дидактическое стихотвореніе: „Kłos“ ³⁾, нечуждое достоинствъ и граціи.

Вотъ почти и всѣ оригинальныя произведенія этого періода, заслуживающія вниманія.

Со времени вступленія въ университетъ творчество Бродзинскаго ослабѣваетъ, начинается паденіе его таланта. Такимъ образомъ оскудѣніе поэтической энергіи Бродзинскаго наступило много раньше общаго упадка силъ нашего тщедушнаго и болѣзненнаго поэта.

¹⁾ „Pam. Warsz.“ 1822, январь.

²⁾ Напис. въ Швейцаріи въ 1826 году. Чит. Chmielowski, „Szkycy“... 181, Wels., 439.

³⁾ „Pam. Warsz.“ 1822, VIII, 364. Въ виленск. издан. нѣтъ. Въ познанскомъ I, стр. 21.

IV.

(1822—1835).

Характеръ дѣятельности Бродзинскаго въ этотъ періодъ опредѣляется имъ самимъ въ одной эпиграмѣ:

Wybyłm ja coś budował, ale się nie dało.
Jak się wszystko na lekkie fraszki rozleciało ¹⁾.

Нѣсколько разъ пытался поэтъ создать какое-нибудь крупное, оригинальное произведение, но всѣ попытки были неудачны. Онъ самъ чувствовалъ, что ему „чего-то недоставало“; съ грустью сознается онъ, что уже отжилъ, что уже не въ силахъ создать что-нибудь достойное своего „Вѣслава“ ²⁾ и утѣшаетъ себя слѣдующимъ двустишіемъ:

Góra dziś wszystkie, górą, a ja fraszki z wami;
Wszyscy z drogi do domu wrócimy z fraszkami.

Въ теченіи 1822—23 годовъ Бродзинскій не написалъ почти ни одного стихотворенія. Въ 1824 году онъ уѣхалъ за границу, и отъ этого времени, какъ извѣстно, сохранился дневникъ, доведенный до 1828 года. Дмоховскій, которому принадлежитъ заслуга отысканія и опубликованія дневниковъ поэта, напечаталъ отрывки изъ большой поэмы „*Dwór w Lipinach*“, которую Бродзинскій задумалъ и писалъ въ 1824—25 годахъ. Изъ тѣхъ отрывковъ, какіе сохранились въ этомъ дневникѣ, видно, что Бродзинскій помышлялъ о произведеніи, которое, если бы оно было исполнено, и по характеру, и по содержанію, и по плану должно было бы опередить на много лѣтъ „*Rapa Tadeusza*“. Поэма должна была быть раздѣлена на книги, была писана тринадцати-сложнымъ стихомъ, основана на событіяхъ 1812 года, и даже въ подробностяхъ имѣла много сходства съ знаменитой поэмой Мицкевича.

Изъ содержанія сохранившихся отрывковъ мы узнаемъ, что почтенный сѣдовласый помѣщикъ села Липинъ имѣетъ единственную дочь, руки которой домогается молодой помѣщикъ и сосѣдъ Вацлавъ.

¹⁾ Piśma, t. I, 251.

²⁾ Чит. напр. стихотвореніе „Къ музѣ“.

Вскорѣ послѣ обрученія Вацлавъ идетъ на войну въ рядахъ Наполеоновой арміи. По мысли автора дальше должны были слѣдовать описанія военныхъ событій 1812 года: штурмъ Смоленска, битвы подъ Можайскомъ, пожаръ Москвы и другія событія, очевидцемъ и участникомъ которыхъ былъ самъ Бродзинскій. Изъ дѣйствующихъ лицъ намѣчалась фигура священника, играющаго очень важную роль въ совершающихся событіяхъ; затѣмъ имѣли мѣсто воспоминанія Ганны. Какой однако должна была быть поэма въ цѣломъ, — трудно сказать. Изъ дневника видно, что Бродзинскій нѣсколько разъ возвращался къ ней, начиналъ съизнова, бросалъ, вновь начиналъ, и т. д. Дмоховскій видѣлъ въ свое время часть поэмы съ надписью: книга III. Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, что поэтъ довелъ свою поэму до 3-й книги. Весьма возможно, что онъ сдѣлалъ только наброски первыхъ двухъ книгъ и принялся за ту, которая должна была быть по плану третьей просто потому, что она легче давалась. Во всякомъ случаѣ безспорно, что предпринятый трудъ былъ уже не по силамъ автору, требовалъ болѣе свѣжаго и болѣе сильнаго дарованія. Чтобы составить понятіе объ этой поэмѣ, приведемъ нѣсколько отрывковъ ¹⁾.

Вотъ напр. начало первой сцены:

Z białego dworu Lipin wychodzi dziewczica,
 Z mostu ku jasnym zorzom odwróciła lica,
 Jak bym tem licem zorzy przeciwie się chciała.
 I idzie pod rząd olszyn, kędy droga biała,
 Do boru jodłowego rozwita jak wstęga,
 Staje najwyżej, okiem jak najdalej sięga;
 Ale nie widać wozu z jodłowego boru.
 Jdą z siejby rolnicy do białego dworu;
 Tętnią od paszy na most zapędzony stada,
 Z chwałbą Chrystusa mija z panskiego gromada;
 Aż się zdala od drogi długi cień rozwija,
 Iedzie wóz z nieznanym nadjeżdża i mija...
 Trudno się dłóżej bawić, lub puszczać ku boru.
 Wraca nadobna Hanna do białego dworu ²⁾.

¹⁾ Ни въ виленскомъ, ни въ познанскомъ изданіи этихъ отрывковъ мы не находимъ.

²⁾ „Bibl. Polska“, стр. 375—379.

На дворѣ сидѣлъ самъ помѣщикъ—строгий, угрюмый старикъ, окруженный подобострастной челядью. Его образъ нарисованъ довольно живо и картинно. Эта первая сцена обрывается разговоромъ Ганны съ отцомъ. Извѣстный уже намъ набросокъ сцены, въ которой рассказывается о видѣніяхъ поэта подъ Смоленскомъ (тѣнь Реклевскаго), долженъ былъ повидимому входить въ поэму, какъ одинъ изъ эпизодовъ. Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ постоянствомъ настроеній. За 12 лѣтъ душа поэта не обогатилась новыми впечатлѣніями, и воспоминанія прошлаго въ глазахъ Бродзинскаго не потеряли еще въ 1824—25 годахъ своей цѣнности.

Есть указанія, что поэтъ хотѣлъ замѣнить тринадцати-сложный размѣръ стиха одиннадцати-сложнымъ. Вообще взгляды Бродзинскаго на размѣръ не установились; по вопросу о размѣрѣ онъ велъ переписку съ Челяковскимъ, мнѣнія котораго окончательно сбили его съ толку ¹⁾: онъ пробовалъ написанныя уже строчки передѣлывать другимъ размѣромъ ²⁾. Разсказъ о событіяхъ 1812 года Бродзинскій собирался передать неріемованными стихами гекзаметромъ ³⁾.

Священникъ въ поэмѣ Бродзинскаго напоминаетъ отчасти ксендза Робака въ „Панѣ Тадеушѣ“. Ганна такъ же, какъ Зося,—сирота; обѣ поэмы начинаются описаніемъ барской усадьбы—вотъ немногія черты сходства между двумя поэмами. Изъ нихъ видно, что Бродзинскій инстинктомъ стремился къ изображенію той же среды, которая черезъ 10 лѣтъ дала богатый матеріалъ для знаменитой поэмы Мицкевича. Здѣсь Бродзинскій хотѣлъ видимо оправдать и свои взгляды на идиллію. Помѣщикъ села Липинъ долженъ былъ быть

¹⁾ „Brodziński i Czepakowski“, Фелинки („Kraj“, 1888, № 18, dodatek).

²⁾ Вотъ напр. передѣлка одиннадцати-сложнымъ стихомъ приведеннаго уже нами отрывка:

Widzisz rząd olszyn na krętym strumieniem,
Po białych tarniach, co rzucają cieniem?
Tędy po łąkach z jodłowego boru,
Droga prowadzi do białego dworu.
Od wrót nadobna dziewica wychodzi;
Czy się z słowikiem pod olszami chłodzi? и т. д.

³⁾ Это видно изъ нѣсколькихъ найденныхъ строчекъ:

Wiele wymagasz ode mnie, bo wiesz, jak trudno określić
Tyle zniesionych trudów, zaledwie do wiary podobnych;
Młodzi słuchacze wieściom dawniejszym napół niewierzą,
Znają i pomną, jak żołnierz zwykł to co widział powiększać и т. д.

очевидно образцомъ того идеальнаго пана, — „патріарха, благодѣтеля крестьянъ“ и проч., о которомъ Бродзинскій говоритъ въ своей статьѣ „Объ идилліи“. Но для выполненія замысла не хватило таланта¹⁾.

Послѣднія вспышки таланта Бродзинскаго относятся ко времени революціи 1830—1831 года. Нѣкоторыя стихотворенія его, написанныя въ это время, исполнены огня и патріотизма²⁾. Правда, поэтъ нашелъ возможнымъ перепечатать и старое стихотвореніе: „Ojciec do syna.“³⁾ и сочинить новое въ такомъ же духѣ⁴⁾, по на ряду съ ними есть и превосходныя воззванія къ борьбѣ. Поэтъ вызываетъ на бой всѣхъ, торопитъ ихъ, потому—что „теперь или никогда“ не завоюютъ поляки самостоятельности, и „никто чуждой не спасетъ польскаго народа“⁵⁾. Довольно веселиться, вести разгульную жизнь, пора настала биться за свободу⁶⁾. „Грудь къ груди стойте; какъ одна стѣна, дайте отпоръ насилію; не потеряйте свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отчизны“, взываетъ поэтъ. Въ стихотвореніи „Rok 1830“, безспорно лучшемъ, въ самыхъ яркихъ краскахъ и очень рѣзкомъ тонѣ изображаетъ онъ положеніе польскаго народа до революціи, созданное Вѣнскимъ конгрессомъ, на которомъ

.....w nagrodę trudów

Targ był o ludy same, nie oprawa ludów.

¹⁾ Люціанъ Семенскій упоминаетъ еще объ одной поэмѣ Бродзинскаго, написанной въ 1832 году: „Rozsznica“. Поэтъ изображаетъ блестящую иллюминацію въ Варшавѣ по поводу годовщины 8-го сентября,—оживленную картину томшащагося народа, экипажей, подвозящихъ гостей на балъ во дворецъ. Въ это время по Вислѣ проникаетъ скромный челнокъ до Ольшанки, гдѣ много вдовъ и сиротъ празднуютъ это событіе нѣсколько иначе..... Но ни въ одномъ изъ собраній сочиненій Бродзинскаго, ни въ статьяхъ о немъ мы не нашли никакихъ указаній по поводу этого стихотворенія. Самъ Семенскій, писавшій о немъ еще въ 1859 году, говоритъ, что это произведеніе исчезло, но онъ видимо читалъ его и очень хвалитъ: „piękny ten utwór czas by wydobyć z ukrycia“ (Piśma L. Siemieńskiego, t. VIII, стр. 228).

²⁾ Чит. 1-ю главу, стр. 60—61.

³⁾ „Bard oswobodzonej Polski“, t. I, W. 1830, стр. 38.

⁴⁾ „Dumka“ („Kurjer Polski“, 1831 г., 1 кв., № 467). Смыслъ спорить съ отцомъ, кому идти на войну, и наконецъ идти оба:

Jedzie ojciec w jedną stronę
I zostawia z dziećmi żonę;
A syn z drugieój żegną chatkę
Jedzie bronić spólnę matkę.

⁵⁾ „Patrysta“, № 11, 1830.

⁶⁾ „Do gospodarza“ („Zjednoczenie“ 1831, Lipsa 1).

Въ четвертый разъ тогда „растервали“ Польшу и

Nam dano jakieś prawa, knutem obwiązanie.

Настало время, когда было

Same nazwisko ojca podejrzane w sypie,

когда изъ сердца дѣтей хотѣли вырвать любовь къ родной исторіи и народу, вѣру въ будущее, когда

Słowo w piersi się cofa i wszędzie cichość głucha
Ścian samotnych się lękaj i włosnego ucha.

Пробужденіе народа поэтъ сравниваетъ съ весеннимъ разливомъ Вислы. Она еще лежитъ подъ ледянымъ покровомъ, спокойно и тихо. Но солнце ужъ грѣетъ! Сначала мелкія рѣчки проснутся, почувявъ весну. За ними и Висла, разливаясь все шире и шире, поддерживаемая своими дѣтками, съ трескомъ разобьетъ оковы, и грохотъ ломаемаго льда далеко разнесется, изъ края въ край возвѣщая, что

Царица рѣкъ славянскихъ возвѣщаетъ жизнь!

Чтобы закончить очеркъ поэтической дѣятельности Бродзинскаго, отмѣтимъ еще его эпиграммы и мелкія стихотворенія ¹⁾.

Эти мелкія произведенія нашего поэта могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ для характеристики его личности. Всѣ они писаны какъ-бы въ торопяхъ, между дѣломъ, безъ опредѣленной цѣли и по случайнымъ поводамъ: пришла ли поэту новая мысль, огорченъ ли онъ чѣмъ-нибудь, или доволенъ, онъ выражаетъ свои чувства въ коротенькихъ стихотвореніяхъ. Такъ, недовольный „критиками и рецензентами“, онъ пишетъ:

Do roboty niema waś,
Do krytyki czystej wczas.

Или:

Jak pisać już nie *modnie*, ostrzegam waspana.
—Albo te ja panienka na bał wyszukana?

¹⁾ Самые раннія изъ нихъ относятся къ 1821 году („Dary natury“, „Geniusz“, „Lza“, „Patriotyzm“, „Dobrodziejstwo“, „Żołtaczna“, „Rada życziwa nie mądra“, „Noc poety“, — „Pam. Warsz.“, 1922, XIX). Въ виленское издание сочиненій Бродзинскаго вошли только тѣ эпиграммы, которыя напечатаны въ познанскомъ на 223—248 страницахъ. Остальныя взяты изъ собственноручно писаннаго экземпляра автора, который находится теперь въ библиотекѣ сенатора Ланскаго, получившаго его въ подарокъ отъ Станислава Яницкаго.

отвѣчаетъ онъ, наивно убѣжденный, что новое литературное направление есть только мода. Противъ молодого поколѣнія Бродзинскій выступаетъ съ слѣдующимъ четверостишіемъ:

Smialiście się z jego roli,
Więc wam *stary* na bok zjedzie
I napatrzy się dowoli,
Jak się też to wam powiedzie!

Здѣсь ужь ясно звучитъ нотка старческаго раздраженія и брюзжанія, хотя поэтъ, собственно говоря, по лѣтамъ былъ еще вовсе не старъ.

Въ нѣкоторыхъ эпиграммахъ выражены его философскія, эстетическія и религіозныя воззрѣнія ¹⁾. Во многихъ отражается глубокая скорбь поэта, его отчаяніе по поводу того, что онъ уже отжилъ свое и долженъ уступить дорогу другимъ ²⁾. Такъ напр., сравнивая свою судьбу съ судьбою друга, онъ говоритъ:

On miał morze przesledzać, aż dziecko kołysze;
Ja miał lecieć nad gwiazdy, ano fraszki pisać.

Есть нѣсколько эпиграммъ и въ шутливомъ тонѣ. Лучшая изъ нихъ— „Do chrabąszcza“.

Въ стихотвореніи „Ziemska nagroda“ поэтъ даетъ довольно вѣрную характеристику собственной литературной дѣятельности. Онъ говоритъ:

Kiedy był młodym, mówili starzy:
„Czego nam drogę zachodzi
I o czym nowem marzy?“
Kiedy się starzał, wołali młodzi:
„Czemu on z drogi nie schodzi
I stare rzeczy nam gwarzy?“
*On w starości, jak za młodu
Pełnił, co kazał Duch Święty,
Żył i działał dla narodu,
Jemu, sobie niepojęty.*

¹⁾ Таковы напр. „Wiara“, „Rozsądek“, „Nowa poetyka“, „Filozofia“, „Genjusz“, „Patriotyzm“, „Spółpracownictwo“, „Nasza kolej“, и т. д.

²⁾ „Ziemska nagroda“, „Mój towarzysz“, „Do muzy“, „Spoczynek“, „Skarga“ и друг.

Gdy kiedyś z drzew cieniu
Spokojny potomek siądzie,
O ich zaszczepcy imieniu
Wiedzić nie będzie ¹⁾.

О своей же дѣятельности говоритъ поэтъ еще въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Изъ нихъ три писаны въ послѣдніе годы его жизни: „Посланіе въ Тымовскому“, „Къ пріятелиамъ“ и „Къ Васютинскому“. Въ посланіи „Къ друзьямъ“ онъ такъ выражаетъ свой взглядъ на значеніе общественной и литературной дѣятельности:

Niech o mnie w miastach, w pałacach nie wspomnią,
Na wsi ja sławę chcę zbudować skromną.
*Niechaj przy ucztach niechaj śpiewki moje
I roskochanie śpiewają dziewczoje.*
A kiedy ziemi opuścę mieszkanie,
Tam za ołtarzem na kościółku ścianie,
Gdzie zmarłych dziewcząt zwiędłe wiszą wieńce,
I moje lutnię powieście, młodzieńcze ²⁾.

До послѣдней минуты жизни оставался такимъ образомъ поэтъ вѣренъ своему сентиментально-набожному настроенію! Остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какъ творилъ поэтъ, легко ли давались ему его произведенія, или они требовали труда и усидчивости. Какъ извѣстно, романтики отличались необыкновеннымъ даромъ импровизаціи. Стихи и рѣзмы приходили имъ въ голову почти мгновенно: Мицкевичъ, Словацкій просто утопали въ нихъ. Бродзинскій и въ этомъ отношеніи отличается отъ романтиковъ. Стихи давались ему съ большимъ трудомъ. Дневники поэта, его черновые наброски даютъ намъ данныя для такого утвержденія.

1) „Когда былъ молодъ, старика говорили: „зачѣмъ онъ забѣгаетъ впередъ на дорогу, о чемъ новомъ мечтаетъ?“ Когда я состарился, молодежь кричала: „зачѣмъ онъ не сходитъ съ дороги и старья вещи твердить?“ Я же и въ старости, какъ въ молодости, выполнялъ, что говорилъ мнѣ Духъ Святой, жилъ и трудился для народа, непонятный ему и себѣ самому. И когда потомокъ сповойно засидеть въ тѣни подъ деревомъ о томъ, кто посадилъ его, онъ знать не будетъ“.

2) Чит. „Do przujasó!“. Переводъ: „Пусть обо мнѣ въ палацахъ, въ городахъ не вспоминаютъ: я въ селѣ кочу себѣ составить скромную извѣстность. И пусть въ веселую минуту влюбленныя дѣвчата мои нѣсни распѣвають. А какъ земную я опуню обитель, то тамъ въ костелѣ на стѣнѣ за алтаремъ, гдѣ умершихъ дѣвчатъ висятъ поблекшіе вѣнки, друзья, мою повѣсьте лютню“.

Легкости и гладкости стиха Бродзинскій достигалъ путемъ усиленной работы. Дмоховскій приведетъ напр. нѣсколько версій элегій „Róbyt na Alrach“. Въ каждой слѣдующей версіи замѣтно нѣкоторое улучшение. Бродзинскій прежде всего набрасывалъ на бумагу прозой тѣ мысли, которыя приходили ему въ голову; потомъ старался облечь ихъ въ стихотворную форму¹⁾.

Такимъ образомъ даже въ формальныхъ вопросахъ Бродзинскій болѣе приближается къ писателямъ отжившей эпохи, чѣмъ къ той, которая отмѣчена именами Мицкевича, Словацкаго, Красинскаго, Мальчевскаго, Гоцинскаго и друг.

Разобравъ всѣ поэтическія произведенія Бродзинскаго, мы приходимъ къ тому заключенію, что нашего поэта ни въ какомъ случаѣ нельзя называть романтикомъ. Сентиментализмъ его поэзіи только слегка подернуть рогантическимъ чувствомъ, и то въ немногихъ произведеніяхъ; притомъ вліяніе классической формы и старыхъ образцовъ еще очень велико; талантомъ онъ обладалъ крохотнымъ, хотя чувство природы въ немъ было развито больше, чѣмъ у сентиментальныхъ поэтовъ вообще. На всѣхъ произведеніяхъ Бродзинскаго отразилась его умственная и поэтическая несамостоятельность²⁾, и

¹⁾ Вотъ наприм. начало стихотворенія „Do obłoku“ въ прозѣ: „I dokąd obłoku, jedyny z dolin posłańcze, przez tę się skałę przezdzirasz? Czem że ty jesteś, ty, który z dolin widziany, toś się wydawał orłem piorunnego Jowisza, to wozem Fingała? Czemuś tu jesteś ty!“ и т. д.

Тоже самое выражено въ стихахъ:

Czem ty jesteś, obłoku! który na przestrzenie
Piorunny rzucasz postrach, albo sępe cienie?
Albo zatopy nosisz lub widziany zdale
Toś jest ptakiem Jowisza, to wozem Fingała....

Какъ мы уже знаемъ, видѣніе Реклевскаго тоже было написано сначала прозой.

²⁾ Въ этомъ отношеніи можно согласиться съ Мехержинскимъ („Bibl. Warsz.“ 1859 г.), распространивъ только на всѣ періоды его мнѣніе о первомъ періодѣ литературной дѣятельности Бродзинскаго: „Въ произведеніяхъ поэта замѣтно блужданіе по всѣмъ областямъ поэзіи разнаго направленія и разныхъ временъ. Кто захотѣлъ бы разсмотрѣть порознь каждое его произведеніе, тотъ нашелъ бы почти въ каждомъ частицу того писателя, которымъ онъ занимался въ это время, какой-нибудь слѣдъ выполненныхъ или совершаемыхъ трудовъ“. Но мы не можемъ признать вмѣстѣ съ нимъ въ другихъ произведеніяхъ Бродзинскаго „духъ нѣмецкаго лиризма, оссіанизмъ въ меланхолическихъ стихотвореніяхъ, классицизмъ въ дидактическихъ и наконецъ духъ славянской поэзіи“. Славянской поэзіи, равнымъ образомъ и „нѣмецкаго лиризма“; всего меньше въ произведеніяхъ Бродзинскаго.

всѣ они служатъ превосходнымъ матерьяломъ для выдѣленія законовъ и проявленій вѣчно свершающейся литературной эволюціи, вѣчнаго движенія отъ стараго къ новому.

V.

Огромную общественную заслугу Бродзинскаго составляютъ многочисленныя переводы его съ иностранныхъ языковъ на польскій. Еще въ 1822 г. Дмоховскій писалъ о Бродзинскомъ, что „онъ извѣстенъ не только своими прекрасными переводами, но и оригинальными произведеніями“¹⁾; очевидно тогда уже переводческая дѣятельность Бродзинскаго была оцѣнена по достоинству. Переводы Бродзинскій дѣлалъ частью по собственному выбору, частью по заказу; послѣдніе—преимущественно для сцены. Кромѣ Шиллера и Оссіана, о которыхъ мы уже говорили, онъ переводилъ Гёте, Гердера, Парни, Кохановскаго, Тибулла, Валтеръ - Скотта, народныя пѣсни славянъ, изъ Библии²⁾.

¹⁾ „Gaz. liter.“ 1822.

²⁾ Приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ списокъ его многочисленныхъ переводовъ. Звѣздочкой мы обозначаемъ ненапечатанныя или недодѣланные до насъ переводы. Безъ обозначенія остаются тѣ переводы, которые либо напеч. въ „Pam. W.“, либо вошли въ познанское изданіе соч. Бродзинскаго. 1815 г.: *„Szkodliwe zwierzenie“ оп. Николю, *„Lord zmyślony“ (ком.), *„Rozprawa Fonkla o muzyce“. 1816 г.: *„Wieś w górach“, оп. Вейгля (съ нѣм.), *„Milton“ Спонтанини (ит. оп.), „Kassandra“ Шиллера. 1817 г.: *„Don Juan“ Моцарта, „Abufar“ Дюси (отрывки напеч. въ „Pam. Nauk.“ 1819 г., стр. 257 и слѣд.), *„Kwadrans milczenia“ Гаво (съ фр.), „Pieśni Magadaskaru“ Парни („Pam. Nauk.“). 1818 г.: Двѣ элегіи Тибулла („Pam. W.“ XII), „Baraton“ Оссіана, „Wolny mularz“ Коцебу. 1819 г.: *„Tankred“ Россіи, „Templaryusz“ Райноярда, съ предисловіемъ объ орденахъ Тамплиеровъ; „Safo“ Грильпарцера (передѣлка напеч. въ „Pam. W.“ 1821, 1-й актъ, Бродзинскій перевелъ стихами 2 акта), *„Napoleon sam przez siebie odmalowany“, „Эсэиръ“ Расина (2 акта), „Radosław дума Morlaska“, „Obchód zwycięstwa“ Шиллера, „O potycznej literaturze niemieckiej“. 1820 г.: *„Włoszka w Algierze“ Россіи, *„Szczęśliwe oszukanie“ его же, „Obuczaje Morłachuw z dzieł Fortis“, „O wpływie nauk na rządę...“ Гердера, „O teatrze pod względem moralnym“ Шиллера, „O opinii publicznej“ Гарве, „Stół królewski“ (чешск. повѣсть), „Zdania wschodnie“, „Pieśni literskie“, „Zbichon“ (съ чеш.) „Geniusz“ (Шиллера), „Poeci starożytni“ (его же), „Trzy dziedzictwa“. 1821 г.: „Pieśń ostatniego Barda“ Валтеръ Скотта, „Obuczaje francuzów“ Леди Морганъ, „Sfinx“ Гердера „Cierpienia Wertera“ Гете (отд. изд.); изъ Гете же переведено нѣмъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній; „Zdanie francuzów o Byronie“, „Szczęście“ Шиллера „Żale Ceregy“ id. „Pieśni Serbskie“ („Pam. W.“ XXI, 233), „Poema ostatniego barda“ Валтеръ Скотта. 1822 г.: „Marya Stuart“ Шиллера, два акта (есть только 1-й, т. III), *„Kalmoga“ оригинал. опера (Бродзинскаго?) съ

Всѣ эти переводы, и въ особенности тѣ, которые были предназначены для сцены, распространяли въ широкой публикѣ знаніе родного языка, служили образцами правильной польской рѣчи, и въ этомъ нельзя не признать серьезной заслуги Бродзинскаго въ эпоху всеобщей галломаніи и порчи вкуса. Изъ стихотворныхъ переводовъ Бродзинскаго слѣдуетъ отмѣтить еще переводы изъ Гердера, которыхъ довольно много. Значительная часть ихъ взята изъ сборника „Zerstreute Blätter“¹⁾, который мы имѣли подъ руками и могли сличить и удостовѣриться въ безупречной правильности перевода. Первыми по времени явились „Myśli wschodnie“ („Pam. W“ 1821), потомъ изъ „Греческой антологіи“ (до 30 эпиграммъ). Лучшіе изъ нихъ „Małdrość Lokmana“²⁾, „Wino i kozieł“³⁾, „Lata Niestora“⁴⁾.

Огромный успѣхъ имѣли въ свое время переводы латинскихъ элегій Кохановскаго, впервые появившихся на польскомъ языкѣ въ 1826—30 гг.⁵⁾

Этими переводами Бродзинскій возбудилъ въ польскомъ обществѣ интересъ къ изученію произведеній Кохановскаго и въ данномъ случаѣ на двадцать слишкомъ лѣтъ упредилъ другого замѣчательнаго переводчика, Сырокомлю. Десять элегій Кохановскаго были опущены Бродзинскимъ, а переводъ нѣкоторыхъ сдѣланъ не вполне точно, въ чемъ, поэтъ надѣется, его оправдаютъ тѣ, кто знакомъ съ по-

---

музыккой Курпинскаго. 1823 г.: „O poezji angielskiej“. 1825 г.: „Piękność i wzniosłość“ Канта, напеч. въ „Jutrzenka“ 1835 г.; тамъ-же много эпиграммъ. „O charakterze wieku XVIII“ Ансильона. 1826 г.: элегій Кохановскаго, переводы славянскихъ пѣсенъ. 1827 г.: „Ювъ“. 1830 г.: „Sulamitka“ „Pieśni serbskie“ („Pamiętnik dla pici pięknej W. 1830, t. I—IV), „Pieśni czeskie“, „Do słońca“ Оссіана. Многія изъ напечатанныхъ здѣсь переводовъ не вошли въ познанск. собр. соч. Бродзинскаго. 1832 г.: „Sawitry“, „Treny Jeremiasza“. 1833 г.: „Żeślanie Moizesza“.

1) „Zerstr. Blätter“ von I. G. Herder. Zweite, neu durchgesehene Ausgabe. Gotha, 1791.

2) Ср. „Zerstreute Blätter“, t. IV, 16.

3) Ibid. t. II, 157.

4) Ibid. t. II, 75. Кромѣ того Бродзинскій перевелъ изъ соч. Гердера: „Człowiek i cień“, „Smierć i niewola“, „Laska proroka“.

5) Въ рецензій, помѣщенной въ „Pam. dla pici pięknej“, W. 1830, t. I, сказано объ этомъ переводѣ: „Jasność, zwięzłość, czystość, a co najważniejsza szczęśliwa łatwość w przepolszczaniu mowie Rzymskiej właściwych zwrotów i wyrażeń kładnie ten utwór w rzędzie najszacowniejszych skarbów poezji naszej“ (стр. 47).

длинникомъ (т. II, 9). Кромѣ элегій Кожановскаго онъ перевелъ еще нѣсколько его эпиграммъ: „O Nerei“, „Do Fausta“, „Do przujaci“, „Do mego obgazu“, „Do wieńca“ и друг. ¹⁾.

Въ послѣдніе году своей жизни Бродзинскій, и безъ того релігіозный человѣкъ, впалъ въ мистическо-патріотическое настроеніе. Въ этотъ періодъ явились переводы его изъ Священнаго Писанія: „Іовъ“, „Суламитка“ и „Плачь Іереміа“ ²⁾. Нельзя, впрочемъ, утверждать, чтобы переводы изъ Св. Писанія были навѣяны исключительно релігіознымъ настроеніемъ. „Плачь Іереміа“ по поводу паденія Іерусалима и утраты еврейскимъ народомъ самостоятельности находилъ откликъ въ душѣ нашего поэта, конечно, не въ силу его релігіозности. Что касается другихъ переводовъ изъ Библии, то они тоже отчасти могли возникнуть подъ вліяніемъ Гердера, живо интересовавшагося еврейской поэзіей и между прочимъ въ 1778 году написавшаго небольшое, но въ высшей степени важное сочиненіе о пѣсняхъ любви Соломона, „самое трогательное изъ всего, что когда-либо написалъ Гердеръ“ ³⁾.

Переводы Бродзинскаго не сохранились въ цѣлости ⁴⁾.

¹⁾ Кромѣ того Бродзинскій переводилъ еще нѣкоторыя произведенія знаменитаго латинопольскаго лирика Казимира Сарбѣвскаго.

²⁾ Въ познанскомъ изданіи сочиненій Бродзинскаго напечатаны только „Іовъ“ и „Суламитка“; „Плачь Іереміа“ утерянъ, и о немъ упоминаетъ только Дмоховскій („Bibl. Warsz.“ 1870, III, 225).

³⁾ Г. Геттнеръ, „Исторія всеобщей литературы XVIII в.“, т. III, стр. 34—36.

⁴⁾ На рукописи самого поэта виленскій издатель нашелъ на переводѣ Іова приписку, сдѣланную неизвѣстной рукой слѣдующаго содержанія: „Книга Іова была совершенно окончена Бродзинскимъ, переписана начисто и приготовлена къ печати передъ выѣздомъ автора на карльсбадскія воды въ 1835 году. Я самолично видѣлъ этотъ экземпляръ; въ письмахъ своихъ къ женѣ передъ смертью Бродзинскій нѣсколько разъ упоминалъ объ этомъ переводѣ, опасаясь, какъ бы онъ не потерялся; онъ хотѣлъ его имѣть подъ рукой потому, что, выѣзжая на воды, совсѣмъ больной и усталый, забылъ передать его въ руки жены или мои; но не смотря на всѣ розыскы, мы не могли найти рукописи и предположили, что она дана кому-нибудь для прочтенія или забыта имъ у кого-нибудь изъ знакомыхъ. Весьма возможно, что кто-нибудь даже стащилъ (ściągnął) эту рукопись потихоньку, потому—что Бродзинскій, по своему характеру искренній и доврчивый, предполагалъ эти качества и во всѣхъ другихъ, а его бумаги, точно также какъ и дѣла, были на глазахъ у всѣхъ, безъ укрывательствъ и замнутости...“ Подъ этой припиской стоитъ фамилія F. Hollі и дата—1837-й годъ. Такимъ образомъ исчезъ безслѣдно громадный трудъ неутомимаго Бродзинскаго!

Что касается ихъ достоинствъ, то мы согласны съ Белциковскимъ въ томъ, что „трагически—грозный Іовъ въ своей величественной простотѣ прозаическаго разсказа“ много утратилъ въѣдствіе стихотворнаго перевода; но за то лирическія пѣсни Соломона, которыя, встаети сказать, и были написаны, какъ всѣ народныя произведенія, ритмическимъ размѣромъ,—выиграли отъ стихотворнаго переложенія. Переводъ исполненъ превосходно. Онъ дышетъ нѣгой и сладострастіемъ Востока. Когда Суламитка говоритъ:

Póki nie minie dzień,
Póki nie zbiegnie cień,
Pojdę do mirrhy gór,
Pojdę na wzgórkі zioł... и т. д.,

чувствуешь себя перенесеннымъ на Востокъ. Очень хороши и другія переведенныя пѣсни, напр. 10:

Spię, ale serce czuwa:
Słyszę głos kochanka mego,
On puka:
„Otwórz, siostró, przyjaciółko!
Mój gołąbku, moja miła,
Ach! otwórz!“

—Szata moja zewłeczona,
Jakże ja wstanę?
Nogi moje są umyte,
Jak że ja pojdę?

On ściągnął rękę za kratę,
Aż serce we mnie zadrżało;
Pospiesznie wstałam miłemu,
Miłemu memu otworzyć ¹⁾.

1) Это поэтическое стихотвореніе есть въ превосходномъ переводѣ Мей, нѣсколько далеко, впрочемъ, отъ подлинника:

Силью, но седце мое чуткое не спить:
За дверями голосъ милаго звучить:
„Отвори, моя невѣста, отвори,
Догорѣло пламя алое зари“... и т. д.

Но если переводы изъ Библии только отчасти вызваны трудами Гердера, то переводомъ народныхъ пѣсенъ и интересомъ къ народной поэзіи вообще Бродзинскій всецѣло обязанъ Гердеру, о чемъ мы и будемъ говорить ниже.

Н. Арабажинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Принципъ наименьшаго дѣйствія въ связи съ преобразованіемъ дифференціальныхъ выраженій втораго порядка.

1.

Цѣль замѣтки.

Извѣстно, что интегралы уравненій движенія системы матеріальныхъ точекъ, въ случаѣ существованія силовой функціи, обращаютъ въ наименьшую величину интеграль:

$$\int (T + U) dt,$$

гдѣ T есть живая сила, а U силовая функція. Цѣль настоящей замѣтки—показать, какъ безъ помощи варіаціоннаго исчисленія найти наименьшую величину этого интеграла. При этомъ обнаружится одно важное свойство той характеристической функціи, удовлетворяющей уравненію съ частными производными, при помощи которой выражаются всѣ интегралы уравненій движенія. Весь вопросъ можетъ быть приведенъ къ простому преобразованію дифференціальныхъ выраженій втораго порядка.

2.

Обозначенія.

Прежде всего условимся въ нѣкоторыхъ обозначеніяхъ.

Будемъ обозначать чрезъ δP произвольное выраженіе, линейное относительно дифференціаловъ:

$$\delta P = P_1 dp_1 + P_2 dp_2 + \dots$$

Такое обозначеніе мы будемъ употреблять, чтобы отличить это выраженіе отъ полнаго дифференціала функціи P , который обозначается чрезъ dP ,

$$\partial P = \frac{\partial P}{\partial p_1} \partial p_1 + \frac{\partial P}{\partial p_2} \partial p_2 \dots$$

По такой же причинѣ мы вводимъ обозначеніе $\delta^2 P$, подъ которымъ будемъ подразумѣвать произвольное выраженіе, содержащее дифференціалы во второй степени:

$$\delta^2 P = \sum P_{ik} \partial p_i \partial p_k.$$

3.

Лемма.

Возьмемъ произвольное выраженіе второй степени относительно дифференціаловъ переменныхъ $p_1, p_2, \dots, p_n$,

$$\delta^2 P = \sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k. \tag{1}$$

Положимъ, что определитель,

$$\begin{vmatrix} P_{11}, & P_{12}, & \dots & P_{1n} \\ P_{21}, & P_{22}, & \dots & P_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ P_{n1}, & P_{n2}, & \dots & P_{nn} \end{vmatrix}$$

составленный изъ коэффициентовъ этого выраженія, тождественно обращается въ нуль. Покажемъ, что въ этомъ выраженіи, не нарушая его общности, преобразованиемъ къ новымъ переменнымъ можно уменьшить число дифференціаловъ на одну единицу.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ выраженіе (1) разными способами можно привести къ суммѣ $n - 1$ членовъ:

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k = A_1 \delta R_1^2 + A_2 \delta R_2^2 + \dots + A_{n-1} \delta R_{n-1}^2, \tag{2}$$

гдѣ δR означаютъ нѣкоторые выраженія, линейныя относительно дифференціаловъ:

$$\delta R_i = \sum_{k=1}^{k=n} R_{ik} \partial p_k.$$

Далѣе уравненія:

$$\delta R_1 = 0, \delta R_2 = 0, \dots \delta R_{n-1} = 0$$

представляютъ собою систему совокупныхъ обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій перваго порядка. Найдемъ интегралы этихъ уравненій. Изъ этихъ интеграловъ переменныя $p_2, p_3, \dots p_n$ опредѣляются чрезъ p_1 и $n-1$ произвольныхъ постоянныхъ; означимъ постоянныя чрезъ $q_1, q_2, \dots q_{n-1}$. Пусть искомыя интегралы будутъ:

$$p_i = f_i(p_1, q_1, q_2, \dots q_{n-1}),$$

$$(i = 2, 3, \dots n).$$

Если теперь найденныя значенія $p_2, p_3, \dots p_n$ подставимъ въ выраженія:

$$\delta R_1, \delta R_2, \dots \delta R_{n-1}, \quad (3)$$

то эти выраженія тождественно обратятся въ нули, если будемъ разсматривать $q_1, q_2, \dots q_{n-1}$ какъ постоянныя. Если же будемъ разсматривать $q_1, q_2, \dots q_{n-1}$ какъ новыя переменныя, то выраженія (3) уже не обратятся въ нули, но будутъ находиться въ нѣкоторой линейной зависимости отъ $\delta q_1, \delta q_2, \dots \delta q_{n-1}$,

$$\delta R_i = \sum_{k=1}^{k=n-1} A_{ik} \delta q_k.$$

Подставивъ найденныя выраженія въ тождество (2), получимъ:

$$\sum_1^n P_{ik} \delta p_i \delta p_k = \sum_1^{n-1} Q_{ik} \delta q_i \delta q_k,$$

что и требовалось доказать.

Во второй части входятъ дифференціалы $n-1$ переменныхъ $q_1, q_2, \dots q_{n-1}$; но коэффициенты Q_{ik} , кромѣ этихъ переменныхъ, могутъ содержать еще переменное p_1 .

4.

Первое преобразование.

Пусть дано произвольное дифференціальное выраженіе втораго порядка:

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k .$$

Опредѣлимъ функцію q отъ переменныхъ $p_1, p_2, \dots, p_n$ такъ, чтобы опредѣлитель выраженія:

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k - 2 \partial q \partial p_1$$

или

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k - 2 \partial p_1 \sum_1^n \frac{\partial q}{\partial p_i} \partial p_i \tag{4}$$

обращался въ нуль,

$$\begin{vmatrix} P_{11} - 2 \frac{\partial q}{\partial p_1}, & P_{12} - \frac{\partial q}{\partial p_2}, & \dots & P_{1n} - \frac{\partial q}{\partial p_n} \\ P_{21} - \frac{\partial q}{\partial p_2}, & P_{22}, & \dots & P_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ P_{n1} - \frac{\partial q}{\partial p_n}, & P_{n2}, & \dots & P_{nn} \end{vmatrix} = 0 \tag{5}$$

Въ такомъ случаѣ выраженіе (4), по только что доказанной леммѣ, можетъ быть приведено къ формѣ:

$$\sum_1^{n-1} Q_{ik} \partial q_i \partial q_k .$$

Отсюда мы имѣемъ слѣдующее тождество:

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k = 2 \partial q \partial p_1 + \sum_1^{n-1} Q_{ik} \partial q_i \partial q_k \tag{6}$$

Къ такой формѣ можетъ быть приведено всякое дифференціальное выраженіе второго порядка.

5.

Слѣдствія перваго преобразованія.

Мы показали, что произвольное дифференціальное выраженіе втораго порядка можетъ быть приведено къ формѣ (6), гдѣ переменныя $q, q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ опредѣляются изъ нѣкоторыхъ дифференціальныхъ уравненій. Прежде всего q опредѣляется изъ дифференціального уравненія (5) съ частными производными перваго порядка.

Покажемъ, что если извѣстенъ полный интеграль уравненія (5), то въ уравненіи (6) переменныя $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ опредѣлятся какъ частныя производныя по постояннымъ отъ функции q .

Пусть полный интеграль уравненія (5) будетъ

$$q = \varphi(p_1, p_2, \dots, p_n, c_1, c_2, \dots, c_{n-1}) + b,$$

гдѣ $b, c_1, c_2, \dots, c_{n-1}$ произвольныя постоянныя. Въ уравненіи (6) функции $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ и коэффициенты Q_{ik} будутъ также функциями переменныхъ $p_1, p_2, \dots, p_n$ и постоянныхъ $c_1, c_2, \dots, c_{n-1}$.

Такъ какъ первая часть уравненія (6) независима отъ постоянныхъ, то производная отъ второй части по каждому изъ постоянныхъ $c_1, c_2, \dots, c_{n-1}$ обратится въ нуль,

$$0 = 2 \, dp_1 \, d \left(\frac{\partial q}{\partial c} \right) + 2 \sum_1^{n-1} Q_{ik} \, dq_i \, d \left(\frac{\partial q_k}{\partial c} \right) + \sum_1^{n-1} \frac{\partial Q_{ik}}{\partial c} \, dq_i \, dq_k.$$

Отсюда находимъ

$$2 \sum_1^{n-1} Q_{ik} \, dq_i \, d \left(\frac{\partial q_k}{\partial c} \right) + \sum_1^{n-1} \frac{\partial Q_{ik}}{\partial c} \, dq_i \, dq_k = - 2 \, dp_1 \, d \left(\frac{\partial q}{\partial c} \right).$$

Это равенство должно быть простымъ тождествомъ; но вторая часть разлагается на два множителя, слѣдовательно и первая часть должна также разлагаться на два множителя. Выразимъ $\frac{\partial q_1}{\partial c}, \frac{\partial q_2}{\partial c}, \dots, \frac{\partial q_{n-1}}{\partial c}$ въ функции независимыхъ переменныхъ: $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ и p_1 и подставимъ ихъ выраженія въ первую часть; послѣ этого первая часть должна разбиться на два множителя, одинъ изъ которыхъ будетъ dp_1 . Если мы примемъ еще

во вниманіе, что въ первой части не должно быть члена, содержащаго ∂p_1^2 , ибо въ каждомъ членѣ неизмѣнно входитъ одинъ изъ дифференціаловъ: $\partial q_1, \partial q_2, \dots \partial q_{n-1}$, то послѣ указанныхъ преобразованій получимъ въ первой части:

$$\partial p_1 (H_1 \partial q_1 + H_2 \partial q_2 + \dots + H_{n-1} \partial q_{n-1}) = - 2 \partial p_1 \partial \left(\frac{\partial q}{\partial c} \right),$$

откуда, по сокращеніи на ∂p_1 ,

$$H_1 \partial q_1 + H_2 \partial q_2 + \dots + H_{n-1} \partial q_{n-1} = - 2 \partial \left(\frac{\partial q}{\partial c} \right).$$

Отсюда мы заключаемъ, что $\frac{\partial q}{\partial c}$ есть нѣкоторая функція переменныхъ $q_1, q_2, \dots q_{n-1}$.

Итакъ $\frac{\partial q}{\partial c_1}, \frac{\partial q}{\partial c_2}, \dots \frac{\partial q}{\partial c_{n-1}}$ суть функціи переменныхъ $q_1, q_2, \dots q_{n-1}$. Легко придти къ обратному заключенію, что вторыя величины суть функціи первыхъ величинъ,

$$q_i = F_i \left(\frac{\partial q}{\partial c_1}, \frac{\partial q}{\partial c_2}, \dots \frac{\partial q}{\partial c_{n-1}} \right).$$

Но въ уравненіи (6) переменныя $q_1, q_2, \dots q_{n-1}$ можно замѣнить произвольными функціями другихъ переменныхъ; положимъ

$$q_i = F_i (q_1', q_2', \dots q_n').$$

Послѣ такого преобразованія мы нашли бы, что $q_i' = \frac{\partial q}{\partial c_i}$.

Итакъ, не нарушая общности рѣшенія, мы можемъ положить

$$q_i = \frac{\partial q}{\partial c_i}. \tag{7}$$

Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

Произвольное дифференціальное выраженіе втораго порядка всегда можетъ быть приведено къ формѣ (6), гдѣ q есть функція, удовлетворяющая дифференціальному уравненію съ частными производными (5), переменныя же $q_1, q_2, \dots q_{n-1}$ суть частныя производныя функціи q по постояннымъ.

6.

Наименьшая величина интеграла, найденная первымъ преобразованиемъ.

Указанное выше преобразование даетъ возможность найти наименьшую величину интеграла:

$$\int \sum_1^n P_{\alpha} \frac{\partial p_{\alpha}}{\partial p_1} \frac{\partial p_{\alpha}}{\partial p_1} dp_1 \tag{8}$$

Задача состоитъ въ опредѣленіи переменныхъ $p_2, p_3, \dots, p_n$ въ функцию одного переменнаго p_1 такъ, чтобы этотъ интегралъ пріобрѣталъ наименьшую величину.

Положимъ, что предѣлы интеграла даны, что для каждаго изъ предѣловъ всѣ переменныя принимаютъ данныя напередъ значенія; пусть при верхнемъ предѣлѣ переменныя принимаютъ значенія $p_1'', p_2'', \dots, p_n''$, при нижнемъ— $p_1', p_2', \dots, p_n'$.

Въ выраженіи

$$\sum_1^n P_{\alpha} dp_{\alpha} dp_{\alpha} \tag{9}$$

отбросимъ члены, содержащіе dp_1 , послѣ чего получимъ:

$$\sum_2^n P_{\alpha} dp_{\alpha} dp_{\alpha}. \tag{10}$$

Если послѣднее выраженіе для всѣхъ значеній переменныхъ, заключенныхъ между предѣлами интегрированія, и для всевозможныхъ значеній дифференціаловъ $dp_2, dp_3, \dots, dp_n$ сохраняетъ положительную величину, то интегралъ (8) дѣйствительно можетъ пріобрѣтать нѣкоторое наименьшее значеніе, что и будетъ показано далѣе.

Преобразуемъ выраженіе (9) по формулѣ (6):

$$\sum_1^n P_{\alpha} dp_{\alpha} dp_{\alpha} = 2 dq dp_1 + \sum_1^{n-1} Q_{\alpha} dq_{\alpha} dq_{\alpha}.$$

Перемѣнныя $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ выражаются (7) чрезъ прежнія перемѣнныя и произвольныя постоянныя $c_1, c_2, \dots, c_{n-1}$. Выберемъ эти постоянныя такъ, чтобы значенія перемѣнныхъ $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ при верхнемъ предѣлѣ были бы равны соотвѣтствующимъ значеніямъ перемѣнныхъ при нижнемъ предѣлѣ:

$$q_1'' = q_1', q_2'' = q_2', \dots, q_{n-1}'' = q_{n-1}'.$$

Послѣ такого опредѣленія наименьшая величина интеграла (8) опредѣляется весьма просто слѣдующимъ образомъ.

При помощи уравненія (6) интегралъ (8) приводится къ формѣ:

$$\int \left(2 \frac{\partial q}{\partial p_1} + \sum_1^{n-1} Q_{ik} \frac{\partial q_i}{\partial p_1} \frac{\partial q_k}{\partial p_1} \right) \partial p_1.$$

Взявъ интегралъ отъ перваго члена, получимъ:

$$2q'' - 2q' + \int \sum_1^{n-1} Q_{ik} \frac{\partial q_i}{\partial p_1} \frac{\partial q_k}{\partial p_1} \partial p_1. \tag{11}$$

Остается найти наименьшую величину послѣдняго интеграла, такъ какъ q' и q'' суть постоянныя величины.

Положивъ въ обѣихъ частяхъ уравненія (6) $\partial p_1 = 0$, получимъ:

$$\sum_2^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k = \sum_1^{n-1} Q_{ik} \partial q_i \partial q_k.$$

Но первая часть по условію всегда положительна, слѣдовательно и вторая часть также положительна. Но вторая часть, раздѣленная на ∂p_1^2 , представляетъ подынтегральную функцію въ выраженіи (11). Отсюда слѣдуетъ, что подынтегральная функція въ выраженіи (11) всегда положительна; наименьшее ее значеніе равно нулю, что имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда

$$\frac{\partial q_1}{\partial p_1} = 0, \frac{\partial q_2}{\partial p_1} = 0, \dots, \frac{\partial q_{n-1}}{\partial p_1} = 0.$$

Отсюда слѣдуетъ, что $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ постоянны. Такое рѣшеніе не противорѣчитъ сдѣланному раньше опредѣленію функцій $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$, въ

силу котораго значенія этихъ функцій при верхнемъ предѣлѣ равны соотвѣтствующимъ значеніямъ при нижнемъ предѣлѣ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

Если q есть полный интегралъ уравненія (5), содержащій $n - 1$ произвольныхъ постоянныхъ $c_1, c_2, \dots, c_{n-1}$, то уравненія:

$$\frac{\partial q}{\partial c_1} = a_1, \quad \frac{\partial q}{\partial c_2} = a_2, \quad \dots \quad \frac{\partial q}{\partial c_{n-1}} = a_{n-1}, \quad (12)$$

въ которыхъ $a_1, a_2, \dots, a_{n-1}$ суть также произвольныя постоянныя, обращаютъ интегралъ (8) въ наименьшую величину.

Уравненія (12) содержатъ $2n - 2$ произвольныхъ постоянныхъ, которыя опредѣляются изъ того условія, что переменныя $p_1, p_2, \dots, p_n$ даны для каждаго предѣла. Въ самомъ дѣлѣ, подставляя въ уравненія (12) значенія этихъ переменныхъ сначала для верхняго, потомъ для нижняго предѣла, получимъ необходимое число уравненій для опредѣленія всѣхъ постоянныхъ.

7.

Второе преобразование.

Мы можемъ всегда опредѣлить q , какъ функцію переменныхъ $p_1, p_2, \dots, p_n$, такъ, чтобы опредѣлитель выраженія:

$$\sum_1^n P_{ik} dp_i dp_k - dq^2 = \sum_1^n \left(P_{ik} - \frac{\partial q}{\partial p_i} \frac{\partial q}{\partial p_k} \right) dp_i dp_k \quad (13)$$

обращался въ нуль,

$$\begin{vmatrix} P_{11} - \left(\frac{\partial q}{\partial p_1} \right)^2 & P_{12} - \frac{\partial q}{\partial p_1} \frac{\partial q}{\partial p_2} & \dots & P_{1n} - \frac{\partial q}{\partial p_1} \frac{\partial q}{\partial p_n} \\ P_{21} - \frac{\partial q}{\partial p_1} \frac{\partial q}{\partial p_2} & P_{22} - \left(\frac{\partial q}{\partial p_2} \right)^2 & \dots & P_{2n} - \frac{\partial q}{\partial p_2} \frac{\partial q}{\partial p_n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ P_{n1} - \frac{\partial q}{\partial p_1} \frac{\partial q}{\partial p_n} & P_{n2} - \frac{\partial q}{\partial p_2} \frac{\partial q}{\partial p_n} & \dots & P_{nn} - \left(\frac{\partial q}{\partial p_n} \right)^2 \end{vmatrix} = 0.$$

Повысивъ порядокъ опредѣлителя на одну единицу, мы приведемъ это уравненіе къ слѣдующему виду:

$$\begin{vmatrix} 1 & , & \frac{\partial q}{\partial p_1} & , & \frac{\partial q}{\partial p_2} & , & \dots & , & \frac{\partial q}{\partial p_n} \\ \frac{\partial q}{\partial p_1} & , & P_{11} & , & P_{12} & , & \dots & , & P_{1n} \\ \frac{\partial q}{\partial p_2} & , & P_{21} & , & P_{22} & , & \dots & , & P_{2n} \\ \dots & & \dots & & \dots & & \dots & & \dots \\ \frac{\partial q}{\partial p_n} & , & P_{n1} & , & P_{n2} & , & \dots & , & P_{nn} \end{vmatrix} = 0. \quad (14)$$

Если q удовлетворяетъ послѣднему уравненію, то, на основаніи раньше доказанной леммы ($n^\circ 3$), въ выраженіи (13) преобразованіемъ къ новымъ переменнымъ можно уменьшить число дифференціаловъ на одну единицу. Сдѣлавъ это, найдемъ:

$$\sum_1^n P_{ik} dp_i dp_k = dq^2 + \sum_1^{n-1} Q_{ik} dq_i dq_k. \quad (15)$$

Къ такой формѣ можетъ быть приведено произвольное дифференціальное выраженіе втораго порядка.

8.

Слѣдствія втораго преобразованія.

Функция q , входящая въ равенство (15), опредѣляется изъ уравненія (14). Полный интегралъ этого уравненія,

$$q = \varphi (p_1, p_2, \dots, p_n, c_1, c_2, \dots, c_{n-1}),$$

содержитъ $n-1$ произвольныхъ постоянныхъ (не считая прибавочнаго постояннаго). Покажемъ, что переменныя $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$, входящія въ уравненіе (15), опредѣлятся, какъ частныя производныя функции q по постояннымъ.

Если мы вмѣсто $q, q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ подставимъ ихъ выраженія чрезъ прежнія переменныя, то равенство (15) обратится въ тождество. Вторая часть будетъ содержать произвольныя постоянныя, а первая нѣтъ; поэтому производная отъ второй части по каждому постоянному обратится въ нуль:

$$0 = 2 \, dq \, \partial \left(\frac{\partial q}{\partial c} \right) + 2 \sum_1^{n-1} Q_{ik} \, \partial q_i \, \partial \left(\frac{\partial q_k}{\partial c} \right) + \sum_1^{n-1} \frac{\partial Q_{ik}}{\partial c} \, \partial q_i \, \partial q_k.$$

Отсюда

$$2 \sum_1^{n-1} Q_{ik} \, \partial q_i \, \partial \left(\frac{\partial q_k}{\partial c} \right) + \sum_1^{n-1} \frac{\partial Q_{ik}}{\partial c} \, \partial q_i \, \partial q_k = -2 \, dq \, \partial \left(\frac{\partial q}{\partial c} \right)$$

Это равенство должно быть простымъ тождествомъ; но вторая часть разлагается на два множителя, слѣдовательно и первая часть разложится также на два множителя. Если вмѣсто $\frac{\partial q_1}{\partial c}, \frac{\partial q_2}{\partial c}, \dots, \frac{\partial q_{n-1}}{\partial c}$ подставимъ ихъ выраженія чрезъ переменныя $q, q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$, то первая часть разложится на два множителя, при чемъ одинъ изъ нихъ будетъ $dq \dots$

Разсуждая подобнымъ образомъ, какъ и раньше (n^0 5), мы придемъ къ тому заключенію, что, не нарушая общности рѣшенія, можно положить

$$q_i = \frac{\partial q}{\partial c_i}. \quad (16)$$

9.

Наименьшая величина интеграла, найденная вторымъ преобразованіемъ.

Покажемъ теперь, какъ найти наименьшую величину интеграла

$$\int \left(\sum_1^n P_{ik} \, \partial p_i \, \partial p_k \right)^{\frac{1}{2}}. \quad (17)$$

Положимъ, что предѣльныя значенія переменныхъ даны. Пусть при верхнемъ предѣлѣ переменныя пріобрѣтаютъ значенія $p_1'', p_2'', \dots, p_n''$ и при нижнемъ— $p_1', p_2', \dots, p_n'$.

Задача состоитъ въ томъ, чтобы выразить всё переменныя чрезъ одно изъ нихъ такимъ образомъ, чтобы интеграль пріобрѣталъ наименьшую величину.

Положимъ, что выраженіе

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k \quad (18)$$

для всѣхъ значеній переменныхъ между предѣлами и для всевозможныхъ значеній дифференціаловъ сохраняетъ положительную величину. Покажемъ, что въ такомъ случаѣ интеграль (17) дѣйствительно достигаетъ нѣкоторой наименьшей величины.

Преобразуемъ выраженіе (18) по формулѣ (15):

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k = \partial q^2 + \sum_1^{n-1} Q_{ik} \partial q_i \partial q_k. \quad (15)$$

Функция q опредѣляется изъ уравненія (14), а $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ опредѣляются по формуламъ (16). Всѣ эти функции содержатъ $n-1$ произвольныхъ постоянныхъ $c_1, c_2, \dots, c_{n-1}$. Опредѣлимъ эти постоянныя такимъ образомъ, чтобы значенія $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ при верхнемъ предѣлѣ были равны соотвѣтствующимъ значеніямъ при нижнемъ предѣлѣ:

$$q_1'' = q_1', \quad q_2'' = q_2', \quad \dots \quad q_{n-1}'' = q_{n-1}'.$$

Интеграль (17) по формулѣ (15) преобразуется къ виду:

$$\int \left(1 + \sum_1^{n-1} Q_{ik} \frac{\partial q_i}{\partial q} \frac{\partial q_k}{\partial q} \right)^{\frac{1}{2}} \partial q. \quad (19)$$

Мы полагаемъ, что выраженіе (18) сохраняетъ всегда положительную величину, а потому и вторая часть уравненія (15) также сохраняетъ положительную величину. Отсюда слѣдуетъ, что подынтегральная функция въ выраженіи (19) всегда болѣе единицы; наименьшее значеніе этой функции равно единицѣ, что имѣетъ мѣсто, если

$$\frac{\partial q_1}{\partial q} = 0, \quad \frac{\partial q_2}{\partial q} = 0, \quad \dots \quad \frac{\partial q_{n-1}}{\partial q} = 0.$$

Отсюда слѣдуетъ, что $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ должны быть постоянныя величины. Такое рѣшеніе не противорѣчитъ сдѣланному раньше опредѣленію этихъ функцій, въ силу котораго соотвѣтственныя значенія $q_1, q_2, \dots, q_{n-1}$ при обоихъ предѣлахъ равны.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

Если q есть полный интегралъ уравненія (14), содержащій $n-1$ произвольныхъ постоянныхъ $c_1, c_2, \dots, c_{n-1}$, то уравненія:

$$\frac{\partial q}{\partial c_1} = a_1, \quad \frac{\partial q}{\partial c_2} = a_2, \quad \dots \quad \frac{\partial q}{\partial c_{n-1}} = a_{n-1}, \quad (20)$$

въ которыхъ $a_1, a_2, \dots, a_{n-1}$ суть нѣкоторыя постоянныя величины, обращаютъ интегралъ (17) въ наименьшую величину.

Постоянныя уравненій (20) опредѣляются изъ того условія, что значенія переменныхъ даны для каждаго предѣла. Въ самомъ дѣлѣ, подставивъ въ уравненія (20) вмѣсто $p_1, p_2, \dots, p_n$ ихъ значенія сначала для верхняго предѣла, потомъ для нижняго предѣла, мы получимъ необходимое число уравненій для опредѣленія всѣхъ постоянныхъ.

10.

Интегралъ наименьшаго дѣйствія.

Покажемъ теперь, какъ находится наименьшая величина интеграла

$$\int (T + U) dt,$$

въ которомъ T есть живая сила, а U силовая функція.

Разсмотримъ самый общій случай, когда условія системы зависятъ явно отъ времени; тогда, по приведеніи къ наименьшему числу переменныхъ, живая сила приметъ слѣдующее выраженіе:

$$T = \frac{1}{2} \sum_{i,k} P_{ik} \frac{\partial p_i}{\partial t} \frac{\partial p_k}{\partial t} + \sum_{i=1}^n P_i \frac{\partial p_i}{\partial t} + \frac{1}{2} P.$$

Подставивъ это выраженіе, получимъ интеграль:

$$\int \left(\frac{1}{2} \sum_1^n P_{ik} \frac{\partial p_i}{\partial t} \frac{\partial p_k}{\partial t} + \sum_1^n P_i \frac{\partial p_i}{\partial t} + \frac{1}{2} P + U \right) dt. \quad (21)$$

По даннымъ раньше правиламъ (n° 6) необходимо прежде всего опредѣлить функцію q изъ уравненія:

$$\begin{vmatrix} P + 2U - 2 \frac{\partial q}{\partial t} & , & P_1 - \frac{\partial q}{\partial p_1} & , & P_2 - \frac{\partial q}{\partial p_2} & , & \dots & P_n - \frac{\partial q}{\partial p_n} \\ P_1 - \frac{\partial q}{\partial p_1} & , & P_{11} & , & P_{12} & , & \dots & P_{1n} \\ P_2 - \frac{\partial q}{\partial p_2} & , & P_{21} & , & P_{22} & , & \dots & P_{2n} \\ \dots & & \dots & & \dots & & \dots & \dots \\ P_n - \frac{\partial q}{\partial p_n} & , & P_{n1} & , & P_{n2} & , & \dots & P_{nn} \end{vmatrix} = 0$$

Найдемъ полный интеграль этого уравненія:

$$q = \varphi(t, p_1, p_2, \dots, p_n, c_1, c_2, \dots, c_n) + b.$$

Уравненія (n° 6):

$$\frac{\partial q}{\partial c_1} = a_1, \quad \frac{\partial q}{\partial c_2} = a_2, \quad \dots, \quad \frac{\partial q}{\partial c_n} = a_n$$

обращаютъ интеграль (21) въ наименьшую величину.

Постоянныя найденныхъ уравненій опредѣлятся чрезъ предѣльныя значенія переменныхъ $t, p_1, p_2, \dots, p_n$.

11.

Вторая форма наименьшаго дѣйствія.

Положимъ, что силовая функція и условія системы независимы явно

отъ времени. Въ такомъ случаѣ P_i и P въ выраженіи (21) обратятся въ нули. Интегралъ наименьшаго дѣйствія приметъ форму:

$$\int \left(\frac{1}{2} \sum_1^n P_{ik} \frac{\partial p_i}{\partial t} \frac{\partial p_k}{\partial t} + U \right) dt. \quad (22)$$

Для нахожденія наименьшей величины этого интеграла, по доказанному раньше (н^о. 6 и 5), нужно опредѣлить функцію q такъ, чтобы опредѣлитель выраженія

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k + 2 U dt^2 - 2 dq dt \quad (23)$$

обращался въ нуль.

Подъинтегральная функція (22) по условію не содержитъ явно времени; поэтому мы можемъ опредѣлить и q такъ, чтобы dq не содержалъ явно времени; для этой цѣли нужно положить

$$q = V - ht,$$

гдѣ V не содержитъ t и h постоянная величина. Подставивъ это значеніе въ выраженіе (23), найдемъ:

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k + 2(U + h) dt^2 - 2 dV dt.$$

Это выраженіе приводится къ слѣдующему виду:

$$2(U + h) \left(dt - \frac{\partial V}{2(U + h)} \right)^2 + \sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k - \frac{\partial V^2}{2(U + h)}.$$

Опредѣлитель этого выраженія, какъ было сказано раньше, долженъ обращаться въ нуль. Но этотъ опредѣлитель равенъ $2(U + h)$ умноженному на опредѣлителя выраженія:

$$\sum_1^n P_{ik} \partial p_i \partial p_k - \frac{\partial V^2}{2(U + h)}.$$

Слѣдовательно, опредѣлитель этого послѣдняго выраженія долженъ равняться нулю. Но послѣднее выраженіе не содержитъ ни t и dt . Умноживъ послѣднее выраженіе на $2(U + h)$, получимъ:

$$2(U + h) \sum_1^n P_{ik} dp_i dp_k - \partial V^2.$$

Опредѣлитель и этого выраженія также долженъ обращаться въ нуль. Если мы опредѣлимъ такимъ образомъ V , то уравненія:

$$\frac{\partial V}{\partial c_1} = a_1, \quad \frac{\partial V}{\partial c_2} = a_2, \quad \dots, \quad \frac{\partial V}{\partial c_{n-1}} = a_n, \quad (24)$$

по доказанному раньше (n° 9) обратятъ интеграль:

$$\int (U + h)^{\frac{1}{2}} \left(\sum_1^n P_{ik} dp_i dp_k \right)^{\frac{1}{2}} \quad (25)$$

въ наименьшую величину.

Но тѣ же уравненія (24) съ добавленіемъ одного уравненія, содержащаго время,

$$\frac{\partial V}{\partial h} - t = c.$$

обращаютъ интеграль (22) также въ наименьшую величину.

Итакъ интегралы (22) и (25) пріобрѣтаютъ наименьшія величины при тѣхъ же зависимостяхъ между переменными.

Если мы изъ уравненій движенія исключимъ время, то полученныя уравненія обратятъ интеграль (25) въ наименьшую величину.

Къ такой формѣ (25) начало наименьшаго дѣйствія было приведено Якоби въ *Vorlesungen über Dynamik* (стр. 45. 1866).

В. Ермановъ.

Февраля 21. 1891 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Средніе вѣка обыкновенно разсматриваютъ, какъ мрачную эпоху полуварварства или совершеннаго варварства, какъ періодъ исторіи, который резюмируется въ двухъ словахъ: невѣжество и суевѣріе. Въ доказательство этого приводятъ, что для философовъ и врачей втеченіе всего средневѣковаго періода природа оставалась закрытой книгой, причемъ указываютъ на преобладающее господство въ это время астрологій, алхиміи, магіи, колдовства, чудесъ, схоластики и легновѣрнаго невѣжества. Какъ доказательство ничтожности средневѣковой медицины приводятъ совершенное отсутствіе, въ средніе вѣка, гігіены, какъ въ частныхъ жилищахъ, такъ и вообще въ городахъ, а также на свирѣпствовавшія втеченіе всего этого періода убійственныя эпидеміи чумы, проказы, различнаго рода болѣзни вожи и т. д.

Въ противоположность этому взгляду существуетъ мнѣніе, что средніе вѣка уже потому выше древности, что они за нею слѣдуютъ. Нечего доказывать, что и то и другое лишено основанія; по крайней мѣрѣ, что касается медицины, уже одинъ здравый смыслъ говоритъ въ пользу того, что не было и не могло быть перерыва въ медицинскомъ преданіи, и подобно тому, какъ исторія во всѣхъ другихъ областяхъ культуры показываетъ, что варвары были непосредственными преемниками римлянъ, точно также и медицина не можетъ и не могла составить въ этомъ отношеніи исключенія. Извѣстно, съ одной стороны, что въ Римской Имперіи и въ особенности въ Италіи преобладала греческая медицина, такъ что греческія сочиненія служили настоящими руководствами для наставниковъ и учениковъ, и съ другой стороны, что нашествія варваровъ вовсе не имѣли на западѣ такихъ всеокрушающихъ послѣдствій для наукъ и искусствъ, какъ обыкновенно полагаютъ. Почти во всей Европѣ до VII вѣка процвѣтали имперскія школы, послужившія образцами для возникшихъ впоследствии валадинскихъ школъ, учрежденныхъ меровингскими и каролингскими королями. Мало того, предводители остготовъ, вестготовъ и лангобардовъ неоднократно являлись покровителями народнаго обученія и поклонниками классической литературы и науки. Такъ король Аталарихъ въ то время,

когда римское населеніе было сведено только до 500 обитателей, считъ однако нужнымъ предписать—продолжать выдачу учителямъ содержанія, которое они получали до тѣхъ поръ.

Одновременно и о-боку съ упомянутыми школами мало по малу возникали, подъ руководствомъ епископовъ, исключительно клерикальныя школы, которыя сначала имѣли частный характеръ, а впоследствии сдѣлались публичными разсадниками ученыхъ и наукъ, въ томъ числѣ и медицины. Что послѣдняя въ средніе вѣка была въ почетѣ, доказывается тѣмъ, что меровингскіе и каролингскіе короли имѣли своихъ архіатровъ, а города своихъ официальныхъ врачей, и что уже въ то время различали врачей отъ хирурговъ¹⁾.

По отношенію къ клерикальной медицинѣ необходимо сказать, что если съ одной стороны въ началѣ среднихъ вѣковъ она не мало способствовала распространенію разнаго рода предрасудковъ и суевѣрія въ дѣлѣ леченія болѣзней, то съ другой стороны учрежденія, вызванныя къ жизни христіанскимъ милосердіемъ, какъ госпитали, пріюты для немощныхъ и т. д., основанныя, правда, болѣе для душеспасительныхъ цѣлей, тѣмъ не менѣе имѣли несомнѣнно то благотѣльное вліяніе на средневѣковую медицину, что въ нихъ росла и развивалась практика медицинскаго искусства.

Вообще средневѣковой періодъ медицины можно назвать консервативнымъ, такъ какъ онъ преимущественно служилъ для собиранія и сохраненія сочиненій древнихъ.

Въ частности въ средневѣковой медицинѣ, правда, рѣзко бросается въ глаза широкое развитіе мистической медицины, получившей начало гораздо раньше (каббала, неоплатонизмъ), но затѣмъ въ ней рельефно выдѣляются слѣдующіе важные факты: переходъ медицинскій науки отъ греческихъ врачей, которыми кишѣла римская имперія, къ народамъ новолатинскимъ, возникновеніе медицинскихъ школъ на всѣхъ пунктахъ вновь основанныхъ государствъ, причемъ въ большей части этихъ школъ традиціонное преподаваніе медицины занимаетъ особое мѣсто и оставило для потомства многочисленныя и важныя памятники, далѣе мгновенная вспышка на востокъ послѣднихъ искръ потухающаго греческаго генія въ то время, когда сама Греція ничего уже почти не производитъ, наконецъ, развитіе медицины, при помощи греческихъ учителей, у арабовъ и передача ея послѣдними западнымъ народамъ.

Такимъ образомъ нигдѣ и ни въ какой моментъ средневѣковаго періода нельзя констатировать дѣйствительнаго, абсолютнаго перерыва въ ходѣ развитія медицинскій науки и практики.

¹⁾ Ср. D a r e m b e r g, Histoire des sciences médicales, I, 255 и слѣд.

Мистическая и магическая медицина. Каббала. Неоплатонизмъ. Алхимія и астрологія.

Мы видѣли, что изъ первоначальной теургической медицины у всѣхъ народовъ мало - по - малу возникали философски - медицинскія системы, изъ коихъ въ цвѣтущій періодъ ббльшей части народовъ развилась настоящая научная медицина. Но вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ къ истинѣ всѣмъ народамъ присуще еще стремленіе проникать въ тайны природы, ведущее съ одной стороны къ вѣрѣ, а съ другой—и къ суевѣрію, а потому рядомъ со свѣтской медициной въ народныхъ массахъ тлѣла искра таинственной магической медицины, которая во времена умственного упадка стремилась къ господству. Такимъ образомъ развились магическія системы въ родѣ эманационной системы Зороастра, изъ которой многое перешло въ религиозныя представленія и теургическую медицину евреевъ, особенно послѣ ихъ упадка во время вавилонскаго плѣненія. По окончательной утратѣ ими самостоятельности, у нихъ, а именно у евреевъ въ Египтѣ (куда многіе изъ нихъ переселились еще во времена Іереміи и гдѣ впоследствии, въ особенности въ Александріи, Птоломеи даровали имъ право гражданства и свободу заниматься науками) возникла въ 150 г. до Р. Х. особая секта ессеевъ или священныхъ терапевтовъ (отъ *θεραπευτῶν* "Ὀυτος")¹⁾. Въ ученіи этой секты слились во-едино чисто-іудейскія, зороастровы и отчасти пифагорейскія воззрѣнія. Они полагали, что поклоненіемъ Богу въ уединеніи, постояннымъ, сосредоточеннымъ въ себѣ созерцаніемъ, чистотою нравовъ, священнымъ молчаніемъ, удаленіемъ отъ другихъ людей они скорѣе всего приблизятся къ „истеченію“ Бога, дабы часть его силы перешла и въ нихъ. Этимъ они полагали приобрѣсть способность творить чудеса и излечивать болѣзни. А потому у нихъ преобладалъ теургическій методъ леченія, хотя они пользовались и естественными средствами. Главной цѣлебной силой служило у нихъ „Слово Божіе“, которое они еще задолго до Р. Х. называли „ангеломъ“, „идею идей“, „сыномъ Божиимъ“, „врачемъ всѣхъ болѣз-

¹⁾ Philo, *De vita contemplat.* p. 471, ed. Mangey.

ней¹⁾. Ессеи, почти во всемъ подражавшіе пифагорейцамъ, отъ конхъ переняли даже облаченіе въ бѣлыя одежды, жили въ своего рода монастыряхъ (*monasteria s. semneia*, самый обширный былъ у Мареотическаго озера), большею частью занимались толкованіемъ священныхъ книгъ и пользовались большимъ уваженіемъ. Они не приносили никакихъ жертвъ, собственноручно исполняли всѣ работы, въ особенности земледѣльческія, и вели вообще уединенный и умѣренный образъ жизни. Главное ихъ занятіе — сосредоточенное созерцаніе и толкованіе словъ свящ. Писанія — мало-по-малу выродилось въ бессмысленный культъ словъ и буквъ и обусловило собою чисто-іудейскій характеръ этого теософскаго направленія, изъ котораго развилась

Наббала („Устное преданіе“). Основателемъ ея считается Акиба (ум. около 120 по Р. Х.), которому приписывается „*Книга творенія*“ (*Sepher Jezirah*), написанная на древне-еврейскомъ языкѣ. Его преемникъ Симеонъ бенъ-Иохай въ своей книгѣ „*Зоаръ*“ или „*Сіяніе*“ (*Sohar*), написанной на халдейскомъ языкѣ, усовершенствовалъ ее и вызвалъ къ жизни чисто-теургическую медицину, адепты которой воздержной, благочестивой жизнью старались вступать въ духовное общеніе съ Богомъ и его ангелами и съ помощью ихъ силы излечивать болѣзни.

Изданія: 1) *Sepher Jezirah*; съ комментаріями: Mantua, 1562, 4, Jacob Gazolo; съ лат. переводомъ изд. Rittangel'я, Amsterd. 1642; Constantinop. 1724; Żolkiew, 1745, 4; Grodno, 1806 (съ коммент. Иліи Виленскаго); Wilna—Grodno, 1820. — Безъ комментаріевъ: у М. Корник'а, Dyrhensfurt, 1812; у А. Напповега въ Schaare Zyon, Prag. 1662, Amst. 1671 и множество другихъ.

Латинскіе переводы: Guil. Postelt: *Abrahami patriarchae Liber Jezirah ex hebraeo versus et commentariis illustratus*: Paris 1552, въ видѣ прибавленія: *Restitutio rerum omnium conditarum per manum Elise etc.* — особый мистическій трактатъ.

Jo. Pistor, *Liber Jezirah. etc. ex hebraeo versus etc.* Въ его же собраніи сочиненій: *Ars Cabbalistica h. e. reconditae theologiae et philosophiae scriptorum etc.*, Basel, 1587.

Jo. Steph. Rittangel, *Liber Jezirah, qui Abrahamo patriarchae adscribitur, etc. translatus et notis illustratus*, Amstel. 1642.

Athaus Kircher, *Oedipus Aegyptiacus*, Rom. 1652—54, въ которомъ книга *Jezirah* въ лат. переводѣ включена въ первую часть 2 тома.

Полемическія сочиненія: Leop. Zunz, *die gottesdienstl. Vortraege der Juden etc.* (о *Jezirah* p. 165). Berlin 1832.

Ad. Franck, *Système de la cabbale ou de la philosophie religieuse des Juifs* (2 глава), Paris, 1842, въ нѣмец. переводѣ Ad. Jellinek, (Leipzig 1844), p. 54—65.

H. Graetz, *Gnosticismus u. Judenthum*, Krotoschin, 1846, весь третій отдѣлъ, p. 102—132.

¹⁾ Philo, *De mundi opific.* p. 5.

2) *Sepher(ha) Sohar*: Mantua, 1558—60; Cremona, 1500; Lublin, 1628. Самое полное: Sulzbach, 1681. ed. Chr. R. v. Rosenroth, typis Mos. Bloch; Amstelodami: 1670; 1714; 1728, 1772, 1805. Constantinopoli—1736; Krotoschin 1844—45; 1858. Кроме того издания в Салоникахъ, Кенигсбергѣ, Жолкиевѣ и въ Россіи.

Пояснительныя сочиненія: Ad. Frank, *Système de la cabbale etc.* (см. выше). Jakob Emden, *Kritiken u. Nachweise üb. d. Sohar u. Erweis. seiner Unechtheit*, Altona, 1768¹⁾.

Упомянутыя выше древнѣйшія каббалистическія сочиненія не всѣми приписываются названнымъ авторамъ и происхождение ихъ до сихъ поръ достовѣрно неизвѣстно. Такъ „Книга Творенія“ (*Sepher Jezirah*) приписывается нѣкоторыми каббалистами не только Акибѣ, но и патриарху Аврааму и даже Адаму. Первые, рѣшившіеся открыть завѣсу „тайнаго ученія“ были Авраамъ бенъ-Давидъ изъ Posquières (Рао-бадъ), главнѣйшій противникъ Маймонида, и въ особенности сынъ его, Исаакъ-Слѣпецъ (Саги-Ногоръ, 1190—1210), который усиленно занимался „Книгой Творенія“, объясняя и истолковывая ея непонятный смыслъ. Въ связной же системѣ каббала впервые была изложена двумя учениками его, близнецами Азриэлемъ и Эзрою, уроженцами Героны, этой родины цѣлаго ряда каббалистовъ, между коими въ особенности извѣстенъ Яковъ бенъ-Шешетъ Герунди (1243), Моисей Нахмани, главнѣйшая опора каббалы, за которымъ слѣдовали Иегуда-Хасидъ изъ Регенсбурга, Элеазаръ Вормскій (1160—1230) и другіе²⁾.

Что касается *Sohar'a* (Сиянія), то, по мнѣнію новѣйшихъ критиковъ, онъ не что иное, какъ сборникъ традицій многихъ вѣковъ съ дополненіями и толкованіями позднѣйшихъ каббалистовъ, привезенный въ концѣ 13 столѣтія въ рукописи изъ Палестины въ Европу и попавшій въ руки ученаго раввина изъ Каталоніи, Моисея де-Лиона (1250—1305), которымъ впервые и обнародованъ. Гретцъ доказалъ даже, что Моисей де-Лионъ самъ былъ авторомъ „Зогара“ и только для матеріальныхъ выгодъ издалъ его подъ именемъ знаменитаго р. Симеона бенъ-Иохая³⁾. Франкъ однако полагаетъ, что главное основаніе Зогара—метафизическая религіозная система каббалы—принадлежитъ р. С. бенъ-Иохая⁴⁾.

Интересно, что въ Зогарѣ встрѣчаются и „научныя“ свѣдѣнія. Такъ одно мѣсто трактуетъ объ анатоміи мозга:

„Въ черепѣ 3 полости, заключающія мозгъ, далѣе онъ окруженъ мягкой и твердою оболочкою. Эти 3 части мозга, посредствомъ 32 каналовъ, распространяются по всему тѣлу по одну и другую стороны; такимъ образомъ онъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ тѣло и распространяются по всѣмъ его частямъ“.

Въ другомъ мѣстѣ здѣсь изъ будто-бы древнѣйшей еще книги какого-то р. Гамнуна-Старца приводится слѣдующее замѣчательное объясненіе:

„Земля вращается около своей оси, она имѣетъ форму шара, одни вверху, другіе внизу; всѣ существа, сохраняя свое положеніе, различны по своей вѣшности, смотря по климату cadaго мѣста. Извѣстныя страны земли освѣщены въ то время,

¹⁾ Ср. J. Fürst, *Bibliotheca judaica*, Leipzig, 1849 — 68, voc. Akiba и Simon b. Jochai.

²⁾ Э. Трубочъ, Очерки каббалы, въ журналѣ *Восходъ*, 1896, I, 67, 68, 78; Graetz, *Geschichte der Juden*, Leipzig, 1868, VII, 73—89.

³⁾ Тамъ же, 490, Note 12.

⁴⁾ Frank, *La cabbale etc.* p. 103 и слѣд.

когда другія находятся во мракѣ; въ однихъ день въ то время, когда у другихъ ночь, и есть страны, въ которыхъ постоянно день или гдѣ ночь, по крайней мѣрѣ, продолжается не болѣе, какъ нѣсколько секундъ¹⁾.

Вообще старинныя каббалистическія школы Гретцъ дѣлятъ на *геронскую*, *севианскую*, *квазі-философскую*, *авулафианскую* и *зораристскую*²⁾.

Новая каббалистическая школа, основанная Исаакомъ Лурье (1537—1574) только развиваетъ и дополняетъ древнюю каббалу.

Изъ христіанъ каббалой занимались въ особенности Раймундъ Луллъ, Пико-де-Мирандола, Парацельсъ, Корнелій Агриппа (*De occulta philosophia*), Рейхлинъ (*De arte kabbalistica*, 1567 и *De verbo mirifico*)³⁾.

Каббалу обыкновенно раздѣляютъ на практическую или экспериментальную и теоретическую или спекулятивную. Практическая каббала даетъ наставленія, при какихъ условіяхъ можно заставлятъ высшія силы дѣйствовать на земной мѣрѣ, т. е. творить чудеса. Каббалисты твердо вѣрують въ чудодѣйственную магическую силу надписей именъ Бога и ангеловъ на амулетахъ или произнесенія извѣстныхъ словъ изъ св. Писанія, заключающихъ намеки на высшія духовныя существа, посредствомъ коихъ можно, по ихъ мнѣнію, подчинить эти высшія силы, изгонять демоновъ, излечивать больныхъ и т. д.⁴⁾

Теоретическая каббала имѣетъ цѣлю помощью своеобразнаго толкованія св. Писанія разрѣшить важнѣйшіе вопросы метафизики, теологіи, космологіи, психологіи и этики: каждому слову, каждой буквѣ св. Писанія придается высшій таинственный смыслъ. Согласно этому „тайному ученію“, доступному только святымъ, избраннымъ людямъ, основаніе всякаго объективнаго познанаія лежитъ не въ самомъ объектѣ и не въ познающемъ субъектѣ, а въ наитіи свыше или вдохновеніи, доставшемся этимъ избраннымъ натурамъ, которымъ познанаіе абсолютнаго дается не посредствомъ созерцанія или представленій, всегда подверженныхъ обманамъ, а прямымъ почерпаніемъ этого познанаія ихъ чистымъ духомъ, непосредственно изъ общаго духа⁵⁾.

Въ упомянутыхъ двухъ древнѣйшихъ источникахъ каббалы несомнѣнно воспроизведена вся эманационная система Зороастра. Согласно ученію каббалы,

1) Первое истеченіе изъ „Безконечнаго“ или „Энь-Софа“,

¹⁾ Sohar. ed. Mantua. Ср. Трубицъ, Очерки Каббалы, въ журналѣ „Восходъ“ 1886. I, 72.

²⁾ Graetz, I. c., 507.

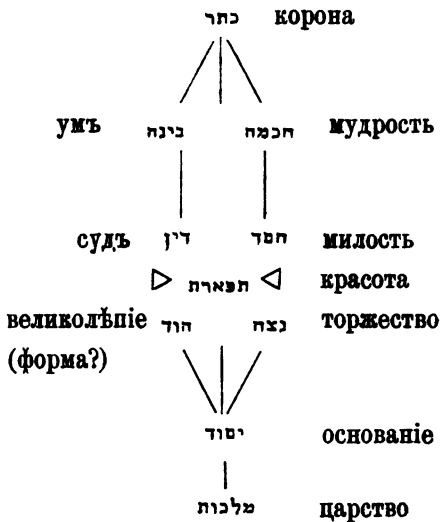
³⁾ Ср. Трубицъ, I. c., 73.

⁴⁾ Тамъ же, 65—67.

⁵⁾ Тамъ же, „Восходъ“, 1886, I, 70.

въ видѣ перваго міра или непосредственной эманации („Ацила“), составляютъ 10 духовныхъ субстанцій или посредствующихъ силъ, „Сефиротъ“ ¹⁾,—нѣчто въ родѣ среднихъ духовныхъ сущностей, занимающихъ средину между Безконечнымъ и міромъ явленій. Первые три истечения: познание или корона, разумъ и мудрость, нѣсколько напоминаютъ троицу платониковъ: ἀγάθος, δημιουργός καὶ φρονη ²⁾.

Слѣдующее изображеніе или „каббалистическое древо“ представляетъ наглядно священную декаду Сефиротъ въ порядкѣ ихъ послѣдовательнаго истечения другъ отъ друга:

Эта фигура представляетъ образъ „первоначальнаго небеснаго чело в ѣ ка“ (Адамъ Кадмонъ, macrocosmos), по подобію котораго создана вселенная, въ отличіе отъ чело в ѣ ка, его миниатюрнаго отпечатка или „маленькаго міра“ (Оламъ катанъ, microcosmos). Всѣ эти 10 Сефиротовъ вмѣстѣ съ Энъ-Софомъ образуютъ одно цѣлое и представляютъ только различныя стороны или лики (парцуфимъ) одного и того же существа. Эта теорія цѣликомъ перешла въ систему натурфилософовъ 16 столѣтія съ Парацельсомъ во главѣ ³⁾. Кромѣ этого „перваго“ міра, изъ „Безконечнаго“ истекли въ постоянно расширяющихся, послѣдовательныхъ, концентрическихъ кругахъ еще три другихъ міра:

2) Міръ творенія („Беріа“) или міръ идей творенія по заранѣе обдуманному разумному плану, также: міръ душъ.

¹⁾ Отъ слова сефиръ, число, бытъ можетъ здѣсь подразумѣваются также сферн.

²⁾ Rittangel, ad libr. Jezirah, p. 150. Ср. Sprengel. II, 177.

³⁾ Ср. Трубицъ, 1. с. „Восходъ“ за 1886, I, 83.

3) Міръ формаціи („Іецира“), также: міръ ангеловъ и формирующихъ силъ органической природы.

4) Міръ матеріи или міръ явленій („Асія“), въ которомъ сходятся всѣ предыдущіе ¹⁾.

Изъ этихъ міровъ каждый связанъ съ другимъ такимъ образомъ, что все, совершающееся въ послѣдующемъ, посредствомъ образцовъ или прообразовъ уже намѣчено въ первомъ ²⁾.

Мы не можемъ здѣсь входить въ дальнѣйшія подробности относительно ученія каббалы о предсуществованіи душъ, о метемсихозѣ и связанномъ съ нимъ возмездіи и т. д.

Здѣсь отмѣтимъ только, что при леченіи болѣзней въ каббалѣ все сводится къ тому, чтобы приводить въ дѣйствіе соответствующія силы высшихъ міровъ. Этого можетъ достигнуть только тотъ, кто дошелъ до познанія ихъ посредствомъ каббалы, а благочестіемъ и созерцательной жизнью сдѣлался достойнымъ общенія съ небесными силами. Подобныя условія имѣютъ для врачебнаго искусства гораздо болѣе значенія, чѣмъ вся земная премудрость, которая такъ часто оставляетъ втунѣ. Отсюда ненависть древнихъ еврейскихъ учителей къ обыкновеннымъ врачамъ ³⁾.

Мы позволили себѣ здѣсь нѣсколько пространное изложеніе нѣкоторыхъ главнѣйшихъ основаначалъ каббалы въ виду того, что это ученіе, какъ сказано, воспринято и реформаторомъ медицины Парацельсомъ, отчасти же потому, что и понинѣ чуть ли не милліоны людей на юго-западѣ Россіи и въ Галиціи, а именно евреи-хасиды то и дѣло прибѣгаютъ еще къ магическому способу леченія, практикуемому въ широкихъ размѣрахъ ихъ „цаддиками“ или праведниками, этими „основами мірозданія“, обладающими по ихъ понятіямъ тайнымъ искусствомъ лечить болѣзни въ силу ихъ постоянныхъ сношеній съ высшими небесными сферами, на которыя могутъ вліять своими молитвами и въ извѣстной мѣрѣ вынуждать божество къ изліанію своей милости на земной міръ ⁴⁾.

Эти фантастическія бредни восточной философіи распространялись однако не одними евреями. Къ ней примкнула также греческая и римская философія, въ особенности въ Александріи, гдѣ происходилъ дѣятельный обмѣнъ не только товаровъ, но также взглядовъ и системъ. На первый планъ тутъ выступаютъ чудотворецъ

Симонъ, приверженецъ каббалистовъ и Зороастра, производившій отъ Всеобщаго Отца (Bythos) такъ называемую Еп ποία или святой духъ, котораго оцъ, Симонъ, считалъ себя также причастнымъ,—и въ особенности

¹⁾ Ср. Sohar, ed. Mantua и Трубинъ, I. с. „Восходъ“ 1886, II, 17.

²⁾ Serpher Jezirah, p. 162. Ср. Sprengel, II, 177.

³⁾ Ср. Sprengel II, 178.

⁴⁾ Ср. Гретцъ, Исторія евреевъ, перев. Бакста, СПб., 1884, 96.

Аpollonius изъ Тианы, ученикъ пифагорейца Евксена, старавшійся также творить чудеса, чтобы уподобиться Пифагору, и считавшій себя однимъ изъ духовъ, котораго Богъ надѣлилъ мудростью и даромъ прорицать будущее. Однимъ изъ необходимыхъ качествъ истиннаго мудреца онъ считалъ искусство врачеванія, причемъ по его мнѣнью врачеваніе тѣла должно всегда соединять съ врачеваніемъ души. Онъ долгое время жилъ въ храмахъ Эскулапа, гдѣ производилъ чудесныя излеченія, а храмъ Эгейскій превратилъ въ родъ академіи, куда стекалось множество софистовъ и риторовъ. Между ними особенно отличался сопровождавшій его гимнософистъ Jarchas изъ Индіи, который „слѣпымъ возвращалъ зрѣніе, хромымъ употребленіе ногъ, глухимъ—слухъ и умалишеннымъ—разсудокъ“.

Въ числѣ удачныхъ излеченій Аполлонія приводятъ случай излеченія имъ въ Тарусѣ водобоязни съ помощью собаки, въ которомъ переселилась душа мизійца Телена и которая по его знаку лизнула больного, вслѣдъ затѣмъ выздоровѣвшего (!). Точно также ему приписываютъ оживленіе многихъ мнимоумершихъ и изобрѣтеніе талисмановъ, исписанныхъ разными цѣлительными, мистическими, священными „варварскими“ словами. Благодаря его единомышленникамъ—жрецамъ слава его достигла такой степени, что ему воздвигли статуи во многихъ храмахъ, а императоръ Александръ Северъ въ своемъ лагерьѣ поклонился ему наравнѣ съ Христомъ¹⁾.

Неоплатонизмъ. Немного спустя, эти восточныя бредни въ сліяніи со взглядами Платона, Аристотеля и отчасти христіанскими понятіями образовали систему „неоплатонизма“ (неоплатоновская или вторая александрійская школа). Первые начатки неоплатонизма находятся уже у Филона (ок. Р. X.), основателя философской школы²⁾ и представителя иудейскаго элемента въ неоплатонизмѣ, и у Numenius'a изъ Апамена (150 по Р. X.), представителя его христіанскаго элемента и автора ученія о происходящемъ отъ Бога втораго божества или демиурга—творца вселенной. Но настоящимъ основателемъ неоплатонизма считается

Ammonius Sakkas (около 200 по Р. X.), вѣроятно отпавшій отъ христіанства, жившій въ Александріи въ царствованіе Коммода (180—190) и старавшійся связать въ одно цѣлое ученія перипатетической и академической школы съ восточными мистическими и христіанскими взглядами. Въ особенности же распространенію неоплатонизма во всѣхъ отрасляхъ знанія способствовали: его ученикъ

Plotinus (195—270 по Р. X.), ученикъ послѣдняго, Porphyrius (ок. 280 по Р. X.), Jamblichus (ок. 300 по Р. X.) и Proclus (410-484

¹⁾ Тамже 179, 180.

²⁾ См. Исторію Древней Медицины. вып. III, стр. 680.

по Р. Х.). Въ медицину же неоплатонизмъ былъ введенъ впервые врачомъ Андреемъ Хризарисомъ ¹⁾. Всѣ они старались примѣнить восточное ученіе объ эманации къ космологіи Платона. Изъ нихъ Плотинъ конечной цѣлью философіи считалъ сліяніе во-едино человѣческаго и божественнаго знанія, а средствомъ для этого—внутреннее созерцаніе Бога. Изъ учениковъ его, между коими были и врачи (Paulinus Scitopolita, Eustachius изъ Александріи), самый главный, Порфирій, объявилъ достойнымъ презрѣнія всякое спекулятивное знаніе, если оно не способствуетъ тѣсному сближенію человѣка съ Богомъ. Наконецъ Jamblichus (ум. 333 по Р. Х.) всѣ эти теоріи связалъ и слилъ въ одно цѣлое со всѣмъ, что съ древнѣйшихъ временъ считалось высшей тайной мудростью у халдеевъ, іудеевъ и грековъ ²⁾. Вообще неоплатоники принимали истеченіе изъ вѣчнаго источника свѣта высшаго или низшаго порядка духовъ, до которыхъ человѣкъ въ состояніи возвыситься посредствомъ экстаза, или особеннаго погруженія въ созерцаніе Бога, могущее имъ даровать даже власть надъ этими духами. Болѣзни, согласно этому ученію, зависятъ отъ низшихъ духовъ, которыхъ возможно умилостивлять жертвоприношеніями, заклинаніями и различнаго рода символами и таинственными словами, какъ Савваоѣ, Адонай, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, каковымъ халдейскимъ и іудейскимъ словамъ, равно какъ и непонятному дѣтскому лепету, приписывалось особенное могущество и способность изгонять духовъ ³⁾. Съ теченіемъ времени возникла даже цѣлая іерархія способовъ мистическаго леченія болѣзней, согласно излюбленному позднѣйшими неоплатониками дѣленію магіи на высшую и низшую. Высшая ея степень—теософія или теокразія, согласно Дамасцію, состояла въ общеніи съ источникомъ свѣта и леченіи болѣзней черезъ посредство самого Бога. Затѣмъ слѣдуютъ: теургія, излечивающая болѣзни посредствомъ добрыхъ, и гозтія—посредствомъ злыхъ духовъ, собственно магія, излечивающая болѣзни посредствомъ матеріальныхъ (злыхъ, гнѣздящихся въ земныхъ тѣлахъ) и высшихъ духовъ, наконецъ фармація, или тотъ видъ воздѣйствія на болѣзни, при которомъ стараются укротить духовъ съ помощью лекарственныхъ веществъ ⁴⁾. Къ этимъ способамъ леченія прибѣгали Плотинъ, Порфирій, а также преемники чародѣя Симона, каковы Saturnius, Basilides, Карократесъ, за коими слѣдуютъ Marcion, Manes и другіе ⁵⁾.

¹⁾ Galenus, de facult. simpl. med. I. VI. Ср. Sprengel, II, 187.

²⁾ Ср. Haeser, I, 435.

³⁾ Ср. Sprengel, II, 186.

⁴⁾ Тамъ же, 185.

⁵⁾ Тамъ же, 195.

Изъ нихъ особенно Basilides и Karokrates упрочили учение объ эманации и о таинственной іерархіи небесныхъ силъ, которыя они называли зонами. Гностикъ Basilides дѣлитъ даже этихъ зонъ на мужескихъ и женскихъ и первымъ женскимъ зономъ называетъ Еη ποία или святой духъ. Священное рукоположеніе дѣлало рукополагаемое лицо причастнымъ этого зона и способнымъ къ леченію больныхъ, одержимыхъ бѣсомъ ¹⁾. Такимъ же, стоящимъ во главѣ всѣхъ, зономъ былъ для нихъ Іисусъ Христосъ, чѣмъ они и объясняли совершенныя имъ чудеса. Какъ зонъ, по ихъ мнѣнію, онъ былъ божественной силой, какъ человекъ, онъ проявилъ строжайшее воздержаніе и до такой степени отрѣшился отъ чувственности, что сдѣлался способнымъ укрощать духовъ и излечивать болѣзни. „Оттого-то—говоритъ Карократес—тотъ, кто ведетъ такой же образъ жизни, каковой велъ Іисусъ Христосъ, можетъ, подобно ему, производить чудесныя излеченія и достигнуть власти надъ деміургами“ ²⁾. Такую же способность гностики приписывали апостоламъ и другимъ благочестивымъ мужамъ и даже старѣйшинамъ общинъ ³⁾. Въ каждой страшной и опасной болѣзни гностики прибѣгали къ заклинаніямъ и изгнаніямъ злыхъ духовъ (exorcismus) ⁴⁾, коимъ они присвоивали способность вызывать всякаго рода бѣдствія, какъ напр. голодъ, неурожай, порчу воздуха, эпидеміи и разныя болѣзни, особенно у новорожденныхъ. Вліяніе мистической медицины на леченіе болѣзней выразилось еще въ томъ, что всѣ тяжкіе недуги, согласно библейскимъ воззрѣніямъ, считались Божьей карой и что ни одинъ врачъ не долженъ былъ себѣ позволять лечить ихъ, дабы не противодѣйствовать мстящему Божьему правосудію, чему доказательство представляетъ Plinius Valerianus и исторія проказы ⁵⁾. Между прочимъ вопросъ, почему такъ много прокаженныхъ и подверженныхъ недугамъ людей, рѣшался гностиками въ томъ смыслѣ, что демонъ болѣзней входитъ въ тѣло грѣшныхъ въ наказаніе за ихъ роскошь, почему гностики принимали двоякую причину заразы: гнѣвъ Божій и злокачественныя испаренія ⁶⁾.

Что касается приведеннаго выше леченія произнесеніемъ извѣстныхъ мистическихъ словъ, то между ними особенная магическая сила приписывалась таинственному слову Ἀβράξας (Abraxas), выражающему цифру небесъ (числомъ 365), происшедшихъ отъ зонъ, составляющихъ, согласно гностику Basilides'у, высшія истеченія обильнаго лучезарнаго и божественнаго свѣта (Pleroma). Sprengel полагаетъ, что гностики заимствовали

¹⁾ Tertullianus adversus Valentinum c. 8. Cp. Sprengel, II, 195, 199.

²⁾ Тамъ же, 196.

³⁾ Тамъ же, 190.

⁴⁾ Tertull. apologet, c. 23. Cp. Sprengel, II, 193.

⁵⁾ Тамъ же, 194.

⁶⁾ Anastasius, Quaestiones CXIV, cp. Sprengel, 202.

это могущественное слово у александрийскихъ евреевъ, сложившихъ его, согласно ихъ ученію о Троицѣ, изъ словъ: אב, בן, רוח (отца, сына и Св. Духа). Къ этому времени относится происхожденіе такъ называемыхъ камей (Abrahas-Gemmen) или талисмановъ съ таинственными надписями и изображениями египетскихъ божествъ и зороастрово-іудейскихъ символовъ, напр. персидскаго Митры, солнца съ львиной или пѣтушьей головой и змѣиными ногами. Эти надписи и знаки суть: ΙΑΩ (יהוה), ΑΒΡΑΣΑΞ, ΧΝΟΥΒΙΣ, ΦΡΗ, также ΣΕΜΕΣ (שמש) и разныя діаграммы ¹⁾.

Вотъ къ какимъ страннымъ представленіямъ повели въ первые 3 вѣка нашей эры сліяніе языческихъ, іудейскихъ и христіанскихъ воззрѣній и пестрая смѣсь восточныхъ фантазмагорій и ученія Платона, которое первые христіанскіе учителя не только усматривали уже въ книгахъ Моисея, но старались ввести и въ христіанское вѣроученіе, дабы придать послѣднему болѣе достоинства и обезпечить ему легчайшій доступъ въ среду язычниковъ ²⁾. Интересно, что уже апостоль Павелъ предостерегалъ отъ сліянія христіанскаго ученія съ языческой философійю ³⁾. Причины распространенія означенныхъ суевѣрій Sprengel видитъ въ деспотизмѣ римскаго государства и роскошномъ образѣ жизни его властелиновъ и ихъ любимцевъ, открывшихъ широкій доступъ въ имперію магамъ, а съ ними всякаго рода невѣжеству и предрасудкамъ ⁴⁾. Одна только восточная церковь съ самаго начала проявила отвращеніе ко всѣмъ нелѣпостямъ магии, а первые христіанскіе византійскіе императоры издали даже строгіе законы противъ всякаго рода прорицаній ⁵⁾.

Для исторіи медицины неоплатоническая философія имѣетъ однако немаловажное значеніе, ибо въ ней берутъ начало алхимія и астрологія.

Алхимія или наука о превращеніи простыхъ металловъ въ благородные (золото и серебро), въ своемъ стремленіи къ приготовленію философскаго камня и раскрытію таинственныхъ силъ природныхъ тѣлъ посредствомъ огня послужила впоследствии къ обоснованію химіи. Искусство отыскиванія философскаго камня изложено въ подложныхъ книгахъ такъ называемаго Hermes Trismegistus, въ tabula smaragdina и въ особенности въ книгѣ Kyranides (около 400 по Р. X.).

Выраженіе алхимія вм. астрологіи встрѣчается уже у одного позднѣйшаго римскаго писателя: „Et si fuerit haec domus ☿, dabit astronomiam,—si ♃, divinum cultum et scientiam in lege, si ♃, scientiam alchimiae, si ☉, providentiam in quadru-

¹⁾ Sprengel, II, 196, 197.

²⁾ Justin. Mart. ad. Graec. sahort. p. 26 и Clement. Alex. Strom. lib. I. Cp. Sprengel II, 200. ³⁾ Koloss. II, 3. Cp. Sprengel, II, 194. ⁴⁾ Тамъ же, 202—207.

⁵⁾ Cod. Theodos. XVI tit. III, De pagan. sacrific. l. 1, 2, 3, у Sprengel'я II, 199.

pedibus etc.“¹⁾ Книги *Hermetis Trismegisti* представляют ряд теософических и алхимических сочинений, составляющих смѣсь древне-египетской и александрийской мудрости, въ которой въ особенности фигурировали учения Пифагора и Платона. 14 изъ этихъ книгъ носятъ названіе „*Poemander*“ или высшей мудрости (*σοφία*) и состоятъ изъ бесѣдъ послѣдней съ авторомъ о космогоніи, согласно коимъ Всевышній своимъ словомъ вызвалъ къ битію другаго бога, творца міра, создавшаго „семь слугъ“, представляющихъ семь мировымъ сферамъ, челоѣвка же сотворилъ самъ Богъ по образу и подобию своему.

Изданія: *Hermetis Trismegisti Poemander*, ed. G. Parthey, Berol. 1854.

Hermes Trismegiste, Traduction complète précédée d'une étude sur l'origine des livres hermétiques par Louis Mémeard. Paris, 1866²⁾.

Вѣра въ алхімію или въ возможность превращенія простыхъ металловъ въ благородные беретъ начало у древнихъ египтянъ, считавшихъ искусство сдѣлать золото даромъ свыше. Отъ нихъ эта вѣра перешла въ эпоху императоровъ въ Римѣ, гдѣ уже Калигулу увѣрили въ возможности превратить оперментъ въ золото³⁾. Изъ императоровъ Діоклетіанъ въ концѣ III вѣка (296 по Р. X.) приказалъ сжечь всѣ египетскія книги о химіи золота и серебра и вмѣстѣ запретилъ занятія астрологіею, предоставивъ магамъ практиковать только безвредныя искусства⁴⁾. Это однако не помѣшало распространенію алхиміи въ послѣдующіе вѣка.

Въ египетскихъ книгахъ заключается множество химическихъ рецептовъ. Слово химія встрѣчается, какъ сказано, у упомянутого выше *Maternus'a*, въ смыслѣ высшаго знанія и въ особенности искусства угадыванія судебъ людей по созвѣздіямъ, подъ которыми они рождаются („*Mathesis*“), причемъ людямъ, рождающимся подъ созвѣздіемъ Сатурна, предсказывается „*scientia chimiae*“⁵⁾. Греческія алхимическія книги приписываются Демокриту (*Φοσικά και ποσεικά cum Synesii, Pelagii, Stephani notis*, ed. Pizimentii Patav. 1573). Одна изъ нихъ, *De arte magna* или *de rebus naturalibus*, напечатана по латини. Комментарій его, христіанскій софистъ *Synesius* (въ 4 ст.) въ особомъ письмѣ (*Synesii epistola ad Dioscorum ap. Fabric. bibl. graec.*) указываетъ на то, что уже въ то время возлагали большія надежды на фиксированіе ртути (*σελένη*) и что при большой химической процедурѣ (*πράξις*) употреблялись также магнезія и мышьякъ⁶⁾. Первое вѣрное указаніе на искусство добыванія философскаго камня находится у *Aeneas'a* изъ Газы (въ V в.). Въ смыслѣ добыванія философскаго камня слово *χημία*, *χημεία* впервые встрѣчается у *Ioannesa* изъ Антиохіи. У греческихъ алхимиковъ рѣчь идетъ о *ἔρα* или *θεία τέχνη*, *χρυσοποιία*, *τέχνη φιλοσοφίας*. Позднѣйшіе алхимики подъ названіемъ „*sulfur*,

¹⁾ Julius Firmicus Maternus (при Константінѣ), astronom. l. III, c. 15, ср. Sprengel, II, 210.

²⁾ Ср. Haeser I, 434.

³⁾ Plinius, Hist. natur. l. XXXIII, c. 4.

⁴⁾ Cod. Justin. IX, tit. XVIII Ср. Sprengel, II, 209.

⁵⁾ Ср. Haeser I. 437.

⁶⁾ Ср. Sprengel, 211.

mercurius, sal⁴ (вмѣсто arsenicum) подразумѣвали собственно не эти тѣла, а какія-то гадательныя элементарныя вещества ¹).

Въ тѣсной связи съ алхиміей находилась и

Астрологія или наука о вліяніи созвѣздіи на судьбу людей. Изъ соотвѣтствія солнца—золоту, луны—серебру, а планетъ—остальнымъ металламъ выводили заключеніе, что лунный свѣтъ можетъ превращать металлы въ серебро и что для добыванія золота необходимо прибѣгать къ воздѣйствію солнца ²).

Собственно говоря, въ медицину астрологія была введена уже во времена Плинія массилійцемъ, по имени Кріпаса, пытавшимся даже діету устанавливать сообразно съ теченіемъ планетъ и звѣздъ ³). Но самого широкаго развитія она достигла у западно-европейскихъ врачей со временъ крестовыхъ походовъ, о чемъ рѣчь впереди.

Къ только что описанной *мистической* медицинѣ непосредственно примыкаетъ

Медицина въ западно-римской имперіи отъ 3 вѣка до ея паденія (220—476 по Р. X.).

Въ періодъ упадка западно-римской имперіи вмѣстѣ со всѣми науками низко упалъ также уровень медицины, какъ доказываетъ цѣлый рядъ сочиненій, состоявшихъ большей частью только изъ *сборниковъ лекарственныхъ веществъ*, употребляемыхъ въ разныхъ болѣзняхъ. Рядъ авторовъ этихъ сочиненій начинается собою

Quintus Serenus Samonicus, оставившій дидактическую медицинскую поэму въ гекзаметрахъ.

Издавъ: Sulpitius Verulanus въ Миланѣ или Римѣ (до 1484). Лучшее изданіе:

Quinti Sereni Samonici *De medicina praescepta saluberrima*. Text. recens. lection. variet. notas interpret. selector. suasque adiecit Io. Christ. Askermann. Lips. 1786 ⁴).

Неизвѣстно, кто собственно изъ носившихъ это имя двухъ врачей—авторъ упомянутой поэмы: отецъ ли, рекомендовавшій разные амулеты и казненный Каракаллой, вѣроятно, за его приверженность императору Гетѣ (211 по Р. X.), или сынъ его, учитель младшаго Гордіана (237 по Р. X.). Изъ нихъ первый, бывшій другомъ Гордіана I и Александра Севера, обла-

¹) Haeser, I, 437.

²) Тамъ же, 438.

³) Plinii Histor. natural. l. XXIX, c. 1.

⁴) Cp. Choulant, Bücherkunde, 210, 211.

далъ громадной библіотекой въ 62000 томовъ и писалъ сочиненія о „тайныхъ вещахъ“, о чудесахъ острова Thule, о музыкѣ, астрономіи, математикѣ, въ прозѣ и стихахъ, почему, согласно Нескеру, означенную поэму скорѣе слѣдуетъ приписывать ему, нежели его сыну, завѣщавшему библіотеку своего отца Гордіану II ¹⁾. Между рекомендуемыми имъ лекарствами рядомъ съ немногими лишь разумными средствами, каковы напр. животная ванна при подагрѣ, медъ съ морскою водою (Thalassomeli), какъ слабительное и вообще дешевыя домашнія средства, здѣсь встрѣчается множество самыхъ нелѣпыхъ и отвратительнѣйшихъ средствъ, какъ мышиный пометъ въ дождевой водѣ при mastitis, козья моча внутрь противъ каменной болѣзни, земля изъ колесъ снаружи при коликѣ,—далѣе особенное уваженіе къ числамъ 3, 7, 9 и т. д., наконецъ, при лихорадкѣ (hemitritaeus) амулеты съ магическими словами въ формѣ треугольника, составленнаго изъ слова Abra-cadabra и его сокращеній по слѣдующему наставленію:

abracadabra

bracadabra

racadabra

acadabra

cadabra

adabra

dabra

abra

bra

ra

a

„Inscribas chartae, quod dicitur a b r a c a d a b r a,

„saepius et subter repetas, sed detrahe summas,

„et magis atque magis desint elementa figuris

„singula, quae semper rapies et cetera figes

„donec in angustum redigatur litera conum

„his lino nexis collum redimire memento ²⁾.

Современникомъ Serenus'a былъ

Gargilius Martialis (220—240 по Р. X.), авторъ сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ, рекомендованнаго Кассіодоромъ (въ 6 вѣкѣ), въ которомъ отдѣлъ *de pomis* трактуетъ о медицинѣ.

Изданіе: *De medicina ex pomis* у Aug. Majus, Auctores classici III; полнѣе: *Gargilii Martialis, quae supersunt etc.* eruit A. Majus, Luneb. 1832, apud Herold et Wahlstab. Новѣйшее: у Valent. Rose въ *Anecdota graeca et graeco-latina* Berol. 1870, по рукописи изъ S-t Gallen'a. Кромѣ того отрывокъ: *Curae boum* Gesner'a въ

1) Ср. Hecker, II, 27, 28; Haeser, I, 616.

2) *Quinti Sereni praesepia etc.* ed Ackerman. Ср. Sprengel, II, 236.

Scriptores rei rusticae, исправленъ въ изданіи Schuch, Rastatt. 1856¹⁾.

Sextus Placitus Papyrensis s. philosophus Platonicus (360 по Р. X.), въ подражаніе Xenocrates'у, оставилъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ о лекарственныхъ веществахъ изъ животнаго царства.

Изданія: *S. Placiti Papyrensis liber de medicamentis ex animalibus*. Norimb. 1532. Новѣйшее у Ackermann'a въ Parabilium (см. ниже).

Образчикомъ приводимыхъ имъ нелѣпныхъ средствъ (рядомъ съ нѣкоторыми болѣе или менѣе подходящими, какъ напр. мозгъ оленя въ теплой водѣ противъ колики) можетъ служить рекомендуемый имъ способъ леченія лихорадки вырѣзываніемъ щепки изъ двери, въ которую только что прошелъ скопецъ, приговаривая: „Поднимаю тебя, дабы такой то освободился отъ лихорадки“ (*Tollo te, ut ille NN febris liberetur*)²⁾.

Lucius Apulejus (390 по Р. X.) Ap. Barbarus, Ap. Platonicus, или вѣрнѣе Pseudo-Apulejus, присвоившій себѣ имя поэта того же имени изъ Мадауга въ Африкѣ, согласно Мейеру, тоже африканецъ, писавшій однако ранѣе 439 по Р. X.³⁾, оставилъ перечень растительныхъ лекарственныхъ веществъ подъ названіемъ: *Herbarius seu de medicaminibus herbarum*, также *Herbarum vires et curationes*, и книжку о *Betonica*. Оба послѣдніе автора—Sextus Placitus и Lucius Apulejus многое заимствовали у Плинія, а послѣдній—и у Dioscorida и въ особенности изъ неизвѣстной нынѣ „модной книги“ того времени. Книга его состоитъ изъ 128 главъ, трактующихъ о столькихъ же растительныхъ средствахъ и излечиваемыхъ ими болѣзняхъ.

Изданія: *Lucii Apulei Herbarium seu de medicaminibus herbarum* ed. princ. Roma (до 1484, быть можетъ уже 1470 г.) со стариннѣйшими рисунками растений, вырѣзанными на деревѣ. Лучшее изданіе:

Parabilium medicamentorum scriptores antiqui: Sexti Placiti Papyrensis de medicamentis ex animalibus liber, Lucii Apulei de medicaminibus liber. Ex rec. etc. Id. Christ. Gottl. Ackermann. Norimberg. et Altorf. 1788. *Libellus utilissimus de Betonica*, помещено тутъ же Ackermann'омъ, вѣроятно по Coll. Aldina. Ср. Hecker, II, 84, 88. Кроме того существуетъ еще вновь открытое *Physiognomia Apulei*, помещенная въ Val. Rose, *Anecdota Graeca et Graeco-latina*. Berol. 1864. Ср. Haeser I, 629.

Vindicianus, проконсуль, гимназіархъ и Comes archiatrorum императора Валентиніана (364—375), обращенный въ христіанство св. Августиномъ, оставилъ поэму о приготовленіи теріака и давно затеранное сочиненіе:

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 224 и Haeser, I, 617.

²⁾ Ср. Sprengel, II, 239.

³⁾ Ср. Haeser, I, 628.

De expletis, о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Валентиніану (*Epistola Vindiciani, Comitis archiatrorum, ad Valentinianum imp.* въ *Fabricii Biblioth. graec.* Vol. XIII, p. 448). Письмо это *Sprengel* считаетъ подложнымъ, съ тѣмъ однако несогласенъ *Hecker*, который находитъ, что оно носитъ вполне печать того вѣка, обнаруживая въ то же время практической взглядъ автора на гастрическое происхождение желчныхъ лихорадокъ („*ex indigestione hesternarum erudissimarumque scapularum, vel superfusa diversi nimietate vini repletis venis*“¹⁾). По стихотворной формѣ его сочиненія о *теріакѣ* и склонности къ чудесному онъ однако приближается къ *Seperus*'у, котораго вѣкторые даже считаютъ авторомъ упомянутой поэмы. Поэма эта помѣщена во многихъ старинныхъ изд. *Цельса*, у *Marcellus Empiricus*, Basil. 1536 и *Fabricius*, *Biblioth. graeca ed. vet.* XIII. Еще болѣе тѣни на значеніе *Vindician*'а, какъ на врача, бросаетъ его ученикъ,

Theodorus Priscianus (также **Octavius Horatianus**), архіатръ Граціана (около 380 г. по Р. X.), оставившій сочиненіе о леченіи болѣзней подъ названіемъ: *Medici antiqui omnes*, гдѣ онъ собралъ туземныя лекарственныя вещества, которыя рекомендуетъ вмѣсто совершенно отвергаемыхъ имъ иноземныхъ.

Здѣсь рядомъ съ дѣльными совѣтами (напр. *Semen Santonici* противъ глисть) онъ сообщаетъ массу нецѣльныхъ, въ родѣ средствъ для превращенія голубыхъ глазъ въ черные, а также множество „гоетическихъ“ средствъ (напр. при колнѣ садиться на стулъ, приговаривая: *per te diacholon, diacholon, diacholon*, или: если сѣдять 3 фіалки, то это предохраняетъ отъ всѣхъ болѣзней на весь годъ²⁾).

Подобно всѣмъ низкой пробы эмпирикамъ, говоритъ *Hecker*, онъ обнаруживаетъ ненависть противъ всякой учености и явное поползновеніе привести медицину въ ея первобытное состояніе³⁾. Необходимо однако замѣтить, что этому приговору *Hecker*'а противорѣчитъ множество основательныхъ замѣчаній, встрѣчаемыхъ въ сочиненіи *Присціана*, какъ напр. относительно правилъ: лечить болѣзни, сообразуясь съ временемъ и обстоятельствами; при кровопусканіи въ плевритѣ принимать въ соображеніе возрастъ, время года и свойство мѣстности; далѣе въ началѣ острыхъ болѣзней ничего не предпринимать; при кровотеченияхъ изъ матки примѣнять кровососныя банки на груди. Онъ одинъ изъ первыхъ рекомендуетъ свинцовыя препараты при головныхъ сыпяхъ магнитъ при боли головы. Наконецъ онъ совѣтовалъ метасинкритическій способъ леченія при падучей болѣзни, *fluor albus*, въ чахоткѣ и хроническихъ болѣзняхъ почекъ, въ чемъ видѣнъ послѣдователь методической школы⁴⁾. Въ области фивіологій *Присціанъ* является послѣдователемъ *Аристотеля*. Такъ онъ принимаетъ,

¹⁾ Ср. *Sprengel* II, 236 и *Hecker*, II, 29.

²⁾ Ср. *Sprengel* II, 238.

³⁾ *Th. Priscianus, Medici antiqui omnes etc., praefatio*. Ср. *Hecker* II, 31.

⁴⁾ Тамъ же, 31—34.

что сердце есть мѣстопробываніе разумной души и центръ дѣятельности органовъ чувствъ, причѣмъ прибавляетъ: „cor intelligit et audit, quia et aures habet ad audiendum“¹⁾.

Изъ 6—7 книгъ сочиненія Присціана „*Medicina graesentanea*“ или *Regum medicamentum* сохранились только пять.

Изданіе: Gelenius, Basil. 1582, содержитъ только 8 неполныхъ книги.

Неупаг, который называетъ авторомъ Octavius Horatianus'a, помѣстилъ 4 книги: *Reverum medicarum libri IV*, Argent. (Schott.) 1582 (вмѣстѣ съ *Chirurgia Abulkasem'a*).

Полное: *Experimentarius medicinae Arg.* 1544. *Medici antiquissimi omnes, qui latinis literis diversorum morborum genera et remedia persecuti sunt etc.* Venet. ap. Aldum, 1547, fol. 291.

Въ изданіи Неупаг'a 4 первыхъ книги носятъ заглавія: I. *Logicus. De curationibus omnium ferme morborum corp. hum. ad Euporistum.* II. *De acutis et chronicis passionibus ad eundem.* Здѣсь между болѣзнями задьяго прохода, какъ часто попадающіяся обозначены трещины и кондиломы. III. *Gynaeceia. De mulierum accidentibus et curis eorundem, ad Victoriam.* Повидимому—извлеченіе изъ Сорана, 4 глава трактуетъ объ атрезіяхъ женскихъ половыхъ органовъ (περί ἀτρητῶν) IV. *De physica scientia. Experimentorum liber, ad Eusebium filium.* Содержитъ рецепты и различныя физиологическія темы, между прочимъ экскурсія въ область исторіи развитія и сѣмени, напр. описаніе 30-дневнаго плода, въ которомъ сердце было величиной съ маковое зерно. Упомянутое выше циклическое леченіе методиковъ изложено въ 9 главѣ. V книга (*Diaeta*) трактуетъ о пищевыхъ веществахъ, гимнастикѣ, ваннахъ и т. д.²⁾

Plinius Junior Secundus, также **Valerianus**, извѣстный болѣе всего подъ названіемъ **Pseudo-Plinius**, оставилъ сборникъ рецептовъ подъ названіемъ *Medicina Plinii*. Это не что иное, какъ медицинскій путеводитель для непосвященныхъ, содержаніе коего заимствовано изъ *Historia Naturalis* Плинія старшаго и въ которомъ растительныя лекарственныя вещества, изъ коихъ исключены дорогія и иноземныя, расположены по болѣзнямъ, причѣмъ въ концѣ имѣется отдѣлъ *contra venena*. Сочиненіе это служитъ немаловажнымъ пособіемъ для уразумѣнія многихъ темныхъ мѣстъ текста Плинія Старшаго, которыя Плиній Младшій довольно удачно объясняетъ. Кромѣ того онъ пользовался сочиненіемъ Gargilius Martialis'a и затерявшимся сочиненіемъ Vindicianus'a *De expertis*, а также Целіемъ Авреліаномъ.

Изданіе: *Medicinae Plinianaе libri quinque*, Romae, 1509. Torinus, Basil. 1528.

Collectio Aldina, Caii Plinii Secundi de re medica libri V, Venecia 1547.

Пояснительное: Günz, De auctore operis de re medica etc. libellus, Lips., 1786, гдѣ авторомъ *Medicinae Plinianaе* признается Sibirius изъ Бордо.

Подробности ср. V. Rose, Hermes, VIII, и Haeser, I, 623—625. Согласно послѣднему

¹⁾ Ср. тамъ же 34.

²⁾ См. Choulant, Bücherkunde, 216, и Haeser, I, 630.

Medicina Plinii первоначально состояла из 3 книг, из коих первые 2 рассматривают болѣзни отдѣльных частей, начиная отъ головы до ступней (отъ головной боли до подагры), третья же занимается болѣзнями, не находящимися въ связи съ опредѣленными частями тѣла, каковы раны, лихорадки, болѣзни кожи. Изъ послѣднихъ 2 книгъ, появившихъ въ упомянутыя изданія, четвертая есть ничто иное, какъ буквально списанное извлечение изъ „*Medicina*“ затеряннаго сочиненія Гаргилія Марціалиса о сельскомъ хозяйствѣ и состоитъ изъ 2 частей: *de oleribus* (главы 1—38) и *de pomis* (гл. 39—53); пятая (*liber diaetarum*) есть буквально извлечение изъ „*Diaeta*“ весьма стариннаго латинскаго перевода Александра изъ Tralles'a. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ позднѣйшей обработкой сочиненія Плинія Младшаго, относящейся къ VI или VII вѣку. Эта послѣдняя въ свою очередь послужила основаніемъ для третьей обработки подъ названіемъ „*Liber de remediis*“ въ St. Gallen'скомъ кодексѣ, относящейся къ X вѣку¹⁾.

Излишне сказать, что *Medicina Plinii* для исторіи медицины не имѣетъ почти никакого значенія, что здѣсь былъ бы напрасный трудъ искать вѣрныхъ показаній для леченія болѣзней, и даже единственное интересное замѣчаніе насчетъ наружнаго примѣненія электрическаго угра при болѣзняхъ селезенки теряетъ свое значеніе, если вспомнить, что еще въ I вѣкѣ по Р. Х. средство это было предложено противъ головной боли.

Этотъ рядъ болѣе или менѣе бесплодныхъ западныхъ писателей заканчивается собою

Marcellus изъ Бордо или **Marcellus Empiricus**, *magister officiorum* императора Θεодосія (379—395). Онъ оставилъ объемистое сочиненіе *De medicamentis*, предназначенное служить руководствомъ для его сыновей съ цѣлью поданія помощи бѣднымъ больнымъ въ крайнихъ случаяхъ, причемъ однако **Marcellus** совѣтуетъ для приготовленія лекарствъ обращаться за совѣтомъ къ врачу. Источниками для него служили **Scribonius Largus** („*Designatianus*“), **Celsus**, **Appolonaris**, **Pseudo-Plinius** и соотечественники **Марцелла**: **Siburius**, **Eutropius** и **Ausonius**. Оно содержитъ 36 обширныхъ главъ, въ которыхъ по порядку изложены по болѣзнямъ простыя, сложныя и магическія средства.

Издаи: **Marcellus**, *De medicamentis empiricis physicis ac rationalibus liber*, ed. Jan. Cornarus, Basil. 1536, 1539.

Это изданіе безъ измѣненія воспроизведено въ *Medic. antiq. coll. Venet.* 1547 и въ **Stephanus**, *Med. art. principes*, Venet. 1567.

Если съ одной стороны сочиненіе **Марцелла** представляетъ нѣкоторый интересъ по отношенію къ исторіи языка (сообщеніемъ заимствованныхъ у народа кельтскихъ лечебныхъ, магическихъ формулъ) и къ ботаникѣ (первымъ по времени описаніемъ многихъ кельтскихъ растеній)²⁾, то съ

¹⁾ Ср. Choulant, *Bücherkunde*, 218; Haeser, I, 624, 625.

²⁾ Ср. Haeser, I, 626.

другой стороны въ немъ, можно сказать, магическая медицина достигла своего апогея. Такихъ бессмысленныхъ и нелѣпныхъ способовъ и формулъ леченія болѣзней нельзя встрѣтить ни въ какомъ другомъ подобномъ сочиненіи. Представляемъ здѣсь нѣсколько образчиковъ, могущихъ служить лучшей иллюстраціей глубокаго упадка медицины вообще у тогдашнихъ западно-европейскихъ врачей.

Прежде всего замѣтимъ, что многія средства рекомендуются на томъ основаніи, что ихъ употребляла *Diva Augusta*, *Diva Livia*. Для предупрежденія слезотеченія изъ глазъ—высматривать падающую звѣзду и отъ момента возникновенія до исчезновенія ея считать какъ можно быстрѣе, и глазъ будетъ предохраненъ отъ слезотеченія столько лѣтъ, сколько разъ было сосчитано. Противъ *Lippitudo*—вырвать съ корнемъ *Millefolium*, согнуть въ кругъ и смотрѣть черезъ него, приговаривая трижды: „*excisum aciosos*“, затѣмъ трижды плюнуть и опять засадить растение, если продолжаетъ ростъ, то *Lippitudo* никогда не вернется. Если въ глазъ попадаетъ инородное тѣло, то, сдѣлавъ такой кругъ изъ *Artemisia*, прикасаться къ страдающему глазу, приговаривая 8 разъ и послѣ каждого раза отплеываясь: „*Os gorgonis basio*“. Если послѣднюю фразу проговорить трижды девять разъ, то этимъ способомъ можно удалить инородное тѣло изъ глотки. Для устраненія ячменя, или язвы на вѣкѣ взять 9 ячменныхъ зеренъ, прикоснуться остриями къ язвѣ, приговаривая: *φεῦγε, φεῦγε, κριθῦ σε δῖωκε*“; или: при ячменѣ на правомъ глазѣ дотронуться до него 3 пальцами лѣвой руки и, сплюнувъ, проговорить трижды: *Nec mula parit, nec lapis lanam fert, nec huic morbo caput crescat, aut si creverit, tabescat* („Муль не родитъ, камень не производитъ шерсти, точно также да не выростетъ голова на этой болѣзни, или если выростетъ, да высохнетъ“¹⁾). При кровотеченіяхъ произносить *carmen*: „*Sicy suta, susuta, usuta, suta, uma, ma*“ (тоже своего рода абракадабра); при кровотеченіяхъ изъ матки: „*Stupidus in monte ibat, stupidus stupuit. Adiuro te, matrix, ne hoc iracundia suscipias*“; противъ зубной боли: „*Argidam, margidam, sturgidam*“; противъ головной боли помогаетъ мохъ, выросшій на головѣ какой-нибудь статуи. При опухоли языка прикладывать виноградную ягоду, приговаривая 8 разъ: „*uva uvam emendat*“, или „*crisi, crasi, conscrasi*“, или написать на бумагѣ для завязыванія кругомъ шеи слѣдующій *carmen*: „*formica sanguinem non habet, nec fel: fuga uva, ne cancer te comedat*“. При лишаѣ на пальцѣ дотронуться до стѣны, проговоривъ трижды слѣдующій *carmen*: „*pu, pu, numquam te videam, per parietem repere*“; при колюкахъ трижды проговорить: *Stulpus a coelo cecidit: hunc morbum pastores invenerunt, sine manibus collegerunt, sine igne coxerunt, sine dentibus comederunt*“. Кромѣ того *Marcellus* рекомендуетъ готовить извѣстныя лекарства только по четвергамъ, принимать ихъ, обращаясь на востокъ, соблюдать пѣломудріе и чистоту сердца, молиться на новый годъ, произносить: *in nomine Dei Jacobi, in nomine dei Sabbaot*“ и т. п.²⁾

Rhamnus spinae Christi считается *Ма р ц е л о м ъ* испытаннымъ магическимъ средствомъ, такъ какъ этими терніями былъ увѣнчанъ Иисусъ Христосъ³⁾. Очевидно *Marcellus* въ этомъ отношеніи былъ ревностнымъ подражателемъ восточнаго и христіанскаго экзорцизма, о которомъ рѣчь была выше.

¹⁾ Ср. *Sprengel*, II, 242.

²⁾ *Marcellus, De medicamentis* ed. Steph. pp. 267—402. Ср. *Haeser*, I, 626. *Sprengel*, II, 242, 243.

³⁾ Тамъ же, 244.

Медицина восточной римской имперіи (310—1300 по Р. X.).

Въ то время, какъ на западѣ медицина, какъ мы видѣли, быстрыми шагами близилась къ упадку, вслѣдствіе ея сліянія съ мистической и магической медициной, на востокѣ римской имперіи въ медицинскихъ школахъ все еще продолжала тлѣть искра догматизма въ соединеніи съ началами методической и эмпирической школъ, другими словами—эклетицизма, и эту догматически-эмпирическую форму греческая медицина сохранила почти 1000 лѣтъ сряду. Сквозь весь этотъ длинный періодъ красною нитью проходитъ, собственно говоря, только *галенизмъ*, ибо въ школахъ за все это время преподавались только одни начала Галена и подъ конецъ они почерпались не прямо изъ источника, а изъ разныхъ компиляцій, такъ что и здѣсь, какъ и на западѣ, одни за другими стали появляться все новые и новые *сборники рецептовъ* безъ малѣйшихъ признаковъ движенія медицины впередъ. Начало этого періода совпадаетъ съ царствованіемъ Константина и перенесеніемъ столицы римской имперіи въ Византію въ 330 г., около каковаго времени жилъ и относящійся сюда врачъ,

Зенонъ изъ Кипра, знаменитый іатрософистъ или профессоръ медицины (титулъ, довольно часто попадающійся въ ту пору), прогнанный изъ Александріи грегорианцами, но впоследствии снова призванный сюда съ большимъ почетомъ императоромъ Юліаномъ въ качествѣ преподавателя. Интересно, что короткое царствованіе этого императора, несмотря на его отступничество и озлобленіе противъ христіанства и духа времени, было тѣмъ не менѣе весьма благопріятно для процвѣтанія наукъ. Высоко образованный и отъ природы богато одаренный Юліанъ, въ недоумѣніи передъ нарождающимся новымъ міромъ идей и неизвѣстнымъ его будущимъ, счелъ своимъ долгомъ стать грудью за выработанную культуру, за добытые языческой цивилизаціей результаты и за установившіяся науки. Между послѣдними онъ высоко ставилъ медицину, какъ достойную уваженія часть древне-греческой образованности, и потому всѣми мѣрами старался поддерживать стремленіе къ наукамъ, въ томъ числѣ и къ изученію медицины, въ главномъ мѣстопребываніи тогдашней учености—Александріи, откуда вся уцѣлѣвшая тогда научная дѣятельность получала санкцію и направленіе. Ниже, при изложеніи Орибазія, для насъ еще яснѣе станетъ роль Юліана въ дѣлѣ сохраненія многовѣковаго медицинскаго наслѣдія и преданія. Что касается Зенона, то хотя отъ него не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ, но, насколько можно судить о немъ по духовному наслѣдію, перешедшему къ его ученикамъ, онъ по всему видимому представлялъ счастливое сочетаніе обширнаго знанія съ яснымъ умомъ, сумѣвшимъ отстаивать себя противъ перипатетическихъ

взглядомъ, получившихъ тогда широкое распространение ¹⁾. Онъ привлекъ въ Александрію множество молодыхъ людей, изучавшихъ и обработывавшихъ подъ его руководствомъ медицину. Между его учениками въ особенности извѣстны *Jonicus*, *Magnus* и *Oribasius*.

Jonicus изъ Сардеса (360 по Р. X.) пользовался большимъ почетомъ между современными учеными врачами, считавшими его учение и его образъ дѣйствій воплощеніемъ древней медицины. Онъ былъ преимущественно анатомомъ, фармакологомъ и хирургомъ, избѣгавшимъ однако, какъ и всѣ его современники, кровавыхъ операций, и кромѣ того обладалъ обширнымъ философскимъ образованіемъ и не былъ чуждъ даже краснорѣчія и поэзіи. Умеръ онъ нѣсколько лѣтъ до смерти *Oribasія* ²⁾.

Magnus изъ Антиохіи, также профессоръ медицины (іатрософистъ) въ Александріи, подвизался болѣе какъ тонкій перипатетическій діалектикъ и полемистъ, нежели какъ практической преподаватель медицины, и хотя его аудиторія всегда была полна слушателями, но врачами онъ мало былъ любимъ, такъ какъ постоянно высказывался скептически объ ихъ дѣятельности и выражалъ недвусмысленное сомнѣніе „въ томъ, чтобы она могла способствовать выздоровленію какихъ-бы то ни было больныхъ“. Затерянное семіотическое сочиненіе его о мочѣ долго еще читалось въ позднѣйшіе вѣка ³⁾.

Oribasius (325—403 по Р. X.), послѣ *Галена*—самый важнѣйшій изъ медицинскихъ авторовъ этой эпохи, согласно его біографу и другу *Eunapius*'у, родомъ также изъ Пергама въ Мизіи, происходилъ изъ хорошаго семейства и изучилъ медицину у *Зенона* изъ Кипра, вышеупомянутаго александрійскаго врача. Онъ былъ лейбъ-медикомъ и другомъ императора *Юліана*, съ которымъ отправился въ Галлію въ 355 г. и по предложенію коего въ 361 г. приступилъ къ составленію обширнаго медицинскаго сборника, посвященнаго имъ императору. Онъ сопровождалъ *Юліана* и въ походѣ противъ персовъ, во время коего послѣдній погибъ въ 363 г. Послѣ смерти *Юліана* произошла перемѣна и въ участи *Oribasія*, раздѣлявшаго его взгляды въ дѣлѣ преслѣдованія христіанъ и потому изгнаннаго его преемниками *Валентіемъ* и *Валентиніаномъ*, принявшими

¹⁾ *Eunapius Sardianus*, *De vitis philosophorum et sophistarum*. Colon. Allobrog. 1616. Ср. *Hecker*, II, p. 49, 50.

²⁾ Тамъ же, 51.

³⁾ *Theophil. De urina*. Praef. interpr. Alban. Torin. Basil. 1533. Ср. *Hecker*, II, 51.

христианство, причемъ онъ бѣжалъ къ готамъ. Впослѣдствіи однако онъ былъ возвращенъ изъ изгнанія и, женившись на богатой женщинѣ, отъ которой имѣлъ дѣтей, предался медицинской практикѣ. Умеръ около 400 г. ¹⁾).

Орибазій оставилъ слѣдующія сочиненія:

- 1) Συναγωγή ἰατρικαί, Collecta medicinalia.
- 2) Σύνοψις, Synopsis ad Eustathium.
- 3) Εὐπορίστα, Euporista ad Eunarium.
- 4) Commentaria in Aphorismos Hippocratis.

Кромѣ того нѣкоторыми ему ошибочно приписываются: De victus ratione per quod libet anni tempus (въ Collect. Albani Torini 1528) и Ἀνομήμος εἰσαγωγή ἀνατομικῆ (ed. Laugemburg, Hamb. 1616 и Bernard, Lugd. Batav., 1744).

Изъ этихъ сочиненій главнѣйшее—составленный имъ Сборникъ; носящій названіе: Αἱ Ἰατρικαὶ Συναγωγαὶ (Collectanea medicinalia) въ 70 книгахъ, родъ энциклопедіи медицинскіхъ наукъ, обнимающей въ систематическомъ порядкѣ всѣ медицинскія познанія того времени. Самая главная заслуга этой энциклопедіи та, что въ составъ ея вошли исключительно буквальныя, дословныя извлеченія изъ текстовъ Галена и другихъ знаменитѣйшихъ врачей и хирурговъ. Къ сожалѣнію, больше половины, почти $\frac{2}{3}$ этого сочиненія погибло,—потеря тѣмъ болѣе прискорбная, что недостающія книги этого сочиненія, которое должно было бросить столь яркій свѣтъ на исторію древней медицины, содержали именно самыя интересныя и обширныя отдѣлы хирургіи и медицины.

Изданіи: Vart. Rasarius, Venet., ap. Paul et Manutium, Aldina (годъ не обозначенъ, во всякомъ случаѣ до 1555), подъ заглавіемъ: Oribasii Sardiani collectorum medicinalium libri XVII [1—15, 24 и 25 книги], qui ex magno septuaginta librorum volumine ad nostram aetatem soli pervenerunt, I. B. Rosario medico Novariensi interprete. Долгое время Сборникъ Орибазія былъ извѣстенъ только по этому крайне неполному, хотя превосходному латинскому переводу.

Augustin. Riccius (кн. 1 и нач. 5), Rom. 1543.

Paris, 1555, ex officina Aldina ap. B. Turrisanum.

Collectaneorum artis medicae liber, quo totius corporis humani sectio explicatur ex Galeni commentariis, Paris 1556, ap. Morelium (только 24 и 25 книги), на греческомъ,—извлеченіе изъ анатоміи Галена, хотя сжатое, но весьма обстоятельное.

Oribasii anatomica ex libris Galeni cum versione latina I. B. Rasarii Lugd. Bat. 1735, ed. Dundass, ap. Langerak.

Matthaei, Moscoviae, 1808, носятъ названіе: XXI veterum et clarorum medicorum graecorum varia opuscula primo nunc impensis fratrum Zosimadarum ex Oribasii codice Mosquasi graece edid. et Mosquae 1808, ed. Ch. T. de Matthaei litteris Cesareae universitatis. Это изданіе Mattei, равно какъ и рукопись Орибазія, которой онъ пользовался, погибли во время пожара въ Москвѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ экземпляровъ, изъ коихъ въ іенской и бреславльской бібліотекахъ имѣется по одному. Это изданіе весьма рѣдкое и обнимаетъ только первыя 15 книгъ Συναγωγαί, причемъ здѣсь выпущены главы, извлеченныя изъ Галена, Dioscorida и Rufus'a, а помѣщены только извлеченія изъ другихъ греческихъ авторовъ. Текстъ крайне небрежный.

¹⁾ Тамъ же, 52—55; по Corlieu (Les médecins grecs, Paris, 1885, p. 112) † въ 395 г.

Изъ сказаннаго видно, что

1) книги 1—15 впервые появились въ латинскомъ переводѣ изд. *Rasarius'a* вмѣстѣ съ книгами 24 и 25, которыя на греческомъ напечатаны впервые въ Парижѣ въ 1556 г. и затѣмъ перепечатаны въ 1735 г. въ Лейденѣ *Dundass'омъ*. Къ этому необходимо еще прибавить что,

2) книги 46 и 47 (*De fracturis et luxatis*) изданы *Cossi*, Florentia, въ 1754 г.

3) Кардиналь *Angelo Mai*, слѣдовавшій исключительно системѣ *Mattei*, только не по отношенію къ *Rufus'u*, помѣстилъ на греч. языкѣ въ *Classici auctoriis IV*, Rom. 1831, книги 44 (*de abscessibus*), 45 (*de tumoribus*), 48 (*de laqueis*), 49 (*de machinamentis*) и нѣсколько отрывковъ изъ 50 и 51 книгъ (*De pudendorum morbis*). Наконецъ

4) *Vido Vidius* въ своей *Chirurgia*, Paris, 1544 издалъ въ латинскомъ переводѣ первую половину 48, извлеченную изъ *Heracles'a*, и 49 книги¹⁾, а *Chartier* (*Charterius*) въ своемъ изд. Гипократа и Галена—вторую половину 48 книги, извлеченную изъ *Heliodorus'a*.

Всѣ эти разрозненныя изданія, за исключеніемъ послѣдняго (№ 4), крайне недостаточны, въ особенности *Mattei* и *Mai*, именно вслѣдствіе пропусковъ извлеченій изъ Галена и *Диоскорида*.

Изъ *Συναγωγαι* самъ *Орибазій* составилъ и посвятилъ своему сыну *Eustathius'u* краткій компендіи подъ заглавіемъ:

В) *Σύνοψις πρὸς Εὐστάθιον* въ 9 книгахъ.

Изданія: только въ латинскомъ переводѣ и впервые—*Rasarius*, Venet. 1554 подъ заглавіемъ:

Oribasii Synopseos ad Eustathium filium libri IX, quibus tota medicina in compendium redacta continetur, Rasario interprete. Venet. ap. Ald. 1554.

Paris, 1554, ap. *Audoenum parvum*.

Наконецъ въ латинскомъ же переводѣ существуетъ еще извлечение изъ 4 книгъ *Synagogai* для непосвященныхъ, подъ названіемъ:

С) *Εὐπόριστα* (*de parabilibus remediis*), посвященное *Орибазіемъ* своему другу *Eunapius'u*.

Изданія: Basil. 1529, ed. *Sichard* ap. *Petri*.

Venet. 1558: *Oribasii ed. Eunapium libri IV, quibus facile parabilia medicamenta facultates simplicium, morborum et locorum affectorum curationes continentur, ed. Rasarius, ex officina Erasmani Vincentii Valgrisi.*

Полныя изданія: 1) самое старинное: *Oribasii Sardiani opera, quod exstant omnia, tribus tomis digesta, I. B. Rassario interprete. Basil. 1557 ap. Isingrinium.*

Новѣйшее: *Oeuvres d'Oribase, par Bussemaker et Daremberg, Paris, 1861--67* въ 6 томахъ, греч. текстъ (по вновь открытымъ рукописямъ) съ франц. переводомъ. Ср. тамъ же, *Plan de la collection des medecins grecs et latins, XXXIII—XXXVII.*

Д) *Commentaria in Aphorismos Hippocratis.*

Изданія: *Oribasii Commentaria in aphorismos Hippocratis hactenus non visa ed. Guinter Andernaе, ap. Simon. Colinaeum, Paris. 1533.*

¹⁾ Такъ выходитъ по *Bussemaker et Daremberg'u*; но по *Choulant, Bücherkunde* р. 124, здѣсь помѣщены еще 43 и 45 книги, что очевидно у него описка.

Venet. 1553 ap. Antonid. de Nicolinis.

Basil. 1535 ex officina Andr. Cratandri.

Patav. 1658, typis Matthaei Cadorini и наконецъ въ Opera omnia, Basil. 1557, ap. Isingrinium ¹⁾.

Пояснительнымъ сочиненіемъ: Gruner, Program. inest Oribasii medicinal. collectorum I. I et II. et fragmentum aliud e Codice Mosquensi nunc primum gr. et lat. Jen. 1782.

Hecker, Oribasius, der Leibarzt Julianus, въ его Annalen der gesammten Heilkunde. Berlin, 1825. I B. 1 Heft.

Въ предисловіи къ Synagoge находимъ обстоятельное изложеніе плана всего сочиненія:

„Самодержецъ Юліанъ! Согласно выраженному Тобой во время нашего пребыванія въ Западной Галліи желанію, я закончилъ краткій сборникъ, заказанный мнѣ Твоимъ Божественнымъ Величествомъ (Θεοῦτος) и извлеченный только изъ сочиненій Галена. Удостоивъ его похвалы, Ты повелѣлъ мнѣ взяться за другой трудъ—отыскать и собрать во едино все наиболее важное въ сочиненіяхъ лучшихъ врачей и все, способствующее достиженію цѣлей медицины. Я охотно взялся за выполнение этого труда по мѣрѣ своихъ силъ, будучи увѣренъ, что такой сборникъ будетъ весьма полезенъ, ибо читатели могутъ здѣсь скоро найти необходимое для больныхъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Считаю бесполезнымъ и совершенно лишнимъ повторять одно и тоже, почерпая одинаково у лучшихъ писателей, и только изъ матеріаловъ, доставленныхъ давно уже Галеномъ, я ничего не пропущу въ томъ соображеніи, что этотъ авторъ далеко превосходитъ остальныхъ, писавшихъ о томъ же предметѣ, какъ отиѣнностью своихъ методовъ, такъ и своими опредѣленіями, ибо онъ всегда и вездѣ слѣдуетъ началамъ и взглядамъ гиппократическимъ. Здѣсь буду держаться слѣдующаго порядка: сначала соберу все, касающееся предмета гигиены и леченія, затѣмъ все, сказанное о природѣ и строеніи человѣка, далѣе, все, относящееся къ сохраненію здоровья и восстановленію силъ у больныхъ, потомъ все, имѣющее отношеніе къ ученію о діагностикѣ и прогностикѣ, наконецъ буду говорить о леченіи болѣзней, ихъ симптомахъ, словомъ обо всемъ, несогласномъ съ природой. Начну со свойствъ пищевыхъ веществъ“ ²⁾.

Четыре первыя книги посвящены пищевымъ веществамъ, способу ихъ дѣйствія и приготовленію; кн. V—напиткамъ, VI—упражненіямъ: въ началѣ рѣчь идетъ о покоѣ, снѣ и бодрствованіи, декламации, а затѣмъ подробно разбираются всѣ виды упражненій, массажа, прогулокъ, гимнастики и проч. и притомъ по различнымъ авторамъ, начиная отъ Гиппократа и кончая Галеномъ. Кн. VII и VIII посвящены кровоизвлеченіямъ и опорожненіямъ, кн. IX трактуетъ о вліяніи воздуха, мѣстности, наружныхъ медикаментовъ, кн. X—о ваннахъ и мѣстномъ леченіи, кн. XI, XII, XIII—ничто иное, какъ воспроизведеніе *Materiae medicae* Діоскорида, только систематическій порядокъ Орибазій замѣнилъ здѣсь алфавитнымъ. Книги XIV, XV, XVI занимаютъ простыми и сложными медикаментами, книги

¹⁾ Cp. Choulant, Bücherkunde, 122—125 и изд. Bussemaker et Dagerberg's, Plan de la Collection, XXXIII и слѣд.

²⁾ *Oeuvres D'Oribase*, par Bussemaker et Dagerberg, Paris, 1861, I, p. 1—3.

XVII—XX погибли. Въ кн. XXI, XXII рѣчь идетъ о силанхнологіи и вообще объ анатоміи. Слѣдующія книги опять таки затеряны вплоть до XLIV, занимающейся практической хирургіей и рассматривающей между прочимъ приливный діатезъ, воспаления, исцѣченіе реберъ (с. 11), свищи, гангрену, рожу, нарывы вообще и въ частности нарывы печени, селезенки, брюшины, задняго прохода и другихъ частей. Здѣсь находимъ подробное указаніе на хирургическое леченіе фистуль, на бронзовую трубку (с. 15), посредствомъ которой въ свищевые ходы вводились разные мази, и обстоятельное, подробное изложеніе правилъ для леченія различныхъ нарывовъ припарками, разрѣзами, мазями и т. д. ¹⁾ Книга XLV (которою начинается t. IV) излагаетъ ученіе объ опухоляхъ, какъ-то, о кистахъ (по Галену), стеатомахъ, torhus (περὶ κόρου), склеромѣ, ганглии (по Rufus'у и Гелиодору), асгосчордон и равахъ, thymus (гранулирующей язвѣ на половыхъ частяхъ), о контрактурѣ, золотушныхъ страданіяхъ, Varices, Emphysema (мышцъ), аневризмѣ (по Антилле), Elephantiasis и отложеніяхъ. Книги XLVI—XLIX занимаются переломами, вывихами, повязками и машинами ²⁾. Интересно, что постановленіемъ парижской Faculté de médecine отъ 11 іюля 1607 г. предписывается преподавать студентамъ именно эти книги Орибазія о повязкахъ и машинахъ ³⁾. Въ кн. L рассматриваются короткое праерутіумъ, hypospadiasis, мочевои свищъ, phimosis, сращеніе праерутіи съ головкой, обрѣзаніе, разращенія и расщепленія на половыхъ частяхъ, стриктуры, инфибуляція, грыжи; въ кн. LI—язвы вообще (t. IV, 459—525).

Въ предисловіи ко второму своему сочиненію, *Synopsis*, Орибазій говоритъ, что оно можетъ служить полезнымъ пособіемъ для врачей, чтобы легко ориентироваться и находить то, что имъ нужно сдѣлать въ каждомъ данномъ случаѣ:

„Читая сжатое изложеніе, они припоминаютъ все, относящееся къ каждому отдѣльному понятію, и будутъ пользоваться выгодой—обладать достаточными данными обо всемъ необходимомъ, не обременя себя слишкомъ тяжелой работой. Я приведу лишь тѣ способы леченія, которые наиболѣе употребительны и легко доступны, т. е. тѣ, которые обыкновенно удаются при помощи медикаментовъ и режима, но я не буду говорить о хирургіи, такъ какъ она трудно выполняема (sic!), особенно во время путешествія“ ⁴⁾.

Въ этомъ сочиненіи находимъ быть можетъ первое обстоятельное описаніе ликантроніи, рассматриваемой какъ видъ меланхоліи ⁵⁾.

¹⁾ Тамъ-же, t. III, 531—675.

²⁾ Тамъ-же, t. IV, pp. 1—101 и 102—458.

³⁾ Ср. Corlieu, Les medecins grecs depuis la mort de Galien etc., Paris, 1886, p. 114.

⁴⁾ Prooemium Орибазія къ *Synopsis*, ed. Daremb., t. V, p. 2.

⁵⁾ Тамъ-же l. VIII, с. 10, t. V, p. 414.

Третье сочинение Орибазия, *Περὶ Εὐκρίστον* (О легко приготовляемых средствах), посвященное Euparius'у из Sardes, есть родъ лечебника для непосвященных съ указаніемъ, какъ подавать помощь больнымъ вдали отъ населенныхъ центровъ, до прибытія врача. Здѣсь онъ излагаетъ гигиеническія правила, которымъ необходимо слѣдовать въ обыкновенныхъ болѣзняхъ, главные ихъ симптомы и лечение.

По отношенію къ *отдѣльнымъ отраслямъ* медицины, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ книгамъ *Сборника* Орибазія, наиболѣе обработанными представляются анатомія и гигиена и гораздо менѣе остальные области медицины.

Анатомія, какъ легко убѣдиться изъ вышесказаннаго, не была предметомъ самостоятельныхъ изслѣдованій Орибазія, хотя, по его собственному завѣренію, онъ неоднократно вскрывалъ обезьянъ¹⁾. Всѣ его заслуги въ этой области сводятся лишь къ собранію въ одно цѣлое анатомическихъ данныхъ Галена, Руфа и Сорана младшаго²⁾, примѣнительно къ потребностямъ учащихся и практическихъ врачей. Здѣсь, впрочемъ, въ книгѣ XXIV находимъ первое описаніе слюнныхъ железъ:

„По обѣ стороны связки (*δεσμών*, т. е. *frenulum*) вы найдете отверстія сосудовъ, носящихъ названіе слюнныхъ (*σαλοχόων*), въ которыя можно ввести пуговчатый на обоихъ концахъ зондъ. Эти сосуды берутъ начало у корня языка, тамъ, гдѣ помѣщаются железы (*οἱ ἀδένες*) этого органа, отъ коихъ и идутъ эти сосуды [протоки], по виду похожіе на артеріи. Черезъ эти сосуды держитъ путь слизистая жидкость (*φλεγματοῦδες ὑγρόν*, т. е. слюва), увлажняющая самый языкъ, а также боковыя, нижнія и вообще окружающія части³⁾.

Въ области *физиологии* находимъ у Орибазія вкратцѣ воспроизведенныя большею частью по Галену главы о температурахъ⁴⁾, о естественныхъ силахъ и отправленияхъ (*Περὶ φυσικῶν δυνάμεων καὶ ἐνεργειῶν*)⁵⁾, о сѣмени, беременности, развитіи зародыша и половыхъ сношеніяхъ⁶⁾, о формѣ головы въ связи со строеніемъ мозга, о признакахъ темперамента глазъ, мозга и другихъ частей, какъ нормальныхъ (*κράσεως*), такъ и ненормальныхъ (*δυσκрасίῶν*), о страхѣ, гнѣвѣ, тоскѣ, способностяхъ души⁷⁾, о движеніяхъ легкихъ и грудной кѣтки, причинѣ дыханія, образованіи го-

¹⁾ *Oribasii Collect. med.* l. VII c. 5 (въ изд. Daremb., t. II, p. 34, 35).

²⁾ Тамъ-же, II. XXIV и XXV (Въ изд. Daremb. t. III, 273—530) и отдѣльное: *Rasarius, Oribasii anatomica, cum versione latina, Lugd. Bat. 1735.*

³⁾ *Oribasii Collect. med.*, l. XXIV, c. 8 (ed. Daremb., t. III, p. 310).

⁴⁾ *Oribasii Collect. med.*, l. XXI ed. Daremb. t. III, pp. 1—23.

⁵⁾ Тамъ-же, l. XXII, c. 1, pp. 26—40.

⁶⁾ Тамъ-же, cc. 2—9, pp. 40—79 и *Liv. incert.* cc. 6—10, pp. 98—114.

⁷⁾ Тамъ-же, *Liv. incert.* cc. 26—41, pp. 195—218.

лоса, мышечныхъ движеніяхъ ¹⁾. Всѣ эти главы по своей краткости и неполнотѣ даютъ лишь весьма слабое понятіе объ относящихся сюда предметахъ.

Гораздо важнѣе заслуги Орибазія въ разныхъ областяхъ *практической медицины*. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ его

Гигіена и діететика. Основой какъ для физическаго воспитанія дѣтей, такъ и для сохраненія здоровья всѣхъ возрастовъ и при всякомъ состояніи тѣла, служить у него слѣдующее общее правило:

Продвѣтанію тѣла весьма много способствуетъ спокойствіе души“ (*ἡ δὲ ἀνεξι τῶν ψυχῶν εἰς εὐτροφίαν σώματος μεγὰλα συμβάλλεται*) ²⁾.

Выше мы видѣли, что во главѣ его объемистаго *Сборника* имъ поставлена подробно изложенная діететика, обнимающая всѣ роды пищевыхъ веществъ ³⁾. Такою-же тщательной обработкой отличаются главы о питьевой водѣ ⁴⁾, натираніяхъ ⁵⁾, винѣ и другихъ напиткахъ ⁶⁾, гимнастикѣ ⁷⁾, купаньяхъ ⁸⁾, причѣмъ вездѣ просвѣчиваютъ здравыя сужденія о вліяніи внѣшнихъ дѣятелей, какъ видно изъ замѣчаній о свойствахъ мѣстности и вліяніи почвы на образъ жизни ея обитателей,—замѣчаній, заимствованныхъ имъ у Сабина ⁹⁾. Весьма интересны извлеченія изъ Антилла, Галена, Агадина и Геродота объ искусственныхъ ваннахъ, горячихъ, песчаныхъ, масляныхъ и морскихъ ваннахъ ¹⁰⁾, а также о *Psilothrum Менемаха*—вредномъ составѣ изъ ѣдкой извести и мышьяка, прибавлявшемся къ ваннамъ съ цѣлью разрушенія волосъ (*epilatorium*) ¹¹⁾.

Не мало мѣста Орибазій отводитъ гигиенѣ молодыхъ дѣвицъ, беременныхъ женщинъ и въ особенности кормленію дѣтей, причѣмъ не упускаетъ изъ виду выбора кормилицы, образа жизни, который она должна вести, изслѣдованія молока и проч., а также много говоритъ о воспитаніи дѣтей до 14-лѣтняго возраста и послѣ него, и наконецъ останавливается на подробномъ разборѣ здороваго образа жизни для разныхъ возрастовъ и

¹⁾ Тамъ-же, сс. 42—45, p. 219—272.

²⁾ *Oribasii Synopsis*, l. V, c. 14 (ed. Daremb. t. V, p. 208).

³⁾ *Oribasii Collect. med.* ll I—IV, ed. Daremb. t. I, 1—305.

⁴⁾ Тамъ-же, l. V, сс. 1—5, 306—338.

⁵⁾ Тамъ-же, l. VI, сс. 13, 16—20, pp. 470—472, 482—503.

⁶⁾ Тамъ-же, l. V, сс. 6—33, pp. 338—435.

⁷⁾ Тамъ-же, l. VI, сс. 14, 15, pp. 473—482.

⁸⁾ Тамъ-же, l. X, с. 1 и слѣд., т. II. 369 и слѣд.

⁹⁾ Тамъ-же, l. IX, с. 15, 310 и слѣд.

¹⁰⁾ Тамъ-же, l. X, сс. 1—8, 38, 39, ed. Dar., t. II, pp. 369—407, 466—468

¹¹⁾ Тамъ-же, l. X, с. 14, ed. Daremb., t. II, p. 417 и *Euporista* l. IV, c. 7, ed. Dar., t. V, p. 700, t. VI, p. 533, 534.

временъ года, приче́мъ находимъ здѣсь замѣчанія объ афтахъ, а равно о разныхъ сыпяхъ у дѣтей ¹⁾, съ леченіемъ коихъ, по его мнѣнію, не слѣдуетъ спѣшить, такъ какъ быстрое ихъ исчезновеніе можетъ подавать поводъ къ серьезнымъ заболѣваніямъ внутреннихъ органовъ ²⁾. Словомъ Орибазій разсматриваетъ здѣсь дѣтскую гигиену и діететику, начиная отъ рожденія вплоть до зрѣлости, приче́мъ дѣлаетъ позаимствованія у Галена, Атеней, Мезитея изъ Аѳинъ, Rufus'a, Діоклеса.

Какъ образчикъ гигиены Орибазія приведемъ здѣсь извлеченіе его изъ Атеней о режимѣ дѣтей различнаго возраста:

„Маленькимъ дѣтямъ, только что отлученнымъ отъ груди, необходимо предоставлять играть на свободѣ и жить въ свое удовольствіе; ихъ надо приучать къ душевному покою и къ упражненіямъ, сопровождаемымъ маленькими шалостями и невинными обманами. Пищу имъ необходимо давать весьма легкую и въ умѣренномъ количествѣ, ибо тѣ, которые по случаю отлученія отъ груди пичкаютъ ихъ разнаго рода кушаньями и даютъ имъ слишкомъ питательныя, только портятъ ихъ питаніе и задерживаютъ ихъ ростъ черезъ ослабленіе ихъ природы (διὰ τὴν τῆς φύσεως ἀσθένειαν). Многія изъ этихъ дѣтей поражаются изъязвленіями и воспаленіями кишекъ, выпаденіемъ заднаго прохода и другими тяжкими болѣзнями вслѣдствіе часто повторяющихся несвареній и испраженій на низъ (διὰ τὰς συνεχεῖς ἀπεψίας καὶ τὰς καταφορὰς τῆς κοιλίας). Съ 6-ти или 7-лѣтняго возраста мальчиковъ и дѣвочекъ слѣдуетъ поручать кроткимъ и человѣчнымъ (φιλανθρώποις) учителямъ, ибо тѣ, которые привлекаютъ къ себѣ дѣтей, какъ средство обученія употребляютъ увѣщанія и поощренія и часто ихъ хвалятъ, достигаютъ лучшихъ успѣховъ и въ большей мѣрѣ вызываютъ въ нихъ рвеніе; такой способъ обученія забавляетъ дѣтей и доставляетъ имъ чувство удовольствія, душевная же свобода и радость (ἡ ἀνεκὶς καὶ χαρὰ τῆς ψυχῆς) много способствуютъ хорошему питанію. Тѣ же напротивъ, которые настаиваютъ на обученіи, прибѣгаютъ къ суровымъ мѣрамъ и упрекамъ, развиваютъ въ дѣтяхъ рабскій и трусливый характеръ и вселяютъ въ нихъ отвращеніе къ предмету ихъ обученія, ибо заставляютъ ихъ учиться подъ колотушками и призывать на помощь свою память какъ разъ во время побоевъ, когда они теряютъ присутствіе духа. Нѣтъ надобности втеченіе цѣлаго дня мучить ученіемъ только что начинающихъ дѣтей, наоборотъ большую часть дня слѣдуетъ посвящать играмъ. И въ самомъ дѣлѣ, даже у людей болѣе крѣпкихъ, достигшихъ уже своего полнаго развитія, мы видимъ истощеніе тѣла, если они съ жаромъ и безъ перерыва предаются культивированію наукъ. Дѣти, достигшіе 12-лѣтняго возраста, должны уже посѣщать грамматиковъ и геометровъ и предаваться тѣлеснымъ упражненіямъ, но необходимо, чтобы они имѣли разумныхъ, не совсемъ лишенныхъ опытности наставниковъ и надзирателей, дабы они знали мѣру и время, удобныя для приема пищи, для упражненій, ваннъ, для сна и другихъ подробностей режима: большинство довольно дорого платитъ за своихъ конюховъ и выбираютъ для этой цѣли людей старательныхъ и испытанныхъ, между тѣмъ въ наставники своимъ дѣтямъ берутъ лицъ неопытныхъ, ставшихъ уже бесполезными и не могущихъ болѣе оказывать ни одной изъ обычныхъ въ жизни услугъ. Съ 14-лѣтняго возраста до истеченія третьей седь-

¹⁾ Oribasii Coll. med., Liv. incert. cc. 2—25, ed. Dar., t. III, 82—194.

²⁾ Тамъ-же, Liv. incert. c. 24 (ed. Daremb. t. III, 189).

мици [лѣтъ] необходимо серьезнѣе заняться усвоеніемъ себѣ наукъ [собственно математики, μαθημάτων], слушать философскія лекціи (φιλοσόφων λόγων κατήχησις), запоминать ихъ и запоминаемое повторять съ напряженнымъ вниманіемъ. Съ 14 лѣтъ всѣмъ полезно или скорѣе необходимо изъ преподаваемыхъ предметовъ усваивать не только остальные науки, но даже медицину, стараясь слушать преподаваніе правилъ этого искусства, дабы мы могли сдѣлаться хорошими совѣтниками себѣ самимъ въ отношеніи вещей, полезныхъ для здоровья. Ибо нѣтъ почти ни одного мгновенія втеченіе ночи или дня, гдѣ бы мы не ощущали потребности въ медицинѣ: что бы мы ни дѣлали, гуляемъ ли мы, сидимъ, дѣлаемъ натиранія, беремъ ли ванну, ѣдимъ, пьемъ, спимъ или бодрствуемъ, втеченіе всей нашей жизни и посреди различныхъ относящихся сюда занятій мы нуждаемся въ совѣтахъ, какъ пользоваться этой жизнью съ выгодой и безъ неудобствъ, обращаться же каждый разъ къ врачу за всякой мелочью—и утомительно, и невозможно. Вотъ какъ слѣдуетъ направлять касающіяся души обстоятельства у молодыхъ людей этого возраста. Что касается тѣлесныхъ упражненій, то, принимая во вниманіе окрѣпшій организмъ, начало выработки сѣмени въ этомъ возрастѣ и пылкія страсти, возбуждающія молодыхъ людей къ половымъ сношеніямъ, то эти тѣлесныя упражненія должны быть многочисленнѣе, дабы, уставъ душой и тѣломъ, они съ самаго начала научались подавлять свои вожделнія, ибо ничто такъ не останавливаетъ развитія души и тѣла, какъ преждевременное и чрезмѣрное злоупотреблие половыми сношеніями. Необходимо также не допускать употребленія вина въ этомъ возрастѣ, такъ какъ оно ведетъ къ расстройствамъ. Вообще не слѣдуетъ пренебрегать упражненіемъ ни одной изъ частей тѣла и души, а одинаково упражнять ихъ всѣ, дабы мы могли достигнуть старости въ дѣльномъ, ненарушенномъ видѣ. Зрѣлому возрасту подобаетъ полный режимъ тѣла и духа; здѣсь поэтому необходимо прибѣгать ко всѣмъ возможнымъ упражненіямъ, преимущественно же къ тѣмъ, которыя соотвѣтствуютъ привычкамъ каждаго порознь, пишу употреблять въ достаточномъ количествѣ, подавлять страсти, такъ чтобы вожделнія не превышали силъ. И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторое время крѣпкій организмъ еще въ состояніи оказывать сопротивленіе расстройствамъ, но болѣе серьезныя погрѣшности, превышающія силы, подрываютъ наконецъ даже наилучше сложенный организмъ¹⁾. Слѣдуютъ подробныя діететическія правила для старости, въ которой съ увяданіемъ душевныхъ и физическихъ силъ и тѣло уподобляется изношенной тряпкѣ и поэтому легко подвержено заболѣваніямъ отъ малѣйшихъ вредныхъ вліяній, между прочимъ рекомендуются покойная жизнь въ свое удовольствіе, уменьшеніе упражненій, сохраненіе кроткаго и веселаго нрава, пріятное обращеніе съ окружающими и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянная забота болѣе о собственномъ тѣлѣ, нежели о другихъ, за тѣмъ О. продолжаетъ: „Старость бываетъ наиболѣе счастливая у людей, отличающихся эрудіціей и знакомствомъ съ рациональными науками, вслѣдствіе разумнаго ихъ примѣненія, умѣренности въ образѣ жизни, уравновѣженности души и пользованія постояннымъ досугомъ, опираясь на свои собственные труды и на работы своихъ предковъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ разумный человѣкъ найти лучшаго товарища или собесѣдника, если пренебрегаетъ отъѣнными произведеніями столь великихъ людей? Какую радость и подъемъ ощущаетъ душа, находясь въ духовномъ общеніи съ философами и врачами, нашими предшественниками, и со всѣми другими людьми, идущими во главѣ универсальныхъ наукъ, и часто къ нимъ обращающа¹⁾).

¹⁾ Тамъ-же, Liv. incert. c. 21, ed. Dar., t III, pp. 161—168.

Въ области *общей терапіи* Орибазій является достойнымъ раздража- телемъ Гиппократа. Въ особенности заслуживаютъ вниманія установленныя имъ правила для кровопусканій, для коихъ общимъ показаніемъ слу- жить избытокъ крови (*plethora ad vires* и *plethora ad spatium* Га- лена)¹⁾. При воспаленіяхъ и задержаніи привычныхъ кровотеченій, по Орибазію, надлежитъ тотчасъ прибѣгать къ кровопусканію, а не выжи- дать появленія явныхъ признаковъ плеторы²⁾, при этомъ, гдѣ нужно, дѣ- лать ихъ сразу до обморока, а также, смотря по надобности, повторить 3—4 раза до перелома болѣзни, всегда однако руководствуясь пульсомъ³⁾. Ко- личество выпускаемой крови опредѣляется интенсивностью болѣзни и состояніемъ силъ организма; при слабости послѣднихъ лучше пускать кровь по частямъ, но были случаи, гдѣ больные переносили потерю крови въ 6 фунтовъ⁴⁾. Возрастъ для кровопусканій: отъ 14 и даже до 70 лѣтъ⁵⁾. Вре- мя для кровопусканій: при безлихорадочныхъ болѣзняхъ—до обѣда, при лихорадочныхъ—по ослабленіи симптомовъ, слѣд. во всякое время дня и ночи⁶⁾. Мѣсто: при воспаленіяхъ на головѣ и шеѣ—изъ руки больной стороны, при воспаленіяхъ ниже діафрагмы и для вызванія геморроидаль- ныхъ и мѣсячныхъ кровотеченій—изъ ноги, кровопусканія же изъ противо- положной страданію стороны дѣйствуютъ медленнѣе и предпринимаются лишь съ отвлекающей цѣлью (*venae. revulsoria*)⁷⁾. При общемъ полнокро- вѣи мѣсто кровоиспусканія безразлично, при застарѣлыхъ же воспаленіяхъ— лучше всего на больной сторонѣ или возможно ближе къ мѣсту пора- женія⁸⁾.

Что касается мѣстныхъ кровоизвлеченій, то въ книгѣ VII своего *Сборника* Орибазій говоритъ о банкахъ (с. 15—17), пиявкахъ (с. 21) и благотворномъ дѣйствіи тогда еще мало примѣнявшихся крово- извлеченій посредствомъ насѣчекъ (*ἐγχεράτις, κατασχεσμός*) при остановкѣ мѣсячныхъ, приливахъ къ глазамъ, головныхъ боляхъ. При этомъ онъ приводитъ хорошее дѣйствіе насѣчекъ на голени, испытанное имъ на себѣ

¹⁾ Oribasii Collect. med. l. VII, c. 1 (ed. Daremb., t. II, pp. 1—4).

²⁾ Тамъ же, l. VII, c. 4, p. 22; c. 5, p. 32.

³⁾ Тамъ же l. VII, c. 4, p. 21, 22.

⁴⁾ „ἕξ λίτρας“. Тамъ же, p. 26

⁵⁾ Тамъ же, pp. 21, 22.

⁶⁾ Тамъ же, сс. 6 и 8, pp. 36, 37 и 43.

⁷⁾ Oribasii Collect. med. l. VII, c. 2, p. 16 и с. 5, pp. 26—32. Тутъ же нахо- димъ подробности о техникахъ и анатомическихъ данныхъ при выборѣ и вскрытіи венъ для кровопусканій.

⁸⁾ Тамъ же, с. 5, p. 33.

самою по случаю заболѣванія его чумой въ Азіи, отъ которой, благодаря этому способу, выздоровѣлъ будто бы уже на другой день! ¹⁾.

Рвотный (Helleborus) и слабительный методы (растительныя drastica) изложены Орибазіемъ на основаніи данныхъ Галена, Архигена, Антилла, Геродота, Руфа и Dieuches'a ²⁾.

Противъ обильной рвоты и кровохарканія онъ рекомендуетъ методъ Геродота, состоящій въ укутываніи и стягиваніи всѣхъ членовъ въ вату ³⁾.

Фармакологія обработана Орибазіемъ въ духѣ Галена (объясненіе дѣйствія лекарственныхъ веществъ 4 элементарными качествами) ⁴⁾, но въ алфавитномъ порядкѣ, по Dioscoridu ⁵⁾, причемъ приведены избранныя формулы ⁶⁾ и данныя изъ разныхъ авторовъ, кромѣ упомянутыхъ—еще изъ Зоопира, современника Митридата, методика Филумена (Assa foetida и Castoreum противъ столбняка) ⁷⁾, Филотима и Dieuches'a, учениковъ Праксагора, методика Мпасаеуса и др. Весьма важное значеніе онъ придаетъ *метасинкритическому* способу леченія ⁸⁾. Изъ сложныхъ средствъ приведемъ здѣсь confectio diacodion Филагрія (отваръ зеленыхъ маковыхъ головокъ съ медомъ) по столовой ложкѣ, какъ успокоивающее ⁹⁾. Въ отдѣлѣ о ядахъ онъ больше занимается противоядіями, чѣмъ послѣдними, дабы „не дать опаснаго орудія въ руки преступниковъ“ ¹⁰⁾.

Частная патологія и терапія Орибазія заключалась преимущественно въ затерянныхъ книгахъ его *Сборника*. Какъ богато было содержаніе *Сборника* по этой части, можно видѣть изъ книги „*Избранная жемчужина о леченіяхъ*“ ¹¹⁾, составляющей извлеченіе, сдѣланное анонимнымъ сократителемъ изъ погибшихъ книгъ *Сборника*. И хотя этотъ послѣдній обнаружилъ больше пристрастія къ списыванію рецептовъ, но по време-

¹⁾ Тамъ же, сс. 18—20, pp. 63—68.

²⁾ Тамъ же, l. VII, сс. 23—26 (ed. Dar., t. II, pp. 73—145) и l. VIII (вся кн. VIII, t. II, pp. 146—280).

³⁾ Тамъ же, l. X., с. 18, p. 420 и слѣд.

⁴⁾ Oribasii Collect. med. l. XIV, с. 1, ed. Dar. t. II 473—475.

⁵⁾ Тамъ же, l. XI—XIII (въ изд. Dar. не имѣются).

⁶⁾ Oribasii Synopsis l. III, ed. Dar. t. V, p. 96—155.

⁷⁾ Тамъ же, l. VIII, с. 17., ed. Daremb., t. V, 424.

⁸⁾ Тамъ же, l. X, с. 41, t. II, pp. 470, 471.

⁹⁾ Тамъ же, l. V, с. 19, t. I, 376 и слѣд.

¹⁰⁾ Orib. Euporista, l. III, с. 63, t. V, 677.

¹¹⁾ 'Εκ τῆς βιβλίου 'Οριβασίου τῆς πρὸς 'Ιουλιανὸν τὸν βασιλεῖα 'Εκλόγαι βοηθημάτων (Le choix de traitements) въ изд. Bussemaker et Daremberg, t. IV, pp. 542—657.

Отчетъ и протоколы Физико-Математическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра за 1890 годъ.

Отчетъ о дѣятельности Физико-Математическаго Общества при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра за 1890 годъ.

Дѣятельность возникшаго въ 1890 году Кіевскаго Физико-Математическаго Общества открылась 17-го Февраля распорядительнымъ засѣданіемъ, собраннымъ членами-учредителями Общества. Составъ впервые собравшагося Общества достигалъ до 37 членовъ, поименованныхъ въ первомъ протоколѣ.

Съ 22-го Февраля начались очередныя собранія Общества, продолжавшіяся въ теченіи года, за исключеніемъ вакаціоннаго времени, черезъ недѣльные и двухнедѣльные промежутки. Всѣхъ очередныхъ собраній было 16, и въ нихъ были сдѣланы слѣдующія 55 сообщеній 22-мя членами общества и однимъ гостемъ.

Б. Я. Букрѣевъ.

1. О несоизмѣримыхъ числахъ.
2. О составныхъ величинахъ въ ученіи Вейерштрасса.

В. П. Ермаковъ.

3. Общій взглядъ на современное состояніе и значеніе математики.
4. О преподаваніи ариѳметики.
5. О приближенныхъ вычисленіяхъ.
6. О центробѣжной силѣ.
7. О приближенномъ вычисленіи интеграловъ.
8. Опредѣленіе и цѣли алгебры.
9. О преподаваніи алгебры.

- Д. Д. Ефремовъ. 10. О рѣшеніи неопредѣленныхъ уравненій.
- К. Н. Жукъ. 11. Результаты послѣднихъ полярныхъ экспедицій.
12. Результаты наблюденій надъ сѣверными сіяніями.
13. Температура Днѣпра.
- А. П. Зонненштраль. 14. Объ ирраціональныхъ числахъ въ элементарномъ изложеніи.
- В. В. Игнатовичъ-Завилейскій 15. } Демонстраціи самодѣльныхъ ученическихъ физическихъ приборовъ и чертежей.
16. }
17. }
18. О новыхъ программахъ физики для реальныхъ училищъ.
- А. Л. Корольковъ. 19. Объ электрическомъ потенциалѣ въ элементарномъ изложеніи.
20. О нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ при изложеніи механич. понятій въ курсахъ физики.
21. О силѣ, инерціи и массѣ.
22. Демонстрація основныхъ электростатическихъ опытовъ.
23. Демонстрація опытовъ по электрическому току.
- О. О. Косоноговъ. 24. Объ опытахъ Винера со стоячими свѣтовыми волнами.
- Н. А. Любимовъ. 25. О новомъ приборѣ для демонстраціи атмосфернаго давленія.
26. О нѣкоторыхъ приборахъ для демонстраціи основныхъ законовъ физики.
- Ю. Ө. Маакъ. 27. О нѣкоторыхъ вопросахъ элементарнаго курса механики.
- Ө. Ю. Мадонъ. 28. Объ именованныхъ числахъ.
- П. И. Матковскій. 29. Выдѣленіе нѣкоторыхъ законовъ алгебры и образованіе понятія о новомъ числѣ.

- Я. П. Мишинъ. 30. О наглядномъ объясненіи ариѳметическихъ дѣйствій по способу Масае.
- Г. К. Сусловъ. 31. Примѣръ опредѣленія движенія по частнымъ его свойствамъ.
32. Объ основныхъ механическихъ понятіяхъ въ курсахъ физики.
33. О равновѣсіи по нѣкоторымъ общепринятымъ учебникамъ.
- В. И. Фабриціусъ. 34. О кометахъ.
35. Объ отношеніи площади треугольника къ вектору при эллиптическомъ движеніи.
- Г. Н. Флоринскій. 36. Выводъ формулы длины пути при равномерномъ ускоренномъ движеніи.
- Н. А. Сорокинъ. 37. О суммѣ цифръ при разныхъ системахъ счисленія.
38. О числахъ, подобныхъ числамъ совершеннымъ.
- М. Ѳ. Хандриковъ. 39. О разстояніяхъ неподвижныхъ звѣздъ.
40. О преимуществахъ кольцеобразнаго микрометра передъ крестообразнымъ.
- Н. Ф. Хруцкій. 41. } Объ электродинамическихъ урав-
42. } неніяхъ Герца и Кона.
- И. И. Чирьевъ. 43. Соотношеніе между сторонами и углами тетраэдра.
44. О постулатѣ Эвклида.
45. Объ элементарномъ изложеніи ученія о движеніи.
46. О цѣлыхъ, дробныхъ и несоизмѣримыхъ числахъ.
- Н. Н. Шиллеръ. 47. Понятіе о центрѳбжной силѣ.
48. } Современныя воззрѣнія на элект-
49. } ричество.
50. Противъ доказательства законовъ Ньютона Атвудовой машиной.
51. Объ индуктивныхъ товахъ отъ вра-

- щающагося луча, наблюдавшихся С. Шельдономъ.
52. Демонстраціи нѣкоторыхъ приборовъ и опытовъ.
- Э. К. Шпачинскій. 53. О предполагаемой г. Бахметьевымъ зависимости между термоэлектрическимъ токомъ и періодическою системою химическихъ элементовъ.
54. Историческая замѣтка о Франклинѣ.
- В. И. Юсевичъ-Красковскій. 55. Демонстрація гидравлической модели лейденской банки.

Къ концу прошедшаго года Общество образовало изъ своихъ членовъ комиссію, коей поручено выработать и представить на обсужденіе Общества планъ программы преподаванія физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, сообразный съ настоящимъ состояніемъ упомянутой науки. Въ истекшемъ году комиссія имѣла только одно засѣданіе.

Число членовъ Общества въ теченіи 1890 года достигало до 103. Девятнадцать членовъ, въ силу § 13 Устава Общества, считаются добровольно выбывшими изъ Общества къ 1-му Января 1891 года. Такимъ образомъ наличный составъ Общества къ упомянутому сроку представляется 84-мя членами.

Къ концу истекшаго года, въ силу § 22 устава Общества, была избрана ревизіонная комиссія, въ составъ которой вошли нижепоименованные члены Общества: В. В. Игнатовичъ-Завилейскій, В. И. Зайончевскій, А. Л. Корольковъ. Ревизіонной комиссіею были проверены приходы и расходы Общества, которые къ 1-му Января 1891 года представляются въ нижеслѣдующемъ состояніи:

ПРИХОДЪ

1. Членскіе взносы 84-хъ членовъ по 3 р.	252 р.
2. Добровольные взносы 17-ти членовъ по 1 р.	17 р.
Итого	269 р.

РАСХОДЪ.

1. Единовременный расходъ на чайную посуду . . .	35 р. 72 в.
2. Типографскіе расходы, почтовые и на письмен. прин. . .	27 р. 95 в.
3. Вознагражденія прислугѣ.	24 р. 50 в.
4. Расходы на чай во время засѣданій.	44 р. 79 в.
	Итого . . 132 р. 96 в.
	Наличный остатокъ . . . 136 р. 4 в.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

Кіевскаго Физико-Математическаго Общества
къ 1-му Января 1891 года.

1. П. П. Алексѣевъ.	23. И. Н. Жукъ.
2. И. И. Александровъ (иног.)	24. А. П. Зонненшпаль.
3. Б. Я. Букрѣевъ.	25. И. И. Зеховъ.
4. А. Г. Борухинъ.	26. В. И. Заіончевскій.
5. В. А. Бецъ.	27. Я. С. Иващенко.
6. А. П. Бородинъ.	28. В. В. Игнатовичъ-Завилейскій
7. К. Ѡ. Борманъ (иног.)	29. С. К. Ильяшенко.
8. М. А. Волотовскій.	30. Д. П. Извѣковъ.
9. Я. О. Врублевскій.	31. Д. А. Кошляковъ (иног.)
10. Ѡ. В. Гвоздикъ.	32. О. О. Косоноговъ.
11. Л. П. Геркенъ.	33. А. Л. Корольковъ.
12. И. П. Гиберманъ.	34. В. Н. Корсунскій.
13. С. Н. Гирманъ (иног.)	35. И. Н. Красовскій.
14. С. С. Григорьевъ.	36. Ѡ. В. Кочержинскій.
15. А. И. Гольденбергъ (иног.)	37. С. К. Кульжинскій.
16. Н. П. Давиденко.	38. Л. М. Леви.
17. В. В. Давиденко.	39. А. Е. Любанскій.
18. П. Ф. Дювре.	40. Ю. Ѡ. Маахъ.
19. В. П. Ермаковъ.	41. П. И. Матковскій.
20. П. П. Ермаковъ.	42. А. Г. Мартосъ.
21. Д. Д. Ефремовъ (иног.)	43. П. Н. Мануйловъ.
22. К. Н. Жукъ.	44. Я. П. Мишинъ.

45. О. Ю. Мацонъ.	65. П. М. Севастьяновъ.
46. П. Т. Матюшенко.	66. А. Г. Серговскій.
47. Н. В. Михновъ.	67. Р. Н. Савельевъ.
48. Е. В. Малышевскій.	68. Н. П. Соколовъ.
49. И. М. Николаенко (иног.)	69. Б. Н. Семеня.
50. А. А. Пальшау.	70. Е. Т. Тарасовъ.
51. И. М. Пущваревъ.	71. П. А. Турчаниновъ.
52. Н. Н. Печковскій.	72. Н. А. Тарновскій.
53. М. И. Петранди.	73. Я. З. Тепляковъ (иног.)
54. В. В. Пилюгинъ.	74. Г. Н. Флоринскій.
55. М. В. Постниковъ (иног.)	75. К. М. Теофилактовъ.
56. А. Н. Протопоповъ.	76. М. О. Хандриковъ.
57. И. И. Рахманиновъ.	77. Н. Ф. Хруцкій.
58. С. В. Родзевичъ.	78. И. И. Чирьевъ.
59. И. Г. Ревашевъ.	79. Н. Н. Шиллеръ.
60. Н. О. Рудольфъ.	80. Э. К. Шпачинскій.
61. Б. К. Римша.	81. И. Н. Шафрановскій.
62. Н. А. Сорокинъ.	82. Р. В. Штейнгель.
63. Г. К. Сусловъ.	83. К. М. Щербина.
64. Я. Г. Сезько.	84. В. И. Юскевичъ-Красковскій.

Протоколъ неочереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества при Университетѣ Св. Владиміра

17-го Февраля 1890 г.

1. Въ настоящемъ засѣданіи въ присутствіи нижепоименованныхъ 37 членовъ, закрытою баллотировкой были произведены выборы членовъ распорядительнаго комитета. Присутствовали: проф. Рахманиновъ, пр. Алексѣевъ, проф. Ермаковъ, проф. Шиллеръ, проф. Буркѣевъ, проф. Сусловъ, Шпачинскій, Красовскій, Печковскій, Чирьевъ, Гвоздикъ, Хруцкій, Щербина, Корольковъ, О. Мацонъ, Мануйловъ, Зонненштраль, Леви, Тарасовъ, Фабриціусъ, Гиберманъ, К. Жукъ, И. Жукъ, Родзевичъ, Сорокинъ, Игнатовичъ-Завилейскій, Турчаниновъ, Матюшенко, Петранди, Юскевичъ-Красковскій, Ревашевъ, Ива-

Щенко, Косоноговъ, Боруханъ, Григорьевъ, пр. Хандриковъ, Пальшау и Давиденво. Избранными оказались слѣдующія лица:

Предсѣдателемъ: Н. Н. Шиллеръ (23 изб.)

Товарищами предсѣдателя: В. П. Ермаковъ (29 изб.) и Э. К. Шпачинскій (19 изб.)

Секретаремъ: Б. Я. Букрѣвъ (22 изб.)

Казначеемъ: К. Н. Жукъ (19 избир.)

2. Заявленные рефераты К. Н. Жука: „Результаты послѣднихъ полярныхъ экспедицій“ и Н. Н. Шиллера: „Понятіе о центробѣжной силѣ въ общепринятыхъ учебникахъ“ въ виду поздняго времени рѣшено отложить до слѣдующаго засѣданія, назначеннаго на 22 Февраля 1890 г. въ новомъ помѣщеніи Физическаго Института.

3. Предложены кандидаты въ дѣйствительные члены: И. Н. Жукъ (предлагаютъ: В. П. Ермаковъ и К. Н. Жукъ), П. И. Матковскій (предл.: В. П. Ермаковъ и Гвоздязь), г. Гирманъ изъ Варшавы (пр. Ермаковъ и Хруцкій), Я. П. Мишинъ и А. Г. Мартосъ (Матюшенко и Петранди).

4. Не присутствовали слѣдующіе члены: Геркенъ, Бѣльченко, Корсунскій, проф. Теофилактовъ, пр. Авенариусъ, пр. Ромеръ, проф. Ващенко-Захарченко, Кошляковъ, Пушкаревъ, Демуцкій, Флоринскій, Маакъ.

Протоколъ перваго очереднаго засѣданія физико-математическаго общества

22 Февраля 1890 года.

1) Предсѣдательствовали Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 37 членовъ.

2) Утвержденъ протоколъ предъидущаго неочереднаго засѣданія, въ которомъ былъ сдѣланъ выборъ членовъ распорядительнаго комитета.

3) Прочитаны были слѣдующія сообщенія:

а) Н. Н. Шиллера: „Понятія о центробѣжной силѣ въ общепринятыхъ учебникахъ“. Референтъ указалъ на ошибочныя воззрѣнія распространенныхъ русскихъ и иностранныхъ учебниковъ на понятіе о центробѣжной силѣ, при чемъ эта послѣдняя разсматривается въ указанныхъ учебникахъ не какъ фиктивная сила, необходимая для

превращенія относительнаго движенія вращающихся тѣлъ въ абсолютное, а какъ дѣйствительная сила, тянущая вращающееся тѣло отъ центра. Послѣ прочтенія реферата Г. Н. Флоринскій сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній по поводу объясненій Н. Н. Шиллера.

в) К. Н. Жук а: „Результаты послѣднихъ полярныхъ экспедицій“.

с) В. В. Игнатовича-Завилейскаго: „О самодѣльныхъ приборахъ“. Референтъ демонстрировалъ приборы по магнетизму, изготовленные подъ его руководствомъ учениками Кіевского реального училища, при чемъ указалъ на пользу, какую могутъ извлечь воспитанники среднеучебныхъ заведеній, занимаясь приготовленіемъ простѣйшихъ приборовъ и механизмовъ, относящихся къ различнымъ отдѣламъ физики. Референтъ обѣщавъ познакомить членовъ Общества съ болѣе сложными приборами, сдѣланными учениками Кіевского реального училища.

4) Членъ Общества, С. С. Григорьевъ выразилъ желаніе, чтобы засѣданія общества заканчивались, по возможности, какими-либо не особенно сложными опытами, какъ то дѣлалось въ Обществѣ преподавателей при Соляномъ городкѣ въ Петербургѣ.

5) Заявлены сообщенія: а) В. П. Ермакова „Общій взглядъ на современное значеніе и современное состояніе математики“; б) А. Л. Королькова „Понятіе объ электрическомъ потенциалѣ въ элементарномъ изложеніи“; с) И. И. Чирьева „Соотношеніе между сторонами тетраэдра“; d) В. И. Фабриціуса „Нѣсколько словъ по поводу соотношенія треугольника къ сектору въ эллиптическомъ движеніи“; е) К. Н. Жук а „Научные результаты наблюденій полярныхъ экспедицій надъ сѣвернымъ сіяніемъ“.

6) Предложены въ члены Общества: 1) Л. Н. Жукъ (предл.: К. Жукъ и Шпачинскій); 2) Я. З. Тепляковъ (предл.: Шпачинскій и Красовскій); 3) М. А. Волотовскій (предл.: Корольковъ и Зонненштраль); 4) Н. Н. Володкевичъ (предл.: Игнатовичъ-Завилейскій и Ермаковъ); 5) А. Д. Карицкій (предл.: Ермаковъ и Буврѣвъ); 6) Н. П. Чернушевичъ (предл.: Игнатовичъ-Завилейскій и Турчаниновъ); 7) Я. Г. Сезько (предл.: Ермаковъ и К. Жукъ); 8) Н. В. Михновъ (предл. Красовскій и Рекашовъ); 9) Е. В. Мальшевскій (предл.: Фабриціусъ и Шпачинскій); 10) М. Н. Пантелѣевъ (предл.: Ермаковъ

и Флоринскій); 11) В. А. Бець (иредл.: Шиллеръ и Букрѣвъ).

7) Избраны въ число членовъ общества, предложенныя въ предъидущемъ засѣданіи лица: И. Н. Жукъ, П. И. Матковскій, г. Гирманъ изъ Варшавы, Я. П. Мишинъ и А. Г. Мартосъ.

8) Слѣдующее очередное засѣданіе назначено на 4 Марта 1890 г.

9) Поступили въ бібліотеку Общества: И. Занчевскій, Теорія винтовъ и ея приложеніе въ механикѣ. Одесса 1889. Вѣстникъ Опытной физики и элементарной математики. №№ 1—85. Кіевъ (отъ начала изданія). Изд. Э. Шпачинскаго.

Протоколь второго очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества.

4 Марта 1890 года.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 40 членовъ.

2. Утвержденъ протоколь предъидущаго засѣданія.

3. Прочитаны были слѣдующія сообщенія:

а) В. П. Ермакова: „Общій взглядъ на современное значеніе и современное состояніе математики“. Указавъ вратцѣ, какъ смотрѣли на занятіе математикой въ прошломъ и позапрошломъ столѣтіи, референтъ остановился на разсмотрѣніи различныхъ направленій, существующихъ въ современной математикѣ, очертилъ ихъ особенности, выяснилъ, какія, по его, референта, мнѣнію, слѣдуетъ преслѣдовать цѣли при изученіи математики, и какой долженъ быть выбранъ путь для достиженія этихъ цѣлей.

Рефератъ вызвалъ пренія, въ которыхъ принимали участіе: Б. Я. Букрѣвъ и Н. Н. Шиллеръ.

б) А. Л. Королькова: „Объ электрическомъ потенціалѣ въ элементарномъ изложеніи“. Электрической потенціалъ двухъ тѣлъ относительно другъ-друга былъ опредѣленъ, какъ величина, характеризующая способность одного тѣла отдавать свой положительный за-

рядъ другому тѣлу. Исходя изъ этого опредѣленія, легко опытомъ убѣдиться въ зависимости потенціала отъ относительнаго положенія тѣлъ, ихъ зарядовъ, формы и присутствія постороннихъ тѣлъ. Давъ опредѣленіе электрической емкости проводниковъ, референтъ показавъ возможность выражать потенціалы числами, какъ отношеніе зарядовъ тѣлъ къ ихъ емкости. Въ основѣ изложенія лежитъ понятіе о выраженіи числами количествъ электричества. Измѣреніе зарядовъ тѣлъ всего проще произвести при помощи сосуда Фарадея, ибо дѣйствіе наэлектризованнаго тѣла, находящагося внутри проводящаго сосуда, не зависитъ ни отъ положенія тѣла внутри сосуда, ни отъ размѣровъ, ни отъ формы его, а только отъ его заряда.

Рефератъ вызвалъ пренія, въ которыхъ участвовали: Н. Н. Шиллеръ, В. П. Ермаковъ, К. Н. Жукъ, С. С. Григорьевъ, Ѡ. Ю. Мацонъ, В. И. Юскевичъ-Красковскій и А. П. Зонненштраль.

с) К. Н. Жува: „Научные результаты наблюденій полярныхъ экспедицій надъ сѣвернымъ сіяніемъ“. Рефератъ этотъ вызвалъ нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ В. И. Фабриціусомъ.

д) И. И. Чирьева: „Соотношеніе между сторонами и углами тетраэдра“. Референтъ предложилъ элементарное доказательство нѣкоторыхъ теоремъ, относящихся къ тетраэдру.

е) В. В. Игнатовича-Завилейскаго: „О самодѣльныхъ приборахъ“. Референтъ демонстрировалъ ученическіе приборы по гальванизму.

4. Произведенъ былъ опытъ, доказывающій, что электричество, распространяясь по проводнику, внутрь его не проникаетъ.

5. Предложены въ члены Общества: 1) П. М. Севастьяновъ (предл.: А. П. Зонненштраль и А. Л. Корольковъ); 2) С. К. Ильенко (предл.: В. П. Ермаковъ и И. И. Чирьевъ); 3) Д. П. Извъковъ (предл.: В. П. Ермаковъ и И. И. Чирьевъ); 4) И. Ф. Дювре (предл.: Л. П. Геркенъ и Ѡ. Ю. Мацонъ); 5) С. А. Щеніовскій (предл.: Л. П. Геркенъ и И. П. Гиберманъ); 6) И. Н. Шафрановскій (предл.: Г. Н. Флоринскій и Н. А. Соровинъ); 7) В. А. Богаевскій (предл.: В. П. Ермаковъ и Н. Н. Шиллеръ); 8) Н. Ѡ. Рудольфъ (предл.: Ѡ. Ю. Мацонъ и П. Н. Мануйловъ).

6. Избраны въ число членовъ Общества предложенныя въ предыдущемъ засѣданіи лица: Е. В. Малышевскій, Л. Н. Жукъ, Я. Г.

Сезько, В. А. Бець, Я. З. Тецляковъ, М. Н. Пантелѣвъ, Н. В. Махновъ, Н. П. Чернушевичъ, М. А. Волотовскій, Н. Н. Володкевичъ, А. Д. Карицвій.

7. Заявлены сообщенія: а) В. П. Ермакова: „О преподаваніи математики“; б) Э. К. Шпачинскаго: „О термо-электрическихъ изслѣдованіяхъ г. Бахметьева“; в) В. И. Фабриціуса: „О кометахъ“; г) А. Л. Королькова: „О методѣ безконечно-малыхъ въ физикѣ и механикѣ“; е) В. И. Фабриціуса: „Нѣсколько словъ по поводу соотношенія треугольника въ сектору въ эллиптическомъ движеніи.

8. Въ бібліотеку Общества поступило новыхъ 17 названій:

1) Граве. Объ интеграціи частныхъ дифференціальныхъ уравненій 1-го порядка. С.-П.Б. 1889.

2) К. Максвелль. Теорія теплоты. Переводъ Королькова. Кіевъ 1888 г.

3) Р. Штейнгель. Теорія вѣтряныхъ двигателей. Кіевъ. 1880.

4) Э. Шпачинскій. Электрическіе аккумуляторы. К. 1886.

5) „ О землетрясеніяхъ. К. 1887.

6) Н. Успенскаго. О Гальванопластикѣ. К. 1889.

7) Н. Е. Жуковскаго. Элементарная теорія гироскоповъ. К. 1889.

8) І. Клейбера. Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ вопросовъ изъ теоріи затмѣній. К. 1888.

9) О. Хвольсона. О формулѣ $P=MG$ съ приложеніемъ 26 задачъ. К. 1888.

10) Н. Слугинова. Формула простаго маятника. К. 1887.

11) И. Александрова. Методы рѣшенія ариѳметическихъ задачъ съ приложеніемъ 80 типичныхъ задачъ. К. 1889. Изд. 3-е.

12) Г. Вульфѣра. О нѣкоторыхъ свойствахъ зажигательной кривой въ сферическихъ зеркалахъ и о способахъ ея построенія по точкамъ. К. 1888.

13) П. Прошкина. Практическое руководство къ изготовленію электрическихъ приборовъ. К. 1889.

14) І. Клейбера. Изъ исторіи ариѳметики. Умноженіе и дѣленіе. К. 1888.

15) Н. Шиллеръ. Абсолютная скала температуры въ связи съ двумя основными законами механической теоріи тепла. К. 1888.

16) **Ө. Мацонъ.** Именованныя величины въ школьномъ преподаваніи и историческое развитіе ученія о нихъ. К. 1889.

17) **Вѣстникъ** опытной физики и элементарной математики, VIII семестръ, №№ 2 и 3.

9. Слѣдующее засѣданіе назначено на 15-ое Марта 1890 г.

Протоколъ третьяго очереднаго засѣданія Кіевскаго Физико-Математическаго Общества.

15 Марта 1890 г.

Предсѣдательствовалъ проф. **Н. Н. Шиллеръ**. За отсутствіемъ секретаря Общества обязанности его исполнялъ **Э. К. Шпачинскій**. Въ засѣданіи присутствовало 49 членовъ.

По выслушаніи и утвержденіи протокола предъидущаго засѣданія были сдѣланы сообщенія:

1) **В. П. Ермаковъ** мѣ: „О преподаваніи элементарной математики“. Свой взглядъ на преподаваніе элементарной математики въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ референтъ формулировалъ въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ: 1) теорію предмета ученики должны изучать и усвоить въ школѣ на урокахъ, 2) ученикамъ не слѣдуетъ давать учебниковъ по ариметикѣ и алгебрѣ, 3) для внѣклассныхъ занятій ученикамъ могутъ быть задаваемы лишь однѣ задачи, 4) курсъ теоріи математики долженъ быть доведенъ до минимума и до возможной простоты, 5) преподаваніе математики должно быть направлено къ достиженію двухъ цѣлей: умѣнью вычислять и къ развитію мыслительныхъ способностей учениковъ. Затѣмъ референтъ болѣе подробно рассмотрѣлъ преподаваніе ариметики, отмѣтивъ тѣ отдѣлы, которые должны быть исключены изъ курса, какъ ненужные остатки старины. Къ таковымъ относятся, на примѣръ, статьи объ измѣненіяхъ суммы, разности, произведенія и частнаго, раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ, и, въ особенности, всѣ, такъ называемыя, „правила“: тройное, процентовъ, смѣшенія, цѣльное и пр., представляющія собою ничто иное, какъ упражненія въ рѣшеніи задачъ. Такихъ „правилъ“ можно было-бы

придумать еще сколько угодно (напр. „правило курьеров“), усложняя и затрудняя, безъ надобности, изученіе столь простой науки, какъ ариметика. Перейдя къ арифметическимъ задачамъ, референтъ на примѣрахъ показалъ, до какихъ нелѣпостей доводитъ подчасъ составителей задачниковъ излишнее усердіе въ усложненіи условій задачи, и объяснилъ эту моду на сложныя задачи желаніемъ подвергнуть ученика на испытаніяхъ зрѣлости экзамену чуть ли не по всѣмъ отдѣламъ арифметики при помощи одного лишь письменнаго отвѣта. Такъ называемыя „скобочныя“ задачи, по мнѣнію референта, также неумѣстны въ курсѣ начальной арифметики; отъ мальчика 1-го—2-го класса рано еще требовать сознательнаго усвоенія всей алгебраической символической; достаточно, если, вникнувъ въ условія предложенной задачи, ученикъ можетъ сказать, какія дѣйствія и въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ произвести для ея рѣшенія, хотя бы онъ и не сумѣлъ еще обозначить письменно всѣ эти дѣйствія, при помощи знаковъ. Съ цѣлью развитія мыслительныхъ способностей ученика, референтъ рекомендовалъ преподавателямъ останавливаться на разборѣ такихъ несложныхъ задачъ, которыя рѣшаются не однимъ только способомъ, а нѣсколькими. Только путемъ сопоставленія различныхъ способовъ рѣшенія одной и той же задачи учащійся можетъ пріучиться, при рѣшеніи новой задачи, избирать тотъ пріемъ рѣшенія, который, въ данномъ случаѣ, представляется наиболѣе удобнымъ. Въ заключеніе референтъ обратилъ вниманіе на то, что у преподавателей арифметики нѣтъ подъ руками такого систематическаго сборника задачъ, который предназначался бы исключительно для развитія сообразительности ученика. Показавъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, какимъ образомъ, исходя изъ любой задачи, можно составить цѣлый рядъ подготовительныхъ въ ней задачъ и наоборотъ—путемъ послѣдовательныхъ обобщеній—цѣлый рядъ задачъ болѣе трудныхъ, референтъ замѣтилъ, что такимъ образомъ составленный сборникъ принесъ бы несомнѣнную пользу и, по всей вѣроятности, имѣлъ бы большой успѣхъ.

Сообщеніе В. П. Ермакова вызвало оживленныя пренія, въ которыхъ принимали участіе гг. Шиллеръ, Григорьевъ, Щербина и Мадонъ. Н. Н. Шиллеръ высказалъ мнѣніе что при преподаваніи арифметики въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учащимся предстоитъ еще курсъ алгебры, было бы непроизводительной затратой времени

останавливаться слишкомъ долго на упражненіяхъ въ рѣшеніи такихъ задачъ, какіе рекомендуются референтомъ, такъ какъ нѣсколько позднѣе каждую изъ нихъ учащійся съумѣетъ свести на рѣшеніе простаго алгебраическаго уравненія.—С. С. Григорьевъ изложилъ причины, по которымъ онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ референта о бесполезности учебниковъ ариѳметики и алгебры, въ особенности въ рукахъ учениковъ старшихъ классовъ.—К. М. Щербина замѣтилъ, что низводя преподаваніе математики въ средне-образовательной школѣ до упражненій въ рѣшеніи задачъ, мы съ такимъ же правомъ могли-бы обучать учениковъ какой-нибудь шахматной игрѣ, ибо и въ этомъ случаѣ мы бы развивали ихъ мыслительныя способности въ столь же, почти, одностороннемъ направленіи.

В. И. Фабриціусомъ: „О кометахъ“. Указавъ при помощи спеціально приготовленныхъ рисунковъ, какъ велико бываетъ разнообразіе кометъ по внѣшнему ихъ виду, и не находя возможнымъ дать, въ настоящее время, опредѣленный отвѣтъ на общій вопросъ: „что такое кометы“, референтъ старался доказать только, что 1) изъ числа всѣхъ кометъ, заблудившихся въ районъ притягательнаго дѣйствія нашей солнечной системы, мы можемъ наблюдать лишь весьма незначительную часть ихъ, такъ какъ громадное большинство описываетъ свой путь на такомъ отъ насъ разстояніи, что не могутъ быть видимы съ земли, и 2) объяснилъ, почему число кометъ, описывающихъ эллиптическія орбиты около солнца и, стало быть, возвращающихся въ намъ періодически, постепенно увеличивается.

Нѣкоторыя гипотетическія положенія референта вызвали возраженія со стороны гг. Сулова, Хандрикова, Шиллера и Хруцкаго.

Сообщеніе Э. Шпачинскаго, за позднимъ временемъ, отложено до будущаго засѣданія, назначеннаго на 22 Марта.

Закрытой баллотировкой были избраны въ дѣйствительные члены Общества: 1) П. М. Севастьяновъ, 2) С. К. Ильяшенко, 3) Д. П. Извъковъ, 4) И. Ф. Дювре, 5) С. А. Щеніовскій, 6) И. Н. Шафрановскій, 7) В. А. Богаевскій и 8) Н. Θ. Рудольфъ.

Заявлены сообщенія: В. П. Ермаова, О приближенномъ вычисленіи; 2) А. Л. Королькова, О нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ при изложеніи механическихъ свѣдѣній въ курсѣ физики; 3) Фабриціуса, О кометахъ.

Было прочитано письмо Н. М. Чередѣва (изъ г. Калязина), изъявившаго желаніе быть зачисленнымъ въ дѣйствительные члены Общества. Постановили: подвергнуть избраніе г. Чередѣва въ дѣйствительные члены закрытой баллотировкѣ въ слѣдующемъ засѣданіи.

Предложены въ дѣйствительные члены: П. П. Ермаковъ (предл. И. И. Чирьевъ и И. Н. Красовскій), А. Г. Серговскій (предл. Г. Н. Клоринскій и И. Н. Красовскій) и И. И. Зеховъ (А. Л. Корольковъ и А. П. Зонненштраль).

Слѣдующее засѣданіе назначено на 22-е Марта.

Протоколь четвертаго очереднаго засѣданія Кіевскаго Физико-Математическаго Общества

22 Марта 1890 г.

Предсѣдательствовалъ проф. Н. Н. Шиллеръ. Заотсутствіемъ Секретаря Общества обязанности его исполнялъ Э. К. Шпачинскій. Въ засѣданіи присутствовало 33 члена. По выслушаніи и утвержденіи протокола предыдущаго засѣданія, предсѣдатель предложилъ присутствующимъ членамъ и гостямъ вывести разъ на всегда изъ употребленія во время засѣданій Общества обычай рупоплесканій. Предложеніе это было принято. Затѣмъ были сдѣланы научныя сообщенія:

1. Э. К. Шпачинскимъ: „О попыткѣ г. Бахметьева найти зависимость между направленіемъ термоэлектрическаго тока и періодической системой химическихъ элементовъ.“ Сославшись на статью г. Бахметьева: „Термоэлектрическія изслѣдованія“, помѣщенную въ 9-мъ выпускѣ Журнала Русскаго Физико-Хим. Общества за 1889 г., референтъ показалъ, что та искусственная, чисто внѣшняя связь, какую авторъ статьи старается установить между направленіемъ термотока и атомнымъ вѣсомъ металловъ, не можетъ имѣть въ настоящее время ни научнаго, ни практическаго значенія.

2. В. П. Ермаковымъ: „О приближенномъ вычисленіи“. Референтъ указалъ нѣсколько элементарныхъ правилъ при выполненіи

по приближенію четырехъ ариметическихъ дѣйствій надъ десятичными дробями. Сообщение вызвало нѣсколько замѣчаній со стороны гг. Чирьева и Мацона.

3) А. Л. Корольковымъ: „О нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ при изложеніи механическихъ свѣдѣній въ курсѣ физики“. Обыкновенный выводъ формулы пространства въ равноускоренномъ движеніи грѣшитъ тѣмъ, что въ немъ пространства, пройденныя въ безконечно малые промежутки времени, замѣняются пространствами, которыя были бы пройдены въ томъ случаѣ, если бы тѣло двигалось равномерно съ начальною скоростью для этого промежутка. Подобную замѣнку можно сдѣлать только въ томъ случаѣ, если отношеніе замѣняющей и замѣняемой величинъ стремится въ предѣлѣ къ единицѣ, что въ курсахъ не доказывается и не можетъ быть доказано при томъ опредѣленіи скорости, которое обыкновенно встрѣчается въ элементарныхъ учебникахъ. (Скорость въ данный моментъ есть скорость такого равномернаго движенія, которое тѣло получило бы въ случаѣ устранения съ этого момента дѣйствія постороннихъ силъ). Въ этомъ опредѣленіи ничего не говорится о *дѣйствительно проходимомъ пространствѣ* и потому оно вовсе не годится. Референтъ предложилъ свой выводъ формулы пространства, исходя изъ опредѣленія, что равнопеременное движеніе есть такое, при которомъ тѣло въ равныя послѣдовательныя произвольныя промежутки времени проходить пространства, возрастающія (или убывающія) на равныя величины. Отсюда получится формула

$$S = \left(k - \frac{a}{2}\right) t + \frac{at^2}{2}$$

гдѣ k есть пространство, пройденное въ 1-й промежутокъ времени, а $(k+a)$ пространство, пройденное во 2-й такой же промежутокъ времени. Референтъ находитъ, что вообще въ начальныхъ курсахъ слѣдуетъ больше заботиться о точности изложенія и замѣнять нестрогія доказательства опытною повѣрью. Для примѣра былъ приведенъ совершенно строгій, принаровленный къ гимназическому курсу, выводъ формулы ускоренія по радіусу.

Въ преніяхъ, вызванныхъ этимъ сообщеніемъ, принимали участіе гг. Ермавовъ, Зонненштраль, Чирьевъ, Шиллеръ, Мацонъ и Косоноговъ.

4) Г. Н. Флоринскимъ былъ показанъ свой выводъ формулы пространства равноѣрноускореннаго движенія, который почти совершенно совпадаетъ съ выводомъ, предложеннымъ г. Корольковымъ.

5) В. П. Ермаковымъ былъ изложенъ свой взглядъ на „центробѣжную силу“ и опредѣлилъ таковую, какъ (фигтивную) силу инерціи, развивающуюся при измененіи направленія движенія.

Въ преніяхъ принимали участіе гг. Шиллеръ, Корольковъ, Родзевичъ и Мацонъ.

Закрытой баллотировкой оказались избранными въ дѣйствительные члены Общества: П. П. Ермаковъ, И. И. Зеховъ, А. Г. Серговскій и Н. М. Чередѣевъ (проживающій въ г. Калязинѣ).

Предложены въ дѣйствительные члены Общества: Ѳ. В. Кочержинскій (предл.: гг. Л. Жувъ и Хруцвій). А. Е. Любанскій (предл.: гг. Шиллеръ и В. Ермаковъ), и. І. Б. Лесманъ (предл.: гг. Леви и Печковскій).

6) Въ бібліотеку Общества поступили слѣдующія работы:

1. Б. Голицына. О газообразномъ и жидкомъ состояніи тѣлъ. 1890. Шп.

2. Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики №№ 88—89.

3. Б. Букрѣва. О разложеніи трансцендентныхъ функцій на частныя дроби. Кіевъ 1887.

4. „ О фуксовыхъ функціяхъ нуливаго ранга съ симметрическимъ основнымъ полигономъ. Съ таблицей чертежей. Кіевъ 1889.

5. „ Примѣненіе линейныхъ координатъ къ розысканію уравненій, эволютъ. Кіевъ 1886.

6. „ Рецензія сочиненія г. Biermann'a: Theorie der analytischen Functionen. Leipzig. 1887. Кіевъ. 1887.

7. П. И. Матвевскій. Начала Алгебры, часть 1. Кіевъ. 1890
2 экзем.

8. А. П. Грузинцева. Взаимныя точки треугольника. Кіевъ. 1890. Шп.

7) Слѣдующее засѣданіе назначено на 12-ое Апрѣля.

Протоколъ пятого очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

12 Апрѣля 1890 г.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 27 членовъ.

2. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

3. Прочитаны были слѣдующія рефераты:

а) Н. Н. Шиллера „Современныя воззрѣнія на электричество“.

б) В. П. Ермакова „О приближенномъ вычисленіи интеграловъ“.

в) Г. К. Сулова: „Примѣръ опредѣленія движенія по частнымъ его свойствамъ“.

г) В. И. Фабриціуса: „Нѣсколько словъ по поводу соотношенія площади треугольника къ сектору въ эллиптическомъ движеніи.“

4. Заявлены сообщенія: 1) М. Ѳ. Хандрикова, о разстояніяхъ неподвижныхъ звѣздъ; 2) И. И. Чирьева, о постулатѣ Эвклида; 3) А. Л. Королькова, о силѣ, инерціи и массѣ; 4) Ѳ. Ю. Мадона, историческое развитіе понятія объ именованныхъ величинахъ; 5) В. И. Юскевича-Красковскаго, демонстрація гидравлической модели лейденской банки; 6) В. В. Игнатовича-Завилейскаго, демонстрація чертежей приборовъ; 7) В. И. Фабриціуса, о кометахъ.

5. Предложены въ дѣйствительные члены Общества слѣдующія лица: 1) В. В. Давиденко (предл.: К. Н. Жузь и Рекашевъ); 2) Р. Н. Савельевъ (предл.: Леви и Геркенъ); 3) Д. Д. Ефремовъ (предл.: Шпачинскій и Ермаковъ); 4) И. Ф. Ляхницкій (предл.: Л. Н. Жузь и Н. Хруцкій); 5) В. Н. Подрѣзанъ (предл.: К. Н. Жузь и Шпачинскій).

6. Избраны въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества, предложенные въ предъидущемъ засѣданіи, слѣдующія лица: 1) Ѳ. В. Кочержинскій 2) А. Е. Любанскій; 3) І. Б. Лесманъ.

3) Слѣдующее засѣданіе назначено на 19-ое Апрѣля.

Протоколъ шестаго очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

19 Апрѣля 1890 г.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 35 членовъ.

2. Прочитанъ и утверждень протоколъ предъидущаго засѣданія.

3. Прочитаны слѣдующія сообщенія:

а) Проф. М. Ѳ. Хандрикова „О разстояніяхъ неподвижныхъ звѣздъ“.

б) И. И. Чирьева „О постулатѣ Эвклида“.

в) А. А. Королькова „О силѣ, инерціи и массѣ“.

г) В. И. Юскевича-Красковскаго „Демонстрація гидравлической модели лейденской банки“.

д) В. В. Игнатовича-Завилейскаго „Демонстрація чертежей приборовъ“.

Заявлены сообщенія: 1) Ѳ. Ю. Мацона, историческое развитие понятія объ именованныхъ величинахъ; 2) И. И. Чирьева, элементарное ученіе о движеніи; 3) Г. К. Суслова, объ основныхъ механическихъ понятіяхъ; 4) В. П. Ермакова, опредѣленіе и цѣли алгебры; 5) Н. Н. Шиллера, современные воззрѣнія на электричество (продолженіе).

5. Предложены въ дѣйствительные члены Общества слѣдующія лица: 1) И. М. Николаенко преподаватель Уманской прогимназіи, (предл.: Шпачинскій и Щербина); 2) М. В. Постниковъ, преподаватель Астраханской гимназіи (предл.: Ермаковъ и Букрѣвъ).

Избраны въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества: 1) В. В. Давиденко, 2) Р. Н. Савельевъ, 3) Д. Д. Ефремовъ, 4) И. Ф. Ляхницкій; 5) В. Н. Подрѣзанъ.

7. Въ бібліотеку Общества поступило:

а) Вѣстникъ Опытной Физики и Элементарной Математики №№ 90—91.

8. Слѣдующее засѣданіе назначено на 3-е мая.

9. Въ ящикѣ для вопросовъ предложено для обсуждения: „какое можно дать наилучшее научное опредѣленіе твердости тѣла въ смыслѣ сопротивленія опредѣленной величины для каждаго даннаго тѣла“?

Протоколъ седьмаго очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

3-ю Мая 1890 года.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 27 членовъ.

2. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

3. Въ настоящемъ засѣданіи гг. И. К. Фирганъ и Л. А. Сви-дерскій демонстрировали усовершенствованный фонографъ Т. Эди-сона. Э. К. Шпачинскій сдѣлалъ нѣсколько историческихъ замѣча-ній по поводу прибора, послѣ чего, по предложеніи г. предсѣдателя, члены Общества поручили этому послѣднему выразить гг. И. К. Фирганъ и Л. А. Сви-дерскому отъ имени Общества глубокую бла-годарность за любезность, оказанную ими членамъ Общества.

4. Заявленные сообщенія: *Ө. Ю. Мацона* и *В. П. Ермакова* прочитаны не были за неявкою гг. референтовъ.

5. Прочитаны были сообщенія:

а) *И. И. Чирьева*, элементарное ученіе о движеніи. Рефе-рентъ вызвалъ пренія, въ которыхъ участвовали: *Г. Н. Флоринскій* и *Н. Н. Шиллеръ*.

б) *Г. К. Суслова*, объ основныхъ механическихъ понятіяхъ. Въ преніяхъ участвовали: *Н. Н. Шиллеръ*, *А. А. Корольковъ* и *Н. Ф. Хруцкій*.

6. Избраны въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества: *И. М. Николаенко* и *М. В. Постниковъ*.

7. *Н. Н. Шиллеромъ* даны были разъясненія по поводу пред-ложеннаго въ предыдущемъ засѣданіи вопроса.

8. Вновь предложенный вопросъ: „Роль діэлектрическихъ тѣлъ въ ряду электрическихъ явленій съ точки зрѣнія *Maxwell'a Thomson'a* и другихъ“.

9. Слѣдующее засѣданіе назначено на 17-ое мая.

10. Въ бібліотеку Общества поступило:

а) *Н. Соколовъ*. Линейныя дифференціальныя уравненія съ част-ными производными 1-го порядка. Киевъ. 1889. Оттискъ изъ *У. И.*

11. Въ число членовъ Общества предложенъ: *В. В. Пилюгинъ* (предл.: *Шпачинскій* и *Красовскій*).

Протоколъ восьмага очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества.

17-ю Мая 1890 г.

1. Предсѣдательствовалъ *Н. Н. Шиллеръ*. Присутствовало 32 члена и одинъ гость, *Н. А. Любимовъ*.

2. Утвержденъ протоколъ продвѣдущаго засѣданія.

Прочитаны были сообщенія:

а) Н. А. Любимова „О новомъ приборѣ для образованія пустоты“. Сдѣлавъ нѣсколько историческихъ замѣчаній, имѣвшихъ цѣлью показать, на сколько труденъ былъ вопросъ объ атмосферномъ давленіи, и описавъ различные приборы, предложенные въ разное время для образованія пустоты, почтенный референтъ остановился на давно забытой идеѣ Отто-фонъ Герике (Гериковская бочка) и выяснилъ что отказываться отъ примѣненія этой идеи къ устройству самаго элементарнаго по теоріи и самаго убѣдительнаго по наглядности воздушнаго насоса нѣтъ никакихъ основаній. Въ засѣданіи былъ демонстрированъ приборъ, изготовленный по указаніямъ г. референта механикомъ при Ф. К. Университета Св. Владиміра, Шереметьевымъ. Приборъ состоялъ изъ цилиндра, стеклянаго въ верхней части и латуннаго въ нижней; сверху цилиндръ можетъ герметически закрываться плоской хорошо отшлифованной стеклянной пластинкой изъ толстаго зеркальнаго стекла, снабженной трубкой съ краномъ. Нижняя часть цилиндра, имѣющая дно, вставлена въ другой латунный цилиндръ, нѣсколько большаго діаметра, имѣющій нижнее дно; внѣшній цилиндръ, при помощи винта можетъ опускаться или подыматься, измѣняя такимъ образомъ объемъ всего сосуда. Съ цѣлью воспрепятствовать прониканію внѣшняго воздуха внутрь сосуда, вставлено кожаное кольцо въ пространство между внутреннимъ и наружнымъ цилиндрами. Весь приборъ укрѣпленъ на металлическомъ треножниковѣ. Для наполненія сосуда былъ употребленъ глицеринъ. При опусканіи съ помощью винта нижней подвижной части сосуда надъ глицериномъ образуется пустота, занятая лишь парами глицерина. Если теперь на конецъ трубки съ краномъ наложимъ резиновую трубку и второй конецъ этой послѣдней соединимъ съ тѣмъ резервуаромъ, изъ котораго желаемъ выкачать воздухъ, то, опуская и подымая дно сосуда нѣсколько разъ, можно пользоваться приборомъ какъ воздушнымъ насосомъ. Опытъ показалъ, что разреженіе, доведенное до нѣсколькихъ миллиметровъ, сохраняется въ приборѣ очень долго. Указавъ на возможные видоизмѣненія своего прибора, г. референтъ въ заключеніе сказалъ нѣсколько словъ о Мариоттовомъ сосудѣ и о тѣхъ добавленіяхъ (какъ манометръ), которыя имъ, референтомъ, были предложены въ устройствѣ этого сосуда.

б) **Ө. Ю. М а ц о н а** „Именованныя величины въ школьномъ преподаваніи и значеніе ихъ символовъ“.

с) **Н. Н. Ш и л л е р а** „Современное представленіе объ электричествѣ“ (продолженіе).

4. Избранъ въ дѣйствительные члены общества: **В. В. Пилюгинъ**.

Предложенъ въ дѣйствительные члены: **И. И. Александровъ** (г. Тамбовъ, предл.: **Шпачинскій** и **Григорьевъ**).

6. Заявлены сообщенія: 1) **В. П. Ермакова**, Опредѣленіе и цѣли алгебры; 2) **Н. Н. Шиллера**, Обь Атвудовой машинѣ; 3) **Г. К. Сулова**, О равновѣсіи по нѣкоторымъ общепринятымъ учебникамъ; 4) **Б. Я. Буврѣва**, О несоизмѣримыхъ числахъ.

Протоколъ девятого очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

13 Сентября 1890 г.

1. Предсѣдательствовалъ **Н. Н. Шиллеръ**. Присутствовало 36 членовъ и въ качествѣ гостей: **Н. А. Любимовъ**, проф. **С. И. Чирьевъ** и проф. **Г. Е. Рейнъ**.

2. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

3. Прочитаны сообщенія:

а) **Н. А. Любимова** „О нѣкоторыхъ приборахъ, относящихся къ основнымъ понятіямъ физики“. Референтъ демонстрировалъ нѣсколько физическихъ приборовъ, придуманныхъ имъ съ цѣлью иллюстрировать въ наиболѣе наглядной формѣ нѣкоторыя изъ основныхъ физическихъ понятій. Первый изъ этихъ приборовъ представлялъ видоизмѣненіе прибора для образованія пустоты, демонстрированнаго г. референтомъ въ предъидущемъ засѣданіи. Видоизмѣненіе заключалось главнымъ образомъ въ способѣ измѣненія вмѣстимости сосуда, въ которомъ надъ жидкостью образуется пустота. Внутренній и наружный цилиндры были снабжены винтовыми нарѣзками, такъ что навинчивая съ помощью рукоятки, придѣланной къ одному изъ цилиндровъ, одинъ цилиндръ на другой, мы уменьшимъ внутренній объ-

емъ сосуда, а производя вращеніе въ обратную сторону, увеличимъ его. Между прочимъ г. референтъ высказалъ надежду, что его приборъ быть можетъ найдетъ себѣ примѣненіе въ медицинѣ, напр. для выдѣленія газовъ изъ крови и т. п. Второй приборъ, демонстрированный г. референтомъ, относился къ вопросу о давленіи жидкости. По мнѣнію г. референта, форма закона Архимеда т. е. собственно идея потери вѣса неудачна, да и самому Архимеду не принадлежитъ; референтъ не могъ до сихъ поръ доискаться, съ какого собственно времени начали приписывать Архимеду формулировку закона, взвѣстнаго въ настоящее время подъ названіемъ закона Архимеда. Съ цѣлью наиболѣе нагляднаго ознакомленія съ явленіемъ давленія жидкости, г. референтъ предлагаетъ слѣдующій простой приборъ. Берутъ стеклянный цилиндръ, имѣющій дно; къ этому послѣднему прикрѣпляютъ пружину (родъ пружиннаго динамометра), второй конецъ которой припаиваютъ къ дощечкѣ или столику, на который можетъ быть помещаемъ тотъ или другой грузъ. Если теперь на столикъ наложимъ в. н. грузъ, то пружина сожмется и столикъ остановится на нѣкоторой высотѣ, которая можетъ быть отмѣчена съ помощью указателя, прикрѣпленнаго къ столику-же или къ грузу и движущагося вдоль какой-нибудь скалы. Если теперь въ сосудъ нальемъ жидкость, напр. воду, то столикъ вмѣстѣ съ грузомъ, подъ вліяніемъ давленія жидкости, приподыметъ, а указатель отмѣтитъ новую высоту. Для проверки закона, могутъ быть дѣлаемы разнообразныя приспособленія, которыя и были описаны г. референтомъ. Третій приборъ относится къ опыту Фуко; приборъ этотъ былъ придуманъ референтомъ уже давно и описанъ въ его курсѣ физики; г. референтъ имѣлъ лишь въ виду ознакомить членовъ Общества съ своимъ приборомъ и тѣмъ способствовать его распространенію. Сообщение свое г. референтъ закончилъ нѣсколькими замѣчаніями по поводу одного весьма обыкновеннаго оптическаго явленія, на которое однако, не смотря на его интересъ, въ учебникахъ не обращается должнаго вниманія. Если чрезъ лупу смотрѣть напр. на ряды черточекъ, нанесенныхъ на экранъ, и затѣмъ удалять глазъ, то мы получаемъ впечатлѣніе, какъ будто черточки сдѣлались толще, хотя по теоріи онѣ наоборотъ должны были бы казаться тоньше. Г. референтъ выяснилъ причины этого оптическаго обмана, а также указалъ на явленія, относящіяся

къ той-же категоріи явленій (у горизонта луна и солнце намъ кажутся ббльшими).

b) В. П. Ермакова „Опредѣленіе и цѣли алгебры“.

c) Г. К. Сулова „О равновѣси по нѣкоторымъ общепринятымъ учебникамъ.“

d) Б. Я. Букрѣева „О несоизмѣримыхъ числахъ“.

4) Избранъ въ дѣйствительные члены: И. И. Александровъ.

Предложены въ члены: 1) Я. О. Врублевскій (предл.: гг. Ермаковъ, Букрѣевъ и Красовскій); 2) Б. К. Рымша (предл.: гг. Ермаковъ и Михновъ); 3) В. И. Зайончевскій (предл.: гг. Шпачинскій и Шиллеръ); 4) С. К. Кулжинскій (предл.: гг. Шпачинскій и Шиллеръ); 5) А. И. Гольденбергъ (предл.: гг. Ермаковъ и Шпачинскій); 6) А. П. Бородияъ (предл.: гг. Шпачинскій и Шиллеръ).

6. Въ бібліотеку Общества поступили новыя книги:

1) Клейбера. Внутренняя точка. III.

2) Пергаментъ. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. III.

3) В. О. Ф. и Э. М. №№ 95—95.

4) Байковъ А. И., бывшій учителемъ въ Институтѣ въ 1831 г. Физика (рукопись).

7. Слѣдующее засѣданіе назначено на 27 Сентября.

8. Заявлены сообщенія: 1) Н. Н. Шиллера, Обь Атвудовой машинѣ; 2) П. И. Матковскаго „Выдѣленіе нѣкоторыхъ законовъ алгебры и образованіе понятія о новомъ числѣ“.

Протоколь десятого очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

27 Сентября 1890 г.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 30 членовъ.

2. Прочитанъ и утверждень протоколь предъидущаго засѣданія.

3. Прочитаны сообщенія:

a) Н. Н. Шиллера „Обь Атвудовой машинѣ“.

b) П. И. Матковскаго „Выдѣленіе нѣкоторыхъ законовъ

алгебры и образованіе понятія о новомъ числѣ“. (Пренія: проф. Ермаковъ, Шиллеръ).

с) Д. Д. Ефремова „О рѣшеніи неопредѣленныхъ уравненій“. Содержаніе реферата было доложено Обществу проф. Ермаковымъ.

д) Косоногова „О стоячихъ свѣтовыхъ волнахъ“. Референтъ сообщилъ сущность изслѣдованій г. Wiener'a о стоячихъ свѣтовыхъ волнахъ (IV Bd. Wiedemann's Ann.).

4. Закрытой баллотировкой избраны предложенія въ предъидущемъ засѣданіи лица: 1) Я. О. Врублевскій; 2) С. К. Кулжинскій; 3) А. И. Гольденбергъ; 4) А. П. Бородинъ; 5) В. И. Зайончевскій, 6) Б. К. Рымша.

5. Предложенъ въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества: Н. П. Соколовъ (предл.: гг. Ермаковъ и Красовскій).

6. Заявлены сообщенія: 1) А. П. Зонненштраль „Объ ирраціональныхъ числахъ въ элементарномъ изложеніи“; 2) В. В. Игнатовича-Завилейскаго „По поводу новыхъ программъ физики для реальныхъ училищъ“; 3) И. И. Чирьева „О цѣдыхъ, дробныхъ и несоизмѣримыхъ числахъ“; 4) А. Л. Королькова „Основные электростатическіе опыты“.

7. Въ вопросномъ ящикѣ найденъ слѣдующій вопросъ: „Условія равновѣсія маятника (подвѣшеннаго и подпертаго) въ предположеніи, что точка подвѣса имѣетъ поступательное неравномѣрное движеніе“.

8. Въ бібліотеку поступило: № 97 Ж. О. Ф. и Э. М.

Слѣдующее засѣданіе назначено на 11 Октября.

Протоколь одиннадцатаго очереднаго засѣданія Физико - Математическаго Общества

11 Октября 1890 г.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 32 члена.

2. Прочитанъ и утвержденъ протоколь предъидущаго засѣданія.

3. Прочитаны сообщенія:

а) А. Л. Королькова „Основные электростатическіе опыты“.

б) В. В. Игнатовича-Завилейскаго „По поводу новыхъ программъ физики для реальныхъ училищъ“.

с) А. П. Зонненштраля „Объ ирраціональныхъ числахъ въ элементарномъ изложеніи“.

д) И. И. Чирьева „О цѣлыхъ, дробныхъ и несоизмѣримыхъ числахъ“.

4. Закрытою баллотировкою избранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ: Н. П. Соболевъ.

5. Заявлены сообщенія: 1) Ю. Э. Маака „О нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ элементарному курсу физики; 2) Н. А. Сорокина „О суммѣ цифръ при различныхъ системахъ счисленія; 3) Э. К. Шпачинскаго „Историческая замѣтка о Франклинѣ (по поводу 100-лѣтія со дня его кончины)“.

6. Предложены въ число дѣйствительныхъ членовъ: 1) Б. Н. Семенова (у. ю. з. ж. д.) (предлаг.: гг. Печковскій и Савельевъ); 2) А. Н. Протопоповъ (препод. технич. учил.) (предлаг.: гг. Мадонъ и Мануйловъ); 3) С. А. Эрдели (у. ю. з. ж. д.) (предл.: Чирьевъ и Печковскій).

7. Въ бібліотеку поступило: №№ 98—99 Ж. О. Ф. и Э. М.

8. Слѣдующее засѣданіе назначено на 25 Октября.

Протоколь двѣнадцатаго очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

25 Октября 1890 г.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 28 членовъ.

2. Прочитанъ и утвержденъ протоколь предыдущаго засѣданія.

3. Прочитаны сообщенія:

а) Ю. Э. Маака „О нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ элементарному курсу физики“.

б) Н. А. Сорокина „О суммѣ цифръ при различныхъ системахъ счисленія“.

с) Э. К. Шпачинскаго „Историческая замѣтка о Франклинѣ“.

4. Закрытою баллотировкою избраны въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества: Б. Н. Семеза, А. Н. Протопоповъ, С. А. Эрдели.

5. Преложень въ число членовъ: Р. В. Штейнгель (предл.: гг. Шпачинскій и Шиллеръ).

6. Заявлены сообщенія: 1) А. Л. Королькова „Опыты по электрическому току“; 2) В. П. Ермакова „О преподаваніи алгебры“; 3) Б. Я. Букрѣва „О составныхъ величинахъ по ученію Веперштрасса“; 4) Н. Ф. Хруцкого „Объ электродинамическихъ уравненіяхъ Герца“; 5) Г. К. Суслова „Къ вопросу о нормальномъ планѣ курса физики“; 9) Н. Н. Шиллера „Объ индуктивныхъ токахъ отъ вращающагося луча“.

7. Въ бібліотеку Общества поступило: Д. Ефремова, Общее рѣшеніе въ цѣлыхъ числахъ неопредѣленныхъ уравненій первой степени (Шп.)

8. Слѣдующее засѣданіе назначено на 9 Ноября.

Протоколъ тринадцатаго очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

9 Ноября 1890 года.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Ш и л л е р ь. Присутствовало 30 членовъ.

2. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

3. Прочитаны сообщенія:

а) А. Л. Королькова „Опыты по электрическому току“.

б) Б. Я. Букрѣва „О составныхъ величинахъ по ученію Вейерштрасса.“

4. Остальные сообщенія, заявленные въ прошломъ засѣданіи, не были прочитаны за неявкою гг. референтовъ.

5. Закрытою баллотировкою избранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ: Р. В. Штейнгель.

6. Предложены въ число членовъ: 1) Н. А. Тарновскій, (начальникъ штаба 3 саперной бригады; печ. уч. Гейсовской и Крестовскаго пер. соб. д.) (предл.: гг. Сорокинъ и Букрѣвъ); К. Θ. Борманъ Ровно, (предл.: гг. Красковскій и Рекашевъ).

7. Образована комиссія для выработки предварительнаго нормальнаго плана курса физики. Въ составъ комиссіи вошли 1) А. Л. Корольковъ; 2) В. И. Зайончевскій; 3) Н. Н. Шиллеръ; 4) В. В. Игнатовичъ; 5) В. И. Юскевичъ-Красковскій; 6) Г. К. Сусловъ; 7) П. А. Турциановъ; 8) О. Ю. Мадонъ.

8. Заявлено сообщеніе Н. А. Сорокина „О свойствахъ чиселъ, подобныхъ совершеннымъ“.

9. Въ бібліотеку Общества поступило: №№ 100—101 В. О. Ф. и Э. М.

10. Слѣдующее засѣданіе назначено на 22 Ноября.

Протоколъ четырнадцатаго очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

22 Ноября 1890 года.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 34 члена.

2. Прочитанъ и утвержденъ протоколъ предъидущаго засѣданія.

3. Прочитаны сообщенія:

а) В. П. Ермакова „О преподаваніи алгебры“. Рефератъ напечатанъ въ В. О. Ф. и Э. М.; возражали гг. Матковскій и Зонненштраль.

б) Н. Ф. Хруцкаго „Объ электродинамическихъ уравненіяхъ Герца“.

в) Н. Н. Шиллера „Объ индуктивныхъ токахъ отъ вращающагося луча“.

4. Закрытою баллотировкою избраны въ число дѣйствительныхъ членовъ Общества: Н. А. Тарновскій и К. О. Борманъ.

5. Заявлены сообщенія: 1) Н. Ф. Хруцкаго „Объ электродинамическихъ уравненіяхъ Герца (продолженіе); 2) Э. К. Шпачинскаго „Новый гальваническій элементъ“ и „Экстрателеграфированіе“; 3) О. Ю. Мадона „О системахъ мѣръ у Вавилонянъ“ и „Объ отрицательныхъ величинахъ“; 4) М. О. Хандрикова „О крестообразномъ микрометрѣ“; 5) Я. П. Мишина „О наглядномъ объясненіи ариемети-

ческихъ дѣйствій по способу Масае"; 6) К. Н. Жука „Температура Днѣпра“.

6. Въ библіотеку Общества поступила брошюра Н. Н. Шиллера „Роль машины Атвуда и т. д.“

7. Слѣдующее засѣданіе назначено на 7-ое Декабря.

Протоколь пятнадцатаго очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

7 Декабря 1890 года.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 29 членовъ.

2. Прочитанъ и утвержденъ протоколь предъидущаго засѣданія.

3. Прочитаны сообщенія:

а) Проф. М. Ѳ. Хандрикова „Преимущества кольцеобразнаго микрометра по сравн. съ врестообразнымъ“.

б) Н. А. Сорокина „О числахъ подобныхъ совершеннымъ“.

с) Н. Ф. Хруцкаго „Объ электродинамическихъ уравненіяхъ Герца (продолженіе)“.

4. Ординарный проф. Университета Св. Владиміра П. И. Броунъ заявилъ о своемъ желаніи вступить въ число членовъ Общества.

5. Избраны по запискамъ члены ревизіонной комиссіи: В. В. Игнатовичъ-Завилейскій (8), А. Л. Корольковъ (8) и В. И. Зайончевскій (7).

6. Въ библіотеку Общества поступило отъ члена Общества П. В. Постникова: Этюды по теоріи кривыхъ 4-го порядка. Часть I—II. Казань. Астрахань 1887—90, каждой части по 4 экземпляра.

7. Слѣдующее засѣданіе назначено на 13 Декабря.

Протоколь шестнадцатаго очереднаго засѣданія Физико-Математическаго Общества

13 Декабря 1890 года.

1. Предсѣдательствовалъ Н. Н. Шиллеръ. Присутствовало 25 членовъ.

2. Прочитанъ и утвержденъ протоколь предъидущаго засѣданія.

3. Въ засѣданіи были демонстрированы слѣдующіе приборы: гальванометръ d'Arsonval'я, приборъ Helmholtz'a для воспроизведе- нія гласныхъ и такъ называемое акустическое perpetuum mobile.

4. Прочитаны сообщенія:

а) К. Н. Жука „Температура Днѣпра“.

б) Я. П. Мишина „О наглядномъ объясненіи ариѳметиче- скихъ дѣйствій по способу Маса“.

5. Предложенъ въ число членовъ: И. В. Посадскій-Духовской, директ. 1-ой гимн. (предл.: гг. Извѣковъ и Чирьевъ).

6. Въ бібліотеку Общества поступило: №№ 102—103 В. О. Ф. и Э. М.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ протоколамъ Физико-Математическаго Общества за 1890 годъ.

Къ протоколу 1-го засѣданія.

ЗАМѢТКА О ЦЕНТРОБѢЖНОЙ СИЛѢ.

Проф. Н. Шуллера.

Ученіе о центробѣжной силѣ принадлежитъ къ числу тѣмъ, надъ затемненіемъ понятій о которыхъ особенно потрудились составители учебниковъ и курсовъ физики, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ. Такого рода явленіе можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что до сихъ поръ существуетъ огромное число физиковъ, среди коихъ сохранились въ той или другой степени преежственно возрѣнія на задачи и цѣли физики, которыя господствовали въ тѣ отдаленныя времена возникновенія этой науки, когда Порта излагалъ описанія физическихъ опытовъ подъ заглавіемъ „*Magia naturalis*“ и Кирхеръ публиковалъ свои „*Arts magna lucis et umbrae*“, „*Magnes sive de arte magnetica*“ и т. п. Съ тѣхъ поръ ведется обычай, еще до настоящаго времени, при изложеніи физики упоминать объ основныхъ понятіяхъ механики только какъ-бы изъ вѣжливости, гдѣ нибудь въ началѣ, срединѣ или концѣ курса, и притомъ—въ особой, квазиупрощенной формѣ, яко-бы болѣе доступной пониманію „физиковъ“. Такъ обучаютъ столаровъ и плотниковъ правильно обстругивать доски, вязать двери и окна, не вдаваясь въ объясненія основаній геометріи; такъ обучаютъ слесарей паять и лудить, не заставляя изучать основъ химіи; такъ конечно можно излагать и физику, если ограничить ея задачи рамками натуральной магіи. Но дѣйствительное развитіе физики, наперекоръ уцѣлѣвшимъ средне-вѣковымъ возрѣніямъ нѣкоторыхъ ея популяризаторовъ, идетъ совершенно иными путями, основываясь все болѣе и болѣе на механическихъ началахъ, приводя къ этимъ послѣднимъ обобщеніе и толкованіе результатовъ, добытыхъ путемъ опыта. Какъ химіи давно покончили

всякіе счеты съ алхімією, астрономы — съ астрологією, математики — съ каббалистикою, такъ и физики мало по малу начинаютъ отставать отъ бѣлой магіи.

Возвращаясь къ предмету настоящей замѣтки, посмотримъ прежде всего, насколько понятны рассужденія о центробѣжной силѣ въ ряду случайно выбранныхъ нами учебниковъ.

1) *Учебникъ Краевича*, § 83. „Если привяжемъ камень на нитку и станемъ вращать его около руки, то нитка натянется; увеличивая скорость камня; мы можемъ дойти до того, что нитка наконецъ оборвется“. До сихъ поръ все ясно и вѣрно; но далѣе объясненіе переходитъ уже на болѣе выскую почву: „Слѣдовательно при движеніи камня обнаруживается какая-то сила, стремящаяся удалить камень отъ руки“. Если-бы было сказано, что слѣдовательно обнаруживается сила, натягивающая веревку, то такое заключеніе было-бы строго логическимъ слѣдствіемъ приложенія закона причинности къ данному случаю; оставалось-бы еще объяснить, откуда эта сила берется; припоминая 3-й законъ Ньютона о томъ, что всякому дѣйствию есть равное противодѣйствіе, мы сказали-бы, что веревку тянетъ отъ руки камень, ибо сама веревка тоже тянетъ камень къ рукѣ. Въ предположеніи-же цитируемаго учебника о силѣ, стремящейся удалить камень отъ руки, скрыто не доказанное утвержденіе, что веревка должна быть натянута силою, дѣйствующею не на веревку, а на камень, къ веревкѣ привязанный. Представимъ себѣ, что рука держитъ конецъ веревки, къ которой привязанъ висающій камень; тогда мы имѣемъ право сказать, что веревка натянута силою вѣса камня. Если мы затѣмъ дернемъ рукою за веревку вверхъ, то веревка въ моментъ дерганія натянется еще сильнѣе, даже можетъ оборваться; имѣемъ-ли мы право сказать, что веревка натянута сильнѣе потому, что на камень подѣйствовала къ низу новая сила, стремящаяся удалить его отъ руки, т. е. что вѣсъ камня какъ-бы увеличился? Очевидно нѣтъ, ибо мы не найдемъ источника этой новой силы. Прибавочное натяженіе подѣйствуетъ только на нить, источникомъ этой силы будетъ камень (не вѣсъ его), который натянетъ сильнѣе нить, потому что сама нить сильнѣе потянется за камень.

Посмотримъ теперь, какъ цитируемый учебникъ объясняетъ происхожденіе силы, стремящейся, по его мнѣнію, удалить вертящійся камень отъ руки.

„Это явленіе объясняется инерцією. Свободное тѣло, получивъ толчекъ отъ мгновенной силы, имѣетъ стремленіе двигаться по прямой линіи равномерно и оказываетъ сопротивленіе всякой причинѣ, которая стремится измѣнить такое движеніе“.

Шаткость и неточность приведеннаго разсужденія обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что цитируемый учебникъ стремится объяснить сравнительно болѣе простое понятіе—дѣйствіе силы, понятіемъ болѣе сложнымъ или, пожалуй, неяснымъ—сопротивленіемъ тѣла силѣ.

Когда мы говоримъ, что на тѣло дѣйствуетъ сила, то, этими словами, описываемъ прежде всего такое явленіе, при которомъ движеніе тѣла измѣняется, т. е. перестаетъ быть однимъ и тѣмъ-же равномернымъ прямолинейнымъ. Если, наоборотъ, тѣло не измѣняетъ своего движенія, то мы говоримъ, что на него сила не дѣйствуетъ или дѣйствуютъ силы, взаимно уравновѣшивающіяся (при чемъ, въ случаѣ послѣдняго утвержденія, подразумѣвается, кромѣ отсутствія измѣненія движенія, еще существованіе ряда возможныхъ предыдущихъ или послѣдующихъ явленій).

Теперь вопросъ: какое явленіе учебникъ описываетъ, говоря, что тѣло оказываетъ сопротивленіе всякой причинѣ, стремящейся измѣнить его движеніе? Оказывается, что учебникъ этими словами характеризуетъ заразъ два совершенно несходныя явленія. Съ одной стороны тутъ подразумѣвается то обстоятельство, что тѣло имѣетъ стремленіе двигаться равномерно и прямолинейно, т. е. проще: по прекращеніи дѣйствія силы перестанетъ мѣнять свою скорость по величинѣ и направленію. Съ другой стороны выходитъ, что если сказано: тѣло сопротивляется измѣненію его движенія, то это значитъ, что на него дѣйствуетъ сила въ смыслѣ, обратномъ происходящему измѣненію движенія. Выходитъ, слѣдовательно, что, если тѣло, подѣ дѣйствіемъ нѣкоторой силы, все-таки стремится двигаться по инерціи, то это значитъ, что на него дѣйствуетъ еще кромѣ того нѣкоторая сила, противоположная данной, и если бы не было этой послѣдней, то не было-бы и стремленія двигаться по инерціи. Такимъ образомъ свойство инерціи является обусловленнымъ существованіемъ нѣкоторой, посторонней тѣлу, причины.

Приведенная выше путаница понятій происходитъ вообще отъ того, что въ „физикѣ“, разрабатываемой учебниками, допускаются приемы изложенія, признаваемые абсолютно невозможными въ другихъ дисциплинахъ. Никому въ голову не прійдетъ допустить возможность смѣшенія, при изложеніи геометріи, понятій о перпендикулярныхъ линіяхъ и наклонныхъ, о параллельныхъ и пересѣкающихся, о линіи и объемѣ или о точкѣ и объемѣ и т. п. Точно также при изложеніи алгебры, сложныя и тонкія понятія объ отрицательныхъ, ирраціональныхъ, мнимыхъ, количествахъ признано необходимымъ опредѣлять строго, однообразно и не разсматривать ихъ, какъ затрудняющую преподаваніе роскошь, о которой позволительно говорить только въ концѣ курса. Въ „физикѣ“ же считается возможнымъ на каждомъ шагу употреблять слова: сила, сопротивленіе, работа, энергія

и т. п., связывая съ этими словами самыя неопредѣленные и расплывающіяся понятія.

Такое смѣшеніе понятій, по нашему убѣжденію, не можетъ быть поставлено въ вину отдѣльно тому или другому автору учебника, ибо причины его коренятся въ томъ общемъ вѣяніи, господство котораго начинается теперь устраняться мало по малу и не безъ затрудненій, но которое въ недалекомъ прошломъ царило безконтрольно надъ умами адептовъ физики, находя себѣ поддержку даже въ средѣ авторитетовъ.

Возвращаясь опять на минуту къ выше цитированному учебнику, мы замѣчаемъ тамъ еще одну странность при изложеніи ученія о центробѣжной силѣ: умолчаніе о силѣ центростремительной. Невольно при этомъ вспоминается другая книга, которая вѣчно будетъ свидѣтельствовать чело-вѣку, до какой вдохновенной высоты можетъ подняться его духъ. Мы говоримъ о „Principia“ Ньютона. Въ этой книгѣ много говорится о центростремительной силѣ; но о центробѣжной силѣ не упоминается. Не сохранились-ли причины такого умолчанія и до настоящаго времени? Ниже мы вернемся къ этому вопросу.

Въ § 452 цитируемаго учебника снова говорится о центробѣжной силѣ; тамъ считается уже своевременнымъ упомянуть о силѣ центростремительной, которая какъ будто-бы существуетъ только въ томъ случаѣ, когда свободное тѣло вращается около даннаго центра подѣ дѣйствіемъ притяженія этого послѣдняго. Свободное состояніе тѣла, по словамъ учебника, является причиною того, что величины взаимно противоположныхъ центробѣжной и центростремительной силъ равны другъ другу; въ противномъ-де случаѣ тѣло или приблизилось бы къ центру, или отъ него удалилось-бы. Выходить, стало быть, что для движенія тѣла по кругу необходимо дѣйствіе на него двухъ взаимно уравновѣшивающихся силъ, т. е. такихъ, которыя по условію не могутъ измѣнять прямолинейнаго равномернаго движенія. Другими словами, учебникъ приводитъ читателя къ тому убѣжденію, что тѣло, не находящееся подѣ дѣйствіемъ силъ или находящееся подѣ дѣйствіемъ взаимно уравновѣживающихся силъ, должно двигаться или по прямой, или по кругу.

2) *Учебникъ Маллинина и Буренина.* Въ § 76 дается сперва правильное понятіе о центростремительной силѣ; затѣмъ разсматривается примѣръ камня, привязаннаго къ веревкѣ и вращаемаго вокругъ руки, держащей другой конецъ веревки; источникъ центростремительной силы правильно указанъ въ нити, которая тянетъ камень къ центру. Наконецъ учебникъ переходитъ къ центробѣжной силѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Но по закону дѣйствія равнаго противодѣйствію, камень стремится удалиться отъ центра, и его усиліе, наз. центробѣжною силою, производитъ натяженіе нити“.

Затѣмъ объясняется, что, съ прекращеніемъ дѣйствія центростремительной силы, исчезаетъ также центробѣжная сила, и тѣло движется по инерціи; т. е. выходитъ, что случаи отсутствія приложенной силы и присутствія двухъ приложенныхъ равныхъ и взаимно противоположныхъ силъ обуславливаютъ различныя движенія: первый случай соотвѣтствуетъ какъ будто равномѣрно-прямолинейному движенію, а второй равномѣрно-круговому.

Учебникъ объясняетъ, какъ мы видимъ изъ вышеприведенной цитаты, существованіе центробѣжной силы, какъ слѣдствіе закона равенства дѣйствія и противодѣйствія, не упомянувъ предварительно нигдѣ о томъ, какому именно ряду явленій упомянутый законъ соотвѣтствуетъ, т. е. въ чемъ онъ состоитъ, что должно подразумѣвать подъ словомъ дѣйствіе и что такое противодѣйствіе. Но очевидно, что авторы учебника имѣли совершенно неправильное представленіе объ упомянутомъ законѣ, ибо ихъ объясненія изъ этого закона существованія у тѣла какого-то усилія удаляться отъ центра приводитъ къ нелѣпости.

Фальшивое представленіе авторовъ цитируемаго учебника о дѣйствіи и противодѣйствіи не представляетъ собою ихъ спеціальнаго заблужденія, но проводится, какъ мы увидимъ ниже, и въ другихъ, весьма солидныхъ, курсахъ физики, являясь слѣдствіемъ вышеупомянутаго непростительнаго обычая неряшливо относиться къ основнымъ понятіямъ механики, составляющимъ сущность объясненія всякихъ наблюдаемыхъ физическихъ явленій. Въ данномъ случаѣ происходитъ смѣшеніе понятій объ *инерціи*, *сопротивленіи* и *противодѣйствіи*.

Рискуя очутиться на очень скользкомъ пути мышленія, можно разсматривать свойство инерціи, какъ способность тѣла противиться дѣйствію силы, затруднять результаты приложенія этой послѣдней къ тѣлу. Такъ дѣлалъ и Ньютонъ, излагая свое „третье опредѣленіе“ (Definitio III). Но на упомянутомъ пути нужно наблюдать крайнюю осторожность, чтобъ не сойти на совершенно ложную дорогу. Такую осторожность и наблюдалъ Ньютонъ, объясняя смыслъ своего третьяго опредѣленія; составители-же учебниковъ представили примѣръ, какъ легко отъ неясно понятаго утвержденія перейти къ завѣдомымъ нелѣпостямъ.

Нужно помнить, что тѣло, по свойству инерціи, въ томъ смыслѣ затрудняетъ дѣйствіе силы, что одна и таже сила производитъ при ея дѣйствіи на разныя тѣла, разныя послѣдствія, сообщая этимъ тѣламъ разныя ускоренія. Слѣдовательно выходитъ, какъ будто одному тѣлу легче сообщить одною и тою-же силою данное ускореніе, а другому труднѣе.

Если-бы масса тѣла, при дѣйствіи на него одной и той-же силы, увеличилась, то результатъ дѣйствія силы, т. е. сообщенное ею ускореніе, уменьшилось-бы; произошло-бы такое-же явленіе, какъ будто-бы, при од-

ной и той-же массѣ разсматриваемаго тѣла, уменьшилась дѣйствующая на него сила или, въ прежде дѣйствовавшей силѣ, прибавилась нѣкоторая новая, ей противоположная.

Ходячіе учебники, въ противность вышеизложенному, представляютъ инертное сопротивленіе тѣла дѣйствию силы, какъ явленіе одинакое съ сопротивленіемъ, на примѣръ, тренія, упругости и т. п., когда въ дѣйствующей на тѣло силѣ дѣйствительно прилагается другая, ей противоположная. Въ дѣйствительномъ существованіи такихъ силъ мы убѣждаемся тѣмъ, что можемъ наблюдать ихъ дѣйствіе въ отсутствіи приложенныхъ силъ, вызвавшихъ сопротивленія; такъ тѣло, которому сообщена приложенной силой нѣкоторая скорость, треніемъ останавливается, упругими сопротивленіями не только останавливается, но и получаетъ отъ нихъ обратное движеніе.

Приложенная сила сопротивленіями какъ-бы измѣняется, и для ея уравновѣшиванія нужны другія силы, нежели въ случаѣ отсутствія сопротивленій или измѣненія ихъ величины. То сопротивленіе, которое мы связываемъ съ понятіемъ объ инерціи, не имѣетъ никакого вліянія на условія равновѣсія приложенныхъ силъ, и обуславливаетъ только результатъ дѣйствія данной силы, не измѣняя ея величины. Такъ какъ, слѣдовательно, двойкій смыслъ, придаваемый слову „сопротивленіе“ въ описанныхъ выше явленіяхъ, можетъ повести къ смѣшенію понятій, то и является болѣе предпочтительнымъ правило характеризовать упомянутымъ словомъ только силы, дѣйствительно существующія и имѣющія вліяніе на уменьшеніе ускоренія, сообщаемаго другими данными силами въ отсутствіи первыхъ.

Въ разбираемомъ нами случаѣ вращающагося на веревкѣ камня мы имѣемъ право только сказать, что веревка натянута такъ, какъ будто-бы за камень тянула прочь отъ руки нѣкоторая сила. Но предположеніемъ о дѣйствительномъ существованіи такой силы, рядомъ съ центростремительною, мы не могли-бы объяснить возможность другой части явленія, т. е. самаго вращенія камня, который, при дѣйстви двухъ равныхъ и противоположныхъ силъ, долженъ-бы былъ двигаться прямолинейно.

Теперь перейдемъ къ понятіямъ, связаннымъ со словами „противодѣйствіе“ и „сопротивленіе“. Хотя въ обыкновенной рѣчи оба приведенныя слова и имѣютъ почти одинакій смыслъ, въ механикѣ тѣмъ не менѣе они связаны съ двумя различными понятіями. Законъ равенства дѣйствія и противодѣйствія совсѣмъ не влечетъ за собою заключенія о необходимости равенства дѣйствія и сопротивленія. Упомянутый законъ (Lex III), установленный Ньютономъ, формулируется этимъ послѣднимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Дѣйствию есть всегда равное и прямо противоположное противодѣй-

ствіе, или: дѣйствія двухъ тѣлъ другъ на друга всегда взаимно равны и прямо противоположны“.

Вышеприведенныя слова никакъ, очевидно, не могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе и его противодѣйствіе приложены къ одному и тому-же тѣлу. Если дѣйствіе состоитъ, на примѣръ, въ томъ, что веревка тянетъ камень, то, по Ньютону, противодѣйствіе должно состоять въ томъ, что камень самъ тянетъ веревку. Если-бы камень не тянулъ веревку, то мы не имѣли-бы права утверждать, что веревка тянетъ за камень.

Комментируя болѣе пространно Третій Законъ, мы останавливаемся на слѣдующихъ заключеніяхъ. Первая половина этого закона указываетъ на то, что, коль скоро мы наблюдаемъ дѣйствіе силы на какое нибудь тѣло, т. е. замѣчаемъ измѣненіе движеній этого послѣдняго, то мы найдемъ также нѣкоторое другое тѣло, на которое дѣйствуетъ сила, равная и прямо противоположная наблюдаемой въ первомъ явленіи. Вторая половина закона поясняетъ, что найденное второе тѣло въ указанномъ случаѣ признается нами дѣйствующимъ на первое, т. е. представляетъ собою источникъ наблюдаемаго дѣйствія; само-же первое тѣло будетъ тогда источникомъ противодѣйствія.

Итакъ, наблюдаемое измѣненіе движенія тѣла влечетъ за собою, по Первому Закону Ньютона, представленіе о внѣшней причинѣ (силѣ или дѣйствіи) производящей это измѣненіе. Затѣмъ возникаетъ вопросъ: какая это сила? Второй Законъ объясняетъ, что эта сила направлена также, какъ наблюдаемое ускореніе, и по величинѣ равна произведенію изъ массы тѣла и его ускоренія. Наконецъ Третій Законъ даетъ отвѣтъ на третій вопросъ: откуда берется наблюдаемая сила? По смыслу этого закона мы заключаемъ, что если на тѣло дѣйствуетъ сила, то это значитъ, что на упомянутое тѣло дѣйствуетъ другое тѣло, и именно—то самое, на которое данное оказываетъ равное и противоположное дѣйствіе. Чтобы найти источникъ силы, стало быть, нужно искать такое тѣло, которое было-бы подвержено само дѣйствію силы, обратной и равной наблюдаемой. Положимъ для примѣра, что мы видимъ камень, движущійся равномерно по кругу. Разбирая геометрическія свойства этого движенія, мы видимъ, что оно состоитъ изъ ряда послѣдовательныхъ равномерныхъ движеній, по разнымъ направленіямъ, которыя непрерывно мѣняются. Ускореніе при этомъ направлено къ центру круга. Мы заключаемъ, что нѣкоторое другое тѣло должно или тянуть камень къ центру, или его толкать отъ себя по упомянутому направленію. Какое-же это тѣло? То, за которое самъ камень тянетъ прочь отъ центра, какъ на примѣръ натянутая веревка, или соотвѣтственно то, которое камнемъ толкается прочь отъ центра, какъ на примѣръ, въ другомъ случаѣ—рука, взявшая камень и обводящая его по кругу.

Возвращаясь опять къ учебнику Малинина и Буренина, не можемъ не замѣтить, что въ немъ встрѣчаются еще только ему свойственныя искаженія понятій, не имѣющія мѣста въ другихъ учебникахъ. Такъ напримѣръ, въ § 21 находимъ, что „массою тѣла называется сумма всѣхъ его частицъ“; въ § 262 между прочимъ объясняется, что законъ Мариотта состоитъ въ пропорциональности упругости давленію, и т. п.

3) *Lehrbuch der Physik, bearbeitet von Professor Dr. Paul Reis, Gymnasiallehrer in Mainz. Leipzig 1878.*

Въ этомъ учебникѣ параграфъ 46, трактующій о центробѣжной силѣ, открывается слѣдующимъ неожиданнымъ и совершенно непонятнымъ утвержденіемъ:

„Если какое либо тѣло движется по прямой линіи, то сила, съ которою оно по этой линіи идетъ, равняется живой силѣ этого тѣла“. Приведенное дикое положеніе тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что на предъидущихъ страницахъ учебника дается довольно правильное понятіе о силѣ, работѣ, живой силѣ, и т. п., хотя эти понятія и затушеваны кое гдѣ трансцендентальными объясненіями составителя учебника.

Затѣмъ въ томъ-же § 46 цитируемаго учебника говорится о стремленіи (*Bestreben*) тѣла двигаться по прямой линіи, когда оно, вслѣдствіи какого-либо принужденія (*Zwang*), должно отклоняться отъ прямой. Доказывается это тѣмъ, что, съ устраненіемъ вышесказаннаго принужденія, тѣло продолжаетъ двигаться по прямой. Непосредственно вслѣдъ за этимъ объясненіемъ стоятъ такія слова:

„Эта тангенціальная сила“ (какая „эта“—не было прежде разъяснено ни малѣйшимъ намекомъ) „тѣла пропорціональна давленію живой силы (?), ибо она есть ничто иное, какъ стремленіе тѣла идти, слѣдуя закону инерціи, далѣе по прямой линіи. Если же тѣло, съ прекращеніемъ существовавшаго принужденія, продолжаетъ далѣе двигаться по касательной прямолинейно, то оно удаляется отъ своего криваго пути, и, если этотъ послѣдній былъ кругомъ, то—отъ центра круга; слѣдовательно, въ тѣлѣ существуетъ уже напередъ стремленіе удалиться отъ своего пути, отъ центра круга; посему въ направленіи отъ центра къ окружности производится давленіе на путь (*ein Druck gegen die Bahn*), которое называется центробѣжною силою тѣла“.

Въ приведенныхъ строчкахъ, кромѣ искаженій, знакомыхъ читателю уже изъ прежнихъ нашихъ объясненій, является еще какое-то *давленіе на путь*, которое совершенно однозначно съ толщиной прямой линіи или съ объемомъ точки. Здѣсь, очевидно, передъ авторомъ мелькало смутное представленіе о давленіи тѣла на связи, заставляющія его идти по данному кривому пути, какъ, напримѣръ, въ случаѣ круглаго жолоба, по которому

катится тѣло и на стѣнки котораго оно обнаруживаетъ давленіе. Отъ этого частнаго случая явилось недопустимое обобщеніе о давленіи на путь, т. е. на геометрическое мѣсто.

4) *Курсъ физики Гано*, французскій подлинникъ 1862 г.

Въ этомъ учебникѣ совсѣмъ не объясняется, что такое центробѣжная сила; но о ней упоминается въ § 56, при объясненіи измѣненія вѣса тѣла при земной поверхности, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Третья причина, которая измѣняетъ напряженіе тяжести, есть центробѣжная сила. Такъ называется сила, возникающая при круговомъ движеніи и вслѣдствіи которой массы, обладающія этимъ движеніемъ, стремятся удалиться отъ оси вращенія“.

Трудно согласиться съ тѣмъ, что послѣ подобнаго объясненія, причины измѣненія вѣса тѣла представляются уму читателя въ болѣе ясномъ видѣ, нежели въ томъ случаѣ, когда про нихъ было-бы умолчано, а былъ-бы изложенъ только одинъ наблюдаемый фактъ уменьшенія вѣса.

5) *Lehrbuch der Experimentalphysik, bearbeitet von Dr. A. Willner. 1874.*

Въ § 35 этого обширнаго курса дается совершенно правильное понятіе о центробѣжной силѣ, какъ о противодѣйствіи (въ смыслѣ Ньютона) по отношенію къ центростремительной силѣ; объясняется, что центростремительная сила есть дѣйствіе одного тѣла на другое по направленію къ центру пути, а центробѣжная сила—есть обратное дѣйствіе втораго тѣла на первое, по направленію отъ центра.

Однако, при дальнѣйшихъ объясненіяхъ явленій, связанныхъ съ понятіемъ о центробѣжной силѣ, учебникъ не удерживается на прежней своей правильной точкѣ зрѣнія и сбивается въ сторону шаблонныхъ курсовъ. Именно, въ § 42, при объясненіи измѣненія ускоренія вѣса на разныхъ мѣстахъ земной поверхности проводится такое воззрѣніе, что „центробѣжная сила, являющаяся при вращательномъ движеніи земли стремится всѣ точки этой послѣдней удалить отъ нея“. О неопредѣленности такого рода воззрѣнія и о его несовмѣстимости съ основными понятіями о силѣ мы уже имѣли случай говорить выше.

6) *Cours de physique de l'école polytechnique par M. J. Jamin. 1858. Tome premier.*

Изложеніе идетъ въ такомъ порядкѣ: лекція пятая, дѣйствіе и противодѣйствіе; параграфы: ударъ тѣла, сила инерціи.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія учебника, дѣйствіе и противодѣйствіе проявляются при ударѣ тѣла и при дѣйствіи нѣкоторой силы инерціи; на этой послѣдней мы и остановимся;

„Каждый разъ, какъ къ тѣлу прилагается нѣкоторая сила черезъ посредство нити, оно получаетъ равномерно ускоренное движеніе, и опытъ показываетъ, что нить испытываетъ постоянное натяженіе*); это обстоятельство доказываетъ, что нить ежеминутно подвержена дѣйствію двухъ равныхъ силъ: одна сила приложена къ концу нити, противоположному тѣлу, и производитъ движеніе; другая сила дѣйствуетъ на другой конецъ нити. Эта послѣдняя есть противодѣйствіе тѣла; она называется силою инерціи и можетъ быть объяснена нижеслѣдующими разсужденіями“. Затѣмъ слѣдуютъ разсужденія о передачѣ натяженія отъ одной части нити къ другой, и замѣчаніе, что понятіе о силѣ инерціи прилагается къ изученію криволинейнаго движенія.

Вышеприведенное изложеніе болѣе или менѣе точно. Нужно только замѣтить, что рѣчь должна бы была идти не о силѣ, производящей движеніе, а о силѣ, измѣняющей движеніе, и что силою инерціи тутъ названо дѣйствительно существующее противодѣйствіе, а не фиктивная сила, которая обыкновенно, согласно съ Ньютономъ, подразумѣвается подъ этимъ названіемъ. Кромѣ того не высказано съ достаточною точностью, что въ данномъ случаѣ тѣло тянетъ за нить, а нить за тѣло, и что понятіе о дѣйствіи и противодѣйствіи является только тогда, когда говорится объ источникѣ силы, т. е. о дѣйствіи тѣлъ другъ на друга, но не о дѣйствіи силы на тѣло.

Замѣченная выше нѣкоторая шаткость въ постановкѣ опредѣленій ведетъ уже къ завѣдомо фальшивому утвержденію, высказываемому въ разсматриваемомъ параграфѣ, по поводу центробѣжной силы. Разсуждая о круговомъ движеніи тѣла, привязаннаго къ нити, авторъ, опредѣливши величину центростремительной силы, говоритъ далѣе:

„Отсюда слѣдуетъ, что во время движенія нить будетъ тянуть за тѣло къ центру съ силою $\frac{mv^2}{R}$, и что тѣло будетъ производить равное и противоположное противодѣйствіе, которое его удалило-бы отъ центра“.

*) Строго говоря, значенію означеннаго опыта придана, въ цитируемомъ мѣстѣ учебника, не совсѣмъ правильная окраска. Изъ упомянутаго опыта мы заключаемъ не то, что, при дѣйствіи на тѣло силы чрезъ посредство нити, эта послѣдняя натягивается; но, видя нить натянутою, мы только поэтому имѣемъ право сказать (на основаніи Третьяго Закона), что сила дѣйствуетъ на тѣло черезъ посредство нити. Подобнымъ-же образомъ, напримѣръ, условившись называть вѣсомъ силу, обуславливающую свободное паденіе тѣла, мы не имѣли-бы права ссылаться, будто изъ опыта видно, что тѣла отъ дѣйствія вѣса падаютъ. Вслѣдствіе такого-же смѣшенія понятій въ иныхъ учебникахъ объясняется, что съ помощію Атвудовой машины можно доказать пропорціональность силы массѣ и ускоренію, о чемъ мы поговоримъ когда нибудь въ особой замѣткѣ.

Отмѣченное курсивомъ выраженіе представляетъ собою совершенно неожиданное заключеніе, никакимъ образомъ не вытекающее изъ строгаго смысла того, что было сказано въ предыдущихъ строкахъ цитируемаго мѣста; но желаніе автора сдѣлать подобное заключеніе объясняетъ отмѣченную выше его нерѣшительность въ постановкѣ строгихъ и вполне ясныхъ понятій о дѣйствіи и противодѣйствіи. Самое-же стремленіе автора къ упомянутому заключенію можетъ быть объяснено внутреннимъ нежеланіемъ мириться съ существованіемъ дѣйствія и противодѣйствія. Съ одной стороны авторъ признаетъ, что если нить тянетъ за камень, то и камень тянетъ за нить; но съ другой стороны онъ не хочетъ допустить, что камень тянетъ за нить только потому, что самъ тянется нитью; а представляетъ себѣ ходъ явленія такъ, что за камень должна еще тянуть нѣкоторая сила прочь отъ нити, обуславливая натяженіе этой послѣдней. Мы уже имѣли случай выше объяснить, что камень можетъ натягивать нить двояко: или будучи, такъ сказать, посредникомъ дѣйствія силы изъ иного источника, какъ напримѣръ, когда нить натягивается вѣсомъ камня; или самъ камень будетъ источникомъ силы въ смыслѣ противодѣйствія, какъ въ случаѣ, когда вѣсъ его уравновѣшенъ и какое либо тѣло, тянущее за него или толкающее, сообщаетъ ему новую скорость; въ этомъ послѣднемъ случаѣ самъ камень обратно тянетъ, но не оттягивается; обратно толкаетъ, но не приталкивается.

Когда солнце тянетъ землю, то оно не имѣетъ стремленія удалиться отъ земли, а напротивъ землею къ ней притягивается; точно также, когда одинъ наэлектризованный шарикъ отталкиваетъ отъ себя другой, одноименно наэлектризованный, то онъ не имѣетъ стремленія къ нему подойти ближе, а напротивъ самъ испытываетъ отталкиваніе. Это для насъ совершенно ясно. Но стоитъ намъ тѣ же притяженія или отталкиванія представить себѣ производимыми черезъ посредство промежуточныхъ связей, въ видѣ веревки, негибкой нити, какой либо вообще среды, какъ тотчасъ же отъ насъ ускользаетъ представленіе о прежнемъ источникѣ силы, и мы стараемся безъ достаточнаго основанія перенести его въ другое тѣло, говоря, что теперь тянетъ черезъ посредство связей не прежнее тѣло, но нѣкоторое другое, дѣйствующее на связи черезъ посредство прежняго тѣла. Замѣчая фактъ, что человѣкъ, который тянетъ за веревку, прикрѣпленную къ неподвижной стѣнѣ, и который, несомнѣнно эту веревкою самъ тянется къ стѣнѣ, долженъ въ тоже самое время стараться отойти отъ стѣны, чтобы натянуть веревку, мы одухотворяемъ камень и приписываемъ ему тоже стремленіе, какъ въ прежнемъ случаѣ—человѣку.

7) *Cours de physique de l'école polytechnique par M. J. Jamin et M. Bouty. 1881. Томъ I, глава I, параграфъ: Effets attribués à la force centrifuge.*

„Когда матеріальная точка описываетъ кругъ, двигаясь по немъ равномерно или нѣтъ, тогда нормальная составляющая дѣйствующей на точку силы носить названіе центростремительной силы. Ея дѣйствіе состоитъ только въ непрерывномъ измѣненіи направленія движенія безъ вліянія на величину его скорости: поэтому можно отвлечься отъ этой силы и размысливать ту скорость прямолинейнаго движенія, которою тѣло обладало-бы, если-бы упомянутой силы не было. Для этого достаточно прибавить къ дѣйствующимъ силамъ нѣкоторую воображаемую силу, равную и прямо противоположную центростремительной: такая сила есть центробѣжная“.

Въ приведенномъ отрывкѣ нѣтъ никакой несообразности, и центробѣжною силою обозначена нѣкоторая фиктивная сила, въ самомъ дѣлѣ не существующая, дѣйствіе которой выпрямило-бы кривой путь тѣла. Однако во второй главѣ того-же руководства, въ параграфѣ объ измѣненіи g съ широтою мѣста, утверждается, что отъ вращенія земли вокругъ оси на каждое тѣло при земной поверхности дѣйствуетъ центробѣжная сила, уменьшающая его вѣсъ. Очевидно здѣсь подразумѣвается уже не та центробѣжная сила, о которой говорилось въ приведенной цитатѣ.

8) *Cours de physique par H. Pellat. 1883. Томъ первый, книга II, глава III, § 13.*

„Существуютъ двѣ причины, принимающія участіе въ томъ, чтобы дѣлать тяжесть большею по мѣрѣ увеличенія широты мѣста. Первая изъ нихъ есть сплюсненіе земли у полюсовъ. Тѣла на земной поверхности находятся въ меньшемъ разстояніи отъ центра земли при полюсѣ, нежели при экваторѣ, и потому, согласно съ законами всемірнаго тяготѣнія, они должны въ первомъ случаѣ быть сильнѣе притягиваемы, нежели во второмъ“.

Хотя только что цитированное мѣсто не затрогиваетъ непосредственно предметъ настоящей замѣтки, но мы не можемъ на немъ не остановиться, чтобы снова указать на предосудительный обычай физиковъ повторять общія мѣста, не вникая въ смыслъ сказаннаго.

Легко доказать, съ помощію самыхъ элементарныхъ приемовъ, что однородный матеріальный шаръ притягиваетъ матеріальную точку, внѣ его поверхности такъ, какъ будто-бы вся масса шара принадлежала его центру. Отсюда заключеніе, что чѣмъ ближе къ центру будетъ притягиваемая внѣшняя точка, тѣмъ сильнѣе она будетъ притягиваться. Но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, что всякое другое тѣло, имѣющее форму, отличную отъ шара, будетъ притягивать внѣшнюю точку такъ, какъ притягиваетъ

ее шаръ, т. е.: какъ-бы центромъ. Сфероидъ дѣйствительно притягиваетъ внѣшнюю точку сильнѣе при полюсѣ, нежели при экваторѣ; но это обстоятельство никакъ нельзя-бы было заранѣе предсказать, основываясь на большей близости центра сфероида къ полюсамъ, ибо равнодѣйствующая притяженія всѣхъ частей сфероида не всегда проходитъ черезъ его центръ.

Теперь будемъ продолжать цитату.

„Во вторыхъ, при вращеніи земли около своей оси, центробѣжная сила, значительная при экваторѣ, уменьшается съ увеличеніемъ широты и дѣлается нулемъ на полюсѣ. Такимъ образомъ, при экваторѣ центробѣжная сила прямо противоположна земному притяженію, и всѣмъ, будучи результирующею силою обѣихъ вышеупомянутыхъ, равняется ихъ разности“.

И т. д.

Чтобы указать связь между центробѣжною силою и вѣсомъ тѣла, авторъ дѣлаетъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе:

„Когда какое-либо тѣло входитъ въ составъ системы, вращающейся около нѣкоторой оси, относительное равновѣсіе этого тѣла, по отношенію къ другимъ движущимся частямъ системы, обуславливаетъ ту же самую зависимость между дѣйствующими на тѣло силами, какъ въ томъ случаѣ, когда система была-бы въ покоѣ и къ упомянутымъ выше силамъ была бы прибавлена еще нѣкоторая воображаемая сила, равная $\frac{mv^2}{r}$ (гдѣ m обозначаетъ массу тѣла, v —его скорость и r —разстояніе отъ оси вращенія), перпендикулярная къ оси вращенія и направленная такъ, чтобы удалить тѣло отъ этой оси. Такой фиктивной силѣ дадутъ названіе силы центробѣжной“.

Приведенная цитата даетъ совершенно ясное и правильное понятіе о томъ, какая центробѣжная сила и въ какомъ смыслѣ можетъ считаться приложенною къ вращаемому тѣлу и когда эта сила стремится удалить тѣло отъ центра. Такой силы въ дѣйствительности нѣтъ; но ее нужно себѣ вообразить, если представить, что вращеніе прекратилось, а относительное движеніе или равновѣсіе разсматриваемыхъ тѣлъ осталось тоже самое, какое было при ихъ вращеніи.

Такимъ образомъ въ цитируемомъ курсѣ физики мы находимъ опредѣленіе центробѣжной силы безъ неизбѣжныхъ противорѣчивыхъ послѣдствій. Слѣдовало-бы еще тамъ-же выяснить то обстоятельство, что наблюдаемый вѣсъ тѣла представляетъ собою только нѣкоторую часть существующей силы земнаго притяженія, и при томъ—на разныхъ широтахъ разную.

Заключеніе. Если-бы мы теперь пожелали, на основаніи вышеприведенныхъ разъясненій къ цитатамъ изъ различныхъ учебниковъ, составить

себѣ опредѣленное понятіе о центробѣжной силѣ, то пришли-бы къ ниже-слѣдующему выводу.

Съ терминомъ центробѣжная сила связываются два понятія, отличныя другъ отъ друга. Такъ называется или дѣйствительно существующая сила, представляющая собою противодѣйствіе (въ Ньютоновскомъ смыслѣ) по отношенію къ центростремительной силѣ, или такъ-же называется нѣкоторая не существующая сила, которая должна-бы была дѣйствовать, если-бы наблюдаемое относительное движеніе, отвлеченное отъ существующаго вращенія, сдѣлалось-бы абсолютнымъ съ превращеніемъ упомянутаго вращенія.

Такимъ образомъ должно, собственно говоря, отличать двѣ центробѣжныя силы: одну—дѣйствительную и другую—фигитивную; первую можно назвать *центробѣжною силою абсолютнаго движенія*, а вторую—*центробѣжною силою относительнаго движенія*.—Обѣ центробѣжныя силы могутъ быть разыскиваемы въ одномъ и томъ же данномъ движеніи, ибо его всегда можно разлагать на абсолютное и относительное.

Центробѣжная сила абсолютнаго движенія, какъ было неоднократно объяснено выше, есть противодѣйствіе по отношенію къ центростремительной силѣ, направленное отъ центра къ окружности и приложенное къ тѣлу, служащему источникомъ центростремительной силы. Въ примѣрѣ камня, вращаемаго рукою черезъ посредство нити по кругу, центробѣжная сила дѣйствуетъ черезъ посредство нити на руку, которая представляется источникомъ центростремительной силы, дѣйствующей черезъ нить на камень. Вообще, если какія либо связи измѣняютъ направленіе движенія тѣла, въ смыслѣ приближенія тѣла къ центру нѣкотораго круга, то дѣйствіе связей на тѣло будетъ представлять собою нѣкоторую центростремительную силу, и необходимо при этомъ существующее дѣйствіе тѣла на связи—силу центробѣжную.

Не для всякой данной центростремительной силы найдется такое противодѣйствіе, которое было-бы направлено отъ центра къ окружности; поэтому не для всякой данной центростремительной силы можно подыскать центробѣжную силу абсолютнаго движенія.

Первый примѣръ. Представимъ себѣ два взаимнопритягивающіяся свободныя тѣла А и В, которыя вращаются около ихъ общаго центра инерціи. Въ этомъ случаѣ мы найдемъ равныя и прямо противоположныя силы дѣйствія и противодѣйствія; но ни одна изъ этихъ силъ не можетъ быть названа центробѣжною, ибо обѣ силы будутъ направлены къ центру, и будутъ центростремительными для тѣлъ, къ которымъ они прилагаются.

Второй примѣръ. Центростремительная сила можетъ быть результатомъ дѣйствія на вращающееся тѣло нѣсколькихъ другихъ тѣлъ. Въ такомъ случаѣ мы найдемъ не противодѣйствіе одной центростремительной силѣ, но противодѣйствія ея составляющимъ, которыхъ будетъ столько, сколько есть дѣйствующихъ тѣлъ; ни одно изъ этихъ найденныхъ противодѣйствій конечно не можетъ считаться центробѣжной силою; складываться же въ одну силу, понятно, они не могутъ, ибо приложены къ разнымъ тѣламъ.

Третій примѣръ. Данная центростремительная сила можетъ представлять собою только одну изъ составляющихъ силы, обусловленной однимъ существующимъ источникомъ. Такъ, центростремительная сила, обуславливающая вращеніе тѣлъ при земной поверхности около земной оси, есть только часть земнаго притяженія, дѣйствующаго на упомянутыя тѣла. Земное притяженіе направлено къ земному центру; его-же слагающая, играющая роль центростремительной силы, направлена перпендикулярно къ оси вращенія и вообще не совпадаетъ съ радіусомъ земнаго шара. Точно также, при круговомъ движеніи конического маятника или центробѣжнаго регулятора, роль центростремительной силы играетъ только одна изъ слагающихъ силы вѣса маятника, направленная горизонтально, причемъ другая слагающая направляется вдоль $\bullet o$ связямъ, удерживающимъ маятникъ при точкѣ привѣса и уравнивающимъ эту слагающую. Если такимъ образомъ данное тѣло находится подъ дѣйствіемъ другаго, и только часть этого дѣйствія играетъ роль центростремительной силы, то мы, отыскавъ противодѣйствіе всему дѣйствію, не найдемъ конечно противодѣйствія для каждой изъ воображаемыхъ слагающихъ; и, слѣдовательно, не найдемъ центробѣжной силы абсолютнаго движенія. Такъ, возвращаясь опять къ тѣлу при земной поверхности, мы найдемъ противодѣйствіе притяженію земнаго тѣла въ притяженіи земли тѣломъ; опредѣленная составляющая дѣйствія можетъ быть отмѣчена, какъ центростремительная сила; но ни одна изъ всевозможныхъ составляющихъ противодѣйствія (приложеннаго къ центру земли) не будетъ подходить подъ понятіе о центробѣжной силѣ.

Фиктивная центробѣжная сила относительнаго движенія есть та, которую нужно вообразить себѣ приложенною ко всякому изъ тѣлъ, имѣющихъ вращеніе около общей оси, если потребуется, чтобы упомянутыя тѣла, по прекращеніи общаго ихъ вращенія, сохранили-бы то-же самое относительное движеніе или равновѣсіе, какъ и во время вращенія. Фиктивная центробѣжная сила можетъ быть розыскана при всякомъ криволинейномъ движеніи. Такъ, въ случаѣ вращающагося на веревкѣ камня, центробѣжною силою, въ указанномъ смыслѣ, будетъ та, которую нужно приложить къ камню, чтобы веревка была натянута безъ вращенія также,

какъ при вращеніи. Въ случаѣ тѣла при земной поверхности упомянутая центробѣжная сила будетъ та, которую нужно-бы было приложить къ тѣлу для того, чтобы оно подѣ дѣйствіемъ данныхъ силъ двигалось на покоящейся землѣ также, какъ на вращающейся. Если данъ вопросъ: какъ будетъ двигаться относительно земли подѣ дѣйствіемъ земнаго притяженія тѣло, вращающееся вмѣстѣ съ землею, то мы можемъ рѣшить этотъ вопросъ, вообразивъ себѣ землю и тѣло лишенными вращенія, причемъ къ тѣлу должна быть приложена соотвѣтствующая центробѣжная сила. Если два тѣла, подѣ дѣйствіемъ взаимнаго притяженія, вращаются около ихъ общаго центра инерціи, то ихъ относительное движеніе, т. е. измѣненіе ихъ взаимнаго разстоянія, можетъ быть сохранено такимъ-же безъ вращенія, какимъ оно было при вращеніи, когда къ каждому изъ тѣлъ будетъ приложена соотвѣтствующая центробѣжная сила. Изъ вышеприведенныхъ объясненій можно заключить, насколько безсодержательно и даже лишено смысла ходячее утвержденіе, что вѣсь тѣла уменьшается по мѣрѣ приближенія къ экватору вслѣдствіе центробѣжной силы, или что два тѣла, вращающіяся другъ около друга подѣ дѣйствіемъ взаимнаго притяженія, стремятся, вслѣдствіи той-же центробѣжной силы, удалиться одно отъ другаго.

Понятіе о центробѣжной силѣ принадлежитъ къ числу второстепенныхъ, и механической смыслъ явленій, такъ или иначе находящихся въ связи съ упомянутымъ понятіемъ, можетъ быть уясненъ помимо представленія о центробѣжной силѣ. Пояснимъ вышесказанное на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Примѣръ первый. Обратимся къ измѣненію вѣса тѣлъ отъ вращенія земли около оси. Представляя себѣ землю въ видѣ шара, мы заключаемъ, что она должна одинаково притягивать данное тѣло, гдѣ-бы оно ни было помѣщено при ея поверхности. Только небольшое, сравнительно, отступленіе формы земли отъ шаровой должно обусловливать нѣкоторую разницу упомянутой величины притяженія на разныхъ мѣстахъ земной поверхности. Упомянутая сила земнаго притяженія проявляется для насъ въ видѣ двухъ своихъ составляющихъ: непосредственно наблюдаемой силы вѣса, обусловливающей свободное паденіе тѣлъ, и въ видѣ ускользящей отъ нашихъ непосредственныхъ наблюденій центростремительной силы, удерживающей тѣло на описываемомъ имъ около земной оси кругѣ. Геометрическая сумма обѣихъ вышеупомянутыхъ силъ равна силѣ земнаго притяженія, которое должно для разныхъ мѣстъ на землѣ приблизительно оставаться однимъ и тѣмъ-же. Такъ какъ центростремительная сила должна съ приближеніемъ къ экватору увеличиваться, то другая составляющая, вѣсь тѣла, должна понятно уменьшаться.

Примѣръ второй. Твердый шаръ надѣтъ на прямой стержень, вращающійся около перпендикулярной къ нему оси; шаръ скользитъ по стержню безъ тренія. Съ одной стороны мы скажемъ, что движеніе шара по стержню будетъ такое-же, какъ если-бы стержень не вращался, а къ шару была приложена центробѣжная сила. Съ другой стороны мы можемъ объяснить, что вращеніемъ стержня шару сообщается въ каждый моментъ времени скорость по касательной; если-бы стержень оставался неподвижнымъ, то всякая скорость, сообщенная подвижному на стержнѣ шару, перпендикулярно къ стержню, уничтожалась-бы сопротивленіемъ этого послѣдняго; но такъ какъ стержень движется, то скорость, сообщенная шару въ данный моментъ, не будетъ уже для послѣдующаго момента перпендикулярна къ стержню и часть ея будетъ направлена вдоль по оному, вслѣдствіи чего и произойдетъ скольженіе шара. Нужно еще прибавить, что каждая скорость сообщается стержнемъ шару не моментально, но въ теченіи нѣкотораго, какъ угодно малаго, промежутка времени, за который стержень успѣетъ уже измѣнить свое положеніе въ пространствѣ.

Примѣръ третій. Коническій маятникъ. Какъ въ случаѣ предыдущаго примѣра, маятникъ, вслѣдствіи сообщенной ему вращеніемъ скорости, отходитъ отъ оси вращенія до тѣхъ поръ, пока все увеличивающаяся при этомъ горизонтальная слагающая вѣса маятника не достигнетъ до величины центробѣжной силы, потребной для удержанія точекъ маятника на соотвѣтствующихъ кругахъ.

Примѣръ четвертый. Человѣкъ, который сидитъ въ экипажѣ, заворачиваемомъ по кругу, наклоняется внутрь круга не для того, чтобы противодѣйствовать не существующей центробѣжной силѣ, а для того, чтобы вызвать себѣ на помощь дѣйствіе своего вѣса, горизонтальная составляющая котораго будетъ въ данномъ случаѣ играть роль центробѣжной силы. Здѣсь человѣкъ дѣлаетъ тоже самое, что и въ томъ случаѣ, когда онъ наклоняется, желая увеличить тягу веревки, за которую онъ тащитъ нагруженную повозку. Если-бы мы къ данному случаю желали примѣнить понятіе о центробѣжной силѣ, то сказали-бы, что образъ дѣйствія человѣка, сидящаго на заворачиваемой по кругу повозкѣ и желающаго на ней удержаться, будетъ тотъ-же самый, какъ въ случаѣ, если-бы повозка стояла на мѣстѣ, а на человѣка дѣйствовала-бы центробѣжная сила, для уравновѣшиванія которой онъ и долженъ-бы былъ наклониться въ противоположную сторону, т. е. внутрь круга.

Къ протоколу 2-ю засѣд.

ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСКОМЪ ПОТЕНЦІАЛЪ.

А. Л. Королькова.

Понятіе о потенціалѣ, прочно укоренившееся уже въ наукѣ, оказалось настолько простымъ и полезнымъ въ ученіи объ электричествѣ, что оно легко привилось и вошло въ терминологию практиковъ-электротехниковъ. Достоинства этого термина заключаются: 1) въ простотѣ вычисленій съ нимъ (напряженность многихъ электрическихъ явленій находится въ прямой или обратной пропорціональности съ потенціаломъ), 2) въ легкой усвояемости этого понятія, ибо существуетъ довольно полная аналогія между этимъ терминомъ, температурою и гидростатическимъ давленіемъ, а знакомство съ послѣдними терминами получается каждымъ изъ насъ изъ обыкновеннаго опыта даже помимо спеціальнаго изученія.

Если понятіе о потенціалѣ оказалось полезнымъ и доступнымъ для полуграмотныхъ мастеровъ, то само собою разумѣется, что оно окажется доступнымъ и полезнымъ и въ средне-учебномъ заведеніи при преподаваніи физики, такъ какъ оно позволитъ выяснитъ смутныя доселѣ опредѣленія понятій объ электровозбудительной силѣ, напряженности электричества, емкости проводниковъ и т. п. Введеніе этого понятія позволитъ также сократить объемъ курсовъ, такъ какъ вмѣсто прежнихъ многорѣчивыхъ, но мало убѣдительныхъ *объясненій*, дастъ въ руки учителя точную, краткую и убѣдительную аргументацію, основанія которой будутъ видны каждому: съ одной стороны ученикъ не будетъ принимать на вѣру доказательства (можно вѣрить не только въ извѣстныя положенія, но и въ самыя доказательства), а съ другой стороны онъ не будетъ преувеличивать и значеніе выводовъ, ибо пойметъ, что въ основаніи ихъ лежитъ не безусловная истина, а наблюденные болѣе или менѣе правильно факты, и болѣе или менѣе удобныя, но далеко не необходимыя, условныя соглашенія о способѣ обозначенія и измѣренія ихъ.

Понятіе о потенціалѣ введено во всѣхъ новыхъ начальныхъ учебникахъ физики (Любимовъ, Ковалевскій, Пауре, Тодгентеръ и пр.). Но при этомъ, какъ мнѣ кажется, выбранъ не совсѣмъ правильный путь. Во всѣхъ этихъ квивахъ начинаютъ съ математическаго опредѣленія потенціала и затѣмъ математическимъ разсужденіямъ придаютъ физическое толкованіе; этотъ аналитическій пріемъ безукоризненъ, когда ученикъ не затрудняется въ математическомъ анализѣ; въ противномъ же случаѣ физическій смыслъ

складывается математическими трудностями: учение невольно обращает вниманіе на тѣ мѣста, которыя ему труднѣе даются; кромѣ того элементарный математическій анализъ не даетъ вполне точныхъ выводовъ. Поэтому я пытаюсь подступить къ дѣлу съ другой стороны; я сразу выставлю на видъ физическій смыслъ потенциала. Не мнѣ судить о томъ, насколько это удалось мнѣ.

§ 1. *Опредѣленіе понятія о потенциаль.*

Если два тѣла, изъ которыхъ хотя одно наэлектризовано, соединить помощью тонкой проволоки, то зарядъ одного изъ тѣлъ вообще увеличится, а другаго уменьшится. Установимъ слѣдующую терминологию этого факта: про то тѣло, положительный зарядъ котораго уменьшается, будемъ говорить, что оно имѣло до соединенія *высшій потенциалъ*; а про другое тѣло, увеличивающее свой положительный зарядъ, условимся говорить, что оно имѣло *низшій потенциалъ*; тѣла, заряды которыхъ при сообщеніи ихъ проволокою не мѣняются, имѣютъ *равные потенциалы*.

Изъ этихъ соглашеній слѣдуетъ, что *потенциаль тѣла относительно другаго тѣла есть величина, характеризующая способность перваго отдавать свой положительный зарядъ второму.*

Такъ какъ отрицательный зарядъ уничтожаетъ равный ему по величинѣ положительный зарядъ, то увеличеніе отрицательнаго заряда можно условно разсматривать, какъ потерю такого же по величинѣ положительнаго заряда; съ этой точки зрѣнія мы должны приписать высшій потенциалъ также и тому изъ двухъ тѣлъ, отрицательный зарядъ котораго увеличивается при соединеніи тѣлъ проволокою; уменьшеніе отрицательнаго заряда въ этомъ случаѣ укажетъ намъ на низшій потенциалъ.

§ 2. *Потенциаль тѣлъ зависитъ отъ положенія ихъ относительно друга друга.*

Чтобы убѣдиться въ зависимости потенциала тѣлъ отъ относительнаго ихъ положенія, соединимъ проволокою два наэлектризованныхъ тѣла А и В, объ измѣреніи зарядовъ которыхъ мы будемъ судить по отклоненію прикрѣпленныхъ къ тѣламъ бузиновыхъ маятниковъ. Послѣ соединенія тѣлъ проволокою потенциалы ихъ относительно друга друга сравниваются и маятники примутъ опредѣленное положеніе. Отнявъ соединительную проволоку, сблизимъ теперь шары и затѣмъ вновь соединимъ ихъ проволокою; тогда замѣтимъ, что зарядъ одного шара увеличится насчетъ заряда другаго; значитъ, при новомъ положеніи заряды тѣлъ перестали быть равны-

ми, т.-е. потенциалы тѣлъ относительно другъ друга, вообще говоря, мѣняются съ измененіемъ положенія тѣлъ, хотя бы заряды тѣлъ и оставались при этомъ безъ измѣненія.

§ 3. Потенціалъ наэлектризованнаго тѣла относительно другихъ тѣлъ увеличивается съ его зарядомъ.

Соединимъ проволокою два наэлектризованныхъ тѣла А и В; зарядъ одного изъ нихъ станетъ увеличиваться, а другаго уменьшаться до тѣхъ поръ, пока потенциалы ихъ не сравняются. Увеличимъ зарядъ А, соединивъ тѣло съ электрическою машиною, тогда и потенциалъ тѣла А относительно В увеличится, что обнаружится при соединеніи А и В проволокою въ томъ, что зарядъ В увеличится насчетъ заряда А.

§ 4. Потенціалъ двухъ наэлектризованныхъ тѣлъ относительно другъ друга зависитъ отъ присутствія постороннихъ тѣлъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ два наэлектризованныхъ до равныхъ потенциаловъ тѣла А и В; равенство ихъ потенциаловъ выразится въ томъ, что при соединеніи тѣлъ проволокою заряды ихъ не измѣняются. Поднесемъ къ тѣлу А третье тѣло С, нейтральное или какъ либо наэлектризованное. Тогда замѣтимъ, что зарядъ одного изъ тѣлъ А или В станетъ увеличиваться насчетъ другаго, т.-е. равенство потенциаловъ нарушится.

§ 5. Потенціалъ наэлектризованнаго тѣла А относительно другаго тѣла В уменьшается, если вблизи А находится третье тѣло С, имѣющее зарядъ другаго знака, чѣмъ А.

Пусть тѣла А и В имѣютъ равные потенциалы, и тѣло А заряжено, наприкладъ, положительнымъ электричествомъ. Поднесемъ къ тѣлу А возможно ближе (но не до соприкосновенія) третье тѣло С, наэлектризованное отрицательно. Тогда замѣтимъ, что при соединеніи А и В проволокою, зарядъ А увеличится насчетъ заряда В, что, по опредѣленію понятія о потенциалѣ, означаетъ, что потенциалъ А относительно В уменьшился.

Изъ ученія объ электризаціи черезъ вліяніе извѣстно, что нейтральное тѣло С, находящееся въ сообщеніи съ землею, пріобрѣтаетъ вблизи положительно заряженнаго тѣла А отрицательный зарядъ. Поэтому присутствіе тѣла С, соединеннаго съ землею, понижаетъ потенциалъ сосѣднато съ нимъ наэлектризованнаго тѣла А относительно третьяго тѣла В.

§ 6. Соотношеніе между потенціалами трехъ тѣлъ.

Если потенціалы тѣлъ А и В равны порознь потенціалу третьяго тѣла С, то потенціалы А и В равны между собою.

Если потенціалъ тѣла А больше потенціала В, а послѣдній больше потенціала С, то потенціалъ А больше потенціала С.

Если потенціалы тѣлъ А и В равны между собою, а потенціалъ тѣла С больше потенціала А, то потенціалъ С больше и потенціала В.

Во всѣхъ этихъ положеніяхъ легко убѣдиться самою простою повѣркою, вспомнивъ, что мы условились понимать подъ равными, большими и меньшими потенціалами.

Не слѣдуетъ смѣшивать понятіе о зарядѣ и потенціалѣ; вообще говоря, равенство потенціаловъ не требуетъ равенства зарядовъ; мы уже видѣли, что при однихъ и тѣхъ же зарядахъ потенціалы тѣлъ относительно другъ друга могутъ измѣняться съ измѣненіемъ положенія ихъ или же отъ появленія постороннихъ тѣлъ. Два наэлектризованныхъ до одинаковаго потенціала шара различныхъ радіусовъ имѣютъ различные заряды: больший шаръ несетъ и больший зарядъ. Наэлектризовавъ два шара различныхъ радіусовъ одинаковыми зарядами, увидимъ, что меньшій шаръ будетъ имѣть большій потенціалъ.

§ 7. Начало Томсона.

Если два тѣла съ зарядами Е и Е₁ имѣютъ равные потенціалы, то, при увеличеніи заряда одного изъ тѣлъ во сколько нибудь разъ, для сохраненія равенства потенціаловъ необходимо и достаточно во столько же разъ увеличить зарядъ и другою тѣла.

Для повѣрки этого положенія уравняемъ потенціалы двухъ наэлектризованныхъ тѣлъ, соединивъ ихъ проволокою, и измѣримъ ихъ заряды Q и Q₁. Затѣмъ измѣнимъ какъ либо заряды обонхъ тѣлъ и вновь уравняемъ ихъ потенціалы, соединивъ ихъ проволокою; измѣряемъ новые заряды q и q₁; омажется, что заряды обонхъ тѣлъ измѣнились въ одно и то же число разъ, т.-е.

$$\frac{Q}{Q_1} = \frac{q}{q_1}.$$

Части одного и того же проводника, очевидно, обладаютъ одинаковымъ потенціаломъ, ибо заряды всѣхъ частей тѣла не измѣняются одни на счетъ другихъ. Поэтому съ уменьшеніемъ заряда одной какой либо части тѣла во сколько нибудь разъ, заряды всѣхъ другихъ частей должны

измѣняться во столько же разъ; иначе говоря, *при измѣненіи заряда плотность электричества на всѣхъ частяхъ наэлектризованнаго тѣла измѣняется въ одноиъ и томъ же отношеніи.*

Пользуюсь случаемъ, чтобы еще разъ указать на различіе понятій о потенциалѣ и зарядѣ: потенциалъ тѣлъ внутри и на поверхности одинъ и тотъ же, хотя внутри проводника совсѣмъ не находится заряда, который весь расположенъ на поверхности.

§ 8. О выраженіи потенциаловъ числами.

Предыдущихъ условій (что называть равнымъ, большимъ, меньшимъ потенциаломъ) недостаточно для выраженія потенциаловъ числами; необходимо условиться еще въ томъ, 1) какой потенциалъ обозначать нулемъ, 2) что называть равными разностями потенциаловъ и 3) какую разность потенциаловъ принять за единицу.

Нулемъ всего удобнѣе обозначать потенциалъ земли, ибо тогда нулевой зарядъ отдѣльнаго тѣла укажетъ намъ и на нулевой потенциалъ. Такъ какъ всякое обособленное тѣло, наэлектризованное положительно, теряетъ свой зарядъ при сообщеніи съ землею, то потенциалъ всѣхъ такихъ тѣлъ положителенъ; точно также и отрицательно наэлектризованное обособленное тѣло при сообщеніи съ землею теряетъ свой зарядъ, но потеря отрицательнаго заряда можетъ быть разсматриваема, какъ происходящая отъ притока къ нему положительнаго заряда, а потому потенциалъ всякаго обособленнаго отрицательно наэлектризованнаго тѣла будетъ меньше нуля, т. е. отрицателенъ.

Потенциалъ обособленнаго шара съ радиусомъ въ 1 ст., обладающаго зарядомъ, равнымъ единицѣ электричества, относительно земли назовемъ *единицею потенциала*. Такимъ образомъ, обособленный шарообразный проводникъ, радиуса въ 1 ст., будетъ служить намъ нормальнымъ тѣломъ, при помощи котораго измѣряются потенциалы другихъ тѣлъ.

Условимся вообще потенциалъ относительно земли этого нормальнаго обособленнаго шара ($R = 1$ ст.) обозначать числомъ единичныхъ зарядовъ электричества, находящихся на этомъ тѣлѣ.

Теперь уже мы имѣемъ возможность выразить числомъ потенциалъ всякаго тѣла относительно земли. Для этого помѣстимъ на нѣкоторомъ, по возможности значительномъ, разстояніи отъ даннаго тѣла проводящій шаръ радиуса въ 1 ст.; значительное разстояніе необходимо для того, чтобы шаръ и тѣло не оказывали замѣтнаго вліянія на потенциалы другъ друга. Затѣмъ сообщимъ шару такой зарядъ, чтобы, при соединеніи обоихъ шаровъ тонкою проволокою (на столько тонкою, чтобы она не могла замѣтно измѣ-

нытъ потенціалы тѣлъ), заряды ихъ не измѣнялись. Тогда, по опредѣленію помятаго о потенціалѣ, потенціалы ихъ равны, а такъ какъ одно-сантиметровый шаръ можно считать обособленнымъ, то потенціалъ его, а значитъ и даннаго тѣла, выразится числомъ единицъ электричества, находящагося на шарѣ. На практикѣ, если данное тѣло очень велико, сравнительно съ 1 ст. шаромъ, то послѣдній можно не заряжать предварительно, а прямо сообщить съ тѣломъ проволокою, полагая, что при этомъ зарядъ тѣла измѣнится весьма мало.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ увеличеніемъ потенціала тѣла во скольконибудь разъ, во столько же разъ долженъ увеличиться и зарядъ его, ибо это имѣетъ мѣсто, по условію, для 1 ст. шарика, а мы видѣли уже, что во всѣхъ проводникахъ, сохраняющихъ равенство потенціаловъ, зарядъ долженъ возрастать въ одномъ и томъ же отношеніи, т.-е. при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ *потенціалъ всякаго тѣла пропорціоналенъ его заряду.*

Потенціалъ двухъ какихъ либо проводниковъ относительно другъ друга условимся измѣрять разностью потенціаловъ этихъ тѣлъ относительно земли; при этомъ по причинѣ фактовъ, изложенныхъ въ § 6, не придемъ въ противорѣчіе съ опредѣленіемъ § 1. Обращаю вниманіе на полную аналогію въ изложеніи явленій электрическихъ и тепловыхъ, описанныхъ мною въ третьей моей статьѣ въ Пед. Сб.

Вышеописанный способъ выраженія потенціаловъ числами совершенно условенъ, и ничто не препятствуетъ намъ сдѣлать иныя соглашенія, но при избранныхъ нами соглашеніяхъ нѣкоторыя вычисленія, какъ будетъ показано ниже, значительно упрощаются.

§ 9. *Емкость проводниковъ.*

Два проводника, достаточно удаленные одинъ отъ другаго, чтобы не оказывать взаимно вліянія на потенціалы, при соединеніи этихъ тѣлъ тонкою проволокою, получаютъ, какъ уже не разъ было говорено, равные потенціалы; но заряды ихъ будутъ, вообще говоря, различны. Условимся различіе зарядовъ на проводникахъ, имѣющихъ равные потенціалы, называть различіемъ ихъ *электрическихъ емкостей.* Емкость обособленнаго шара въ 1 ст. радиусомъ, обладающаго зарядомъ въ единицу электричества, будемъ называть *единицею емкости;* припомнимъ, что потенціалъ такого шара, по условію, есть также *единица* потенціаловъ. Емкость всякаго тѣла условимся обозначать числомъ единицъ электричества, которыя необходимы, чтобы зарядить тѣло до потенціала, равнаго единицѣ.

Пусть потенциалъ обособленнаго ¹⁾ тѣла есть P , зарядъ его Q и емкость C . Какъ было уже сказано, потенциалъ проводника пропорціоналенъ его заряду; при потенциалѣ, равномъ единицѣ, зарядъ тѣла есть C (опредѣленіе емкости), а при потенциалѣ P зарядъ долженъ быть въ P разъ болѣе, т. е.

$$Q = CP.$$

Емкость проводника зависитъ прежде всего отъ размѣровъ и формы проводника; такъ, опыты показываютъ, что емкость обособленнаго шара пропорціональна радіусу его.

§ 10. Конденсаторъ.

Кромѣ того, емкость всякаго тѣла зависитъ отъ сосѣднихъ тѣлъ; она увеличивается, если вблизи находится тѣло, наэлектризованное положительно. Чтобы пояснить это, представимъ себѣ проводникъ A , соединенный съ кондукторомъ электрической машины, имѣющей постоянный потенциалъ P . Зарядъ A будетъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока потенциалы тѣла и кондуктора не сравняются; если емкость въ этомъ случаѣ обозначимъ черезъ C , а зарядъ черезъ Q , то

$$Q = CP.$$

Приблизимъ теперь къ A противоположно наэлектризованное тѣло; тогда, какъ было уже показано, потенциалъ A уменьшится, и зарядъ тѣла A вновь станетъ увеличиваться на счетъ заряда кондуктора машины до тѣхъ поръ, пока потенциалъ тѣла не сравняется съ потенциаломъ P кондуктора; новый большій зарядъ обозначимъ черезъ Q_1 , емкость черезъ C_1 ; тогда

$$Q_1 = C_1 P.$$

Такъ какъ $Q_1 > Q$, то и $C_1 > C$, т. е. емкость проводника отъ близости противоположно наэлектризованнаго тѣла увеличивается.

Этимъ фактомъ пользуются въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ отъ кондуктора, имѣющаго постоянный потенциалъ P , сообщить возможно большій

---

¹⁾ Во избѣжаніе двусмысленности я употребляю слово *обособленный* для того, чтобы показать, что по близости тѣла нѣтъ другихъ тѣлъ: *единеннымъ* или *изолированнымъ* я называю тѣло, отдѣленное отъ сосѣднихъ тѣлъ непроводникомъ.

зарядъ тѣлу; приборъ, служащій для этой цѣли, называется *конденсаторомъ*. Въ простѣйшемъ видѣ конденсаторъ состоитъ изъ двухъ металлическихъ (оловянныхъ) листовъ, изолированныхъ одинъ отъ другаго тонкимъ слоемъ непроводника; воздухомъ, стекломъ, смолою и т. п. Одинъ изъ листовъ сообщенъ съ источникомъ электричества, а другой—съ землею; емкость такого конденсатора значительно больше, чѣмъ уединеннаго листа, ибо вблизи листа, соединеннаго съ машиною, находится другой листъ, наэлектризованный черезъ вліяніе отрицательно.

§ 11. *Индуктивная способность проводниковъ.*

Устраивая конденсаторы, отличающіеся только непроводникомъ, раздѣляющимъ металлическіе листы, и сходные въ остальномъ, можно замѣтить, что емкости конденсаторовъ будутъ различны; *отношеніе емкости конденсатора въ томъ случаѣ, когда изолирующій слой сдѣланъ изъ испытуемаго вещества, къ емкости того же конденсатора, если въ немъ изолирующее вещество есть сухой воздухъ*, называется индуктивною способностью даннаго вещества; такъ, напримѣръ, индуктивная способность воздуха есть 1, парафина 2, сѣры 2,6, стекла 3,1 и т. д.

§ 12. *Электрическое поле. Потенціалъ въ данной точкѣ поля.*

Вся среда, окружающая наэлектризованное тѣло, обладаетъ нѣкоторыми особыми свойствами (въ ней дѣйствуютъ силы, заставляющія тѣло двигаться по опредѣленнымъ направленіямъ); поэтому совершенно умѣстно дать ей особое названіе *электрическаго поля*.

Всякое тѣло, даже ненаэлектризованное, получаетъ въ этомъ полѣ нѣкоторый потенціалъ; вообще говоря, отличный отъ нуля. Пусть, напримѣръ, данное тѣло *A* наэлектризовано положительно, всякое другое тѣло, находящееся въ электрическомъ полѣ тѣла *A*, пріобрѣтаетъ, при соединеніи съ землею, какъ извѣстно уже, отрицательный зарядъ, что равносильно отдачѣ землѣ такого же положительнаго заряда, т.-е. потенціалъ его до соединенія былъ выше потенціала земли. Потенціалъ весьма малаго шарика, центръ котораго находится въ данной точкѣ, назовемъ *потенціаломъ въ данной точкѣ электрическаго поля*.

Въ данной точкѣ можетъ существовать только одно значеніе для потенціала точки, такъ какъ иначе можно было бы представить себѣ такой случай, что зарядъ даннаго тѣла долженъ одновременно и увеличиваться и уменьшаться насчетъ заряда другаго тѣла.

§ 13. *Начало наложенія электрическихъ дѣйствій.*

Если въ электрическомъ полѣ находится нѣсколько наэлектризованныхъ тѣлъ, то во всякой точкѣ поля потенциалъ равенъ суммѣ тѣхъ потенциаловъ, которые получились бы, если бы тѣла получали свои заряды порознь, а остальные тѣла были бы сообщены при этомъ съ землею.

Положимъ, что въ полѣ находится нѣсколько наэлектризованныхъ тѣлъ, 1-е, 2-е, 3-е, и т. д.; заряды ихъ пусть будутъ a_1, a_2, a_3 и т. д. Если бы всѣ тѣла, кромѣ перваго, имѣющаго зарядъ a_1 , были сообщены съ землею: то потенциалъ какой либо точки поля O былъ бы, положимъ p_1 ; если же наэлектризовано было бы только второе тѣло, зарядомъ a_2 , а остальные сообщены съ землею, то потенциалъ въ точкѣ O былъ бы p_2 ; въ случаѣ заряда a_3 на третьемъ тѣлѣ, при сообщеніи остальныхъ тѣлъ съ землею, потенциалъ въ точкѣ O былъ бы p_3 и т. д. Въ томъ же случаѣ, если всѣ тѣла имѣютъ свои заряды a_1, a_2, a_3 и т. д., потенциалъ P точки O будетъ равенъ суммѣ потенциаловъ p_1, p_2, p_3 и т. д., т.-е.

$$P = p_1 + p_2 + p_3 + \dots$$

Это начало не можетъ быть доказано à priori; оно подтверждается опытною повѣркою его самого и всѣхъ его слѣдствій.

§ 14. *Нахожденіе потенциала въ данной точкѣ поля.*

На основаніи вышеизложеннаго начала, легко найти практической способъ для опредѣленія потенциала въ данной точкѣ электрическаго поля. Обозначимъ потенциалъ въ данной точкѣ электрическаго поля положительно наэлектризованнаго тѣла A черезъ p . Внесемъ въ эту точку небольшой шарикъ, электрическая емкость котораго въ случаѣ сообщенія другихъ тѣлъ съ землею есть C . Соединивъ шарикъ съ землею, найдемъ на немъ отрицательный зарядъ— e . Если бы другія тѣла были сообщаемы съ землею, а на шарикѣ находился бы этотъ зарядъ— e , то шарикъ имѣлъ бы нѣкоторый потенциалъ p_1 , причемъ (§ 9).

$$-e = p_1 C.$$

При данныхъ же условіяхъ потенциалъ шарика равенъ суммѣ потенциаловъ p и p_1 (§ 13), но такъ какъ шарикъ соединенъ съ землею, то его потенциалъ будетъ нуль, а потому

$$p + p_1 = 0; p - \frac{e}{C} = 0; p = \frac{e}{C}.$$

Если взять шарикъ радіусомъ въ 1 ст., емкость C котораго есть единица, то

$$p = e.$$

Отсюда видно, что потенциалъ въ данной точкѣ поля выражается тѣмъ же числомъ, что и зарядъ соединеннаго съ землею шарика, радіусомъ въ 1 ст., центръ котораго лежитъ въ этой точкѣ поля.

Къ протоколу 5-го засѣданія.

РЕФЕРАТЪ О СОБЩЕНІИ Н. Н. ШИЛЛЕРА: „СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ.

Согласно съ идеями Фарадея, облеченными Максвеллемъ въ определенную математическую форму и развитыми далѣ Пойнтингомъ, Ивингомъ, Лоджемъ, Гертцемъ, Колачекомъ и другими, электричество разсматривается какъ явленіе, происходящее въ непрерывно наполняющемъ міровое пространство эфирѣ. Эта непрерывная среда, обладающая свойствами несжимаемой жидкости, служитъ, согласно съ гипотезой Томсона, матеріаломъ для образованія того, что мы разумѣемъ подъ матеріей. Упомянутая гипотеза разсматриваетъ матерію, какъ части ээира, обладающія вихревыми движеніями въ видѣ весьма малыхъ замкнутыхъ отдѣльныхъ или сдѣланныхъ въ группы вихревыхъ колець, не разрушимыхъ, обладающихъ, вслѣдствіе своихъ вращеній, упругими свойствами и воздѣйствующихъ другъ на друга черезъ посредство окружающихъ, невихревыхъ, частей ээира. Тотъ же ээиръ, подѣ дѣйствіемъ электровозбудительныхъ силъ, разлагается на двѣ составныя части, скрѣпленные другъ съ другомъ при другихъ условіяхъ въ каждой отдѣльной частицѣ ээира, и представляющія определенное сопротивленіе своему раздѣленію. Упомянутое раздѣленіе ээира обусловливаетъ электрическія явленія и происходитъ аналогично измѣненіямъ, производимымъ въ твердомъ упругомъ тѣлѣ тангенціальными силами. Составныя части ээира суть положительное и отрицательное электричества. Вращенія ээира, происходящія въ каждомъ его отдѣльномъ безконечно маломъ объемѣ такъ, что составныя его части имѣютъ противоположныя вращенія, обусловливаютъ явленія магнитныя и электромагнитныя.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи референтъ имѣлъ цѣлью указать на тѣ стороны электрическихъ явленій, которыя дали поводъ къ постановкѣ упомянутыхъ гипотезъ. Было начато съ изложенія представленія о силѣ электрическаго поля, силовыхъ нитяхъ и эквипотенціальныхъ поверхностяхъ,

электрической плотности и электрическаго напряженія. Затѣмъ былъ изложенъ взглядъ Фарадея, объясняющій взаимодействіе наэлектризованныхъ тѣлъ на основаніи предположенія о натяженіи среды, окружающей заряженные проводники, по направленію силовыхъ нитей, соединенномъ со сдавливаніемъ этой среды по направленіямъ перпендикулярнымъ къ силовымъ нитямъ. Было указано доказательство Максвелла того, что среда, подъ влияніемъ упомянутыхъ натяженій и давленій, останется въ равновѣсіи, и что стремленіе силовыхъ нитей сокращаться и утолщаться имѣеть своимъ слѣдствіемъ наблюдаемыя электрическія притяженія и отталкиванія.

Къ протоколу 6-го засѣданія.

О РАЗСТОЯНІЯХЪ НЕПОДВИЖНЫХЪ ЗВѢЗДЪ.

М. Э. Хандрикова.

Разстоянія въ солнечной системѣ, размѣры планетныхъ и даже кометныхъ орбитъ мы можемъ опредѣлять по наблюденіямъ съ большою точностію; что же касается до разстояній, отдѣляющихъ насъ отъ неподвижныхъ звѣздъ, то о нихъ мы имѣемъ весьма смутныя представленія и должны сознаться, что всѣ попытки опредѣлить эти разстоянія до сихъ поръ не имѣли успѣха.

Для рѣшенія вопроса о параллаксахъ неподвижныхъ звѣздъ въ разное время примѣнялись довольно разнообразныя способы и употреблялись точнѣйшіе астрономическіе приборы, но результаты, которыхъ при всемъ этомъ удалось достигнуть, такъ несогласны между собою, что едва-ли можно приписывать имъ какое нибудь реальное значеніе.

При опредѣленіи параллаксоевъ неподвижныхъ звѣздъ главнымъ образомъ примѣняется такъ называемый способъ Гершеля, по которому для вывода параллакса наблюдаемой звѣзды изучаются ея перемѣщенія въ теченіи годичнаго періода относительно другой звѣзды; при этомъ предполагается, что звѣзда сравненія параллакса не имѣеть и сама отъ этой причины видимаго мѣста на небѣ не измѣняется. Въ виду этого за звѣзду сравненія принимали обыкновенно мелкую звѣзду, близкую къ той, параллаксъ которой изслѣдуется. Но предположеніе, что мелкія звѣзды болѣе удалены отъ насъ чѣмъ яркія, крупныя, едва-ли имѣеть какое нибудь основаніе. Яркость звѣзды можетъ обусловливаться не однимъ только разстояніемъ ея отъ земли, но также и физическими свойствами.

Первую попытку опредѣлить параллаксъ неподвижной звѣзды, попытку, долго считавшуюся за удачную, сдѣлалъ Бессель. Предметомъ своего изслѣдованія онъ избралъ двойную звѣзду шестой величины, находящуюся въ созвѣздіи Лебеда, извѣстную подъ обозначеніемъ 61 Cygni. Свой выборъ Бессель основывалъ на томъ, что эта звѣзда имѣетъ большое собственное движеніе; но это положеніе также едва-ли имѣетъ основаніе. Для опредѣленія параллакса 61 Cygni Бессель сдѣлалъ два ряда микрометрическихъ измѣреній. Въ среднемъ выводѣ онъ считалъ параллаксъ представляющимъ числомъ

$$\pi = 0''.334 \pm 0''.019.$$

Послѣ того Петерсъ повторилъ работу Бесселя и нашелъ результатъ близкій къ предыдущему; онъ нашелъ для параллакса 61 Cygni число

$$\pi = 0''.360 \pm 0''.015$$

Такимъ образомъ двумя наиболѣ заслуживающими довѣрія наблюдателями получены результаты, которые можно считать между собою согласными, и казалось бы, что параллаксъ 61 Cygni послѣ этихъ работъ слѣдуетъ считать извѣстнымъ. Но позднѣйшія опредѣленія противорѣчатъ этому и едва-ли позволяютъ сдѣлать сказанное заключеніе. Въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія опредѣленіе параллакса 61 Cygni было снова предпринято О. Струве и Ауверсомъ. Оба эти наблюдателя получили результаты согласные между собою, но по ихъ опредѣленіямъ параллаксъ 61 Cygni почти вдвое болѣе того, который нашли Бессель и Петерсъ. По опредѣленію О. Струве

$$\pi = 0''.506 \pm 0''.028;$$

по опредѣленію Ауверса

$$\pi = 0''.564 \pm 0.016.$$

Мы не имѣемъ основанія отдать предпочтеніе послѣднимъ опредѣленіямъ передъ величинами, найденными Бесселемъ и Петерсомъ, и потому должны принять, что параллаксъ звѣзды 61 Cygni пока не представляетъ для насъ чего либо опредѣленнаго.

Не менѣ примѣчательно изслѣдованіе параллакса наиболѣ яркой звѣзды южнаго неба, звѣзды α Centauri. Первоначально параллаксъ этой звѣзды былъ опредѣленъ Гендерсеномъ и найденъ равнымъ $0''.91$. Казалось бы, что такая величина выходитъ изъ предѣловъ погрѣшностей наблюденій и потому уже заслуживаетъ довѣрія. Во второй разъ тотъ же парал-

лаксъ былъ опредѣленъ Мэклиромъ (Maclear), который представилъ его числомъ

$$\pi = 0''.919 \pm 0''.034$$

Позже (въ шестидесятыхъ годахъ) тоже опредѣленіе было произведено астрономомъ Moesta въ Рио-Жанейро; имъ найдена величина довольно близкая къ предыдущимъ, именно $\pi = 0''.882 \pm 0''.068$. Однако въ послѣднее время Елькинь показалъ, что параллаксъ α Centauri значительно меньше полученнаго предыдущими наблюдателями, что онъ не превышаетъ полусекунды; такимъ образомъ и о параллаксѣ этой блестящей звѣзды намъ неизвѣстно ничего достовѣрнаго. Елькинь полагаетъ, что теперь мы только можемъ указать предѣлы, въ которыхъ заключается искомый параллаксъ, но не болѣе того.

Неоднократно дѣлались также попытки найти параллаксъ яркой звѣзды α Lугае. Первоначально эту работу выполнилъ В. Струве и нашелъ параллаксъ равнымъ $0''.26$; но по позднѣйшимъ опредѣленіямъ О. Струве и Петерса этотъ параллаксъ вдвое менѣе найденнаго и, какъ замѣчаетъ Эйри, не можетъ быть опредѣленъ при помощи инструментовъ, которыми мы теперь располагаемъ.

Во второй половинѣ текущаго столѣтія были изслѣдованы еще параллаксы нѣсколькихъ другихъ звѣздъ, но и при томъ найденныя величины заслуживаютъ не большаго довѣрія, чѣмъ вышеприведенныя.

Въ Пулковской Обсерваторіи со времени основанія ея была предпринята обширная работа съ цѣлію составленія фундаментальнаго каталога. Прямые восхожденія звѣздъ этого каталога опредѣлялись по наблюденіямъ, производимымъ при помощи большаго пассажнаго инструмента. Значительную часть этой работы выполнилъ А. Ф. Вагнеръ. Сравнивая прямые восхожденія нѣкоторыхъ звѣздъ, выведенныя изъ наблюденій въ верхней и нижней кульминаціи, Вагнеръ нашелъ, что вообще прямые восхожденія, полученныя по нижнимъ кульминаціямъ, больше прямыхъ восхожденій, выведенныхъ изъ наблюденій верхнихъ кульминацій и, что кромѣ того между прямыми восхожденіями, выведенными по тѣмъ и другимъ наблюденіямъ для нѣкоторыхъ звѣздъ, существуетъ постоянная разность. Онъ нашелъ, что эта разность для звѣздъ со склоненіемъ въ $+40^\circ$ достигаетъ величины $0''.043$ и для звѣздъ со склоненіемъ отъ $+40^\circ$ до $+45^\circ$ постоянная разность (если она существуетъ) представляется числомъ $0''.012$. Самъ Вагнеръ не давалъ особаго значенія этимъ числамъ и склоненъ былъ объяснить найденныя разности различнымъ качествомъ изображеній при наблюденіяхъ въ различныхъ зенитныхъ разстояніяхъ; но когда окончательная обработка наблюденій Вагнера была поручена астроному Бѣлопольскому,

то этотъ послѣдній нашелъ, что въ меридіанныхъ наблюденіяхъ, произведенныхъ съ большимъ пулковскимъ пассажнымъ инструментомъ, заключается достаточный матеріалъ для вывода параллаксъ въ некоторыхъ неподвижныхъ звѣздахъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ по большей части звѣзды въ одной кульминаціи наблюдаются на полгода позже, чѣмъ въ другой, то если звѣзда имѣетъ значительный параллаксъ и если коэффициентъ вліянія параллакса на прямое восхожденіе достигаетъ maximum и minimum во времена наблюденій, то изъ опредѣленныхъ прямыхъ восхожденій можетъ быть выведенъ параллаксъ звѣзды; но для этого необходимо, чтобы звѣзда имѣла значительный (т. е. примѣтный) параллаксъ, въ противномъ случаѣ вліяніе параллакса на прямое восхожденіе будетъ заключаться внутри предѣловъ погрѣшностей наблюденій и самый параллаксъ не подлежитъ опредѣленію. Едва-ли можно сомнѣваться, что этотъ случай имѣетъ мѣсто для тѣхъ звѣздъ и наблюденій, которыя разсматриваетъ Г. Бѣлопольскій.

Г. Бѣлопольскій по пулковскимъ прямымъ восхожденіямъ опредѣляетъ параллаксъ Сириуса (α Canis majoris), 61 Cygni, ν Draconis, η Herculis, π Herculis и 10 Ursae majoris. Онъ находитъ для

$$61 \text{ Cygni pr} \dots \pi = 0."50 \pm 0."094$$

$$61 \text{ Cygni sq} \dots \pi = 0."55 \pm 0."091$$

и считаетъ это опредѣленіе согласнымъ съ тѣми, которыя были сдѣланы прежде. Это заключеніе почти вѣрно, если отвергнуть опредѣленія Бесселя и Петерса, т. е. тѣ опредѣленія, которыя заслуживаютъ довѣрія болѣе другихъ.

Для Сириуса Г. Бѣлопольскій по Пулковскимъ наблюденіямъ находитъ

$$\pi = + 0."43 \pm 0."099$$

тогда какъ по непосредственному опредѣленію Гюльдейна этотъ параллаксъ не превышаетъ 0."19, и такимъ образомъ долженъ считаться за величину, заключающуюся внутри предѣловъ погрѣшностей нашихъ наблюденій.

Кромѣ того г. Бѣлопольскій находитъ для π Herculis

$$\pi = + 0."11 \pm 0."06$$

и для 10 Ursae majoris

$$\pi = + 0."20 \pm 0."11.$$

Понятно, что такія величины, въ виду однихъ только большихъ вѣроятныхъ погрѣшностей, не могутъ заслуживать довѣрія и должны считаться за результаты накопившихся погрѣшностей наблюденій.

Опредѣленія параллаксъ неподвижныхъ звѣздъ, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, хотя и не привели къ опредѣленнымъ результатамъ, но имѣли строго научный характеръ; въ выводахъ они не представляли очевидныхъ несообразностей. Но не всегда такъ бываетъ; можно указать работы, предпринятыя съ цѣлю вывода параллаксъ неподвижныхъ звѣздъ, прямо не имѣющія никакого научнаго значенія. Какъ примѣръ такого изслѣдованія мы приведемъ работу московскаго ученаго *Θ. А. Бредихина*.

Г. Бредихинъ, руководствуясь совершенно непонятными соображеніями, предпринялъ въ 1876 году опредѣленіе параллакса туманной звѣзды *H. IV. 37*. Избранный предметъ представляется звѣздой 12 величины, видимой среди планетной туманности. Для опредѣленія параллакса этой звѣзды положенія ея по склоненію сравнивались микрометрически съ близкой къ ней звѣздой 9-ой величины.

Производя сравненія въ теченіи 65 ночей, распределенныхъ по цѣлому году, *г. Бредихинъ* получилъ матеріалъ, обработка котораго привела къ результату, болѣе чѣмъ странному; оказалось, что изслѣдуемая звѣзда имѣетъ отрицательный параллаксъ.—*Г. Бредихинъ* нашелъ

$$\pi = - 0."009 \pm 0."041$$

(См. *Annales de l'obs. de Moscou Vol. II, 2-me livr.*). Такую величину параллакса нельзя признать ни чѣмъ инымъ, кромѣ результата накопившихся ошибокъ наблюденій; тѣмъ не менѣе московскій ученый счелъ полезнымъ украсить этими своими изысканіями страницы анналовъ Московской Обсерваторіи. Но спрашивается, какое научное значеніе имѣетъ подобная работа и что она прибавляетъ къ нашимъ познаніямъ касательно параллаксъ неподвижныхъ звѣздъ.

Соображая все сказанное въ этой замѣткѣ, мы безъ колебанія выскажемъ, что касательно разстояній, на которыхъ находятся отъ насъ неподвижныя звѣзды, въ настоящее время мы не знаемъ ничего опредѣленнаго, и что тѣ звѣзды, которыя по отношенію къ параллаксу до сихъ поръ различными учеными изслѣдовались, едва-ли имѣютъ параллаксъ, достигающій одной секунды дуги, въ противномъ случаѣ при существующихъ средствахъ наблюденій такой параллаксъ могъ бы быть обнаруженъ.

Къ протоколу 8-го засѣданія.

РЕФЕРАТЪ О СООБЩЕНІИ Н. Н. ШИЛЛЕРА: „СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ.“

Прежде всего референтъ напоминаетъ ту часть предыдущаго своего реферата, гдѣ было выяснено, что дѣйствія между наэлектризованными проводниками могутъ быть представлены, какъ результатъ растяженія среды по силовымъ нитямъ и ея сжатія—перпендикулярно къ направленію упомянутыхъ нитей. Реальность процессовъ, происходящихъ въ средѣ, окружающей наэлектризованные проводники, подтверждается вліяніемъ діэлектриковъ на величину потенциала проводниковъ, прямыми опытами Больцмана надъ взаимодействіемъ діэлектриковъ и опытами Керра надъ изменіемъ оптическихъ свойствъ діэлектриковъ въ электрическомъ полѣ. Лоджъ даетъ нижеслѣдующую механическую иллюстрацію для упомянутыхъ свойствъ электрическаго поля. Діэлектрикъ онъ представляетъ упругимъ поздраватымъ тѣломъ, въ полостяхъ котораго заключена жидкость—электричество, которая не можетъ свободно перемѣщаться внутри включающаго ее тѣла; но можетъ растягивать включающія ее клѣточки, передавая это растяженіе отъ одной клѣточки къ другой по направленію силовыхъ нитей. Сплошные каналы и вмѣстилища, внутри описанной губчатой среды, гдѣ жидкость свободно можетъ двигаться и переливаться, будутъ соответствовать электрическимъ проводникамъ. Представимъ себѣ, что жидкость изъ одного подобнаго вмѣстилища или камеры будетъ перекачиваема черезъ каналъ въ другое вмѣстилище; въ такомъ случаѣ жидкость будетъ имѣть стремленіе черезъ посредство окружающей камеру поздраватой среды перейти обратно въ первую камеру, изъ которой она нагнетается во вторую; но окружающая среда не даетъ свободнаго прохода жидкости, а только передаетъ ея давленіе отъ одной своей клѣточки къ другой, обуславливая такимъ образомъ въ самой средѣ извѣстное состояніе упругихъ натяженій. Описанное явленіе въ поздраватой средѣ и ея камерахъ аналогично съ зарядами двухъ проводниковъ противоположными электричествами и съ вызываемыми этими зарядами натяженіями діэлектрической среды. Далѣе референтомъ была демонстрирована знакомая уже членамъ Общества гидравлическая модель лейденской банки, устроенная В. И. Юскевичъ-Красковскимъ по указаніямъ книги Лоджа. Въ дальнѣйшемъ изложеніи референтомъ были въ общихъ чертахъ намѣчены соображенія, имѣющія быть въ послѣдствіи подробнѣе разсмотрѣнными и ведущія къ необходимости представленія о двухъ электричествахъ. Первое обстоятельство, говорящее за принятіе гипотезы о двухъ электричествахъ, есть отсутствіе явленія сохра-

ненія плоскостей вращенія въ случаѣ проводниковъ, обтекаемыхъ электрическимъ токомъ; такое обстоятельство объясняется вполне, если допустить, что токъ представляетъ собою теченіе двухъ разнородныхъ составляющихъ частей эѳира въ противоположныхъ направленіяхъ. Тѣмъ же доуценіемъ существованія двухъ родовъ электричества значительно облегчается объясненіе передачи въ средѣ электро-магнитныхъ дѣйствій. Переходя къ краткому очерку упомянутыхъ объясненій, референтъ прежде всего обратилъ вниманіе на магнитныя взаимодействія, которыя, подобно электрическимъ, объясняются натяженіями среды вдоль магнитныхъ силовыхъ нитей и давленіями перпендикулярно этимъ послѣднимъ. Упомянутыя натяженія могутъ быть объяснены вращеніями, происходящими въ средѣ вокругъ осей силовыхъ нитей, вслѣдствіе чего каждая силовая нить имѣетъ стремленіе укоротиться и расшириться. Вращенія обоихъ электричествъ происходятъ въ противоположномъ другъ другу смыслѣ; при этомъ можно принять, что вращающіяся силовыя нити попеременно состоятъ или изъ положительнаго электричества или изъ отрицательнаго такимъ образомъ, что одна нить производитъ вращеніе въ обратномъ смыслѣ сосѣдней нити, подобно зацѣпляющимся другъ за друга зубчатымъ валикамъ. Иначе можно себя представить, что одна и та же нить состоитъ изъ различныхъ поперечныхъ слоевъ, вращающихся въ разныя стороны, и притомъ такъ, что положительный слой одной нити разворачиваетъ отрицательные слои сосѣднихъ нитей, и наоборотъ. Въ непроводящей средѣ вращеніе одной нити передается другой, такъ сказать, безъ потери, такъ что скорости смежныхъ частей двухъ нитей одинаковы. Въ проводящей средѣ одна нить скользитъ по другой и вращеніе постепенно только проникаетъ въ глубь проводящей среды; при этомъ смежныя части двухъ нитей противоположнаго электрическаго строенія имѣютъ равныя скорости, такъ что положительное и отрицательное электричества перемѣщаются, отставая одно отъ другаго, обуславливая этимъ явленіе тока. Упомянутое скольженіе нитей другъ по другу имѣетъ мѣсто только при началѣ распространенія вращеній, или при ихъ постепенномъ прекращеніи, чѣмъ и объясняется возникновеніе обратныхъ и прямыхъ индуктивныхъ токовъ. Можно вообразить себя такую среду, въ которой вращеніе вовсе не будетъ распространяться. Такая среда будетъ абсолютнымъ проводникомъ электричества, и токи будутъ идти только по ея поверхности. Опыты Герца показали, что при быстрой смѣнѣ направленія индуктивныхъ токовъ обыкновенные проводники приближаются своими качествами къ абсолютнымъ, поглощающимъ достигающее до нихъ вращеніе нитей при самой ихъ поверхности. Энергія поглощаемаго проводниками вращенія превращается въ концѣ концовъ въ теплоту. Пойнтингъ въ первый разъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что электрическая энер-

гія проводника, обтекаемого токомъ, несется не этимъ послѣднимъ, но приходитъ къ разнымъ частямъ проводника по внѣшней непроводящей средѣ и потомъ поглощается упомянутыми частями проводника.

Два параллельные одноименные тока стремятся вращать въ противоположныя стороны нити среды, лежащей между проводниками, что обуславливаетъ уменьшеніе центробѣжной силы упомянутыхъ нитей, имѣющее своимъ слѣдствіемъ приталкиваніе проводниковъ другъ къ другу окружающими нитями. Наоборотъ, два параллельные разноименныя тока, развертывая промежуточные нити въ одномъ и томъ-же смыслѣ, увеличиваютъ ихъ скорость вращенія въ сравненіи со скоростью окружающихъ нитей, вслѣдствіе чего такіе токи должны расталкиваться промежуточными нитями. Подобныя разсужденія приводятъ насъ такимъ образомъ къ объясненію извѣстныхъ пондеромоторныхъ дѣйствій токовъ другъ на друга.

Къ протоколу 9-го засѣданія.

РАВНОВѢСІЕ ТЯЖЕЛЫХЪ ТѢЛЪ И ПРОСТЫЕ МАШИНЫ ВЪ ИЗЛОЖЕНІИ ОБЩЕПРИНЯТЫХЪ УЧЕБНИКАХЪ ФИЗИКИ.

Г. К. Сулова.

Во многихъ учебникахъ физики условія равновѣсія тяжелыхъ тѣлъ излагаются неточно и невѣрно. Какъ примѣръ можно указать такое положеніе: тяжелое тѣло, подпертое въ одной точкѣ, лежащей на одной вертикальной линіи съ центромъ тяжести тѣла, но ниже этого центра, находится въ положеніи равновѣсія неустойчиваго. Здѣсь не указано то необходимое условіе, чтобы точка опоры при неподвижности своей была кромѣ того неизмѣнно связана съ самымъ тѣломъ. Поэтому равновѣсіе тяжелаго сегмента на горизонтальной плоскости является въ глазахъ ученика какъ бы исключеніемъ изъ общаго правила. Если даже оставить въ сторонѣ подобныя недомолвки и ошибки, все таки нельзя обойти молчаніемъ того главнаго недостатка, что обыкновенно указываются условія равновѣсія, пригодныя лишь для *частныхъ* случаевъ, и вовсе не упоминается *общій* признакъ устойчивости равновѣсія тяжелыхъ несвободныхъ тѣлъ, а именно тотъ, что тяжелое тѣло находится въ положеніи устойчиваго равновѣсія, если центръ тяжести его въ этомъ положеніи ниже, чѣмъ во всѣхъ возможныхъ смежныхъ, и что, наоборотъ, если въ разсматриваемомъ положеніи

тѣла центръ тяжести его выше, чѣмъ во всѣхъ смежныхъ, то это положеніе неустойчиво. Частные же признаки устойчивости равновѣсія должны служить лишь иллюстраціями приведеннаго общаго положенія.

Еще проф. Reuleaux въ своей „Theoretische Kinematik“ обратилъ вниманіе на способъ изложенія въ элементарныхъ курсахъ физики теоріи такъ называемыхъ простыхъ машинъ: рычага, наклонной плоскости, винта, блоковъ, и указывалъ даже на неумѣстность ихъ въ физикѣ. Съ послѣднимъ едва-ли можно согласиться: изученіе статьи о простыхъ машинахъ можетъ привести большую услугу учащимся и поможетъ имъ уяснить себѣ основныя механическія понятія, но для такой цѣли при изложеніи этой статьи надо смотрѣть на рычагъ, на тѣло, лежащее на наклонной плоскости и т. п., какъ на примѣры *несвободныхъ* твердыхъ тѣлъ и воспользоваться ими, чтобы осязательно познакомить учащихся какъ съ удерживающими (н. рычагъ), такъ и недерживающими (н. наклонная плоскость) кинематическими связями, съ оказываемыми ими реакціями, а также съ важущимися отступленіями отъ общихъ законовъ сложенія силъ при равновѣсіи ихъ на несвободномъ тѣлѣ. Обыкновенно часть механики, трактующая о несвободномъ тѣлѣ, вполне игнорируется; между тѣмъ, насколько важно изученіе ея, видно, на примѣръ, изъ того, что лишь при помощи ея ученикъ сможетъ себѣ вполне уяснить тотъ парадоксъ, на который онъ наталкивается въ статьѣ о центробѣжной силѣ: невѣсомый камень, привязанный къ нити, конецъ которой удерживается рукою, подъ вліяніемъ первоначальнаго толчка, слѣд. *по инерціи*, совершаетъ движеніе *по окружности*.

Что касается блоковъ и полиспастовъ, то, быть можетъ, въ виду особеннаго принципа примѣняемаго при ихъ объясненіи, было бы основательно помѣстить, изложеніе ихъ послѣ гидростатики, такъ какъ тогда рельефнѣе высказалась бы бьющая въ глаза аналогія между полиспастомъ и гидравлическимъ прессомъ, какъ слѣдствіе аналогіи въ передачѣ давленія съ помощью жидкости и натяженія при помощи нити.

Къ протоколу 10-го засѣданія.

ОБЩЕЕ РѢШЕНІЕ ВЪ ЦѢЛЫХЪ ЧИСЛАХЪ НЕОПРЕДѢЛЕННЫХЪ УРАВНЕНІЙ 1-Й СТЕПЕНИ.

Дм. Ефремова.

I.

1. Пусть требуется найти цѣлыя рѣшенія уравненія 1-й степени

$$ax + by + cz + \dots + kt = u \tag{1}$$

съ n неизвестными $x, y, z, \dots, t$.

Коэффициенты $a, b, c, \dots, k$ при неизвѣстныхъ и извѣстный членъ можно считать за цѣлыя числа, не ограничивая общности задачи. Кромѣ того, чтобы задача была возможна, необходимо допустить, что коэффициенты при неизвѣстныхъ суть числа взаимно простые.

2. Напишемъ еще $n - 1$ уравненій съ тѣми-же неизвѣстными тоже въ 1-й степени:

$$\begin{aligned} \alpha_1 x + \beta_1 y + \gamma_1 z + \dots + \lambda_1 t &= u_1, \\ \alpha_2 x + \beta_2 y + \gamma_2 z + \dots + \lambda_2 t &= u_2, \\ \alpha_3 x + \beta_3 y + \gamma_3 z + \dots + \lambda_3 t &= u_3, \\ &\dots, \\ \alpha_{n-1} x + \beta_{n-1} y + \gamma_{n-1} z + \dots + \lambda_{n-1} t &= u_{n-1}. \end{aligned} \tag{2}$$

Коэффициенты при неизвѣстныхъ и извѣстные члены въ этихъ добавочныхъ уравненіяхъ будемъ считать пока неопредѣленными.

Уравненіе данное (1) и добавочныя (2) составляютъ систему n уравненій съ n неизвѣстными въ 1-й степени. Рѣшивъ эту систему, получимъ

$$x = \frac{\Delta x}{\Delta}, \quad y = \frac{\Delta y}{\Delta}, \quad z = \frac{\Delta z}{\Delta}, \quad \dots, \quad t = \frac{\Delta t}{\Delta}, \tag{3}$$

сла f' , а слѣдовательно и числа ряда (I) имѣли-бы общаго множителя f' , что противно допущенію, если f' по абсолютной величинѣ не равно единицѣ.

Составляя такимъ образомъ послѣдовательные смежные ряды, мы *непрерывно* дойдемъ до такого ряда, въ которомъ наименьшее, не равное нулю, число по абсолютной величинѣ равно единицѣ; поэтому въ слѣдующемъ ряду, *послѣднемъ изъ смежныхъ*, наибольшее число будетъ 1, а всѣ остальные—нули.

Замѣтимъ, что при составленіи послѣдовательныхъ смежныхъ рядовъ остатки можно брать какъ положительныя, такъ и отрицательныя, выбирая изъ нихъ наименьшія по абсолютной величинѣ.

Понятно, что совершая дѣйствія обратныя надъ числами какого-нибудь изъ смежныхъ рядовъ, получимъ числа ряда предшествующаго. Такимъ путемъ, начиная съ послѣдняго изъ смежныхъ рядовъ, перейдемъ послѣдовательно къ предшествующимъ рядамъ и получимъ, наконецъ, данный рядъ (I).

4. Возьмемъ опредѣлитель

$$\begin{vmatrix} 1, 0, 0, \dots\dots 0 \\ 0, 1, 0, \dots\dots 0 \\ 0, 0, 1, \dots\dots 0 \\ \dots\dots\dots \\ 0, 0, 0, \dots\dots 1 \end{vmatrix} = 1.$$

Выполняя послѣдовательно надъ соотвѣтственными членами столбцовъ его тѣ же дѣйствія, какія должно произвести надъ числами послѣдняго изъ смежныхъ рядовъ для перехода къ предшествующимъ рядамъ, мы получимъ рядъ *смежныхъ* опредѣлителей, равныхъ единицѣ, у которыхъ элементы первой строки суть числа соотвѣтственныхъ смежныхъ рядовъ.

Такимъ образомъ всегда можно найти опредѣлитель, равный единицѣ, первая строка котораго отличается отъ даннаго ряда коэффициентовъ

$$a, b, c, \dots\dots\dots k,$$

только мѣстами элементовъ. Изъ такого опредѣлителя, черезъ перемѣщеніе столбцовъ, получимъ опредѣлитель вида (4), равный единицѣ съ знакомъ плюсъ или минусъ; въ послѣднемъ случаѣ достаточно перемѣстить

двѣ какія-нибудь строки его, чтобы величина его сдѣлалась положительной.

Ясно, что всѣ элементы составленнаго такимъ образомъ опредѣлителя суть числа цѣлыя.

5. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что всегда можно найти такія цѣлыя числа $\alpha_1, \beta_1, \gamma_1, \dots, \lambda_1, \alpha_2, \dots, \alpha_{n-1}, \beta_{n-1}, \dots, \lambda_{n-1}$, при которыхъ имѣетъ мѣсто равенство

$$\Delta = 1.$$

При такихъ значеніяхъ коэффициентовъ въ добавочныхъ уравненіяхъ (2) рѣшеніе даннаго уравненія (1) выразится формулами:

$$x = \Delta_x, y = \Delta_y, z = \Delta_z, \dots, t = \Delta_t. \quad (5)$$

Здѣсь опредѣлители, стоящіе въ правыхъ частяхъ, уже не содержатъ никакихъ неопредѣленныхъ величинъ, кромѣ $u_1, u_2, \dots, u_{n-1}$; если условиться, что величины, обозначенныя этими буквами, могутъ имѣть только цѣлыя численныя значенія, то формулами (5) и выразится общее рѣшеніе въ цѣлыхъ числахъ даннаго неопредѣленнаго уравненія (1). Изъ закона составленія этихъ формулъ слѣдуетъ, что *рѣшеніе въ цѣлыхъ числахъ неопредѣленнаго уравненія 1-й степени съ n неизвестными выражается цѣлыми полиномами 1-й степени отъ $n-1$ неопредѣленныхъ величинъ $u_1, u_2, \dots, u_{n-1}$.*

6. Для поясненія теоріи рѣшимъ въ цѣлыхъ числахъ уравненіе

$$15x + 6y + 20z = u,$$

гдѣ u какое-нибудь цѣлое число.

Рядъ коэффициентовъ и смежныя съ нимъ ряды суть:

$$15, 6, 20,$$

$$3, 6, 2,$$

$$1, 0, 2,$$

$$1, 0, 0,$$

Беремъ опредѣлитель

$$\begin{vmatrix} 1, & 0, & 0 \\ 0, & 1, & 0 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = 1;$$

умноживъ элементы 1-го столбца его на 2 и прибавивъ ихъ къ соответственнымъ элементамъ послѣдняго столбца, получимъ

$$\begin{vmatrix} 1, & 0, & 2 \\ 0, & 1, & 0 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = 1.$$

Здѣсь сначала прибавимъ къ элементамъ 1-го столбца соответственные элементы 3-го, а затѣмъ, умноживъ элементы 3-го столбца на 3, прибавимъ ихъ къ соответственнымъ элементамъ 2-го столбца; получится опредѣлитель:

$$\begin{vmatrix} 3, & 6, & 2 \\ 0, & 1, & 0 \\ 1, & 3, & 1 \end{vmatrix} = 1.$$

Умноживъ здѣсь элементы 2-го столбца на 2 и прибавивъ ихъ къ соответственнымъ элементамъ 1-го столбца, а затѣмъ на 3 и прибавивъ ихъ къ соответственнымъ элементамъ 3-го столбца, получимъ опредѣлитель

$$\begin{vmatrix} 15, & 6, & 20 \\ 2, & 1, & 3 \\ 7, & 3, & 10 \end{vmatrix} = 1,$$

элементы 1-й строки суть коэффициенты даннаго уравненія. Упростимъ его, не измѣняя ни его величины, ни элементовъ его 1-й строки. Для этого вычтемъ изъ элементовъ 3-й строки соответственные элементы 2-й строки, умноженные на 3; получимъ:

$$\begin{vmatrix} 15, & 6, & 20 \\ 2, & 1, & 3 \\ 1, & 0, & 1 \end{vmatrix} = 1.$$

Умноживъ здѣсь элементы 3-й строки на 2 и вычтя ихъ изъ соответственныхъ элементовъ 2-й строки, получимъ:

$$\begin{vmatrix} 15, & 6, & 20 \\ 0, & 1, & 1 \\ 1, & 0, & 1 \end{vmatrix} = \Delta = 1.$$

Сравнивая этотъ опредѣлитель съ опредѣлителемъ (4), получаемъ:

$$\alpha_1 = 0, \beta_1 = 1, \gamma_1 = 1,$$

$$\alpha_2 = 1, \beta_2 = 0, \gamma_2 = 1.$$

Рѣшеніе даннаго неопредѣленнаго уравненія приводится, слѣдовательно, къ рѣшенію такой системы уравненій:

$$15x + 6y + 20z = u,$$

$$x + y + z = u_1.$$

$$x + y + z = u.$$

Рѣшивъ эти уравненія, получимъ

$$x = \Delta_x = u - 6u_1 - 14u_2,$$

$$y = \Delta_y = u - 5u_1 - 15u_2,$$

$$z = \Delta_z = -u + 6u_1 + 15u_2,$$

гдѣ u заданное цѣлое число, а u_1 и u_2 могутъ имѣть произвольныя цѣлыя числовыя значенія.

7. Изъ формулъ (5), которыми выражается *общее* рѣшеніе уравненія (1), получаютъ *частныя* рѣшенія того же уравненія, если вмѣсто $u_1, u_2, \dots, u_{n-1}$ подставляютъ опредѣленные цѣлыя числа. Пусть одно изъ частныхъ рѣшеній выражается равенствами

$$x = X, y = Y, z = Z, \dots, t = T.$$

Если въ формулахъ (5) положить $u = 0$, то онѣ выразятъ общее рѣшеніе уравненія

$$ax + by + cz + \dots + kt = 0; \quad (6)$$

положимъ, что одно изъ частныхъ рѣшеній этого уравненія выражается равенствами

$$x = X_0, y = Y_0, z = Z_0, \dots, t = T_0.$$

Посредствомъ подстановки легко убѣдиться, что уравненіе (1) удовлетворяется выраженіями неизвѣстныхъ:

$$x = X + \mu X_0, y = Y + \mu Y_0, z = Z + \mu Z_0, \dots, t = T + \mu T_0, \quad (7)$$

съ $m+n$ неизвѣстными $x, y, z, \dots, t, v, \dots, w$ въ 1-й степени. По прежнему можно предположить, что во всѣхъ этихъ уравненіяхъ коэффициенты при неизвѣстныхъ и извѣстные члены суть цѣлыя числа. Кроме того, для возможности задачи допустимъ, что въ каждомъ уравненіи коэффициенты при неизвѣстныхъ суть числа взаимно простые.

10. Исключивъ изъ данныхъ уравненій (1) m неизвѣстныхъ $v, \dots, w$, получимъ одно уравненіе

$$Ax + By + Cz \dots + Kt = U$$

съ n неизвѣстными $x, y, z, \dots, t$.

Рѣшивъ это уравненіе, какъ указано выше (I), выразимъ неизвѣстныя $x, y, z, \dots, t$ полиномами 1-й степени отъ $n-1$ неопредѣленныхъ величинъ $U_1, U_2, \dots, U_{n-1}$. Чтобы найти выраженія для остальныхъ m неизвѣстныхъ $v, \dots, w$, возьмемъ изъ данной системы (1) m уравненій и подставимъ въ нихъ вмѣсто $x, y, z, \dots, t$ найденныя для нихъ выраженія чрезъ $U_1, U_2, \dots, U_{n-1}$; получимъ систему m *условныхъ* уравненій съ $m+n-1$ неизвѣстными $v, \dots, w, U_1, U_2, \dots, U_{n-1}$.

Такимъ образомъ данная система $m+1$ уравненій съ $m+n$ неизвѣстными приводится къ системѣ m уравненій съ $m+n-1$ неизвѣстными, рѣшеніе которой, чрезъ исключеніе $m-1$ неизвѣстныхъ, снова приведется къ рѣшенію одного уравненія съ n неизвѣстными. Изъ этого послѣдняго уравненія, подобно предыдущему, получимъ новую систему $m-1$ уравненій съ $m+n-2$ неизвѣстными и т. д.

Поступая такимъ образомъ, приведемъ рѣшеніе данной системы уравненій къ рѣшенію одного уравненія съ n неизвѣстными, которыя уже не будутъ связаны никакимъ другимъ условнымъ уравненіемъ и выразятся полиномами 1-й степени отъ $n-1$ произвольныхъ величинъ. Путемъ подстановленія чрезъ тѣ-же произвольныя величины выразимъ и неизвѣстныя $x, y, z, \dots, t, v, \dots, w$.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что *рѣшеніе въ цѣлыхъ числахъ системы $m+1$ уравненій съ $m+n$ неизвѣстными выражается цѣлыми полиномами 1-й степени отъ $n-1$ неопредѣленныхъ величинъ.*

11. Для поясненія этого метода рѣшимъ два уравненія съ четырьмя неизвѣстными:

$$\begin{aligned} 3x - 2y + 4z + 2t &= 19, \\ 5x + 6y - 2z + 3t &= 23 \end{aligned} \tag{1}$$

Исключивъ изъ этихъ уравненій z , получимъ одно уравненіе съ тремя неизвѣстными:

$$13x + 10y + 8t = 65. \quad (2)$$

Выписавъ рядъ коэффициентовъ этого уравненія и составивъ смежные ряды, получимъ:

$$13, 10, 8,$$

$$1, 2, 0,$$

$$1, 0, 0.$$

Преобразовывая за тѣмъ опредѣлитель

$$\begin{vmatrix} 1, & 0, & 0 \\ 0, & 1, & 0 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = 1,$$

найдемъ рядъ смежныхъ опредѣлителей

$$\begin{vmatrix} 1, & 0, & 0 \\ 0, & 1, & 0 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 1, & 2, & 0 \\ 0, & 1, & 0 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 5, & 2, & 8 \\ 2, & 1, & 4 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 13, & 10, & 8 \\ 6, & 5, & 4 \\ 1, & 1, & 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 13, & 10, & 8 \\ 2, & 1, & 0 \\ 1, & 1, & 0 \end{vmatrix} = 1.$$

Рѣшеніе уравненія (2) приводится, слѣдовательно, къ рѣшенію уравненій

$$13x + 10y + 8t = 65,$$

$$2x + y = u_1,$$

$$x + y + t = u_2,$$

изъ которыхъ находимъ

$$x = 65 - 2u_1 - 8u_2,$$

$$y = -130 + 5u_1 + 16u_2,$$

$$t = 65 - 3u_1 - 7u_2.$$

Для опредѣленія z подставляемъ эти выраженія въ 1-е изъ данныхъ

уравнений (1); получаемъ условное уравненіе, которому должны удовлетворять неопредѣленныя величины u_1 и u_2 :

$$2z - 11u_1 - 35u_2 = -283. \quad (3)$$

Взявъ рядъ коэффициентовъ этого уравненія и составивъ смежныя ряды, будемъ имѣть:

$$2, -11, -35.$$

$$2, \quad 1, \quad 1,$$

$$0, \quad 0, \quad 1.$$

Рядъ смежныхъ опредѣлителей будетъ:

$$\begin{vmatrix} 1, & 0, & 0 \\ 0, & 1, & 0 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 1, & 1, & 2 \\ 0, & 1, & 0 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} -11, & -35, & 2 \\ 0, & 1, & 0 \\ -6, & -18, & 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 2, & -11, & -35 \\ 0, & 0, & 1 \\ 1, & -6, & -18 \end{vmatrix} =$$

$$= \begin{vmatrix} 2, & -11, & -35 \\ 0, & 0, & 1 \\ 1, & -6, & 0 \end{vmatrix} = 1.$$

Такимъ образомъ рѣшеніе уравненія (3) приводится къ рѣшенію уравненій

$$2z - 11u_1 - 35u_2 = -283,$$

$$z - 6u_1 = u'_1,$$

$$z - 6u_1 = u'_2,$$

изъ которыхъ находимъ

$$z = -1698 + 210u'_1 - 11u'_2,$$

$$u_1 = -283 + 35u'_1 - 2u'_2,$$

$$u_2 = \quad \quad \quad u'_1 \quad \quad \quad ,$$

гдѣ u'_1 и u'_2 произвольныя цѣлыя числа.

Подставивъ значенія u_1 и u_2 въ найденныя выше выраженія для x , y , t , получимъ рѣшеніе данныхъ уравненій (1) въ видѣ слѣдующихъ полиномовъ 1-й степени:

$$\begin{aligned} x &= 631 - 78u'_1 + 4u'_2, \\ y &= -1545 + 191u'_1 + 10u'_2, \\ z &= -1698 + 210u'_1 + 11u'_2, \\ t &= 914 - 112u'_1 + 6u'_2, \end{aligned}$$

гдѣ u'_1 и u'_2 могутъ имѣть произвольныя цѣлыя числовыя значенія.

12. Система (1) неопредѣленныхъ уравненій можетъ быть рѣшена другимъ способомъ, именно: выбравъ одно изъ уравненій системы, рѣшимъ его независимо отъ другихъ уравненій; неизвѣстныя x , y , $z, \dots, t$, $x, \dots, w$, которыхъ $m + n$, выразятся полиномами 1-й степени отъ $m + n - 1$ произвольныхъ величинъ $U_1, U_2, U_3, \dots, U_{m+n-1}$. Вставивъ эти полиномы вмѣсто $x, y, z, \dots, t, v, \dots, w$ въ остальные m уравненій, получимъ m уравненій съ $m + n - 1$ неизвѣстными $U_1, U_2, \dots, U_{m+n-1}$. Такимъ образомъ, какъ число уравненій, такъ и число неизвѣстныхъ понизилось на единицу. Повторивъ сказанное m разъ, получимъ одно уравненіе съ n неизвѣстными, рѣшивъ которое, выразимъ эти неизвѣстныя чрезъ $n - 1$ произвольныхъ величинъ. Путемъ послѣдовательной подстановки чрезъ тѣ-же величины выразятся и неизвѣстныя $x, y, z, \dots, t, v, \dots, w$ данной системы.

13. Рѣшимъ этимъ способомъ уравненія предыдущаго примѣра:

$$\begin{aligned} 3x - 2y + 4z + 2t &= 19, \\ 5x + 6y - 2z + 3t &= 23. \end{aligned} \tag{1}$$

Беремъ первое уравненіе и составимъ рядъ его коэффициентовъ и смежныя ряды, получимъ

$$\begin{aligned} 3, & -2, 4, 2, \\ 1, & 0, 0, 2, \\ 1, & 0, 0, 0. \end{aligned}$$

Рядъ смежныхъ опредѣлителей будетъ таковъ:

$$\begin{vmatrix} 1, 0, 0, 0 \\ 0, 1, 0, 0 \\ 0, 0, 1, 0 \\ 0, 0, 0, 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 1, 0, 0, 2 \\ 0, 1, 0, 0 \\ 0, 0, 1, 0 \\ 0, 0, 0, 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 3, -2, 4, 2 \\ 0, 1, 0, 0 \\ 0, 0, 1, 0 \\ 1, -1, 2, 1 \end{vmatrix} = 1.$$

Рѣшеніе перваго изъ данныхъ уравненій (1) приводится, слѣдовательно, къ рѣшенію управленій:

$$\begin{aligned} 2x - 2y + 4z + 2t &= 19, \\ " \quad y \quad " \quad " &= u_1, \\ " \quad " \quad z \quad " &= u_2, \\ x - y + 2z + t &= u_3, \end{aligned}$$

рѣшивъ которыя, получимъ:

$$\begin{aligned} x &= 19 \quad " \quad " - 2u_3 \\ y &= " \quad u_1 \quad " \quad " \\ z &= " \quad " \quad u_2 \quad " \\ t &= -19 + u_1 - 2u_2 + 3u_3. \end{aligned} \tag{2}$$

Подставивъ эти выраженія вмѣсто x, y, z, t во второе изъ данныхъ уравненій, получимъ:

$$9u_1 - 8u_2 - u_3 = -15. \tag{3}$$

Рядъ коэффициентовъ этого уравненія и смежные съ нимъ ряды суть

$$\begin{aligned} 9, -8, -1 \\ 0, 0, 1 \end{aligned}$$

Рядъ смежныхъ опредѣлителей будетъ

$$\begin{vmatrix} 1, & 0, & 0 \\ 0, & 1, & 0 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 1, & -8, & 9 \\ 0, & 1, & 0 \\ 0, & 0, & 1 \end{vmatrix} = \begin{vmatrix} 9, & -8, & -1 \\ 0, & -1, & 0 \\ 1, & 0, & 0 \end{vmatrix} = 1.$$

Уравненіе (3) приводится къ системѣ уравненій:

$$9u_1 - 8u_2 - u_3 = -15,$$

$$u_1 - u_2 = u'_1,$$

$$u_1 = u_3 = u'_2.$$

изъ которыхъ получимъ

$$u_1 = u_3 = u'_2,$$

$$u_2 = u_1 - u'_1,$$

$$u_3 = 15 + 8u'_1 + 9u'_2.$$

Подставивъ эти выраженія вмѣсто u_1, u_2, u_3 въ равенства (2), получимъ рѣшеніе данныхъ уравненій въ слѣдующемъ видѣ:

$$\begin{aligned} x &= -11 - 16u'_1 - 18u'_2, \\ y &= u_3 - u'_1 = u'_2 - u'_1, \\ z &= u_1 - u'_1 = u'_2 - u'_1, \\ t &= 26 + 26u'_1 + 28u'_2. \end{aligned} \tag{4}$$

Изъ этихъ выраженій видно, что y и z могутъ имѣть произвольныя цѣлыя числовыя значенія; x и t опредѣляются чрезъ нихъ равенствами:

$$x = -11 + 16z - 18y,$$

$$t = 26 - 26z + 28y.$$

14. Въ заключеніе замѣтимъ, что система неопредѣленныхъ уравненій (1) можетъ быть рѣшена съ помощію одного изъ частныхъ рѣшеній той-же системы, въ предположеніи, что извѣстные члены уравненій равны нулю. Дѣйствительно, пусть нѣкоторое частное рѣшеніе системы уравненій (1) выражается формулами:

$$x = X, y = Y, z = Z, \dots, t = T, v = V, \dots, w = W;$$

равенствами

$$x = X_0, y = Y_0, z = Z_0, \dots, t = T_0, v = V_0, \dots, w = W_0$$

обозначимъ какое-нибудь частное рѣшеніе тѣхъ-же уравненій, въ предположеніи, что извѣстные члены въ нихъ равны нулю, т. е.

$$u = u' = u'' = \dots = u^{(m)} = 0.$$

Черезъ подстановленіе легко убѣдиться, что значенія неизвѣстныхъ, выражающіяся формулами

$$x = X + \lambda X_0, y = Y + \lambda Y_0, z = Z + \lambda Z_0, \dots, w = W + \lambda W_0,$$

удовлетворяютъ уравненіямъ данной системы при произвольныхъ значеніяхъ λ . При цѣлыхъ численныхъ значеніяхъ λ послѣднія формулы выражаютъ общее рѣшеніе данной системы уравненій.

15. Напр. уравненія послѣдняго примѣра

$$3x - 2y + 4z + 2t = 19,$$

$$5x + 6y - 2z + 3t = 23$$

имѣютъ частное рѣшеніе

$$x = 3, y = 1, z = 2, t = 2;$$

уравненія

$$3x - 2y + 4z + 2t = 0;$$

$$5x + 6y - 2z + 3t = 0,$$

удовлетворяются числами

$$x = 2, y = -9, z = -10, t = 8,$$

Поэтому общее рѣшеніе данныхъ уравненій можетъ быть выражено въ такомъ видѣ:

$$x = 3 + 2\lambda, y = 1 - 9\lambda, z = 2 - 10\lambda, t = 2 + 8\lambda,$$

гдѣ λ обозначаетъ произвольное цѣлое число.

Къ протоколу 10-го засѣданія.

РОЛЬ МАШИНЫ АТВУДА ВЪ ВООБРАЖАЕМОМЪ ОПЫТНОМЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВѢ ВТОРАГО ЗАКОНА НЬЮТОНА.

Проф. Н. Шуллера.

Въ настоящей замѣткѣ я имѣю въ виду остановиться на двухъ частныхъ фактахъ въ ходѣ развитія нашихъ понятій о явленіяхъ природы и пояснить ими шаткость нѣкоторыхъ разсужденій, основанныхъ на смѣшеніи истинъ апіорныхъ съ истинами опытными.

Для нашей цѣли мы остановимся на двухъ истинахъ.

- 1) Всѣ тѣла падаютъ одинаково (1-й законъ Галилея).
- 2) Сила измѣряется произведеніемъ изъ массы и ускоренія тѣла, на которое она дѣйствуетъ (2-й законъ Ньютона).

Первая истина есть результатъ опыта и безъ помощи этого послѣд-наго установлена быть не можетъ.

Вторая истина есть наше условіе о томъ, какую силу намъ считать больше другой и во сколько разъ. Будучи нашимъ условіемъ, второй законъ Ньютона никакими опытами доказанъ быть не можетъ. Попытки опытнаго доказательства этого закона были-бы однозначущи съ желаніемъ доказать опытомъ, что въ кругѣ всѣ радіусы равны или что треугольникъ имѣетъ три стороны. Только тогда второй законъ Ньютона не былъ-бы опредѣленіемъ, когда мы имѣли-бы другіе признаки существованія силы помимо производимыхъ ею дѣйствій, т. е. сообщенія ускореній массамъ; но тогда мы и силою называли-бы не то, что дается опредѣленіемъ, заключающимся въ первомъ законѣ Ньютона.

Однако исторія науки указываетъ намъ на существованіе совершенно обратныхъ представленій относительно обѣихъ вышеприведенныхъ истинъ: законъ Галилея старались вывести изъ апіорныхъ опредѣленій, а второй законъ Ньютона—оправдать и доказать опытомъ.

Замѣчательно, что самъ Галилей, выведшій изъ своихъ опытовъ первый законъ паденія тѣлъ, въ то же время старался дать этому закону апіорное доказательство. Упомянутое доказательство основано на томъ, что предположеніе Аристотеля о большей скорости паденія болѣе тяжелыхъ тѣлъ ведетъ будто-бы къ противорѣчію самому себѣ. Если тѣло M , будучи тяжелѣе тѣла m , падаетъ скорѣе этого послѣдняго, то оба тѣла M и m , связанные другъ съ другомъ и представляющія новое тѣло $M+m$, еще болѣе тяжелое, *должны-бы были*, по Аристотелю, *падать еще скорѣе*, между тѣмъ, съ другой стороны, тѣло $M+m$ *должно падать медленнѣе*, чѣмъ M и скорѣе чѣмъ m , ибо тѣла, обладающія разными скоростями, будучи связаны вмѣстѣ, должны двигаться съ нѣкоторою среднею скоростью, при чемъ тѣло, обладавшее прежде большею скоростью, ускоритъ движеніе тѣла, обладавшаго меньшею скоростью, а это послѣднее замедлитъ движеніе перваго. Такимъ образомъ, говоритъ Галилей, предположеніе, что болѣе тяжелая движется скорѣе, чѣмъ меньшая, приводитъ къ слѣдствію, что болѣе-же тяжелая (другой разъ) движется медленнѣе *).

Кажущійся апіорный характеръ вышеприведеннаго разсужденія вытекаетъ изъ предположенія очевидности того, что двѣ отдѣльныя массы, получающія отъ дѣйствія земли различныя ускоренія, должны замедлять и соответственно ускорять одна другую, когда онѣ будутъ связаны вмѣстѣ. Заключение о такого рода замедленіи и ускореніи было-бы очевидно, если было-бы доказано, что дѣйствіе тяжести на данную массу остается безъ измѣненія, когда эта послѣдняя связана съ другою. Какъ на примѣръ возможности подобнаго измѣненія можно указать на случай двухъ нѣкоторыхъ кусковъ мягкаго желѣза A и B , находящихся подъ дѣйствіемъ нѣкотораго магнита M : этотъ послѣдній вообще обнаруживаетъ различныя дѣйствія на A и B , взятые порознь или вмѣстѣ, ибо въ послѣднемъ случаѣ A и B намагничиваютъ другъ друга дополнительнымъ образомъ и измѣняютъ свои отношенія къ магниту M .

Но требуемое доказательство того, что тяжесть дѣйствуетъ на каждую часть массы независимо отъ остальныхъ частей этой послѣдней, и

*) Это доказательство помѣщено въ книгѣ Галилея: *Discorsi e dimostrazioni matematiche intorno a due nuove scienze attenenti alla mecanica etc.* Leida. 1638. Законъ паденія излагается въ видѣ разговора трехъ лицъ, и идеи Галилея вложены въ рещали Сальвиати.

есть ничто иное, какъ слѣдствіе опытнаго закона одинаковости паденія тѣлъ, ведущаго къ заключенію о пропорціональности вѣса массѣ, а слѣдовательно—и къ независимости дѣйствія тяжести на отдѣльныя части тѣла. Такимъ образомъ въ разсужденіи Галилея предполагается уже доказаннымъ тотъ самый законъ паденія, который изъ разсужденій долженъ быть выведенъ.

Можно было-бы замѣтить, что заключеніе о дѣйствіи тяжести на каждую часть массы, независимо отъ прочихъ ея частей, однозначно съ заключеніемъ о независимости вѣса тѣла отъ его формы, и что такое заключеніе могло-бы быть выведено изъ опытовъ со взвѣшиваніемъ. Въ такомъ случаѣ законъ одинаковости паденія могъ-бы быть выведенъ безъ непосредственнаго опыта. Но и подобное разсужденіе было-бы не вполне строго, ибо непосредственный опытъ съ паденіемъ тѣлъ доказывалъ-бы тогда, что независимость вѣса отъ формы тѣлъ, существующая въ равновѣсіи, сохраняется при всякой ихъ скорости. Примѣръ возможности обратнаго явленія представляетъ намъ дѣйствіе нѣкотораго тока I на два другіе токи i и i' : въ положеніяхъ равновѣсія (т. е. безъ измѣненія взаимнаго расположенія) дѣйствіе I на i не зависитъ отъ присутствія i' ; но во время движенія возникаютъ индуктивные токи, при которыхъ упомянутая независимость уже не имѣетъ мѣста.

Что касается теперь до втораго закона Ньютона, то мы находимъ во многихъ, весьма солидныхъ въ другихъ отношеніяхъ, курсахъ физики такое положеніе, что упомянутые законы могутъ быть провѣрены съ помощью машины Атвуда *). Такъ какъ второй законъ Ньютона (подобно первому и третьему) представляетъ собою произвольно поставленное опредѣленіе, то при всякой опытной провѣркѣ доказываться будетъ не этотъ законъ, а тѣ условія, существованіе которыхъ при опытѣ принято за доказанное прежде или за очевидное. Подобно тому, если бы мы пожелали провѣрить непосредственнымъ измѣреніемъ, напримѣръ, свойства сѣкущихъ круга, то провѣрили-бы только правильность сдѣланнаго чертежа круга и сѣкущихъ а не правильность самой теоремы.

Провѣрка машиною Атвуда законовъ дѣйствія силы обыкновенно предлагается въ слѣдующемъ видѣ:

1) Наблюденіемъ равномерно ускореннаго движенія, обусловливаемаго прибавочнымъ грузомъ, будто-бы должно подтверждаться то, что одна и та же сила, дѣйствуя непрерывно, производитъ одно и то же ускореніе. Существованіе неизмѣнной силы предполагается при этомъ несомнѣннымъ. Между тѣмъ упомянутымъ опытомъ именно это послѣднее

*) Напримѣръ, подобное разсужденіе приводится въ извѣстномъ курсѣ физики Pellat.

и доказывается, т. е. то, что вѣсъ тѣла при паденіи, въ предѣлахъ опыта, не измѣняется, чего заранѣе предсказать было-бы нельзя. Если-бы раньше было установлено, съ помощью вѣсовъ, что, при незначительной разности высотъ надъ землею, вѣсъ тѣла не мѣняется, то опытъ съ Атвудовой машиной показалъ-бы, что вѣсъ не зависитъ отъ скорости, какъ это случается со взаимодействіемъ двухъ движущихся токовъ или тока и магнита. Или наконецъ тотъ-же опытъ свидѣтельствовалъ-бы намъ о томъ, насколько въ данномъ случаѣ незамѣтна роль тренія частей машины.

2) Увеличивая массу прибавочнаго груза вдвое, втрое и т. д. такимъ образомъ, чтобы масса всѣхъ подвижныхъ частей машины оставалась неизмѣнною, мы замѣчаемъ, что скорости, приобретаемыя подвижными частями къ концу одного и того-же промежутка времени, будутъ соотвѣтственно вдвое, втрое и т. д. болѣе. Такого рода опытъ разсматривается какъ провѣрка того закона, что силы, считаемыя нами вдвое, втрое и т. д. большими, должны одной и той-же массѣ въ одинъ и тотъ-же промежутокъ времени сообщать во столько-же разъ большія скорости. При этомъ допускается очевидность предположенія, что прибавочный грузъ, имѣющій въ n разъ большую массу, будетъ во столько-же разъ тяжелѣе, что однако слѣдуетъ только изъ опытнаго факта одинаковости паденія тѣлъ. Такимъ образомъ, желая провѣрить упомянутымъ способомъ законъ Ньютона, мы собственно провѣряемъ законъ Галилея.

3) Увеличивая массу подвижныхъ частей машины и оставляя прибавочный грузъ однимъ и тѣмъ-же, мы наблюдаемъ къ концу одного и того-же промежутка времени приращенія скоростей, обратно пропорціональныя движущимся массамъ. Этимъ опытомъ предполагается провѣрить то положеніе, что одна и та же сила разнымъ массамъ къ концу одного и того-же промежутка времени сообщаетъ тѣмъ меньшія скорости, чѣмъ больше массы. Въ дѣйствительности-же здѣсь провѣряется тотъ фактъ, что при условіяхъ опыта мы имѣемъ право сдѣлать предположеніе о дѣйствіи одной и той-же силы; другими словами, доказывается только, что, при измѣняющихся обстоятельствахъ, вѣсъ прибавочнаго груза остается неизмѣннымъ и что на него не имѣетъ вліянія ни скорость его движенія, ни его скрѣпленіе съ болѣею массою.

$$S(N)_m = N - (m + 1) (q_1 + q_2 + \dots + q_n). \quad (2')$$

Переписавъ тождество (1) въ видѣ $\frac{N}{m} = q_1 + \frac{r_1}{m}$

$$\frac{q_1}{m} = q_2 + \frac{r_2}{m} \quad (1'),$$

$$\frac{q_{n-1}}{m} = q_n + \frac{r_n}{m}$$

выводимъ отсюда $\frac{N}{m^n} = q_n + \frac{r_1 + r_2 m + \dots + r_n m^{n-1}}{m^n}$.

Но такъ какъ каждый изъ остатковъ $r_1, r_2, \dots, r_n$ менѣе основанія системы нумераціи m , то

$$r_1 + r_2 m + \dots + r_n m^{n-1} \leq m^n - 1, \text{ а потому}$$

$$\frac{N}{m^n} - q_n < 1 \text{ и}$$

$$\frac{N}{m^n} - q_n \geq 0.$$

Отсюда ясно, что $q_n = E \frac{N}{m^n}$ (3), гдѣ значкомъ E условимся изображать наибольшее цѣлое, заключающееся въ дроби $\frac{N}{m^n}$. Слѣдовательно, тождество (2') въ силу (3) напишемъ въ видѣ

$$S(N)_m = N - (m - 1) \left(E \frac{N}{m} + E \frac{N}{m^2} + \dots + E \frac{N}{m^n} \right),$$

отсюда и придемъ непосредственно къ тождеству (A).

Замѣтимъ, что суммирование придется произвести отъ значенія $n = 1$ до $n = i$, гдѣ i опредѣляется природою числа N и величиною выбранной системы счисления.

Числовое тождество (А) въ предположеніи $n = 1$ даетъ тождество

$$S(N)_m = N - (m - 1) E \frac{N}{m} \tag{B}$$

выведенное академикомъ В. Я. Бунаковскимъ (см. приложение къ LV-му тому записокъ Императорской Академіи Наукъ).

На практикѣ оказывается, что вычисленіе $S(N)_m$ по формулѣ (B) ведетъ къ неправильному результату; она справедлива только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, а именно когда $E \frac{N}{m} < m$.

Поэтому при вычисленіяхъ въ области чиселъ, когда природа заданныхъ значеній N и m не допускаетъ существованія неравенства $E \frac{N}{m} < m$,

формула (B) даетъ неправильныя значенія $S(N)_m$, тогда какъ болѣе общая (A) прямо приводитъ къ желаемому результату. Это обстоятельство и послужило главною причиною обобщенія формулы (B).

Напр. по (B) ... $S(100)_3 = 100 - 2.33 = 34$, тогда какъ простымъ вычисленіемъ легко убѣдиться что $S(100)_3 = 4$; по формулѣ (A) $S(100)_3 = 100 - 2(33 + 11 + 3 + 1) = 4$.

Изъ (A) выходитъ, что $N \equiv S(N)_m \pmod{(m-1)}$. Многіе вопросы теоріи чиселъ рѣшаются при помощи формулы (A); причемъ значенія N и m будутъ зависѣть отъ условій рѣшаемаго вопроса. Если же въ формулѣ (A) положимъ $m = 10$, то сумма цифръ всякаго числа при десятичной системѣ счисленія выразится такъ

$$S(N)_{10} = N - 9 \sum_{n=1}^{n=i} \frac{N}{10^n} \tag{A'}$$

гдѣ уже i вполне опредѣлено: оно на единицу меньше числа цифръ N . Формула (A') даетъ возможность провѣрить четыре ариметическія дѣйствія. Для этого достаточно убѣдиться въ слѣдующемъ.

1) Если мы къ какому нибудь числу примѣнимъ формулу (A'), то, вообще говоря, для $S(N)_{10}$ мы найдемъ число не однозначное. Если снова къ найденному результату, т. е. къ $S(N)_{10}$ примѣнимъ формулу (A') и опять къ полученному результату, т. е. $S[S(N)_{10}]_{10}$ примѣнимъ ту же формулу, то окончательно получимъ всегда однозначное число.

2) Если ту-же формулу примѣнимъ нѣсколько разъ къ числу вида 9α ; то въ окончательномъ результатѣ получимъ 9.

3) Если ту-же формулу примѣнимъ нѣсколько разъ къ числу вида $a + 9\alpha$, гдѣ a однозначное, то окончательно получимъ a .

Поэтому, означая $S_k(N)$ результатъ, полученный отъ примѣненія указаннмъ способомъ формулы (A'), заключаемъ, что

$$S_k(9\alpha) = 9$$

$$S_p(a + 9\alpha) = a$$

$$S_{r_1}(a_1 + 9\alpha_1) \cdot S_{r_2}(a_2 + 9\alpha_2) \dots S_{r_n}(a_n + 9\alpha_n) = S_t(a_1 a_2 \dots a_n) \text{ и вообще}$$

$$S_t(a_1 + 9\alpha_1)^n = 9.$$

Теперь же вполне ясно, что для повѣрки четырехъ дѣйствій надо всякій разъ примѣнять указаннмъ способомъ формулу (A') къ каждому изъ элементовъ дѣйствія. Кромѣ того на практикѣ окажется, что вычисленіе идетъ быстро, на кратность 9 можно не обращать вниманія при счетѣ (по этой причинѣ этотъ способъ повѣрки сходенъ съ повѣркою черезъ цифру 9), формулу (A') вѣтъ надобности всякій разъ примѣнять, а прямо складывать цифры и т. д.

Поэтому для повѣрки сложенія необходимо найти тѣ однозначныя числа, которыя соотвѣтствуютъ каждому слагаемому, и то однозначное число, которое соотвѣтствуетъ суммѣ. Если сложеніе сдѣлано вѣрно, то сумма однозначныхъ, соотвѣтствующихъ всѣмъ слагаемымъ, тоже доведенная до однозначнаго, должна равняться однозначному, соотвѣтствующему суммѣ всѣхъ слагаемыхъ.

При вычитаніи однозначное число, соотвѣтствующее уменьшаемому, должно равняться суммѣ однозначныхъ, соотвѣтствующихъ вычитаемому и разности, тоже доведенной до однозначнаго.

При умноженіи—однозначное число, соотвѣтствующее произведенію, должно равняться произведенію однозначныхъ, соотвѣтствующихъ множителю и множителю, тоже доведенному до однозначнаго.

При дѣленіи надо найти однозначныя числа, соотвѣтствующія дѣлителю, частному и остатку, если онъ есть. Первыя два однозначныя числа перемножить и довести результатъ до однозначнаго; затѣмъ сюда прибавить однозначное остатка и сумму снова довести до однозначнаго.

Если окажется дѣленіе вѣрно, то это послѣднее однозначное должно быть таково, какъ и однозначное, соотвѣтствующее дѣлимому.

Эти простые правила проверки, не дающія возможности достоверно утверждать, какъ вообще и другіе способы проверки дѣйствій, что данное дѣйствіе сдѣлано безъ ошибки, выводятся двумя способами: или при помощи формулы (А'), или простымъ разсужденіемъ. Если не ошибаемся, эти способы проверки четырехъ дѣйствій извѣстны были въ концѣ средних вѣковъ.

Къ протоколу 15-го засѣданія.

О ЧИСЛАХЪ ПОДОБНЫХЪ СОВЕРШЕННЫМЪ

Н. А. Сорокина.

Изслѣдованіе и рѣшеніе уравненія $\lambda \cdot N = \sum_N (\delta)$, гдѣ N и λ числа цѣлыя, а знакъ Σ распространяется на всѣхъ дѣлителей числа N , приводитъ насъ при $\lambda = 2$ къ знакомству съ совершенными числами. Всѣ эти числа четныя и общая форма ихъ $2^{m-1} (2^m - 1)$, гдѣ $2^m - 1$ число простое.

Изслѣдованіе и рѣшеніе уравненія $\lambda \cdot N = \sum_N (\sigma)$, гдѣ N и λ числа цѣлыя, а знакъ Σ распространяется на всѣ числа сложныя съ даннымъ, приведетъ насъ къ знакомству съ числами „подобными“ совершеннымъ. Эти числа, какъ окажется, обладаютъ тѣмъ общимъ свойствомъ, что каждое изъ нихъ составляетъ $\frac{1}{\lambda}$ часть суммы чиселъ сложныхъ съ даннымъ числомъ, считая само число между сложными. Кромѣ того всѣ эти числа нечетныя и общая форма ихъ $m (2_{n+1})$, гдѣ m и n всегда имѣютъ одну опредѣленную форму для каждого класса этихъ чиселъ.

Приступая къ опредѣленію λ изъ уравненія (1) $\lambda \cdot N = \sum_N (\sigma)$, замѣтимъ, что $\sum_N (\sigma) = \frac{N(N+1) - \varphi(N^2)}{2}$, а потому уравненіе (1) преобразуемъ въ уравненіе (1') $\varphi(N) = N + 1 - 2\lambda$, а это послѣднее даетъ намъ возможность опредѣлить λ для каждого класса, къ каждому бы ни принадлежало число N . Классификацію чиселъ примемъ такую: 1) N число простое 2) N — степень простаго числа 3) N — произведеніе простыхъ множителей 4) N — произведеніе различныхъ степеней простыхъ множителей.

Первый случай. $N = a$, гдѣ a простое число. Уравненіе (1') преобразуемъ въ такое: $a - 1 = a + 1 - 2\lambda$, откуда $\lambda = 1$, что вполне понятно и можно было предвидѣть.

Второй случай. $N = a^m$, гдѣ a простое число болѣе 2, а m какое угодно цѣлое число.

Уравненіе (1.) даетъ $\lambda = \frac{a^{m-1} + 1}{2}$. Значеніе λ цѣлое, ибо $a > 2$.

Третій случай. Здѣсь необходимо разсчитать число простыхъ множителей N : оно можетъ быть четное или нечетное; а потому опредѣлить λ въ двухъ предположеніяхъ а) $N = a_1 \cdot a_2 \cdot a_3 \dots a_{2n}$

$$b) N = a_1 \cdot a_2 \cdot a_3 \dots a_{2n+1}.$$

а) Если $N = a_1 \cdot a_2 \cdot a_3 \dots a_{2n}$, то уравненіе (1') даетъ для λ такую величину

$$\lambda = \frac{1}{2} \left\{ \sum_{\alpha=2}^{\alpha=n} (S_{2\alpha-1} - S_{2\alpha-2}) + S_1 \right\}, \text{ гдѣ знакъ } \Sigma$$

распространяется на всѣ значенія α отъ $\alpha = 2$ до $\alpha = n$, т. е. половинѣ числа простыхъ множителей N ; а значками $S_{2\alpha-1}$, $S_{2\alpha-2}$ изображается сумма всевозможныхъ сочетаній изъ 2α элементовъ простыхъ множителей по $2\alpha-1$ и по $2\alpha-2$, причемъ α принимаетъ указанныя выше значенія; а $S_1 = a_1 + a_2 + \dots + a_{2n}$.

б) Если $N = a_1 \cdot a_2 \cdot a_3 \dots a_{2n+1}$, то уравненіе (1') даетъ

$$\lambda = \frac{1}{2} \left\{ \sum_{\alpha=1}^{\alpha=n} (S_{2\alpha} - S_{2\alpha-1}) + 2 \right\}, \text{ гдѣ знакъ } \Sigma$$

распространяется на всѣ значенія α отъ $\alpha = 1$ до $\alpha = n$, а значками $S_{2\alpha}$ и $S_{2\alpha-1}$ изображается сумма всевозможныхъ сочетаній изъ $(2\alpha + 1)$ элементовъ простыхъ множителей по 2α и по $2\alpha-1$, причемъ α принимаетъ указанныя выше значенія.

Замѣтимъ здѣсь, что, когда число состоитъ изъ двухъ множителей a_1 и a_2 , $\lambda = \frac{a_1 + a_2}{2}$, а это даетъ весьма простой способъ опредѣлять сумму всѣхъ чиселъ сложныхъ съ даннымъ; дѣйствительно, въ этомъ случаѣ $\sum_N(\sigma) = \frac{N(a_1 + a_2)}{2}$.

Разсматривая значенія λ при четномъ и нечетномъ числѣ множителей, мы убѣждаемся, что между множителями $a_1, a_2, \dots, a_{1n}, a_{2n+1}$ не должно быть 2.

Четвертый случай. Здѣсь также полагаетъ а) $N = a_1^{a_1} a_2^{a_2} \dots a_{2n}^{a_{2n}}$ и б) $N = a_1^{a_1} a_2^{a_2} \dots a_{2n+1}^{a_{2n+1}}$ и для λ находимъ изъ (1') соответственно два цѣлыя значенія

$$\lambda = \frac{a_1^{a_1-1} a_2^{a_2-1} \dots a_{2n}^{a_{2n}-1} \left\{ \sum_{\alpha=2}^{a=2n} (S_{2\alpha-1} - S_{2\alpha-2}) + S_1 - 1 \right\} + 1}{2}$$

$$\lambda = \frac{a_1^{a_1-1} a_2^{a_2-1} \dots a_{2n+1}^{a_{2n+1}-1} \left\{ \sum_{\alpha=1}^{a=2n+1} (S_{2\alpha} - S_{2\alpha-1}) + 1 \right\} + 1}{2},$$

гдѣ значками $S_{2\alpha}, S_{2\alpha-1}, S_{2\alpha-2}$ и S_1 изображено тоже, что и въ предыдущемъ случаѣ. Не трудно убѣдиться, что значенія λ этого случая самыя общія и изъ нихъ легко получить всѣ ранѣе выведенныя, сдѣлавши тѣ или другія предположенія въ зависимости отъ формы числа N . Изъ значенія λ легко опредѣлить общую форму чиселъ. Полученныя значенія λ , кажушіяся на первый взглядъ крайне сложными, значительно упрощаются при вычисленіи; между тѣмъ возможность выразить λ въ общемъ видѣ даетъ право заключить, что вопросъ о нахожденіи суммы всѣхъ чиселъ сложныхъ съ даннымъ можетъ быть рѣшенъ вообще, или при помощи значеній λ , или еще другимъ способомъ. Не останавливаясь на рѣшеніи этого вопроса, имѣющаго нѣкоторое значеніе въ теоріи чиселъ, замѣтимъ только, что рѣшеніе его приведетъ насъ къ опредѣленной числовой функціи, которая будетъ находиться въ извѣстной зависимости отъ другихъ числовыхъ функцій; если же мы найдемъ асимптотическое выраженіе этой функціи—то этимъ и оправдаемъ право ея гражданства въ области чиселъ.

Считаемъ не бесполезнымъ написать рядъ чиселъ съ вычисленными для каждаго значеніями λ .

Числа : $61^2, 73^2, 157^2, 11^3, 69, 87, 105, 285, 357, 399, 483, 561, 609, 759, 1155$

λ : 31, 37, 79, 61, 13, 16, 29, 71, 83, 92, 110, 121, 137, 160, 338

и т. д.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРУДЫ И. В. Э. ОБЩЕСТВА,

журналъ сельскохозяйственный и экономическій.

Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества въ 1891 г. какъ и въ прошломъ, будутъ издаваться подъ редакцію Секретаря Общества, заслуженнаго профессора А. Бекетова, выходя 6 разъ въ годъ.

Въ составъ ихъ войдутъ **исключительно** свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Общества и **доклады**, читанные въ средѣ его собраній.

Въ „Трудахъ“ будутъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Журналы (протоколы) общихъ собраній, со включеніемъ отчета Секретаря.

II. Сельское Хозяйство. Журналы засѣданій I Отдѣленія Общества и доклады, касающіеся предмета занятій этого Отдѣленія.

III. Техническія сельскохозяйственныя производства. Журналы засѣданій II-го Отдѣленія и доклады по части техническихъ сельскохозяйственныхъ производствъ.

IV. Сельскохозяйственная статистика и политическая экономія. Журналы засѣданій III-го Отдѣленія и доклады по статистикѣ и политической экономіи.

Обзоры сельскохозяйственной литературы дѣятельности сельскохозяйственныхъ Обществъ и вообще сельскохозяйственной жизни страны будутъ служить предметомъ докладовъ въ средѣ Общества и, смотря по содержанію, будутъ помѣщаться въ томъ или другомъ изъ названныхъ отдѣловъ.

Кромѣ того въ Трудахъ помѣщаются свѣдѣнія о дѣятельности Комитета Грамотности, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ, и доклады сдѣланные въ средѣ Комитета.

V. Корреспонденція Общества. Вопросы и отвѣты лицамъ, обращающимся въ Общество.

Подписная цѣна 3 руб. въ годъ, съ пересылкою и доставкою; полугодовой подписки и на отдѣльныя книжки не принимается.

Подписчики „Трудовъ“, желающіе получать „Пчеловодный Листокъ“, доплачиваютъ 1 р. 50 коп. (вмѣсто 2 руб.), платимыхъ отдѣльными подписчиками „Пчеловоднаго Листка.“

Подписку слѣдуетъ адресовать: С.-Петербургъ, 4 рота Измайловскаго полка д. № 1/13 (Общества). Въ редакцію „Трудовъ“.

КНИГИ,

изданныя

Императорскій Вольный Экономическій Обществъ.

	РУБ.	КОП.
Анучинъ. Раскрашенная таблица по пчеловодству.	—	40
Берлепшъ. Пчела и ея воспитаніе	3	—
Бутлеровъ, А. М. Какъ водить пчелъ	—	10
Его же. Правильное пчеловодство	—	5
Докучаевъ. Русскій черноземъ	2	—
Иверсенъ. Какъ добываютъ шелкъ. 2 изданіе	—	35
Его же. Раскрашенная таблица по шелководству	—	50
Королевъ, Ф. Н. Льноводство. Руководство къ льновоздѣлыванію	1	—
Льняная промышленность въ Россіи	1	—
Маркевичъ. Чтеніе о скотоводствѣ	—	40
Прививаніе сибирской язвы по способу Пастера	—	50
Менделѣевъ и Шмидтъ. Отчетъ объ опытахъ для опредѣленія вліянія удобреній на урожай овса и ржи	—	80
Отчеты о дѣйствіяхъ въ 1886 г. испытательной станціи въ Богодуховѣ	—	30
Подоба тонины мериносской шерсти	—	75
Протоколы собраній льноводствъ 1887 г.	—	75
Тоже 1880 года	—	75
Сборникъ матеріаловъ о сельской общинѣ	2	—
Христъ. Табаководство	—	5

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

III

	РУБ. КОП.
Ходневъ. Исторія И. В. Э. Общества	2 —
Физико-химическія изслѣдованія почвы и подпочвы чернозем- ной полосы Европейской Россіи. Вып. I.	— 50
Тоже, вып. II.	— 50
Чертопятова. Руководство къ сушиѣ хлѣба	2 —
„Труды“ И. В. Общества за 1863, 1864, 1869, 1871, 1877, 1879, 1881, 1887, за годъ по	2 —
„Труды“ Комиссіи о виѣшней хлѣбной торговлѣ	1 50
Указатель къ „Трудамъ“ И. В. Э. Общества Теодоровича, съ 1865 по 1875 г.	— 75
Конструкторскіе чертежи:	
1) Ручной льномялки Кутэ (псковской)	— 50
2) Голландской вѣтряной мельницы, 6 чертежей	1 —
3) Окучника для картофеля и Гогенгеймскаго плуга	— 20
4) Гогенгеймскаго плуга и бороны Валькура	— 20
5) Одновонной молотилки Хэнта и Тауэля	— 60

Цѣны показаны съ пересылкою.

Выписывающіе не менѣе 5-ти экземпляровъ одного и того же со-
чиненія пользуются уступкою 25%.

Книгопродавцы, покупающіе на сумму не менѣе 50 руб. въ одинъ
разъ, пользуются уступкою 35%; на меньшія суммы—25%. Обмѣвъ
разъ приобрѣтенныхъ изданій на другія не допускается. 2—2

ОБЩЕСТВО РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ

въ память Н. И. Пирогова.

3-го января настоящаго года Государь Императоръ Высочайше соизволилъ разрѣшить повсемѣстно въ Россіи подписку на сооруженіе памятника Н. И. Пирогову. Такимъ образомъ осуществилась мысль, давно уже возникшая между членами Общества Русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Недавно окончившимся IV съѣздомъ Общества постановлено, что памятникъ долженъ быть сооруженъ въ Москвѣ, гдѣ Н. И. Пироговъ родился, получилъ воспитаніе и готовился занять профессорскую кафедру и для веденія всѣхъ дѣлъ по сбору пожертвованій избранъ особый комитетъ, уже открывшій въ настоящее время свою дѣятельность.

Нѣтъ сомнѣнія, что идея увѣковѣченія памяти знаменитаго хирурга и общественнаго дѣятеля встрѣтитъ сочувствіе какъ между нашими врачами, такъ и среди всего общества, которому несомнѣнно дорого имя Пирогова.

Пожертвованія на сооруженіе памятника принимаются въ Москвѣ у членовъ комитета.

- 1) Н. В. *Склифасовскій*. Штатный пер. д. № 24.
- 2) Ф. Ф. *Эрисманъ*. Дѣвичье поле. Новая Клиника.
- 3) П. И. *Дьяконовъ*. Сверская ул. д. Гиршманъ.
- 4) Е. А. *Покровскій*. Мал. Бронная д. Дѣтской больницы.
- 5) Е. А. *Осиповъ*. Штатный пер. д. № 24.

„ВѢСТНИКЪ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.“

Издание С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей,

подъ редакціей *Ф. В. Овсянникова.*

Журналъ посвященъ слѣдующимъ отраслямъ естествознанія: 1) зоологій; 2) ботаникѣ; 3) физиологій; 4) геологій, палеонтологій и минералогій; 5) микроскопической техникѣ. Содержание журнала слѣдующее:

1. Указатель русской естественно-исторической литературы за истекшей мѣсяцъ (съ переводомъ заглавій на французскій языкъ).

2. Статьи общаго содержания по естествознанію.

3. Оригинальныя сообщенія по естествознанію.

4. Статьи библиографическаго и критическаго характера, какъ по русской, такъ и по иностранной литературѣ естествознанія.

5. Отчеты о съѣздахъ, засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, научныхъ выставкахъ.

6. Извѣстія о личномъ составѣ дѣятелей и учреждений по естествознанію.

7. Последнія страницы посвящаются краткому содержанию статей, помѣщенныхъ въ данномъ номерѣ журнала, на французскомъ языкѣ.

Журналъ выходитъ не менѣе 9-ти разъ въ годъ, примѣрно каждый мѣсяцъ, исключая вакаціоннаго времени, размѣромъ отъ двухъ печатныхъ листовъ въ каждомъ номерѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1891 г.

(Второй годъ изданія).

Подписная цѣна: безъ доставки 3 р. въ годъ, съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою въ Россійской Имперіи и за границу—3 р. 50 к. въ годъ.

Для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній: 2 р. безъ доставки и 2 р. 50 к. съ доставкою и пересылкою.

При переходѣ изъ городскихъ подписчиковъ (съ доставкою) въ иногородніе или обратно взимается 40 коп.; за перемѣну адреса на адресъ той же категоріи—10 к.

Книжнымъ магазинамъ дѣляется уступка въ 15 коп. съ cadaго годоваго экземпляра.

Объявленія принимаются съ платою: за цѣльныя стр.—7 руб., за $\frac{1}{2}$ стр.—4 руб., за $\frac{1}{4}$ стр.—2 руб.

Денежная и простая корреспонденція присылаются по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Университетъ, Спб. Общество Естествоиспытателей, редакція „Вѣстника Естествознанія.“

ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНІЯ СЪ ЖУРНАЛОМЪ ОДИНЪ № ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1891 году.

Изданіе богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1891 году по прежней программѣ. Журналь, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листва для Харьковской епархіи, — и будетъ выходить ДВА РАЗА въ мѣсяцъ по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ; въ Харьковской конторѣ „Новаго времени“ на Екатеринославской улицѣ; въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул.; и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей;“ въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16, и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени.“

Въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьв. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

2—2

VII ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ХИРУРГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,“

будеть выходить и въ будущемъ 1891 году въ томъ же объ-
емѣ и по той же программѣ.

- I. Оригинальныя статьи по всѣмъ вопросамъ хирургіи.
- II. Корреспонденціи.
- III. Критика и Библиографія.
- IV. Рефераты и мелкія извѣстія.
- V. Объявленія.

Статьи просятъ адресовать на имя редактора **Николая Александровича Вельяминова** (С.-Петербургъ, Фонтанка, 131).

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Фонтанка, 131), ежедневно отъ 1 часа до 2 часовъ, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. (Гг. ивогородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи). Объявленія по соглашенію.

Цѣна съ перес. за годъ 7 р., за полгода 3 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель **Н. А. Вельяминовъ.**

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

на издаваемые при с.-петербургской духовной академіи

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
и
„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ.“

„Церковный Вѣстникъ“ (изданіе еженедѣльное) будетъ знакомить съ современною церковною жизнью и слѣдить за ея теченіемъ въ соприкосновеніи ея и съ жизнью свѣтскаго общества. Въ „Христианское Чтеніе“ (изданіе двухмѣсячное) войдутъ оригинальныя и переводныя статьи преимущественно историческаго, апологетическаго и назидательнаго содержанія, а также толкованія на книги Ветхаго Заветъа.

ЦѢНА: за оба журнала вмѣстѣ 7 р., отдѣльно за „Церк. Вѣстникъ“ — 5 р., за „Христианское Чтеніе“ — 5 руб.

АДРЕСЪ для иногородныхъ подписчиковъ: „Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христианскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ“. Подписывающіеся въ Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр. № д. 172, № кв. 12).

2—2

1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1891 г.

НА

„ВОЛЫНЬ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Съ будущаго 1891 года „ВОЛЫНЬ“ будетъ выходить по прежнему **ЕЖЕДНЕВНО**, кромѣ дней воскресныхъ и послѣпраздничныхъ, по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни, и Западнаго Края: текущія событія и статьи научнаго содержания. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ по остальной Россіи. 6) Политическое обзорѣніе иностранныхъ Государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библиографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торговыхъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 м. 5 р.—11 м. 4 р. 75 к.—10 м. 4 р. 40 к.—9 м. 4 р.—8 м.
3 р. 50 к.—7 м. 3 р.—6 м. 2 р. 60 к.—5 м. 2 р. 10 к.—4 м. 1 р.
80 к.—3 м. 1 р. 50 к.—2 м. 1 р.—1 м. 75 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Иногород. подписчики за перемѣну адреса приплачиваютъ въ
подп. 20 к. 2—3

ВРЕМЕННОИЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Выходитъ книгами не менѣе 30 печатныхъ листовъ въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія матеріала.

Первая книга вышла въ 1872 году; по настоящее же время всѣхъ книгъ выпущено 52. Цѣна каждой книги 2 руб. Можно получить въ Ярославлѣ въ канцеляріи Лицея.

Въ вышедшихъ книгахъ Временника помѣщены, кромѣ официальнаго отдѣла (журналы Совѣта, отчеты, инструкціи, правила, разборы сочиненій на медали и кандидатскихъ разсужденій), ученые статьи юридическаго, политическаго и историческаго содержанія слѣдующихъ авторовъ: Д. И. Азаревича, П. Е. Астафьева, П. Ѳ. Бесѣдкина, А. А. Борзенко, Л. С. Бѣлогриць-Котляревскаго, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Н. Н. Ворошилова, К. Д. Головшикова, И. И. Дитятина, М. В. Духовскаго, Н. Л. Дюверрица, А. Ф. Зачинскаго, А. А. Исаева, Л. Н. Казанцева, М. Н. Капустина, П. Л. Карасевича, Л. Ф. Колокольцова, В. Ф. Левитскаго, М. А. Липинскаго, А. Н. Лодыженскаго, Н. А. Миловидова, А. Е. Минервина, А. Е. Назимова, Н. К. Нелидова, А. С. Пасникова, Н. Д. Сергѣевскаго, Н. Г. Серповскаго, В. В. Сокольскаго, Н. С. Суворова, И. Г. Табашникова, Д. Г. Тальберга, И. Т. Тарасова, Е. Н. князя Трубецкаго, В. Г. Щеглова, О. О. Эйхельмана.

Въ приложеніи помѣщался каталогъ библіотеки Лицея и Юридическая Библіографія.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Выходитъ съ 1886 года и отдѣльными выпусками въ три печатныхъ листа. Цѣна 30 коп. за выпускъ.

Въ Юридической Библіографіи, коей до настоящаго времени вышло 18 выпусковъ, помѣщали свои разборы: П. Ѳ. Бесѣдкинъ, Л. С. Бѣлогриць-Котляревскій, А. А. Исаевъ, В. Ф. Левитскій, М. А. Липинскій, А. Е. Назимовъ, Н. С. Суворовъ, И. Т. Тарасовъ и В. Г. Щегловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный сельскохозяйственный журналъ

„ЗЕМЛЕДѢЛІЕ“

издаваемый Кіевскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства подъ редакцію профессора агрономіи Кіевского Университета С. М. Богданова.

Годъ четвертый.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ НАЧИНАЕТСЯ ВЪ НОЯБРѢ.

Журналъ имѣетъ задачею служить интересамъ русскаго, преимущественно же южно-русскаго сельскаго хозяйства. Преслѣдуя цѣли главнымъ образомъ практическія, „Земледѣліе“ подвергаетъ обсужденію основныя вопросы сельскаго хозяйства, касающіеся какъ техники, такъ экономики и политики его. Въ цѣломъ рядѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей въ теченіе новаго года изданія „Земледѣлія“ будутъ излагаемы съ возможною краткостью и обстоятельностью всѣ тѣ вопросы, разработка которыхъ движется въ послѣднее время или обѣщаетъ подвинуться впередъ (сообщенія о новыхъ сельскохозяйственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ Россіи и за границею, описанія новыхъ орудій и машинъ, компилятивныя статьи по сельскохозяйственной техникѣ въ новой обработкѣ и проч.). Въ отдѣлахъ сельскохозяйственной корреспонденціи, хроники, протоколовъ засѣданій сельскохозяйственныхъ обществъ, библиографическихъ извѣстій и торговыхъ сообщеній читатели „Земледѣлія“ могутъ слѣдить за всѣми текущими явленіями въ сельскохозяйственномъ мірѣ. Отдѣлъ „вопросовъ и отвѣтовъ“ предоставляетъ всѣмъ подписчикамъ возможность получать разъясненія по вопросамъ, возникающимъ у нихъ. Рассылаемыя при „Земледѣліи“ приложенія являются спеціальными руководствами по извѣстнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

„Земледѣліе“ одинаково близко принимаетъ во вниманіе интересы какъ крупнаго, такъ и мелкаго хозяйства. Поэтому на страницахъ

его появляются рядомъ со статьями по культурѣ пшеницы, свеклы, рапса и др. полевыхъ растений также сообщенія по садоводству и огородничеству, пчеловодству, шелководству и др. мелкимъ отраслямъ хозяйства.

Многія статьи „Земледѣлія“ иллюстрируются полнотипажамъ въ текстѣ. Въ наступающемъ году редакціей „Земледѣлія“ приняты мѣры къ увеличенію числа сотрудниковъ и къ возможно быстрому появленію отчетовъ о всѣхъ важнѣйшихъ новостяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Кромѣ 50 №№ журнала, въ новомъ году всѣ годовые подписчики получаютъ бесплатно въ видѣ приложений: 1) „Сельскохозяйственные машины и орудія“, проф. Перельса, со многими рисунками въ текстѣ (въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 1 р.); 2) „Альбомъ лучшихъ пшеницъ Юго-западнаго края“. По мѣрѣ возможности, будутъ разосланы и другія приложения.

Годовые подписчики „Земледѣлія“, какъ и въ прежніе годы, имѣютъ право два раза въ годъ (передъ весенними и озимыми посѣвами) бесплатно помѣщать небольшія объявленія о продажѣ продуктовъ собственнаго хозяйства.

Цѣна „Земледѣлія“ на годъ 5 р., на полгода 3 р., съ дост. и со всѣми приложениями. За пересылку приложений подписчики ничего не платятъ.

Подписка принимается въ редакціи „Земледѣлія“ (Кіевъ, Прорѣзная, 17), въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Крещатикъ, домъ П. А. Барскаго) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Пробный № „Земледѣлія“ съ начала новаго года высылается за 2 семи-копѣечныя марки.

2—3.

ВЪ.
ИЦА

ІІІ ПАГОДІІІ

Число.	Направление.	Вѣтры.				Средняя скорость.	Сумма.	Число.	Направление.	Средняя скорость.	Сумма.
		О	Н	NNE	NE						
23	751,8	752,2	751,6	751,9	751,9	19,9	—	6,4	—	—	—
26	750,5	750,8	750,5	750,6	750,6	21,0	—	—	—	—	—
27	751,9	753,9	756,1	754,0	754,0	19,3	—	—	—	—	—
28	756,7	757,0	758,2	757,3	757,3	16,7	—	—	—	—	—
29	759,1	759,6	760,1	759,6	759,6	12,8	—	—	—	—	—
30	759,4	759,2	758,8	759,1	759,1	19,7	—	—	—	—	—
31	757,7	758,6	758,9	758,4	758,4	10,0	—	—	—	—	—
Сумма	23220,3	23226,2	23232,6	23226,4	23226,4	300,4	—	—	—	—	—
Сред. Сумма	749,0	749,2	749,4	749,2	749,2	9,7	—	—	—	—	—
Мител.											
Вѣтры.											
Число.	15	4	8	7							
Направление.											
Средняя скорость.											
Сумма.	16	16	9	16							
Мител.											
Maximum.											
Средняя скорость.	2,3	2,0	2,3	2,3							
Сумма.	2,3	2,0	2,3	2,3							

О Б Ъ И З Д А Н І И

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1891 году.

ль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ итетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятію Университета и различныхъ его частей.

гласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

- . Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
- . Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
- . Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ гороннихъ слушателей.
- . Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
- . Программы, конспекты, и библиографическіе указатели для ихся.
- 3. Библиографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческой ея отдѣлъ.
- 7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и соію ученой, учебной, административной и хозяйственной части зерситета.
- 8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и дру-, учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
- 9. Годичные отчеты по Университету.
- 10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
- 11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ пеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и сама диссертаци.
- 12. Рѣчи, провозносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торженныхъ собраніяхъ.
- 13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
- 14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
- 15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распределяются на двѣ части—1) — о ф ф и ц і а л ь н у ю и протоколы, отчеты и т. п. 2) — н е о ф ф и ц і а л ь н у ю статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библиографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1891 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Шконниковъ.
